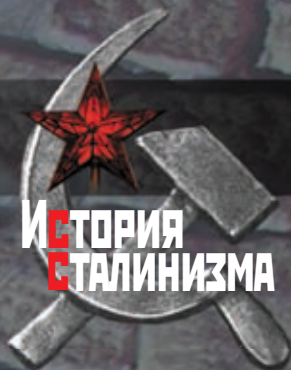

НАЗІСНИХ СМІЖД

**ГРАЖДАНЕ,
НЕ ДАВАЙТЕ ВЗЯТОК!**
ОБРАЩАЙТЕСЬ В ТРОЙКУ С ЖАЛОБАМИ НА
ВЫМОГАТЕЛЕЙ ВЗЯТКИ; ВАША ЖАЛОБА БУДЕТ
РАССМОТРЕНА НЕМЕДЛЕННО.
СУРОВАЯ КАРА ЖДЕТ ВЗЯТОЧНИКА.

ИСКУССТВО ВЗЯТКИ

**КОРРУПЦИЯ ПРИ СТАЛИНЕ
1943-1953**

ОН ПОСТИГ ОДНУ НАУКУ.
КАК ВЕРНЕЕ ВЗЯТКИ БРАТЬ
НАДО ДАТЬ ЕМУ... НЕ "В РУКУ"
"ПО РУКАМ" ПОКРЕПЧЕ ДАТЬ.

James Heinzen

The Art of the Bribe

Corruption Under Stalin, 1943–1953

**Yale University Press
New Haven and London
2017**

ДЖЕЙМС ХАЙНЦЕН

ИСКУССТВО ВЗЯТКИ

**Коррупция при Сталине
1943-1953**

РОССПЭН

Москва

2021

УДК 343.35(47+57)
ББК 66.3(2Рос)3
Х12

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*), Л. Виола (*Lynne Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*), А. А. Дроздов,
Э. Каррер Д'Анкокс (*Hélène Carrère D'Encausse*),
В. П. Лукин, С. В. Мироненко, В. Пасат (*Valeriu Pasat*),
Ю. С. Пивоваров, А. Б. Рогинский, Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*), А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),
М. А. Федотов, О. В. Хлевнюк

Хайнцен Дж.

Х12 Искусство взятки. Коррупция при Сталине, 1943–1953 / Джеймс Хайнцен ; [пер. с англ. Л. Ю. Пантиной]. – М. : Политическая энциклопедия, 2021. – 367 с. – (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-2431-0

Американский историк Джеймс Хайнцен специализируется на советской истории сталинской эпохи, уделяя немало внимания теневой экономике периода. Свою книгу он посвятил теме коррупции, в частности взяточничества, в СССР в период позднего сталинизма. Автор на довольно обширном архивном материале исследует расцвет коррупции и попытки государства бороться с ней в условиях послевоенного восстановления страны, реконструирует обычаи и ритуалы, связанные с предложением и получением взятки, уделяет особое внимание взяточничеству в органах суда и прокуратуры, подробно описывает некоторые крупные дела, например дело о коррупции в высших судебных инстанциях ряда республик и областей СССР в 1947–1952 гг.

Книга предназначена для специалистов-историков и широкого круга читателей, интересующихся историей СССР XX века.

УДК 343.35(47+57)
ББК 66.3(2Рос)3

ISBN 987-5-8243-2431-0

© 2017 by Yale University
Originally published by Yale University Press
© Пантина Л. Ю., перевод на русский язык, 2021
© Политическая энциклопедия, 2021

БЛАГОДАРНОСТИ

Я благодарен многим организациям и учреждениям, которые помогали финансировать исследования для данного проекта: Национальному фонду гуманитарных наук (National Endowment for the Humanities, NEH), библиотеке и архиву Гуверовского института войны, революции и мира (Hoover Institution on War, Revolution, and Peace) при Стэнфордском университете, включая его летние архивные семинары, Национальному совету по исследованиям Евразии и Восточной Европы (National Council for Eurasian and Eastern European Research, NCEEER), Кеннановскому институту Центра Вудро Вильсона и Архиву открытого общества в Центральноевропейском университете (Будапешт). Мои деканы в Университете Роуэна предоставляли мне возможность путешествовать и заниматься научной работой.

Хочу поблагодарить людей, великодушно читавших части моей рукописи, доклады для конференций, черновики статей и высказывавших ценные советы и предложения: Йорама Горлицкого, Стивена Коткина, Дэвида Бранденбергера, Пола Грегори, Юджина Хаски, Бенджамина Натанса, Питера Холквиста, Джеффри Джонса, Венди Голдман, Дона Роуни, Альфреда Рибера, Андрея Маркевича, Марка Харрисона, Ванессу Вуазен, Леонида Бородинкина, Гольфо Алексопулос, Кэтрин Хендли, Юлиану Фюрст, Роберта Вайнберга, Бекки Гриффин-Хайнцен и Билла Хайнца.

Пол Грегори пригласил меня на замечательные семинары по сталинизму, которые он организовал в Гуверовском архиве в Стэнфорде. Семинары проходили в стимулирующей, товарищеской атмосфере и обеспечили мне знакомство с прекрасными гуверовскими собраниями документов и с персоналом архива, в том числе его директорами Эриком Уокином и Еленой Даниэльсон, архивариусом Лорой Сорокой и директором читального зала Кэрол Лиденхем. Я признателен за содействие ряду профессиональных архивариусов и работников российских архивов, включая Галину Горскую, Нину Абдуллаеву, Елену Тюрину, Татьяну Царевскую, сотрудникам Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Чудесными научными ассистентами в Университете Роуэна были для меня Мелисса Амбрикко Шварц, Грегори Хоупли, Эдвард Пёрселл и Каресса Линч.

Особую благодарность выражаю Питеру Соломону, который неизменно ободрял и всецело поддерживал меня в течение десяти с лишним

лет, пока я писал эту книгу. Он прочел всю рукопись и множество докладов для конференций, терпеливо консультируя меня. Я признателен также Дэвиду Ширеру. Наши «марафонские» ланчи помогли моему осмыслению советской истории. Дэйв читал большие отрывки рукописи, часто еще очень сырые, и выдвигал полезные предложения по любому аспекту книги. Вообще мои замечательные коллеги по историческому факультету Университета Роуэна – прекрасные люди, великолепные ученые и преподаватели. Особенно благодарю председателей факультета Билла Керригана, Эдварда Ванга, Джой Уилтенбург и секретаря факультета Денизу Уильямс. Когда я уже близился к завершению проекта, Уильям Джордан, Филип Норд и Дэвид Абрахам неожиданно нашли время поделиться со мной своими знаниями о бытовой коррупции. Хочу еще поблагодарить Беверли Майклс, редактора издательства Йельского университета, чья тщательная вычитка рукописи сделала книгу намного лучше.

Бекки Гриффин-Хайнцен давала мне советы и прочла каждую главу по многу раз, безмерно улучшив книгу во всех отношениях. Ей я чрезвычайно обязан как в этом, так и в других вещах, больших и малых. Мои дети, Конор и Джей Хайнцен, многие годы дарили мне необычайное вдохновение, демонстрируя любознательность, отвагу и большое чувство юмора. Эта книга посвящается им.

Некоторые части книги выходили в свет раньше. Расширенная версия главы 3 напечатана в виде статьи: *The Art of the Bribe: Corruption and Everyday Practice in the Late Stalinist USSR* // *Slavic Review*. 2007. Vol. 66. No. 3. Основное содержание главы 4 составило статью: *Thirty Kilos of Pork: Cultural Brokers, Corruption, and the «Bribe Trail» in the Late Stalinist Soviet Union* // *Journal of Social History*. 2013. Vol. 46. No. 4. Глава 6 издана в более просторном варианте: *Informers and the State under Late Stalinism: Informant Networks and Crimes against «Socialist Property», 1940–1953* // *Kritika: Explorations in Russian History*. 2007. Vol. 8. No. 4. Ряд разделов главы 5 впервые появились как статья в сборнике под названием: *A Campaign Spasm: Graft and the Limits of the «Campaign» against Bribery after the Great Patriotic War* // *Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention* / ed. J. Fürst. London; New York, 2006.

* * *

Все вышеперечисленные заслуживают признательности за помощь в написании этой книги. Нечего и говорить, что вина за ее недостатки целиком лежит на мне.

ВВЕДЕНИЕ

После распада Советского Союза в 1991 г. традиции и практики взяточничества, унаследованные от советской эпохи, продолжали царить почти в любой сфере жизни современной России. Несмотря на большой интерес к темам коррупции и черного рынка в последние десятилетия существования СССР, мало внимания уделяется тому же явлению в немаловажный период от Второй мировой войны до смерти Сталина в 1953 г. Вслед за самим военным хаосом эти послевоенные годы, известные под названием «позднего сталинизма», сыграли основную роль в эволюции коррупции советской поры. К середине войны, в 1943 г., незаконная подпольная экономическая деятельность, хищения государственной собственности и взяточничество доставляли немало забот руководителям коммунистической партии, так как, по всей видимости, глубже проникли в советский быт.

СССР при Сталине представлял собой крайне репрессивный режим, который, тем не менее, испытывал большие трудности с поддержанием дисциплины среди собственных должностных лиц. Этот парадокс – распространение практик взяточничества во время апогея сталинской диктатуры – лежит в основе данного исследования. Бюрократы взымали с рядовых граждан (и друг с друга) плату за свои услуги. Подобные сделки входили в систему уловок и умасливания, характерных для взаимоотношений индивидов с представителями советской власти. В 1943 г. сталинское партия-государство старалось понять корни всплеска такого неформального поведения среди своих служащих и принять меры к его обузданию. Вместе с тем, однако, режим невольно создавал условия, в которых могли процветать незаконные сделки между советскими чиновниками и гражданами.

Мало кто из ученых писал о коррупции и экономических преступлениях того периода, даже когда исследовал другие типы преступности¹. Преобладало мнение, что в поздний сталинский период среди должностных лиц наблюдалось мало реальной коррупции. Большинство кремлинологов и современников полагало, что госслужащие были слишком запуганы, чтобы осмелиться брать взятки². После волны громких процессов по делам о взятках в начале 1920-х гг., по их мнению, взяточничество в сталинские годы прак-

тически не подавало признаков жизни. Тем самым подразумевалось резкое различие между двумя периодами: для эпохи «застоя» при Брежневe и его ближайших преемниках (1964–1985) была якобы характерна наглая продажность, поощряемая политическим склерозом и бюрократизацией на всех уровнях, тогда как при Сталине коррупция представляла собой сравнительную редкость и даже в некотором роде аберрацию. Данное исследование прямо противоречит подобным взглядам³. На самом деле послевоенный сталинский период подготовил почву для расцвета коррупции «зрелого социализма» в 1960–1980-е гг.

Тем, кто старается отыскать корни коррупции, поразившей Советский Союз в брежневские годы, следует присмотреться к более ранним временам – послевоенному сталинскому периоду. Разумеется, взяточничество и другие виды коррупции не появились впервые при позднем сталинизме. В предвоенные годы наблюдалось множество таких же случаев расхищения государственной собственности, незаконного использования связей и махинаций на черном рынке, какие преобладали в позднесталинскую эпоху⁴. Однако в послевоенный период подобного рода действия имели черты как сходства, так и различия с тем, что было раньше. Вторая мировая война и послевоенные кризисы повлияли на характер коррупционной деятельности в последние сталинские годы (и в дальнейшем).

Что представляла собой коррупция в советском контексте? Я выбрал классическое и сравнительно точное определение коррупции: злоупотребление служебным положением с целью собственного обогащения или получения других материальных преимуществ. Естественно, любые определения криминального поведения, даже самые ясные с виду, не лишены расплывчатости. Тем не менее данное определение коррупции включает взяточничество, хищение должностными лицами государственной собственности в личных целях, растрату и незаконное присвоение государственных средств, а также некоторые типы злоупотребления служебным положением ради личной выгоды.

Оставаясь в этих широких рамках должностной коррупции, я предпочел в данной книге поставить во главу угла *дачу и получение взяток*. В юриспруденции взяточничество, как правило, трактуется как дарение любого рода ценностей, деньгами или натурой (в виде продуктов, товаров, услуг), которое неподобающим образом влияет на решения государственных служащих в пользу дарителя. Взяточничество и коррупция – не синонимы, однако взяточничество является парадигматическим видом коррупции. В Советском Союзе именно ругаемый на все лады служащий-взяточник символизировал коррупцию для народного сознания и народной культуры. Конечно, хватало и других видов злоупотребления служебным положением.

Но когда советское государство периодически ополчалось против «бича коррупции», главной мишенью гневной риторики властей становился взяточник.

В книге «Искусство взятки» рассматриваются некоторые важнейшие аспекты послевоенного советского мира в последние годы жизни Сталина. Как все переходные периоды, поздний сталинизм включает много элементов, общих с прежними временами. Очевидно, однако, что военная разруха наложила глубокий отпечаток на советское общество и государственные структуры. Неформальные механизмы устройства дел укоренились в ослабленных партийно-государственных институтах, подготовив плодородную почву для противоправных отношений, основанных на взяточничестве. В то же время война привнесла новые трудности в повседневный быт.

* * *

Изучение взяточничества, к которому были причастны представители всего социального спектра, дает возможность рассмотреть динамику взаимоотношений государства, общества и преступности. Феномен взятки проливает свет на социально-политические последствия сталинизма и своеобразие уклада повседневной жизни. В более широком смысле анализ коррупции выявляет дисфункции диктатур и ограниченность авторитарных государств. Такое исследование описывает и объясняет непрозрачные, трудные для изучения неофициальные отношения, характерные для закрытых обществ, лишенных политической конкуренции, свободной прессы и независимого правосудия.

В сталинском СССР взяточничество одновременно многое давало и многое отбирало. Взяточничество и другие формы административной коррупции могли в краткосрочной перспективе служить источником стабильности, скрепляя сети неофициального партнерства и «подмазывая колеса» ради распределения дефицитных товаров и услуг среди населения с помощью обширной «теневой экономики». Взятка кому следует помогала людям сгладить острые углы существования в чрезвычайно тяжелых условиях, даже если это требовало значительного риска и большой цены. Как утверждается в данной книге, взяточничество составляло неотъемлемую часть неофициальных, но существенных цепочек отношений, необходимых для функционирования большей части советского общества и государственной администрации.

Однако в долгосрочной перспективе взяточничество (и ощущение, что государство мало делает для наказания коррумпированных бюрократов) являлось также дестабилизирующим фактором, ибо имело следствием большие расходы, обостряло дефицит, способствовало развитию в народе циничного отношения к государственным уч-

реждениям и, в сущности, к государственной власти в целом, вредило имиджу революционного государства за рубежом. Уверенность, что скудные блага распределяются благодаря незаконно приобретенному доступу, а не в зависимости от нужд и спроса, дискредитировала обещание партии обеспечивать всех в равной мере. Взяточничество в судебных и правоохранительных органах могло посеять сомнения в беспристрастности правосудия и даже в легитимности государства. Партийные руководители, признавая, что коррумпированные бюрократия и хозяйственная администрация могут ослабить способность государства проводить свою политику, пытались, правда непоследовательно, приструнить распоясавшихся чиновников.

Стремясь объяснить причины живучести коррупции в Советском Союзе, следует отбросить обычные стереотипы: идеи о некой «дефективности» национального, этнического или расового «характера» и примитивные представления об исторической преемственности⁵. Объяснения, фокусирующиеся на аморальности некоторых «дурных» индивидов или развращенной (и развращающей) природе либо капитализма, либо коммунизма, также неудовлетворительны. По мнению Джеймса Скотта, наиболее плодотворны два пути: во-первых, посмотреть на структурные факторы, дающие возможности и мотивы индивидам – предлагать незаконные подарки, а чиновникам – принимать их; во-вторых – на сформированные культурой ценности, помогающие определить приемлемые (и неприемлемые) отношения между чиновниками и людьми, которых они обслуживают по должности⁶.

Взяточничество всегда явственно фигурировало в современном мире с его крупными, разрастающимися государствами и бюрократиями и отнюдь не ограничивалось системами советского типа⁷. Выводы, сделанные в данной работе, касаются не только советской истории или авторитарных режимов. «Коррупционные» отношения существовали и существуют во всех социально-экономических и политических системах, социалистических и капиталистических, диктаторских и демократических⁸. (Абсолютно рациональной государственной бюрократии, конечно, не бывает; есть лишь разные степени иррациональности.) Коррупционным практикам в Советском Союзе благоприятствовали структурные факторы, одинаковые для многих обществ: властная структура, в определенной мере ограждающая элиты от судебного преследования; плохо оплачиваемое и обученное чиновничество; широко распространенные дефицит и бедность; отсутствие оппозиционных партий и независимых средств массовой информации, не дающее людям влиять на выработку политики и разоблачать злоупотребления.

Тем не менее именно благодаря природе сталинских государства и экономики бюрократы находили богатые возможности получать

выгоду за счет государства – и населения, которое обслуживали. Условия для воровства и самообогащения вызрели в бедлам пятилеток. Командная экономика породила взяточничество, расхищение государственной собственности и другие должностные преступления. В строго иерархической, негибкой системе администраторы имели огромный стимул выполнять плановые задания любыми средствами, особенно учитывая суровые наказания за невыполнение. Черные рынки дефицитных товаров и услуг процветали⁹. В число экономических факторов, способствовавших такой ситуации, входили национализация собственности и инфраструктуры, старания режима уничтожить почти все капиталистические отношения и строго централизованная плановая система с ее «узкими местами» и хроническим недопроизводством. Всепроникающий, настырный и деспотичный государственный аппарат, ведавший распределением громадных ресурсов, предоставлял госслужащим неисчислимые возможности наживаться на своей должности¹⁰.

* * *

Во время войны режим столкнулся с экстраординарными новыми вызовами. Посреди боев политическое воспитание партийных кадров приостановилось. Девять миллионов членов компартии погибли на войне. В партию были приняты миллионы людей, большинство их не проходило никакой политической подготовки, перед тем как попасть на фронт¹¹. Партийные руководители бились над восстановлением идейной чистоты кадров, многие из которых, на их взгляд, стали чересчур самонадеянными. Власти обратили внимание на рост взяточничества и других форм правонарушений среди новых (и опытных) должностных лиц.

Сама государственная машина претерпела во время войны радикальные изменения. По необходимости партийное руководство предпочло децентрализовать контроль над разными частями государственной и хозяйственной администрации. Децентрализация предоставила местным должностным лицам больше власти и свободы принимать решения на низовом уровне. Местным руководителям позволили импровизировать, разрешая бесчисленные чрезвычайные ситуации. Кое-где формальные государственные структуры ушли в тень, а порой практически перестали функционировать. Когда война кончилась, партии потребовалось возвращать свой авторитет на местах. Контроль над населением, пока шла война, тоже ослаб, и партийные работники всеми силами старались восстановить и обновить механизмы строгого контроля¹². Ослабление государственных институтов в военные годы привело к развитию персонализированных

отношений, которые служили средством заключения подпольных, зачастую нелегальных сделок самых разнообразных типов.

В то же время позднесталинский период стабилизации укрепил власть экономических элит, которые требовали и часто получали больше свободы маневра, дабы пользоваться преимуществами своего положения. Значительная часть чиновничества извлекала выгоду из послевоенной стабилизации способами, которых не было в 1930-е гг., упрочивая свой статус и наслаждаясь плодами победы. Взяточничество существовало наряду с такими укоренившимися явлениями, как патронаж и особый доступ к дефицитным товарам и услугам. Некоторые элиты принудительно облагали поборами подчиненных и все население, зачастую практически при невмешательстве органов партийного надзора и правоохранительных ведомств, бывших, по меньшей мере отчасти, в курсе этой сомнительной деятельности. Как утверждает Вера Данхем, в период послевоенной реконструкции возник стабильный и лояльный «средний класс», ожидавший, в обмен на свое молчаливое послушание центральной власти, большего доступа к материальным благам¹³. Однако нередко вожделенные потребительские товары могли быть получены (и предложены) только через теневые «рынки», часто, хоть и не всегда, нелегальные.

Взяточничество в послевоенном ландшафте

Эта книга делится на три части. В первой части рассматривается общая картина взяток во времена позднего сталинизма. Одна из целей данного исследования – расширить наше поле зрения, включая в него не просто экономические и политические элиты, но и попытки простых советских людей неформально управлять системами власти. Многие истории, рассказанные в книге, касаются тех, кто прибегал ко взяткам, чтобы выбраться из кошмарной ситуации: это женщина, предложившая взятку судье, после того как ее мужа приговорили к семи годам заключения за мелкую кражу; заводской директор, откупившийся от ревизора, когда не сумел выполнить непосильный план; семья, которая была эвакуирована из Москвы после нацистского вторжения в июне 1941 г. и не могла вернуться в город, не уплатив дополнительную «мзду» железнодорожному кондуктору; демобилизованный солдат, чью квартиру во время войны заняло государственное учреждение и чья семья осталась на улице, так как он не сунул из-под полы денег кому надо, чтобы вернуть жилье; женщина-юриисконсульт, вынужденная покупать пенициллин для больного мужа на черном рынке, расплачиваясь наличными, которые добывала, от случая к случаю принимая потихоньку «подарки».

В любой работе о коррупции следует уделить особое внимание правоохранительным ведомствам, включая суды, прокуратуры и органы внутренних дел. Судьи, прокуроры, милиция, когда речь идет об исследовании коррупции, играют двойственную роль: они разоблачают *и* берут взятки; преследуют *и* стимулируют незаконные выплаты; борются с коррупцией *и* содействуют ей¹⁴. В конце концов, советские органы внутренних дел и уголовной юстиции, возглавляя расследование дел о коррупции, служили также одним из главных мест ее процветания. Все трудности советской жизни, связанные с жильем, документами, устройством на работу и прочими насущными вещами (вместе с незаконными сделками и «подмазыванием», к которым порой прибегали советские люди, чтобы их добиться), находили концентрированное отражение в правовой системе. Возьмем один из примеров, приведенных на этих страницах: массовые аресты за мелкие хищения и экономические преступления, характерные для послевоенного сталинизма, предоставили гражданам и судебно-следственным работникам массу возможностей для подпольных сделок, обеспечивающих снисходительность за плату, которая часто маскировалась под «знаки благодарности».

Вторая часть книги оставляет в стороне вопросы экономики и управления (или его недостатков). Она посвящена сформулированному Катриной Келли понятию «корыстного дарения» как культурной проблеме с глубокими корнями¹⁵. Исследование, касаясь антропологических и социологических моментов, начинается с анализа народных представлений о подарках чиновникам и того, как эти представления взаимодействуют – а порой конфликтуют – с законодательными кодексами¹⁶. Постоянные расхождения между официальной идеологией, народными взглядами, писаным законом и привычными практиками свойственны многим обществам. В данной книге изучение взяточничества отчасти служит средством, помогающим постичь, почему и как индивиды развивали отношения с чиновниками¹⁷. Социально-исторический подход ко взяткам послевоенных лет с уделением внимания народным взглядам на взяточничество имеет целью расширить наше понимание преступности и повседневной жизни в послевоенном СССР.

Социолог А. В. Леденева исследовала некоторые неформальные социально-экономические практики в СССР и России 1980–1990-х гг. Для данной работы особенно важно, что она глубоко проанализировала практику «блата» – общепринятый термин, означающий взаимобмен одолжениями благодаря «связям», дружбе, знакомству и другим личным и профессиональным контактам. Люди старались использовать свои связи, чтобы раздобыть дефицитные вещи: продукты, одежду, прописку, желательную работу¹⁸. Некоторые советские граждане имели патронов, которые помогали им продвинуться по службе

или защищали их от наказания. Однако большинству людей блат и патронаж не могли помочь добиться всего, в чем они нуждались или чего хотели. И это не то же самое, что взятки. Как отмечает Леденева, взяточничество и блат – родственные, но все же разные явления. Те, у кого не было полезных контактов или нужных «высокопоставленных друзей», часто прибегали к плате из-под полы – взятке. Для многих попавших в тяжелое положение и не располагавших необходимыми знакомствами выхода в виде блата попросту не существовало. Даже обладателям прекрасных связей в одних сферах приходилось давать взятки в других – например, чтобы обойти систему уголовной юстиции, получить хорошую работу или квартиру. Вдобавок многие должностные лица в качестве компенсации риска предпочитали наличные, а не ответные услуги. Повсеместность взяточничества в послевоенном СССР свидетельствует, что блат вряд ли мог решать все проблемы для всех.

Как же люди приступали к делу взяточничества? И как народное отношение к операциям со взятками влияло на их выбор? На предлагаемых страницах эти практики – «искусство взятки», как я их называю, – рассматриваются как своего рода переговоры между советскими людьми и государственными служащими, иногда с элементами принуждения. Я намерен в своей работе выявить негласные «правила игры», включая ритуалы, мировоззрение, этику, руководившие практиками взяточничества¹⁹. Архивные и опубликованные источники отражают разные и временами противоречивые пути отдельных индивидов ко взяточничеству и усилия государства по борьбе с ним. Реакция на взяточничество в народе была столь же разнородна, сколь само советское общество, – от патриотического возмущения отдельными бюрократами, предающими идеалы родины, и беспокойства из-за нарушения связи между трудящимися массами и социалистическим государством до растущего цинизма ввиду возникновения класса привилегированных чиновников, которые считали себя выше закона. Тем не менее многие люди оправдывали дачу и получение взяток в определенных ситуациях. В иных случаях чиновники говорили, что просто не могли отказаться от подарка просителя; о такой позиции пойдет речь в главе 4. «Допустимое» поведение от «недопустимого» отделяла весьма размытая граница. Что отличало «подарки» или «услуги» от взяток в народном воображении?

Историки Советского Союза не располагают созданными во многих других обществах книгами по этикету и пособиями для желающих поднести, законно или незаконно, дары влиятельным персонам²⁰. Данное исследование предлагает нечто вроде «руководства наоборот», описывающего социальные практики дачи взяток на фоне послевоенного сталинского ландшафта. В нем тщательно собраны познавательные сведения из информативных (хотя и несовершен-

ных) документов, произведенных судебными ведомствами, которые занимались разоблачением, преследованием и осуждением людей, замешанных во взяточничестве. Некоторые из самых плодотворных наших источников, в том числе судебные протоколы, позволяют обвиняемым говорить за себя, пусть и не в идеальных обстоятельствах²¹.

В той части книги, где использованы эти яркие материалы, применяется уникальный подход. Взятничество рассматривается с точки зрения *участников* процесса, а не только прокуроров, чрезвычайно ограниченной печати или даже тех, кто брал взятки²². Большинство авторов работ, посвященных подкупу, интересуется «политическая коррупция», под которой они обычно понимают преступления высокопоставленных чиновников, обладающих значительной властью. Обществоведы, как правило, сосредоточивают внимание на природе ориентированных «сверху вниз» патронско-клиентских отношений в государственных и экономических структурах. Говоря о взяточничестве, они почти всегда ведут речь о государственных служащих, злоупотребляющих должностным положением. Другая же сторона, *взяткодатели*, остается в научных исследованиях практически невидимой²³.

Отправной точкой для вышеупомянутого подхода служит допущение, что действия, объявляемые незаконными в законодательных кодексах, могут не выглядеть таковыми в глазах самих граждан. Явление, носящее ярлык «коррупции», имеет свои особенности для каждого конкретного времени, места, каждой культуры и политической среды. Признавая, что государственные власти и социальные акторы зачастую по-разному понимают, что такое коррупция, Арнольд Хайденхаймер создал полезную «цветную» схему, где различаются «белые», «серые» и «черные» правонарушения в зависимости от того, в какой степени государственные власти и население осуждают то или иное деяние²⁴. «Черная» коррупция, самая тяжкая форма, осуждается правящими элитами и общественностью в равной мере; «белые» проступки незначительны, и ни большинство общественности, ни элиты не стали бы за них карать; «серая» коррупция располагается между этими очевидными крайностями. К серой коррупции относится поведение, которое элиты обычно считают выходящим за рамки допустимого, а простые люди нередко находят приемлемым либо не имеют на этот счет твердого мнения. В течение почти всего советского периода, включая послевоенные годы, взятки должностным лицам частенько попадали в «серую» категорию²⁵.

Попытки режима понять причины и масштабы взяточничества – и его по большей части неэффективные старания справиться с ним – находятся в центре внимания в третьей части книги. Одной из великих амбиций большевистской революции было достижение издаваемого русской интеллигенцией идеала – страны, очищенной от

продажных государственных чиновников (бюрократов). Новый режим рьяно преследовал эту высокую цель в первые годы своего существования. Но партия встретила серьезные трудности. Традиционное правило подношений должностным лицам тесно переплеталось с давно и прочно установившейся практикой выжимания бюрократами дополнительного дохода из населения, которое им полагалось обслуживать. Эти взаимно подкрепляющие друг друга обычаи ставили гигантские препятствия для искоренения подобных злоупотреблений из административного аппарата. Почти сразу стало ясно, что практики и культура взяточничества преодолели революционный рубеж по сути нетронутыми. Власти быстро поняли – к большой своей досаде, – что «социалистические» варианты административных и экономических структур не менее способны предоставлять плодородную почву для семян коррупции, чем «капиталистические», несмотря на попытки государства заклеить такое поведение позором. Нерегулярное преследование мало помогало делу.

Подобно многим государствам, советский режим пытался вскрыть причины взяточничества, классифицировать получение взяток должностными лицами как неэтичное и противозаконное и преобразовать административную культуру. Однако, невзирая на угрозу суровых наказаний, некоторые госслужащие продолжали обогащаться за государственный счет. С тревогой отреагировал режим на свидетельства того, что взяточничество – как многие социальные пороки, включая алкоголизм, домашнее насилие и проституцию, – расцвело после Второй мировой войны.

Централизованно управляемые всесоюзные кампании мобилизовали разные ведомства на борьбу с постоянной преступностью среди должностных лиц. Советская идеология придавала этим усилиям особую окраску. Партия настаивала, что взяточничество – так же как все формы должностной коррупции – совершенно чуждо социалистическому обществу и является отмирающим пережитком «капиталистического сознания». По этой причине самый неприятный для режима вопрос был: почему это предосудительное криминальное поведение не прекращается при только что построенном социализме? В официальной послевоенной риторике взяточничество характеризовалось как редкое явление, стоящее на грани исчезновения и ограниченное горсткой корыстных и «отсталых» личностей. Говорили, будто взяточничество и прочие формы коррупции (как вообще все преступления) находятся в процессе отмирания по мере повышения уровня жизни, социалистической «сознательности» и культурного уровня населения. Как же могли советские ответственные работники, образцы «новых советских людей», героически служившие в благородной войне за спасение Советского Союза – и всего мира – от фашизма, продолжать совершать эти преступления?

Источники

Принимаясь за исследование коррупции, историк сталкивается с особыми трудностями, связанными с источниковым материалом. Отдельные люди редко признаются в участии в незаконных делах, в частности в получении взяток. Кроме того, большинство государств считают, что коррупция их порочит, и стараются не слишком предавать ее огласке. Взяточничество издавна считалось позорным в большинстве обществ, и Советский Союз не составлял исключения. До 1991 г. источники для исследования коррупции в позднесталинском СССР в основном исчерпывались интересными порой, но довольно краткими газетными заметками, самими законодательными кодексами, ограниченными узкими рамками, даже если часто толковыми, статьями в специализированной юридической печати и небольшим количеством эмигрантских мемуаров. В данной работе использованы все эти существующие опубликованные источниковые материалы соответствующего периода.

Нехватка источников представляла особую проблему для изучающих послевоенные сталинские годы – самый темный, малоизвестный и трудный для исследования период во всей советской истории. Качество официального материала о преступности и правовой системе после войны стало хуже, чем когда-либо. Внутри Советского Союза сама тема преступности в сталинистском обществе являлась практически табу, что мешало серьезному публичному обсуждению ее причин и масштабов²⁶. Статистика преступности оставалась засекреченной. А достоверные источники, документирующие повседневную жизнь после войны, было почти невозможно найти.

До распада Советского Союза в 1991 г. историки не имели доступа к архивным источникам, которые позволили бы подробно изучать взяточничество и другие формы незаконной «предпринимательской» деятельности «изнутри». После крушения коммунизма и частичного открытия многих ранее закрытых архивов новый материал может помочь нам поднять завесу секретности. У нас есть редкая возможность исследовать взяточничество, используя документацию, извлеченную из архивов режима, который рухнул в известной мере вследствие пропитавшей его коррупции.

В этой книге основной предмет ее рассматривается по большей части через объектив органов уголовной юстиции, милиции и «партийного контроля», которые после войны играли важную роль. Критические материалы находятся в архивных фондах Генеральной прокуратуры СССР, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Прокуратура выполняла ведущую функцию в расследовании и преследовании всех видов должностных злоупотреблений. Сражаясь с преступлениями в собственных рядах,

она регулярно составляла обзоры всесоюзной «борьбы со взяточничеством». Фонды Министерства юстиции СССР и Верховного суда СССР (тоже в ГА РФ) содержат протоколы уголовных процессов, свидетельские показания, копии жалоб и заявлений о пересмотре приговоров. Весьма ценной может быть переписка между государственными ведомствами, включая Министерство внутренних дел и органы милиции. В ней затрагиваются щекотливые вопросы, которые никогда не освещались в печати, такие, как расследование дел высокопоставленных судей и других работников, обвиняемых в получении взяток. Исключительные свойства такого материала состоят в том, что некоторые люди, причастные ко схемам взяточничества, говорят о своих действиях под собственным углом зрения. Документация этого типа – нечто редкостное. Подобные документы (хоть и несовершенные, и порой односторонние) позволяют изучить ряд ключевых вопросов, в том числе социальный контекст упомянутой деятельности, ее рационализацию и мотивацию у тех, кто был в ней замешан, конструкции нарративов о «падших» чиновниках.

Бывший Центральный партийный архив – Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) – содержит множество богатого материала, включая фонды Секретариата, Политбюро, важнейших отделов и управлений ЦК, например Административного управления (надзиравшего за судебными ведомствами и органами безопасности), Оргбюро и Управления кадров. Среди этой документации – следственные дела, протоколы заседаний и переписка партийных работников с руководством правоохранительных ведомств. Частично доступно также собрание источников из архива Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК – органа, отвечавшего за расследование проступков членов партии, которые обвинялись в нарушениях морального, идеологического или криминального характера. Полезными источниками являются доклады отдела МВД, который отвечал за координацию работы обширной сети секретных осведомителей, занимаясь искоренением экономической преступности (ОБХСС).

* * *

Годы послевоенного сталинизма не знали грандиозных зрелищ, потрясавших эпоху тридцатых – десятилетие показательных процессов, суровых партийных чисток, лихорадочного промышленного строительства, кровавой принудительной коллективизации сельского хозяйства и голода²⁷. В конце войны чистки и охота на троцкистов и прочих «врагов народа» практически затихли (хотя варианты подобных репрессий повторялись на завоеванных и заново оккупированных территориях западных приграничных областей)²⁸. Ввиду

отсутствия такого рода драм почти все исследования позднего сталинизма до сравнительно недавнего времени посвящались высокой политике и международным отношениям «холодной войны»: политическим интригам в Кремле, советской политике в отношении Китая и «третьего мира», войне в Корее, военным и идеологическим установкам Сталина касательно Европы²⁹.

Военные аспекты Второй мировой войны давно интересовали историков, но сама война, как правило, рассматривалась ими в отрыве от ее социальных последствий внутри СССР. Несколько важных новых исследований позднего сталинизма бросили вызов такому стандарту, прочно связав указанный период с военной катастрофой. В свою очередь, быстро развилась социальная история этого периода, породив ряд захватывающих произведений³⁰. В последние годы появилось много прекрасных работ о разных аспектах послевоенного общества, хозяйства и восстановления³¹. В некоторых наиболее плодотворных трудах о позднесталинском периоде обсуждение особенностей послевоенной политики соединяется с пониманием общей ситуации внутри страны³². Обычно также историки, если не считать скрупулезных исследований Питера Соломона и Йорама Горлицкого и новаторских интерпретаций советского права, принадлежащих Джону Хазарду и Гарольду Берману, не уделяют послевоенной сталинской правовой системе того внимания, какого она заслуживает³³. И это, как ни парадоксально, несмотря на огромный интерес к летописям Гулага и инструментам полицейских репрессий 1930-х гг.³⁴ Весьма авторитетной остается реконструкция неформальных отношений в сталинской экономической системе, произведенная Джозефом Берлинером в открывшем новые горизонты трактате 1957 г. о руководстве советской промышленности. Анализируя интервью с эмигрантами, Берлинер подметил, что между управленцами, отчаявшимися выполнить нереалистичные планы, вызрели тайные взаимоотношения. В атмосфере хаоса руководители предприятий в СССР сталинской эпохи, пользуясь личными связями, продавали и обменивали излишки оборудования и материалов, раздували статистику и совершали другие сомнительные (хотя обычно не прямо противозаконные) действия³⁵. Одна из главных заслуг Берлинера состоит в том, что он показал: подобная деятельность представляла собой попытки «предпринимательства» со стороны управленцев в типичном для плановой экономики состоянии хронической неразберихи. В отличие от данной работы, исследование Берлинера сконцентрировано не на корыстных преступлениях должностных лиц, таких, как прямое воровство, взяточничество, растраты, а на действиях «в пользу производства» (о которых его интервьюируемые, несомненно, говорили охотнее).

В классическом труде о советской нелегальной («второй») экономике и ее отношениях с «клептократией» брежневской эпохи Грегори Гроссман в конце 1970-х гг. отметил большую вероятность «тесной органической связи между политико-административной властью, с одной стороны, и весьма развитым миром нелегальной экономической деятельности, с другой»³⁶. После войны должностные лица тоже порой были глубоко втянуты в дела черных рынков, защищали эти связи и получали от них выгоду, хотя и осуждали их. Взятка, как показывает данное исследование, служила существенным элементом второй экономики в период позднего сталинизма (и осталась таковым в последующие десятилетия).

Эта книга идет дальше интереса к неофициальным отношениям в экономике, разясняя, как теневые рынки действовали также в кабинетах государственной администрации³⁷. Незаконные рыночные механизмы проникали в государственную бюрократию вне экономической сферы, в том числе в правовую систему, обеспечивая возможность сделок между рядовыми советскими гражданами и должностными лицами. Советские люди могли получить официальные льготы за взятку на теневых «рынках», работавших в госучреждениях, так же как тайком приобробтали необходимые товары и услуги, минуя разрешенные каналы³⁸.

Главы

Часть I охватывает две первые главы книги. В главе 1 утверждает, что критическим поворотным моментом в развитии моделей взяточничества, типичных для поздней советской эпохи, стала Вторая мировая война с ее последствиями. Экстраординарная разруха военных и первых послевоенных лет сделала более вероятными тайные контакты между советскими людьми и местными представителями администрации. Перемещение населения, бедность, гигантская нехватка жилья, продовольствия и транспорта, новые трудности, обременявшие правовую систему, провалы в распределении – все это создавало условия, соблазнявшие должностных лиц воспользоваться своим служебным положением. Взятничество в равной мере смазывало механизмы как официальной, так и неофициальной экономики, помогая системе функционировать. Конечно, это не значит, что все люди участвовали в таких делах или что вся система была целиком коррумпирована. Кто же все-таки участвовал, почему и с какой целью? (Ввиду тайного характера операций со взятками определить в абсолютных цифрах число предложенных и полученных взяток, разумеется, ни в какой системе невозможно, так же как ни в какой

стране нельзя выяснить полные масштабы черного рынка или другой нелегальной экономической деятельности.)

В главе 2 фокус внимания смещается в сторону взяточничества среди работников правоохранительных и судебных органов. Огромное число арестов за неполитические преступления и наплыв подобных дел в суды образуют контекст для роста «дилерства» в перегруженных судебных ведомствах. Аресты порождали протесты и жалобы. Сам объем работы создавал для судей и прокуроров возможность принимать незаконные подношения в обмен на смягчение приговоров или пересмотр решений, если они были готовы рискнуть. В этом смысле крутые сталинские меры по борьбе с хищениями «социалистической собственности», спекуляцией и другими экономическими и имущественными преступлениями неожиданно расширили перспективы предложения и получения взяток. Многие жалобщики и просители, утратив доверие к официальным каналам, обращались к потенциально опасным сделкам с должностными лицами³⁹.

В части II, в главах 3 и 4, мы переходим к анализу народных представлений о взяточничестве, вписывая эту практику в русло традиции подношений чиновникам. В главе 3 говорится, что продуктивно рассматривать взяточничество как своего рода переговоры, обусловленные личными и коллективными ценностями, а не просто гнусные деяния, осуждаемые с точки зрения морали. В таком свете сфера деятельности, именуемой «взяточничеством», в данном исследовании не ограничивается исключительно определениями советского уголовного кодекса, распространяясь также на взгляды, обычаи, социальные обязательства и практики просителей и должностных лиц⁴⁰. В указанной главе освещаются повседневные взаимодействия на микроуровне. Как люди решались давать взятки? Какого рода доводы приводили они при переговорах? И как просители и должностные лица оправдывали свое поведение в качестве взяткодателей и взяткополучателей? В этом контексте в главе 4 внимательно изучается дело грузинского судьи Верховного суда СССР Л. К. Чичуа, арестованного за получение взяток в 1949 г. История Чичуа проливает свет на спорные понятия дарения, взяточничества и социального взаимодействия. Здесь также вводится понятие «культурного брокера» как ключевой фигуры в советских судах. Культурными брокерами служили лица, знакомые и с правовой системой, и с местными традициями и практиками, которые преуспевали, лавируя между первым и вторым, договариваясь о сделках, наводя мосты через культурные разрывы.

Четыре главы части III посвящены некоторым аспектам непосредственных попыток сталинского государства бороться со взяточничеством в советском обществе. Как показано в главе 5, среди руководства правоохранительных и партийных органов с середины 1943 г. и в последующие годы все сильнее нарастала тревога из-за

распространения взяточничества. Одна из послевоенных «кампаний» провозгласила целью искоренение этого порока из советской действительности. Почему взятки вызывали такое беспокойство? Власти выражали опасение, что их существование может подорвать в глазах населения легитимность государственных институтов и в конечном счете самого режима. Движение против взяточничества было развернуто в 1946 г. и переживало периодические (хоть и недолгие) всплески еще шесть лет; главной, но не единственной мишенью служила коррупция в судах и прокуратурах. Впрочем, на практике эта «кампания» грешила серьезными изъянами, не в последнюю очередь потому, что проводилась в строгой тайне. Почему власти так вяло преследовали взяточничество и не решались допустить публичное обсуждение проблемы? Анализ внутриаппаратных дискуссий по поводу послевоенной «борьбы со взяточничеством» позволяет ознакомиться с официальным отношением к этому преступлению и сомнениями, мешавшими партийным и судебным ведомствам энергично принимать против него меры. В главе 6 говорится о широкой сети тайных осведомителей, на которую в период от начала Второй мировой войны и до смерти Сталина опирался советский режим в своих усилиях остановить настоящую «эпидемию» преступлений против государственной собственности и социалистического хозяйства. Наряду с обычной милицейской работой, эта сеть являлась основным инструментом разоблачения коррупционной деятельности советских должностных лиц. В чем была ее сила и ее слабость?

О громком скандале в связи со взятками в советских верховных судах, одном из крупнейших коррупционных дел сталинского периода, идет речь в главах 7 и 8. Практически неизвестная серия разбирательств закончилась осуждением за взяточничество дюжины с лишним ведущих судей страны и сотен других людей. В этих финальных главах подробно описывается ход расследования «Дела верховных судов», как я его называю, от начала в 1947 г. до последнего судебного процесса в 1952 г. Прокуратура предъявила обвинение высокопоставленным судьям верховных судов СССР, РСФСР, УССР и Грузинской ССР, Московского городского суда, а также судьям, работавшим в некоторых других важных региональных судах. Следствие велось в обстановке полной секретности; ни обвинения, ни соответствующие процессы ни словом не упоминались в печати⁴¹. Анализ этих дел соединяет изучение сталинской высокой политики и знакомство с построением нарратива о коррупции и девиантности, а также репрессиями в судебном аппарате после войны. Эти дела никогда еще не становились предметом углубленного исследования. Что же может преследование видных юристов сказать нам о политике борьбы с коррупцией и методах режима в период позднего сталинизма?

ЧАСТЬ I

1. КАРТИНА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА И КОРРУПЦИИ ПОД СЕНЬЮ СТАЛИНИЗМА

По окончании Второй мировой войны Советский Союз мало походил на победителя. Разоренная почти четырьмя годами невероятных испытаний страна была истощена, люди обнищали и нередко голодали. До 27 млн чел., по большей части некомбатантов, погибли, оставив миллионы сирот. Еще миллионы остались без крова. Война сделала 2 млн чел. инвалидами. Еще до нацистского вторжения продовольствия, потребительских товаров и жилья не хватало, они отличались плохим качеством и распределялись неравномерно. Невзирая на быструю модернизацию тяжелой промышленности, уровень жизни в 1930-е гг. резко снизился. Неурожай, случившийся в 1946 г., вызвал в важных сельскохозяйственных регионах голод, который продолжался до 1948 г. и, по самым оптимистичным оценкам, унес жизни 1–2 млн чел.¹ Почти все остальное население страдало от недоедания и болезней.

В таких послевоенных декорациях на всех уровнях общества и экономической жизни обнаруживались многие виды коррупции. Государственные служащие в гражданском обществе самыми разными способами действовали как неофициальные предприниматели, используя свое положение для махинаций и обогащения за государственный счет. Работая в структурах (и обходя правила) плановой экономики, они присваивали и перепродавали государственную собственность, растрачивали фонды, торговали привилегиями, должностями, дефицитными или ценными товарами и заключали сделки, предполагавшие взятки. Некоторые опирались на неформальные сети знакомств и патронажа для прикрытия подозрительной деятельности либо получения материалов, необходимых для бесперебойной работы и выполнения нереалистичных планов. Тем самым должностные лица подставляли себя под обвинения во взяточничестве, растрате, спекуляции дефицитными товарами, злоупотреблении служебным положением и других нарушениях уголовного кодекса. Многие типы деятельности, которую центральные власти клеймили как коррупцию, были прочно вплетены в ткань советской жизни на всех уровнях на протяжении сталинского периода (и в дальнейшем).

Еще до конца Великой Отечественной войны (как называли Вторую мировую войну в СССР) компартия и советские государственные органы объявили различные формы коррупции одной из главных проблем и декретировали новые меры по борьбе с ростом взяточничества и других должностных преступлений. Они также предприняли усилия по пресечению хищений государственной собственности и наживы на дефицитной продукции – ее приобретения и перепродажи, получивших наименование «спекуляции». Эта глава начинается с краткого обзора практик неформального обмена, включающих незаконный обмен между чиновниками и гражданами, в последние годы царской России и первые десятилетия советской власти. Затем мы перейдем к рассмотрению основных видов должностной коррупции в послевоенную сталинскую эпоху, прежде чем приступить к более глубокому изучению главной темы данной книги – взятки. В большинстве глав использованы недавно рассекреченные архивные документы для исследования тех гибридов взяточничества, которые почти никогда не обсуждались публично, но были самыми распространенными и самыми значимыми в период послевоенного сталинизма.

«На что ж привешены нам руки?»:

Практики взяточничества в конце эпохи царизма и в ранние советские годы

Не советский режим, конечно, изобрел взяточничество и ввел его в обиход на территории Российской империи². Наверняка никого не удивит, что практики, получившие ярлык взяточничества в Советском Союзе, имели прецеденты при царизме. Один из самых главных – обычай «кормления от дел» (или просто «кормления»), благодаря которому настоящая армия чиновников дополняла маленькие оклады, принимая от населения подарки в обмен на услуги³. Чиновники ждали от просителей, обращавшихся к ним за помощью, бутылки водки, продуктов, банки меда или еще какого-нибудь дара. В работе о крепостничестве в Тамбовской губернии начала XIX в. Стивен Хок описывает систему взимания денежных подарков сборщиками податей, которую можно считать общепринятым вымогательством взяток у крестьянского населения. Прежде чем уплатить подати, человек должен был предложить деньги или что-то натурой целой своре бюрократов. Полицейские чины тоже брали взятки в качестве довески к нищенским окладам⁴. Крестьяне несли бюрократам яйца, бумагу, свечи, чтобы облегчить себе контакты с представителя-

ми государства, часто предъявлявшими необоснованные и обременительные требования. Говоря словами Нэнси Шилдс Коллман, писавшей о более раннем периоде, «дарение имело цель обоюдной выгоды, понятную всем»⁵.

Эти традиции обмена подарками еще больше размывали вечно неясную границу между коррупционными и некоррупционными актами в глазах закона, чиновничества и самого населения. Одни, например, видели в кормлении определенный тип принуждения, тогда как другие – легитимный способ получения чиновниками вознаграждения за оказываемые услуги⁶. Некоторые люди считали свои подарки чиновникам недобровольными, данью своего рода вымогательству. Другие имели причины подносить дары добровольно, рассматривая их как абсолютно приемлемые «знаки благодарности», обещающие беспроblemные отношения в будущем. Применение определения «коррупционный» к подобным деяниям зависело от местных обычаев, прецедентов и конкретных обстоятельств.

Практика «кормления» выполняла в российском обществе несколько функций. Прежде всего она обеспечивала дополнительный доход низшему чиновничеству. Подарки представителям местных властей также позволяли отдельным людям продираться сквозь бесконечный лабиринт законов, предписаний и правил имперской администрации, устанавливая между государственным служащим и подданным персонализированные отношения, основанные на взаимности. Зная о прискорбно маленьком жалованье местного чиновничества, некоторые сочувствовали неимущим чиновникам, пытающимся повысить жалкие доходы, и терпимо относились к неофициальным подаркам. Иной раз высшие власти попросту понимали, что лишённые возможности кормиться от местного населения чиновники могут прибегнуть к еще менее допустимым способам заработка. Например, киевский губернатор И. И. Фундуклей знал, что крупные землевладельцы приплачивают местной полиции. Но губернатор не пресекал такую практику, рассуждая, что если полицейские не будут брать денег у помещиков, то станут принимать взятки от местных воров⁷.

Еще одну практику царской бюрократии можно считать прецедентом для некоторых видов взяточничества в советских учреждениях. Подношения – преподнесение желаемых даров начальству в той или иной организации ради продвижения по службе или гарантированного сохранения за собой должности. Строгая иерархия – с вертикальными, жестко заостренными административными лестницами – стимулировала тех, кто занимал низшие ступени, платить вышестоящим в пирамиде власти.

Практики «кормления» и «подношений» превосходно сочетались, подкрепляя друг друга. Низшие чиновники обирали население, скра-

шивая себе тем самым обязанность подношений собственным начальникам. Такие отношения образовывали настоящую «пищевую цепочку»: вышестоящие кормились от нижестоящих в бюрократическом аппарате, а те, в свою очередь, от населения. Эту-то пищевую цепочку – зависимость простых людей в их повседневных нуждах от платы (порой добровольной) алчным государственным чиновникам и дальнейшие выплаты последних представителям более высоких ступеней иерархии (возможно, еще более корыстным) – позже пытались разорвать советские революционеры.

Почему взятки были так распространены в царской России? Жалованье низшего чиновничества оставалось довольно маленьким, порой ниже прожиточного минимума. Низкие доходы давали бюрократам стимул «кормиться» от населения. Однако только маленькое жалованье не может объяснить повсеместное взяточничество, которое существовало даже среди сравнительно высокооплачиваемых правительственных элит⁸. Наверняка играли свою роль плохое образование и недостаточная профессиональная подготовка. Молодых, неопытных людей назначали на административные посты в провинции, где они, либо не ведая профессиональной этики, либо не желая руководствоваться чувством профессиональной ответственности, смотрели на свою должность как на возможность для обогащения. Не зная – или не уважая – законов, многие чиновники не считали зазорным брать плату за выполнение своей работы. Сложные и противоречивые правила, персонализация отношений, скверная подготовка полиции, судей и других служащих, чудовищная волокита в административной и судебной системах также предоставляли плодородную почву для распространения сомнительных практик⁹. Все эти факторы почти с такой же силой действовали в советских бюрократических аппаратах.

Ричард Уортман подробно проанализировал развитие в XIX в. российского «правового сознания», которое возникло с ростом уровня юридического образования и подготовки юристов и правоведов. Это сознание в первую очередь наблюдалось на высших уровнях юридической администрации и вызвало некоторое повышение этической ответственности среди работников суда и прокуратуры¹⁰. Тем не менее реформы середины столетия и изменения в менталитете некоторых чиновников не смогли уничтожить приверженность к традиционной практике обмена дарами между гражданскими лицами и чиновниками. Не способствовали они, как указывает Уортман, и возрастанию уважения к закону в массе чиновничества. По словам Катрионы Келли, в конце XIX в. социальная и правовая терпимость к подаркам чиновникам была широко распространена¹¹. Взяточничество так глубоко укоренилось в ряде аппаратов, что про-

верки зачастую вскрывали зараженность им всей службы; упразднялись целые конторы, закрывались целые департаменты¹². (Об имперских законах о взяточничестве пойдет речь в главе 3.)

Большинство представителей российской литературной и политической интеллигенции возмущались, по их мнению, повальной правительственной коррупцией, взращенной и пестуемой прогнившим самодержавием, которое использовало правовые институты как оружие господства; они бичевали ее с безудержной яростью. Журналист и литературный критик А. И. Герцен выступал в своем журнале «Колокол» с гневными инвективами в адрес отдельных бюрократов, о взяточничестве, растратах и прочих грязных делишках которых ему становилось известно, зачастую от анонимов. Он разоблачал жульничество, нравственную низость, угодничество бюрократов и другие изъяны правосудия (нередко публикуя документы). Бюрократы, говорил он, подкуплены самодержавием: «Люди, берущие взятки, никогда не бунтуют»¹³.

Русская литература XIX в. представляет собой богатый источник образов царских служащих-взяточников наряду со смешными и презрительными зарисовками досадных, часто нелепых взаимодействий российских подданных с продажными чиновниками, как правило, демонстрирующими жадность и леность последних. Портреты провинциальных должностных лиц – беззастенчивых корыстолюбцев у Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, М. Е. Салтыкова-Щедрина не подвластны времени. Запрещенная цензурой комедия В. В. Капниста под названием «Ябеда» содержит бессмертные строки, которые поет главный герой, бюрократ: «Бери, большой тут нет науки, // Бери, что только можно взять. // На что ж привешены нам руки, // Как не на то, чтоб брать?»¹⁴

Стереотипы относительно особенно коррумпированных российских функционеров главным образом родились вследствие борьбы между недовольной интеллигенцией и самоуправно репрессивной бюрократией¹⁵. Судьи, судебные клерки и полицейские офицеры, травившие и преследовавшие писателей и общественных деятелей, служили мишенями самых ожесточенных нападков, наиболее памятных по произведениям Гоголя. Либеральные критики самодержавия также порицали продажного мелкого чиновника как символ российской отсталости. Мало найдется свидетельств того, что российские бюрократы как группа были значительно более коррумпированы, чем бюрократы на таких же должностях в других европейских странах. Идеальная веберовская бюрократия с ее абсолютно честным, беспристрастным и профессиональным чиновничеством так и осталась идеалом. Разумеется, коррупция среди российских бюрократов существовала, и кое-кто относился к ней снисходительно, невзирая на

старания реформаторов побороть ее. Но невозможно показать *особую* коррумпированность российского чиновничества. Правда, однако, что обычай требовать подарки в обмен на услуги (и попытки состоятельных элит и деловых людей откупаться от чиновников) вызывал особо злую критику со стороны революционеров, вознамерившихся уничтожить царизм.

«На фронте борьбы со взяточничеством» после большевистской революции

Придя к власти в 1917 г., новый советский режим, не теряя времени, принял законодательство, осуждающее отношения между гражданами и должностными лицами (а также между самими должностными лицами), основанные на незаконных подарках или денежных выплатах. Первый советский антикоррупционный закон «О взяточничестве» был издан 8 мая 1918 г. По сути, акт взятки определялся в нем так же, как в царских законах: любого рода подарок официальному лицу с целью изменить решение, принимаемое им в этом качестве. Однако, в отличие от царского закона, в большинстве случаев не каравшего взяткодателей, советский устанавливал для всех участников операций со взятками – взяткодателей, взяткополучателей, посредников – одинаково суровое наказание: как правило, пять лет лишения свободы с использованием на тяжелых работах. Подобно всем большевистским законам того периода, раннее законодательство против должностных преступлений носило строго классовый характер. Правонарушителей из «эксплуататорских классов» обычно приговаривали к особо тяжкому принудительному труду¹⁶. Тем не менее режим мало что мог сделать для прекращения подобных практик, которые, по всем рассказам, продолжали проникать на низшие уровни администрации.

1 июля 1922 г. вступил в силу новый Уголовный кодекс РСФСР. Обвиняемых в пособничестве взяткам теперь ждал по меньшей мере двухлетний срок заключения, иногда с конфискацией имущества. Взяткодатели получали до трех лет. Те, кто брал взятки без отягчающих обстоятельств, могли получить до пяти лет, иногда с конфискацией имущества; отягчающие обстоятельства добавляли как минимум три года лишения свободы. В наиболее серьезных случаях кодекс давал возможность прибегать к высшей мере наказания. (Статья, предусматривавшая смертную казнь, была отменена в 1927 г., в честь 10-летия Октябрьской революции¹⁷.) В отличие от правовой практики при царизме, советские суды обычно выносили тем, кто пред-

лагал взятки, более суровые приговоры, нежели тем, кто принимал, поскольку наверху заявляли, что дающие взятки предприниматели (которых в тот период называли нэпманами) представляют реальную угрозу советской власти. Советские же должностные лица, напротив, считались людьми в основе своей честными, поддающимися искушению, но способными исправиться (если сами не происходили из эксплуататорских классов). Правовые структуры кодифицировали это различие, карая взяткодателей суровее, чем взяткополучателей.

Некоторые области жизни стали обычной ареной для сделок, включавших взятки. Например, взяточничество, по-видимому, было широко распространено в жилищном отделе Московского горисполкома, отвечавшего за выделение квартир жителям города. Определенная сумма, сунутая из-под полы работникам жилотдела, могла сократить срок ожидания для нуждающихся в квартире с четырех месяцев до суток¹⁸. Взяточничество процветало также на железнодорожном транспорте, где приходилось доплачивать сверху за то, чтобы просто получить билет на пассажирский поезд. ВЧК (политическая полиция) 12 января 1922 г. издала распоряжение, в котором отмечала, что «развивающееся взяточничество на железнодорожных путях сообщения РСФСР приняло за последнее время небывало широкие размеры и наносит колоссальный вред Республике»¹⁹. И в других сферах взяточничество представляло собой рядовое явление. Предприниматели платили железнодорожникам за гарантию быстрой доставки товара, сцепку и расцепку грузовых вагонов, за то, чтобы до их сотрудников дошло продовольствие. Очень плохо оплачиваемая сельская милиция взымала «подарки» деньгами или самогоном. Сообщения о судьях, оказывающих поправки в обмен на спиртное и продукты, наводняли местные и центральные следственные органы. Давно укоренившиеся в деревне формы взаимобмена между крестьянами и чиновниками получили клеймо «взяточничества» от режима, намеренного искоренить «нецивилизованные остатки» царского прошлого²⁰.

Почему большевики так ревностно осуждали берущих взятки должностных лиц? Отчасти по тем же причинам, что и руководство других государств: взяточничество ослабляло центральный государственный контроль над управлением и экономикой. Повсеместное взяточничество подтачивало власть и сужало сферу влияния государства как потому, что подрывало легитимность нового правительства в глазах населения, так и потому, что правительство не могло положиться на коррумпированную бюрократию при проведении своей политики.

Впрочем, режим имел и другие основания для гонений на взяточников. В глазах большевиков взяточничество входило в число

наихудших преступлений эпохи царизма. Оно представляло собой вопиющий пример использования богатыми денег для того, чтобы покупать официальные услуги, лишая простых людей справедливого правосудия и крепить власть своего класса с целью эксплуатации трудящихся масс. Понятие взятки служило чрезвычайно доступной метафорой контроля богатых над всем государством за счет бедных. Взяточничество идеально символизировало пропасть между «государством» и «народом» при капитализме; предполагалось, что социализм сотрет это различие. Согласно мировоззрению большевиков оно неизменно существовало при царях не только потому, что государство его терпело, но и потому, что оно, по сути, являлось ключевой частью центральной нервной системы государства. При капитализме взяточничество якобы имело абсолютно *наущное* значение для выживания всей системы.

Таким образом, новый режим отводил взятке большую символическую роль: она воплощала капитализм в целом, поскольку буржуазия «подкупала» должностных лиц. Постоянно велись разговоры именно о «подкупе» государства, о том, что при капитализме продаются людская совесть и верность (как и все прочее). При описании и осуждении старорежимного взяточничества шли в ход «рыночные» термины: покупка и продажа услуг и доступа к чему-либо, посредники-маклеры, прибыль и комиссионные, — а в основе всего лежала мысль, что должности и должностные лица продавались тому, кто больше заплатит. Социализм обещал покончить с этим «духом продажности», как выразился один комментатор, искоренив капитализм²¹. Свержение капитализма означало освобождение от влияния гнусных, тайных закулисных сделок, помогавших эксплуататорским классам сохранять свое положение. Представление о всеохватывающем классовом антагонизме играло определяющую роль в первых антикоррупционных усилиях советской власти, как почти во всем, что делали большевики.

Взяточничество для большевиков олицетворяло также *моральный* упадок капитализма. Коррупционные отношения, по их мнению, образовывали гнилой стержень старого мира. С этой точки зрения, наступление на взяточничество являлось важным аспектом попытки создать чиновника нового образца — редко встречавшегося в царской России — честного и беспристрастного бюрократа, который будет видеть свой долг в служении трудовому народу, а не алчной буржуазии²².

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. резко усилилось беспокойство по поводу взяточничества в партийных и судебных органах, что совпало с насильственными мерами Сталина по очистке деревни от капиталистических «элементов» путем коллективизации сельского хо-

зайства. Главными виновниками взяточничества снова объявлялись враги социализма, на сей раз так называемые кулаки – предположительно «богатые» крестьяне, сопротивлявшиеся посягательствам государства на их землю, сельхозинвентарь, технику и скот. Согласно официальным разъяснениям, кулаки пытались сохранить за собой землю, откупаясь от заготовителей и местных представителей власти продуктами и (особенно) спиртным²³. Таким образом, власти опять говорили о взяточничестве как о средстве классовой войны, в ходе которой капиталистические элементы, например кулаки, пользовались любым доступным оружием, дабы помешать упрочению власти «народа».

В середине и конце 1930-х гг., однако, внимание правоохранительных органов как будто отвлеклось от проблемы взяточничества. Прокуроры начали пренебрегать этим преступлением по ряду причин. Одним из важных факторов стало официальное утверждение, будто взяточничество, как многие преступления, в социалистическую эпоху практически устранено из советского общества, за редкими нетипичными исключениями. Такое объяснение приобрело популярность особенно с окончанием коллективизации и объявлением, что социализм «построен», в 1936 г. С тех пор взяточничество рассматривалось как пережиток почти отмершей капиталистической системы и *должно было* стоять на грани исчезновения. Считалось, что лишь отдельные «саботажники», «кулаки», «вредители», некоторая часть дореволюционной интеллигенции и прочие «враги трудового народа» могут заниматься этим постыдным делом.

Кроме того, политические приоритеты режима вступили в новую фазу. В огне террора и охоты на ведьм органы безопасности маниакально сосредоточились на арестах «политических» преступников и вылавливании опасных «социальных отщепенцев». Партийных руководителей занимало преследование троцкистов и других «предателей», которые обвинялись по статье 58 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., касавшейся различных преступлений против государства. В тот период сверхбдительности по отношению к «врагам народа» взяточничество редко попадало на радары партии и органов безопасности. Когда оно все же *разоблачалось*, то, подобно любым должностным преступлениям в 1930-е гг., трактовалось властями как сознательный антисоветский акт, предпринятый с целью подрыва социализма. Так же как в 1920-е гг., взяточничество считалось атакой на всю социально-экономическую систему, а не просто отмирающим культурным артефактом либо плодом жадности или отчаяния отдельного индивида.

Итак, накануне Второй мировой войны взяточничество, с официальной точки зрения, продолжало существовать лишь в небольшом

«отсталом» сегменте советского общества, среди крошечной доли населения, все еще зараженной ядовитым, но отмирающим наследием «буржуазной» идеологии и привычной алчностью, связанной с частной собственностью. Несмотря на официальные прокламации, взяточничество, конечно, в 1930-е гг. никуда не делось. Его виды и сферы проявления в основном оставались теми же, что и в предыдущем десятилетии. В судах, милиции, жилищных и снабженческих ведомствах, инспекциях, промышленности, армии, колхозах – советские люди совершали сделки с должностными лицами, чтобы обмануть процедуры и правила, получить освобождение от обязательств либо иным образом «подмазать колеса» в обход официальных установлений²⁴.

В общем и целом, большевики верили, что если они сумеют уничтожить капиталистическую инфраструктуру и корпорации, разорвать связь между правительством и частным капиталом, то для коррупции не останется почвы. Они правильно идентифицировали взяточничество как *сделку* между по меньшей мере двумя сторонами (обычно вступающими в нее добровольно). Но аргумент, что взятки в ходу только среди состоятельных, алчных негодяев, в ком еще живо наследие капитализма, искажал природу социальной жизни. Бедные и отчаявшиеся – и обнищавшие бюрократы, и притесняемые простые люди – тоже совершали сделки, так же как представители нарождающихся среднего класса и свободных профессий. Большевистский анализ, сильно отягощенный моральной и идеологической тенденциозностью, не давал увидеть многообразие функций и причин взяточничества в обществе царской России и первых лет советской власти. Корень недопонимания таился в основополагающей уверенности, что хорошие, честные, преданные советские граждане никогда не будут вступать в незаконные сделки с должностными лицами. Аналогично фантазии, будто в социалистической стране взяточничества не может быть, упускали из виду тот факт, что подобные отношения существовали столько же, сколько существуют государства, и не выказывали признаков исчезновения.

Послевоенный «базар» коррупции

В период послевоенного сталинизма большинство преступлений, трактуемых в данном исследовании как «коррупция», включая взяточничество и злоупотребление служебным положением, относились, по формулировке УК РСФСР 1926 г., к категории «должностных преступлений». Понятие «злоупотребление служебным положением», к примеру, охватывало преступления должностных лиц, наносящие материальный ущерб государству, которые не попадали

точно под другие статьи кодекса. Злоупотребление служебным положением (ст. 109 УК РСФСР) определялось как действия должностного лица, которые нарушали правильную работу учреждения или предприятия и влекли за собой имущественный ущерб или нарушения общественного порядка. Власти сетовали, что многие люди, которых следовало бы судить за преступления более тяжкие, вместо этого обвинялись в злоупотреблении служебным положением. В одном из докладов прокуратуры, например, отмечалось, что суды слишком часто осуждают растративших фонды директоров магазинов за злоупотребление служебным положением, а не за хищение государственной собственности, требующее гораздо более суровой кары²⁵. Число осужденных за злоупотребление служебным положением выросло с 47 тыс. чел. в 1940 г. до 48,5 тыс. чел. в 1944 г. и 72 тыс. чел. в 1946 г., достигнув пика (82 тыс. чел.) в 1946 г.²⁶

Наиболее значительный послевоенный закон, касавшийся правонарушений должностных лиц, был направлен против хищения «социалистической и общественной» собственности. Выражение «социалистическая и общественная собственность» подразумевало собственность государства, имущество колхозов, профсоюзов, клубов и других так называемых кооперативных организаций. Определение «социалистическая» применительно к собственности, по сути, служило синонимом «государственной».

Чрезвычайно суровый указ, выпущенный 4 июня 1947 г. (известный как указ от 4 июня), предусматривал не менее 7 лет заключения за хищение государственной собственности, минимальное наказание за которое прежде составляло три месяца лишения свободы²⁷. За повторные, «групповые» преступления и хищения в особо крупных размерах печально знаменитый указ вменял в обязанность давать от 10 до 25 лет²⁸. (Смертную казнь отменили парой недель раньше, в мае 1947 г.) До 1947 г. такие преступления карались по ст. 116 УК о растратах и злоупотреблениях; ст. 162 о расхищении и мелких кражах госсобственности; указу от 7 августа 1932 г. Согласно одному докладу, присланному Сталину и Г. М. Маленкову министром юстиции СССР К. П. Горшениным, материальный ущерб от хищений госсобственности оценивался в 1948 г. почти в 1,5 млрд руб., а в 1949 г. более чем в 1,2 млрд руб. Причем, заметил Горшенин, из-за недостатков в раскрытии и учете хищений реальные цифры наверняка намного больше²⁹.

Число приговоров, выносимых за год обычными судами за хищение государственной собственности, в тот период варьировало от более чем 454 тыс. в разгар кампании против хищений госсобственности в 1947 г. до примерно 180 тыс. в 1952 г.³⁰ В партийных рядах злоупотребление служебным положением и хищение социалистической соб-

ственности также являлись часто наказуемыми проступками; с 1946 по 1951 г. около 180 тыс. чел. были исключены из Коммунистической партии за такие нарушения³¹. Среди исключенных партийцев расхитители госсобственности составляли самую большую долю из 15 категорий виновных в правонарушениях, которые могли повлечь за собой исключение. В те годы от 27 до 31 % исключенных потеряли партбилет за злоупотребление служебным положением или хищение государственной собственности.

Фактически указ 1947 г. о хищении государственной собственности породил классическую советскую кампанию: короткий период массовых арестов в месяцы, последовавшие за его обнародованием, затем постепенный спад преследований по мере затухания кампании. Под ее каток попали три категории советских подданных. Во-первых, в 1947–1953 гг. указ привел к аресту сотен тысяч колхозников, обвинявшихся в воровстве продуктов, скота или зерна из колхозов после голода 1946 г. По-видимому, указ и был вызван к жизни этим массовым расхищением колхозной продукции голодающими колхозниками во время неурожая. Помимо них, сотни тысяч промышленных рабочих обвинялись по указу от 4 июня в воровстве фабрично-заводского имущества³².

Однако по этому указу арестовывались в массовом порядке также представители третьей социальной категории – ответственные работники и служащие. Третий тип имущественных преступлений привлекает меньше внимания ученых, обсуждающих указ от 4 июня. Как показывают имеющиеся данные, лишь половину арестованных за хищение госсобственности в 1947–1952 гг. составляли рабочие и колхозники; среди остальных очень много должностных лиц. Десятки тысяч их были арестованы, осуждены и приговорены к предписанным длительным срокам заключения за разного рода кражи государственной собственности при исполнении своих служебных обязанностей.

На указ от 4 июня стоит смотреть не исключительно как на меру против воровства крестьян и рабочих, а как на атаку в трех направлениях, включая служащих, например бухгалтеров и счетоводов, а также директоров предприятий, магазинов, заведующих складами и председателей колхозов. Почему указ затронул бюрократический аппарат? Расхищение государственной собственности во время и после войны возрастало, и это было сочтено крайне вредным для государственных интересов³³. Советские власти заявляли, что социалистическая собственность на средства производства, один из главных оплотов советского общества, в ответе за его научно-технические достижения, которые способствовали победе во Второй мировой войне.

Кроме того, прокуроры обнаружили, что должностные лица стояли во главе многих схем хищения. Довольно часто ключевую роль

в самых крупных и лучше всего организованных преступлениях играли ответственные работники. Они могли содействовать преступлениям, «колдуя» с бухгалтерской отчетностью, покрывая кражи со складов, сбывая товары спекулянтам, используя свои связи или положение для маскировки преступной деятельности и собственной выгоды. Еще в конце 1946 г., когда представители заготовительных органов сетовали на масштабы воровства в колхозах, многие из них винили не только крестьян, но и административных работников. В сентябре 1946 г., например, министр заготовок СССР Б. А. Двинский жаловался в Совет министров, что в большинстве дел лица, ответственные за охрану украденной продукции, такие, как заведующие складами и заготовительными пунктами, были замешаны в кражах³⁴. В письме Берии, датированном 30 декабря 1946 г., министр юстиции Н. М. Рычков излагал подробности ряда крупных дел о краже зерна. Почти в каждом случае прокуроры утверждали, что движущей силой махинаций являлся администратор – председатель колхоза или директор совхоза³⁵.

Сосредоточенность режима на защите государственной собственности в сочетании со всеобщей послевоенной неразберихой создала обстановку, в которой старания покончить с хищениями госсобственности вылились в широкомасштабные аресты должностных лиц. Можно утверждать: указ от 4 июня составлял часть антикоррупционных усилий, нацеленных, в частности, на средний и нижний уровни бюрократии, которые подкреплялись возникшим среди некоторых представителей судебной и партийной власти ощущением, что воровство ответработников стремительно выходит из-под контроля. Не то чтобы июньский указ, кстати, составленный и редактировавшийся лично Сталиным³⁶, метил *в первую очередь* в должностных лиц, заподозренных в краже госсобственности. Власти, скорее всего, задумали его во время голода 1946–1947 гг., желая модернизировать августовский указ 1932 г., который применялся для преследования отчаявшихся крестьян, воровавших продовольствие в годы голода после коллективизации. Указ 1932 г. предписывал минимальное наказание за хищение госсобственности (в ту пору главным образом кражу зерна и скота из колхозов) в виде 10 лет заключения, а в особо чудовищных случаях позволял смертную казнь. Количество осужденных по нему достигло пика в 1933 г., а затем быстро пошло на спад³⁷. Указ от 4 июня пошел дальше августовского указа 1932 г., распространившись на некоторые должностные преступления, включая растрату и присвоение средств или государственного имущества (по ст. 116), которые раньше в уголовном кодексе не относились к имущественным преступлениям. Поэтому такие преступления теперь карались гораздо строже – как правило, не менее чем семилетним сроком лишения

свободы³⁸. Полезность указа от 4 июня для наказания злоупотреблений официальных лиц, вероятно, стала более очевидна, когда его начали применять на практике³⁹.

Взятничество как вид преступления – историческая справка

В более широком контексте борьбы с должностными преступлениями взяточничество имело свои интересные особенности. Примечательно, что наказания, установленные УК РСФСР 1926 г., не менялись до 1953 г. (и дальше; первый их пересмотр произошел в Уголовном кодексе 1960 г.), несмотря на огромные политические и экономические перемены. Две статьи УК РСФСР 1926 г. касались взяточничества, которое закон определял как ненадлежащее влияние на выполнение должностным лицом своих служебных функций в интересах дающего взятку⁴⁰. Люди, *получавшие* взятки, обвинялись по ст. 117, тогда как *дача* взятки и посредничество во взяточничестве подпадали под ст. 118. Уголовный кодекс классифицировал взяточничество как должностное преступление – т. е. преступление, совершаемое должностным лицом благодаря своему служебному положению. Кодекс не относил взяточничество ни к хозяйственным преступлениям (как, например, спекуляция), ни к преступлениям против социалистической собственности (таким, как кража).

Конечно, раздача взяток часто представляла одно из важнейших условий в схемах спекуляции, растраты и присвоения госсобственности. Закон признавал, что взятка может предлагаться наличными либо в форме иных ценных вещей (или услуг), включая «скот, зерно, одежду, мануфактуру, водку, продукты питания и т. п.»⁴¹. По закону, даже если должностные лица просто принимали подарки, сделав то, чего закон от них требовал, они тем самым совершали преступление в виде взяточничества. Должностные лица не могли дополнительно «вознаграждаться» за исполнение части своих обычных обязанностей. Обвинявшиеся во взяточничестве нередко оправдывались именно в этом духе: дескать, ничего преступного не сотворили, всего лишь приняли знак благодарности за хорошо сделанную работу. В отличие от царского законодательства, советское рассматривало даже такое вознаграждение постфактум как серьезное преступление, подлежащее наказанию по статьям о взяточничестве.

До 1946 г. служащий-взяточник мог получить при отягчающих обстоятельствах от 5 до 10 лет заключения, хотя столь суровые приговоры бывали довольно редко. Большинство осужденных за получение или дачу взяток до 1946 г. приговаривались к лишению свободы на

срок от 6 месяцев до 2 лет, к условным срокам либо исправительным работам на рабочем месте. После введения крутых мер летом 1946 г. наказания несколько ужесточились (хотя законы не изменились), и большинству осужденных взяточников и взяточдателей давали от 2 до 5 лет, при отягчающих обстоятельствах – до 10 лет.

Невозможно точно определить абсолютный уровень взяточничества в столь закрытом обществе, как сталинский СССР. (Даже в демократических обществах со свободной прессой и сравнительно доступными данными по преступности рассчитать масштабы незаконной экономической деятельности неимоверно сложно.) Тем не менее и рассказы из жизни, и архивные материалы свидетельствуют о широкой распространенности этого явления после войны. Хотя криминальная статистика, вероятно, не говорит всего, в 1945–1953 гг. самое большое число осужденных за взяточничество по стране за год составляло только около 5,6 тыс. чел. (в 1947 г.) – цифра, явно сильно заниженная, как всегда, когда речь идет о делах такого рода⁴². Как обычно бывает во всем мире, лишь малая доля случаев взяточничества раскрывалась или преследовалась в судебном порядке. В СССР возможности для взяточничества были чрезвычайно разнообразны, а различные его схемы с большим трудом поддавались выявлению⁴³. Расхождение между реальными масштабами таких преступлений и числом осужденных за них отчасти объяснялось трудностями, с которыми сталкивались правоохранительные органы при их раскрытии, а затем преследовании. Взятка – сделка тайная, без свидетелей, участвуют в ней, как правило, всего два человека (иногда три, если кто-то действует в качестве посредника). Кроме того, как заметила Сьюзен Роуз-Аккерман, «обе стороны сделки заинтересованы в том, чтобы посторонние не догадались о значении платежа, и всеми силами стараются о нем молчать»⁴⁴. Обеим сторонам было выгодно, чтобы успешная операция навсегда осталась нераскрытой.

Отголоски войны

В сентябре 1946 г., менее чем через 18 месяцев после триумфального завершения войны, редакционная передовица в солидном советском юридическом издании, ежемесячном журнале Прокуратуры, Министерства юстиции и Верховного Совета СССР «Социалистическая законность», обрушилась с громами и молниями на тех советских администраторов, которые не извлекли уроков из героического военного опыта. Администраторы-взяточники порицались и осуждались как значительная угроза послевоенному порядку. Редакция относила тревожный рост взяточничества на счет

ничтожного меньшинства морально развращенных должностных лиц, которым недоставало патриотизма и чувства долга. В период послевоенных трудностей эти немногие порочные бюрократы воспользовались ситуацией. «Во время Великой Отечественной войны организованная, четкая деятельность всех звеньев государственного механизма способствовала успешному разрешению военных задач, вставших перед нашей страной», – заявлялось в статье⁴⁵. Авторы цитировали сталинскую речь от 6 ноября 1942 г., превозносившую труд советского народа в тылу: «В результате всей этой сложной организаторской и строительной работы преобразилась не только наша страна, но и сами люди в тылу. Люди стали более подтянутыми, менее расхлябанными, более дисциплинированными, научились работать по-военному, стали сознавать свой долг перед Родиной...» Вторя словам Сталина, редакция подтверждала, что государственный аппарат сыграл большую роль в этой жизненно необходимой работе. Однако, зловеще предупреждала она, отдельные звенья госаппарата «не свободны еще полностью от людей, лишенных чувства гражданского долга, от всякого рода случайных элементов, разгильдяев и жуликов, расхищающих социалистическую собственность, подрывающих правила социалистического общежития, нарушающих государственную дисциплину».

Далее авторы особо выделяли должностных лиц, берущих взятки. Эти преступники морально слабы, им нет места в советском обществе. Взяточники подтачивают способность партии к защите государственной собственности и плановому распределению благ среди населения: «Преступные и морально неустойчивые элементы, проникшие в государственный и хозяйственный аппарат, нередко становятся на путь злоупотреблений, получения и вымогательства взяток в целях расхищения социалистической собственности. Взяточники нарушают нормальную работу государственного и хозяйственного аппарата, подрывают государственную дисциплину и строгое плановое начало – этот непреложный закон советской системы хозяйства». Передовица клеймила берущие взятки «элементы» как «тунеядцев и врагов социализма».

В реальности, впрочем, дело обстояло гораздо сложнее и, по сути, гораздо серьезнее, чем подразумевал этот образчик праведного негодования. Война и ее последствия представляют собой практически непризнанный переломный момент в создании питательной среды для того типа коррупции, который стал характерной особенностью дальнейших периодов советской истории. Конечно, подобные преступления существовали до 1941 г. В начале 1930-х гг. введение пятилетних планов и коллективизация сельского хозяйства стимулировали рост черных рынков и других неформальных институтов внутри

обобществленной экономики. В период же войны и послевоенного восстановления сложились условия, которые помогали ускорить процессы и усилить механизмы подпольной экономической деятельности и коррупции. Эти годы открыли предприимчивым государственным служащим, контролировавшим распределение дефицитных товаров и услуг, новые возможности для незаконных сделок с отчаявшимися советскими гражданами и друг с другом⁴⁶.

Великая Отечественная война и первые послевоенные годы действительно создали плодородную почву для взяточничества. В особенности с 1943 г., согласно архивным источникам, начался расцвет самых разнообразных видов должностных преступлений. Условия для такого роста коррупции возникли – или приобрели более выраженную форму – во время войны⁴⁷. Перемещение населения, бедность, крайняя нехватка жилья и продовольствия, расстройство судебно-правовой системы, перебои в распределении товаров и голод поставили в тяжелейшее положение многих советских людей, ищущая должностных лиц воспользоваться преимуществами своего служебного положения. Как говорится в одном докладе Министерства юстиции, «общий моральный подъем в стране» в начале войны послужил одной из основных причин спада преступности в 1941–1943 гг.⁴⁸ Однако в 1944 г. аресты за многие типы преступлений, включая хищение госсобственности, злоупотребление служебным положением и взяточничество, существенно участились. На 1947 г. число осужденных за должностные преступления на 40 % превысило довоенный уровень⁴⁹. Этот рост оставался главной заботой властей в период позднего сталинизма и в конечном счете свидетельствует, что правоохранные органы уделяли подобной деятельности больше внимания.

Вместо того чтобы попытаться противостоять своим правителям или даже свергнуть их, советские граждане в отчаянно трудный послевоенный период искали способы справиться с истощением и нищетой. В такой обстановке недозволенные сделки с должностными лицами стали первейшим средством выживания. Страстно желая (и все больше ожидая) мира, стабильности, крова, работы в награду за жертвы времен войны, люди вступали в тайные, пусть и противозаконные, соглашения с местными представителями государства, которые были в состоянии помочь им. Взятки, сунутые кому следует, смазывали механизмы как теневой, так и официальной экономики.

Правоохранные органы определяли 1943–1946 гг. как период, когда взяточничество снова превратилось в серьезную проблему во многих областях советской жизни. Характерная для 1930-х гг. точка зрения, что взяточничество в советском обществе практически исчезло, по сути, уже не встречается после войны во внутренних об-

суждениях вопроса преступности в партийном и правоохранительном аппарате. Одна инструкция генерального прокурора СССР в середине 1946 г. напоминает о довоенном взгляде сквозь «розовые очки», утверждая, будто за годы советской власти к началу войны взяточничество было почти полностью ликвидировано, главным образом благодаря органам прокуратуры⁵⁰. Тут слышатся отголоски официальной линии, гласившей, что государство до войны в основном покончило со взяточничеством. Сама прокуратура ставила себе в заслугу успехи в пресечении взяточничества до 1941 г., гордясь его отсутствием.

Однако в той же инструкции 1946 г. отмечается, что в последнее время ситуация изменилась к худшему и отвратительный порок взяточничества опять получил широкое распространение. Оно появилось даже среди работников прокуратуры – тех самых людей, которые призваны вести безжалостную борьбу с этим столь опасным для государства преступлением. Раз прокуратура признала скачок такого рода преступности во время войны, тем самым пятная собственную «летопись подвигов», значит, дела действительно обстояли весьма скверно.

Сферы наибольшего расцвета взяточничества указывают на слабые места послевоенного советского общества. Серьезные нарушения в системах производства, распределения, оформления документов, снабжения, транспорта и (как будет показано в дальнейших главах) правоприменения порождали неформальные (и зачастую незаконные) отношения между советскими гражданами и бюрократическим аппаратом. Подобные отношения играли значительную роль во многих центральных областях советской жизни: при распределении жилья, на железных дорогах, в кабинетах местной администрации, на рабочем месте. В сущности, можно утверждать, что взятка выполняла много важнейших социально-экономических функций, служа людям подспорьем, которое помогало справляться с кризисами и повышать уровень жизни.

Как улаживались дела: Виды и функции взятки

Кто хватался за возможность участия в обмене подарками с должностными лицами после войны и какими мотивами при этом руководствовался? На каких аренах советской жизни это сильнее всего преваляло? Какие функции выполняло в послевоенном советском обществе? В большинстве судебных дел о взяточничестве фигурировали ответственные работники среднего и низшего звена, выторговывавшие относительно небольшие денежные суммы или

ценности у людей любого социального уровня, от бьющихся с нуждой колхозников и промышленных рабочих до сравнительно благополучных директоров магазинов и заводов.

Изучение картины взяток можно структурировать в соответствии с целями, которым последние служили, и мотивами людей, их предлагавших. Сделки на основе обмена подарками позволяли людям маневрировать в обществе, управляемом на множестве уровней чрезвычайно склонной к волюнтаризму и неорганизованной государственной бюрократией. Вероятно, наилучшим термином для характеристики государственного управления в период позднего сталинизма будет русское слово «произвол», подразумевающее одновременно деспотичность, репрессивность, избыточность и непредсказуемость бюрократии.

В интересах группировки многих возможных типов взяток мы создали четыре общих (порой пересекающихся и отнюдь не взаимоисключающих) категории. Две из них были более распространены в быту, а две другие – связаны главным образом с местом работы. Первая разновидность взяточничества, характерная для повседневного быта, охватывала незаконные сделки, которые люди устраивали, дабы получить то, что, по их мнению, государство *должно им по закону*: жилье, социальные льготы, работу, проезд на транспорте. Взятки второго типа советские люди платили за услуги *в обход закона* – чтобы отвертеться от налогов или других обязательств перед государством, приобрести необходимые документы или прописку. На работе обладатели руководящих постов прибегали к третьему типу взяточничества в стремлении к дополнительным доходам и пользовались своим положением и властью, вымогая «дань» с нижестоящих. Такая дань часто принимала форму платежей от *чьих-то подчиненных*, часть которых *сам их начальник* потом выплачивал вышестоящим в иерархии, – вариант феномена «подношений». Наконец, управленцы совершали разного рода подпольные платежи ради выполнения плана в условиях хаотичной и крайне неэффективной экономики.

В главе 2 будет рассмотрено взяточничество в непрозрачных и откровенно карательных системах охраны правопорядка и уголовной юстиции.

Документы и квартиры

Удачные сделки с госслужащими помогали советским людям преодолевать препятствия, воздвигаемые неповоротливым государственным бюрократическим аппаратом. Взятки первой категории имели целью получение того, на что человек имел право по закону,

но чего не мог добиться из-за негибкости, некомпетентности или перегруженности официальных лиц. Благодаря таким платежам люди вырывали из хитросплетений бюрократии вещи первой необходимости, в том числе важные документы, жилье и услуги транспорта.

Отдельные лица всецело зависели от государственных ведомств в деле оформления насущно необходимых бумаг, удостоверяющих их трудовой стаж, личность, место жительства, включая внутренние паспорта. Повальное уничтожение личных документов и ведомственных архивов во время войны еще обострило потребность населения в массе разнообразной документации. Споры по поводу этих документов – либо их утраты и замены – могли проходить через множество отделов местной или городской администрации, чьи кадры находились в наилучшем положении, чтобы требовать незаконную «мзду» за решение проблем. Положение же индивидов, имеющих дело с бюрократией, которая зачастую не рассматривала их проблемы справедливо и вовремя, оказывалось чрезвычайно невыгодным. К примеру, пенсионеры, семьи с детьми, инвалиды, больные имели право на материальную помощь от государства. Некоторые должностные лица создавали таким людям препятствия в получении положенных льгот, содействуя процессу только после подношения ценного подарка. Просителям приходилось платить за ускорение канцелярской волюнтаристике. По одному делу 1949 г. в Измайловской области Украинской ССР бухгалтер областного финансового отдела получил два года тюрьмы за отказ выдать субсидию женщине с детьми, если та ему тайком не заплатит⁵¹.

Один из главных мотивов для платы подобного типа порождался чудовищным жилищным кризисом в послевоенном СССР. Тогда в этой сфере существовали огромные трудности, в том числе с получением квартир. По статистике прокуратуры, незаконные платежи, связанные с жилищными проблемами, занимали второе место среди самых распространенных в послевоенные годы типов взяток, уступая только взяткам сотрудникам правоохранительных органов. В одном исследовании в феврале 1947 г. Прокуратура РСФСР обнаружила, что целую треть от 404 чел. в ее выборке арестованных за взятки составляли работники жилищных управлений⁵².

Квартира представляла собой одну из самых дефицитных и вожделенных вещей в СССР. Наличие жилья снизилось до критического уровня еще в 1930-х гг., когда миллионы людей хлынули на новые промышленные стройки и в старые, уже обустроенные города⁵³. Война усугубила нехватку, разрушив огромное количество жилищного фонда. Сразу после войны, например, один судебный работник в Белорусской ССР сообщал, что, «по данным Государственной Чрезвычайной Комиссии по установлению и расследованию злоде-

яний немецко-фашистских захватчиков и их соучастников – в городе Минске уничтожено 80 % строений, в гор. Витебске – 90 %, в гор. Гомеле – 85 %, в гор. Могилеве – 70 %». Как отмечает историк Карл Куоллз, в Севастополе остались пригодными к эксплуатации всего 16 % жилых зданий. В целом было, вероятно, уничтожено жилье для 25 млн чел.⁵⁴ Добавляя неразберихи, военные и гражданские власти после нападения Германии 22 июня 1941 г. эвакуировали более 16 млн чел. вглубь страны на восток. По дороге домой некоторые эвакуированные обнаруживали, что должны платить просто за разрешение проживать в городах, откуда они бежали.

Вернувшись в родной город, люди боролись за возврат своих квартир. Однако значительная часть жилищного фонда была передана государственным или военным ведомствам, которые зачастую всячески старались не отдавать людям их имущество, невзирая на их жалобы городскому руководству. Иногда гражданам приходилось давать взятки работникам жилотделов, чтобы получить обратно собственные квартиры (или не быть из них выселенными). Судебно-следственные органы отмечали, что такая ситуация вызывала «нездоровые настроения и недовольство», в том числе негодование из-за тайных выплат и «подарков», требуемых сотрудниками жилищных органов. В ноябре 1943 г. главу жилуправления Ворошиловского района г. Баку судили и приговорили к 7 годам заключения за получение взятки в размере 3 800 руб. за предоставление некоему гражданину вместо его «маленькой» жилплощади (18 м²) – «большой» (36 м²)⁵⁵.

В конце войны чудовищная нехватка жилья сделала служащих жилищных ведомств весьма желанными партнерами для операций со взятками. С 1945 по 1948 г. на имеющиеся в стране жилые площади устремились 8,5 млн демобилизованных солдат, сильно обострив уже критическую ситуацию. Только с мая по декабрь 1945 г. армия демобилизовала 4,8 млн чел. Демобилизация создала огромную нагрузку и на городской, и на сельский жилищный фонд. Неудивительно, что многим ветеранам найти квартиру стоило большого труда⁵⁶. В 1946 г. следственные органы обвинили инспектора жилотдела в Тбилиси (Грузия) в вымогательстве денег у солдат, возвращающихся с фронта и нуждающихся в жилье. Дело было приостановлено, после того как инспектор скрылся от милиции⁵⁷. Одна одесская газета клеймила позором явление, когда раненых фронтовиков принуждают делать ценные «подарки», чтобы получить жилплощадь⁵⁸.

В Москве ситуация с жильем была крайне плачевной. В 1943–1944 гг. в город вернулись сотни тысяч эвакуированных. Немецкие бомбежки повредили свыше 20 тыс. жилых зданий столицы⁵⁹. Многие москвичи, возвратившись из эвакуации, обнаруживали, что союзные ведомства или, чаще, жилотдел Московского горисполкома отдали

их квартиры другим людям либо учреждениям. Новые квартиросъемщики нередко отказывались освободить площадь в пользу прежних. Эти обстоятельства открывали перед работниками московской жилищной администрации огромные возможности. Не сумев разрешить спорные вопросы через городские жилотделы, люди могли подавать иски в суды, которые вскоре погрязли в тысячах жилищных дел. Уже в конце 1944 г. органы внутренних дел арестовали ряд московских судей за взятки от вернувшихся эвакуированных, с полным правом добывавшихся возврата своей жилплощади⁶⁰.

Председатель Верховного суда СССР И. Т. Голяков вспоминал, что массовое возвращение из эвакуации создало большую неразбериху⁶¹. Разные работники жилищных органов и судьи, писал он, часто давали обеим сторонам спора из-за жилья право занять одну и ту же площадь. Подобные решения порождали бесконечные разногласия, в которые нередко вмешивались ответственные работники министерств и ведомств. Во многих случаях, по словам Голякова, суды, даже рассмотрев документы, путанные и противоречивые, просто не могли установить, кому в действительности принадлежит право на квартиру⁶².

В письме Сталину от 18 сентября 1947 г. министр внутренних дел С. Н. Круглов описывал множество случаев взяточничества, раскрытых органами внутренних дел в московской жилищной администрации⁶³. Директор жилищного управления Таганского района Москвы, писал он, незаконно предоставила жилплощадь некоему гражданину Мерзлякову за взятку в 7 тыс. руб.⁶⁴ В другом примере, приведенном Кругловым, директор райжилотдела и его бухгалтер незаконно давали квартиры – и прописку – разным людям, от которых получали взятки.

В одном трагическом случае, документально зафиксированном в архивах Прокуратуры СССР, некто Н. К. Акулов пошел на отчаянный шаг, не сумев получить обратно свою квартиру, после того как вернулся из армии в 1944 г.⁶⁵ С 1933 г. Акулов служил в НКВД, в комендатуре Кремля. Не допущенный на прежнюю жилплощадь на Мещанской улице (очевидно потому, что кто-то другой дал взятку влиятельному лицу), он с женой и двумя маленькими детьми самовольно вселился в пустующую квартиру, ожидая, пока ему разрешат занять прежнее жилье или дадут новое. 22 ноября 1949 г. милиция по ордеру прокуратуры «насильственно» выселила семейство с незаконно занятой площади, судя по письму жены Акулова к Берии. Два месяца Акуловы жили в коридоре. Их сын не мог ходить в школу. Будучи «физически неспособен это выносить», Акулов с семьей очень неохотно переехал к теще в ветхую, «полуразрушенную» 10-метровую комнатку. Поскольку там не нашлось места для кровати, все

спали на полу. Зимой сквозь трещины в стенах в комнату наметало снег. В конце концов 11 января 1951 г. Акулов покончил с собой. Он оставил мрачную записку о своих обманутых послевоенных надеждах и своей уверенности, что разгул взяточничества – одно из многих негативных явлений, уродующих советское общество: «Отдать всё работе, все силы, здоровье и благополучие семьи и за это не иметь ничего, остаться ни при чем – это уже слишком, винить никого не хочу, а законы не судят. Эгоизм и подхалимство, взяточничество и бюрократизм процветают всюду, с такими показателями не придешь к коммунизму». Сам генеральный прокурор Г. Н. Сафонов подключился к расследованию, правда, не выказал сочувствия к жалобам жены Акулова. «Судя по поведению Акулова перед смертью, – писал Сафонов, – самоубийство явилось, очевидно, результатом расстроенной психики». (О дальнейшей судьбе жены и детей Акулова в материалах дела сведений нет.)

Следственные материалы прокуратуры открывают поразительную картину расцвета взяточничества в сфере распределения дефицитной жилплощади. Один случай, впервые вскрытый в 1950 г., показывает, что в конце 1940-х гг. для московских элит (и нарождающегося среднего класса), желавших обменять свое жилье на квартиру побольше и получше, образовался вторичный, теневой «рынок» жилья. От представителей привилегированных слоев, которые стремились обеспечить себе улучшенные жилищные условия в обход существующей очереди, поступали незаконные платежи администраторам, распоряжавшимся жильем, иногда через профессиональных подпольных «маклеров». Некоторое представление об этом нелегальном рынке для элиты дают документы, описывающие одну особенно обширную схему подобного рода. В январе 1951 г. генеральный прокурор СССР Сафонов в письме Сталину, Маленкову, Хрущеву и Берии обрисовал в общих чертах крупный скандал⁶⁶. Откликнувшись на анонимное письмо в газету «Вечерняя Москва», прокуратура выявила махинации, включавшие большие незаконные платежи, которые через посредников передавались работникам жилуправления Мосгорисполкома сотнями видных персон: известными писателями, художниками, музыкантами, артистами, а также высокопоставленными офицерами (один из посредников работал в жилищном отделе Военно-морского министерства). Список замешанных лиц читаешь почти как справочник «Кто есть кто?» элиты советской литературы и искусства: писатель Константин Симонов, наверное самый знаменитый активный литературный деятель Советского Союза и глава Союза писателей до начала 1950 г., заплатил 25 тыс. руб.; скрипачка Марина Козолупова – 5 тыс. руб. через посредника; популярные певцы Клавдия Шульженко и ее муж Владимир Коралли – 8 тыс. руб. за

улучшение жилищных условий; пианист Яков Флиер – 2,8 тыс. руб. за помощь в получении квартиры; Михаил Гаркави, очень знаменитый конферансье и актер, игравший Геринга в фильме «Сталинградская битва», – 4 850 руб. за аналогичную помощь.

Помимо культурной элиты в деле оказались замешаны известные представители вооруженных сил. Один из первых Героев Советского Союза М. Т. Слепнев заплатил посреднику 3 тыс. руб. за обмен квартиры. Некий генерал-майор Иванов отдал не то 10, не то 20 тыс. руб. Пожалуй, самое удивительное имя в списке – сын митрополита Николая, который передал посреднику 28 тыс. руб. (самую крупную сумму из всех) в надежде на получение лучшей жилплощади.

Сведений о том, что кто-либо из этих людей понес наказание, нет; собственно, Константин Симонов в 1952 г. даже стал членом ЦК⁶⁷.

Помимо того что в данном случае под следствие попали не простые люди, а представители привилегированных слоев, заслуживает внимания еще один необычный факт. Глубоко замешана в махинациях оказалась Вера Васильевна Чапаева – приемная дочь В. И. Чапаева, легендарного героя гражданской войны, погибшего в бою в 1919 г. в возрасте 32 лет⁶⁸. 36-летняя Вера Чапаева, невзирая на столь знаменательный пункт в своей биографии, занимала видное место среди посредников в упомянутых сделках. Факт участия Чапаевой, Симонова и других почтенных деятелей советской культуры в противозаконной схеме свидетельствует о вездесущности взяточничества и его «рынков». Генеральный прокурор Сафонов докладывал подробности расследования лично Сталину (ответ Сталина неизвестен). Как могли уважаемые генералы и знаменитые писатели, прославившие героическую борьбу советского народа с фашизмом, заразиться «буржуазным мировоззрением»? Как могли даже у дочери великого Чапаева сохраниться «пережитки капиталистического сознания»? Война (и революция) в изобилии произвели на свет мифы, включая миф о Чапаеве, простом и бескорыстном борце, пожертвовавшем жизнью в битве со злыми врагами Революции. В том, что столь многие люди искусства, помогавшие распространять эти героические мифы, – вместе с самими героями – участвовали в таком низком, преступном деле, заключалась особая ирония.

Некоторые посредники, успешно занимаясь своим «ремеслом», накопили внушительные капиталы. Обслуживая элиты, они хвалились своими связями и торговали профессиональными знаниями. В квартире одного маклера, Шульгиной, следователи нашли машинописный список 450 с лишним клиентов. Говорят, Шульгина за три года заработала свыше 800 тыс. руб., что по тем временам составляло приблизительно полторы тысячи средних месячных окладов рабочего. С. М. Юркова, еще один успешный маклер, вела картотеку клиентов, которая содержала более 1 200 имен.

Посредники со связями в московских жилотделах имели круг людей, работавших на них: «вербовщиков», которые подыскивали им потенциальных клиентов. Эти вербовщики действовали как своего рода разведывательная сеть посредников. Шульгина наняла для поиска клиентов семерых человек, включая Чапаеву. В конечном счете посредники получили от 2 до 10 лет лишения свободы.

Двое замешанных в деле работников жилищного управления Мосгорисполкома, Мишин и Суязов, несколько лет находились на подозрении у Московской городской прокуратуры, согласно показаниям С. Железникова, который сам был арестован за взяточничество в 1948 г. Железников поведал на допросе, что работники жилуправления попросту «замазывали рот» следователям, которые просили у них улучшения жилищных условий. Один следователь, например, хотел переехать из жалкой конуры в подвале, и Суязов обеспечил ему квартиру гораздо лучше в обмен на закрытие дела против него. Еще в одном случае тот же Суязов откупился от сотрудника ОБХСС. Как показал Железников, лица, которым Суязов давал «прекрасные» квартиры, «занимали крупные руководящие места – директора магазинов и т. д.»⁶⁹.

Все эти примеры подчеркивают тот факт, что и привилегированные, и бедные прибегали к стратегии «покупки» помощи должностных лиц. Незаконные платежи со стороны представителей культурной и военной элиты опровергали официальные заявления, будто лишь самый отсталый, наименее политически грамотный слой способен опуститься до взяточничества. Правда была непригляднее: политические, социальные и культурные элиты, по всей видимости, участвовали в незаконных махинациях ради улучшения своей жизни ничуть не менее охотно, чем «отсталые» массы.

Отчаянная ситуация на железных дорогах

Во время и после войны массовая эвакуация и повреждения транспортных систем наложились друг на друга, создав для железнодорожных служащих заманчивые шансы на извлечение прибыли. В годы войны было разрушено 65 тыс. км путей⁷⁰. Историк Ребекка Мэнли приводит примеры того, как людям, эвакуировавшимся с пути немецкого вторжения, приходилось платить взятки за прописку, которая давала право жить в Ташкенте – одном из главных сборных пунктов беженцев. Если члены семей писателей могли использовать для получения соответствующих разрешений свои связи, то многим другим оставались только взятки. После войны массовое возвращение беженцев подвергло чрезвычайным перегрузкам поврежденную железнодорожную сеть, вызывая огромный спрос на билеты. Работники

транспорта имели практически неограниченные возможности для сделок с требованием дополнительной платы. Семьи, возвращавшиеся из Сибири или Средней Азии, нуждались во множестве документов, что породило еще один богатый источник нелегальных доходов; те, кто не располагал необходимыми личными связями, оставались на милость чиновников⁷¹. Железнодорожники требовали «мзду» за продажу билетов, частенько вымогали деньги за перевозку или выдачу багажа. Все солдаты, миллионами прибывавшие из-за границы, ехали поездом. В замечательном фильме Григория Чухрая «Баллада о солдате» выведен отрицательный персонаж – железнодорожный охранник, берущий у солдата за проезд банку тушенки. Весной 1946 г. несколько работников станции Чита Забайкальской железной дороги были арестованы, потому что за взятки позволяли пассажирам ехать без билета⁷². Проводник специального поезда с гражданами, которые реэвакуировались из Краснодара в Ленинград, вымогал деньги у ряда пассажиров, угрожая выкинуть их из поезда. Кроме того, он брал взятки за нелегальный провоз пассажиров. Судья приговорил его к 5 годам заключения. «Правда» сообщила 1 августа 1946 г., что кассир на Херсонской железной дороге получил 8 лет за незаконную продажу 71 билета по сильно вздутым ценам⁷³. Тем не менее, как отметил в 1946 г. сам министр юстиции, лишь небольшая доля взяточников, действовавших в железнодорожной системе, привлекалась к ответственности, и эти слова не противоречат также наблюдениям правоохранительных органов относительно других секторов экономики⁷⁴.

Хотя проблема не была решена, условия, несомненно, улучшались, по мере того как сокращение объема перевозок и восстановление железнодорожных линий уменьшали (но не устраняли полностью) для железнодорожников возможности требовать особую «мзду». По статистике Министерства юстиции, количество осужденных за взяточничество на железных дорогах в 1948 г. составляло 729 чел., в 1949 г. – 560, в 1950 г. – 370. Эти цифры сильно недотягивают до масштаба проблемы. Общая сводка Верховного суда о преступности в СССР за 1948 г. подтверждала «распространенность взяточничества на транспорте», невзирая на снижение числа осужденных⁷⁵.

Торговля на теневых рынках: Документы, дипломы, квитанции о поставках продовольствия

Если многие рядовые люди платили взятки, просто чтобы получить то, что, по их мнению, полагалось им от государства по закону (настоящие официальные документы, квартиры, услуги железных

дорог), то второй вид взятки предлагался гражданами в качестве компенсации должностным лицам за услуги *в обход* закона. Плата за незаконное получение чего-либо, столь же незаконное решение проблемы или во избежание потенциальных неприятностей составляла эту вторую категорию взяток, цели которых включают приобретение фальшивых документов, неправомерный доступ к высшему образованию и уклонение от выполнения заданий по продовольственным заготовкам.

Иногда советским гражданам приходилось платить из-под полы за документы, которые им обязаны были выдать, но временами они при помощи взятки госслужащим добывали и поддельные документы. Массовые перемещения людей после войны породили большой спрос на фальшивые внутренние паспорта и прописки среди тех, кто желал жить в городах⁷⁶. В 1945–1946 гг. несколько сотрудников паспортного отдела в г. Бабушкин Московской области пошли под суд за то, что за взятки снабдили фальшивыми паспортами 31 чел. Эти сотрудники также выдали 50 ложных разрешений на прописку, в том числе некоторым «ворам-рецидивистам», вероятно освобожденным из Гулага по июльской амнистии 1945 г., но утратившим право жить вблизи крупных городов⁷⁷. Историк Дон Фильцер обращает внимание на дела сотрудников отделов кадров, которые брали деньги за выдачу фальшивых паспортов либо незаконное оформление уволенным или ушедшим без разрешения рабочим бумаг, ложно удостоверяющих, что те оставили работу по уважительной причине. Без этих официальных удостоверений их не рискнули бы взять в другом месте⁷⁸.

Случаев, когда граждане «давали на лапу» бюрократам, чтобы получить сфальсифицированные документы, не счесть. В Украинской ССР следователи доказали множество противозаконных платежей работникам загсов. К примеру, в 1948 г. некто В. П. Данилюк заплатил за получение свидетельства о том, что он родился не в 1928, а в 1926 г., избавлявшего его от призыва в армию. Данилюк также якобы предлагал взятку за поддельный военный билет, который указывал бы, что он состоит в запасе⁷⁹. Согласно справке Комиссии партийного контроля (КПК) за 1951 г., начальник отдела кадров одного из учреждений МГБ за взятку выдал одному человеку документ с подправленным послужным списком, в котором не упоминалось неприятное дисциплинарное взыскание, имевшее место в трудовой биографии последнего⁸⁰. Сотрудники милиции могли стряпать бумаги с искаженными сведениями о прописке, трудовом стаже, судимостях.

В системе, где то и дело требовались документы для подтверждения истории заболеваний, немалой долей власти обладал медицинский персонал. Врачи выдавали бумаги, которые, объявляя человека тяжелобольным или инвалидом, помогали ему получить освобожде-

ние от службы в армии, разрешение на смену места работы, оправдать опоздание или невыход на работу, оформить пенсию по болезни, инвалидности, старости⁸¹. Взятки врачам позволяли избежать нежелательной работы или призыва на военную службу. Например, следствие обнаружило, что в 1942–1946 гг. три старших инспектора ленинградской больницы выдали ряду лиц фиктивные документы о хронических заболеваниях, которые помогли получателям отвертеться от определенных назначений и получить незаслуженные льготы. По этому делу проходили 20 взяточдателей⁸². В 1946 г. дантист заводской поликлиники в Сталинграде взял 16 кг яблок и 50 руб. за оформление работнику больничного листа, которым тот прикрывал неоправданное отсутствие на рабочем месте. Согласно докладу прокуратуры, отделы кадров предупреждались о необходимости тщательно проверять медицинские документы, так как справки от врачей, предъявляемые работниками в качестве причины невыхода на работу, весьма часто бывали получены за взятки. Расследование 1951 г. вскрыло подобную ситуацию в Ровно. Секретарь центральной городской поликлиники брал от 500 до 1 500 руб. за выдачу бумаг, ложно удостоверяющих инвалидность, людям, которые покидали место работы без надлежащего разрешения⁸³.

Ветеринарам должность тоже позволяла извлекать прибыль. В 1946 г. один ветеринарный инспектор брал по 3–5 тыс. руб. у торговцев за незаконно выдаваемые разрешения на продажу мяса животных, забитых в слишком молодом возрасте. Точно так же ветеринары могли получать деньги за дозволение торговать на рынке протухшим мясом. В октябре 1949 г. ветеринар из Измайлловской области Украинской ССР был осужден за то, что систематически вымогал у граждан, просивших его о ветеринарной помощи своему скоту, «магарыч». Это арабское слово означает подарок в виде съестного, который преподносился при покупке чего-либо, зачастую лошадей. Обычно его использовали для обозначения продуктов или напитков, получаемых, вопреки закону, должностным лицом от просителей в обмен на какую-то услугу⁸⁴.

Еще одну плодородную ниву представляло собой высшее образование. Например, декан факультета Харьковского стоматологического института, заведующие его приемным покоем и лабораторией за деньги выдали ложные ведомости о сдаче экзаменов 11 студентами. Институт резервировал несколько мест для детей солдат, погибших на фронте. Прокуратура утверждала, что заместитель министра здравоохранения Белоусов дал взятку, чтобы одно из таких мест отдала дочери его близкого друга, хотя та провалила два экзамена. В КПК пришло анонимное письмо, автор которого заявлял, что из-за противозаконных действий Белоусова не смог поступить в институт⁸⁵.

Кризис в сельском хозяйстве помог созданию условий для еще одного типа теневых сделок между гражданами и должностными лицами. По данным следствия, колхозники и колхозное руководство предлагали взятки сотрудникам Министерства заготовок, стремясь избежать обязательных поставок продовольствия государству. В особенности во время голода 1946–1947 гг. они платили агентам-заготовителям, чтобы те уменьшили задания по сдаче или посмотрели сквозь пальцы на несдачу мяса, хлеба и другой продукции. Заготовители выдавали квитанции на несданное продовольствие, удостоверяя выполнение крестьянами своих обязательств⁸⁶. Как обнаружили следователи в Рязанской области, заготовитель «систематически получал от колхозников взятки, за что выписывал квитанции – фиктивные, на якобы принятый от них картофель...»⁸⁷. В Краснодарском крае колхозники платили заготовителям за освобождение от мясозаготовок. Многие колхозные председатели поднаторели в том, как откупаться от местных властей.

Теневая экономика на работе

Взятничество на рабочем месте принимало разнообразные формы и выполняло множество функций, позволяя людям получить и сохранить работу, продвигнуться по карьерной лестнице. Благодаря взяткам и руководители, и рядовые служащие извлекали из собственной должности дополнительный доход. Взятки могли также защитить их от нежелательного внимания инспекторов, контролеров и прочих представителей власти, которые постоянно заглядывали им через плечо. В системе, где аудиторы встречались практически на каждом шагу, наблюдая за деятельностью громадного бюрократического аппарата, многие «проверяющие» занимали положение, весьма удобное для взаимовыгодных сделок⁸⁸. Во многих случаях, приводимых в судебных и партийных архивах, руководители, бухгалтеры и другие служащие платили откуп за сокрытие информации о нецелевом расходовании средств или исчезновении товаров, зачастую перепроданных на черном рынке. В одном деле 1949 г. фигурировал инспектор Министерства финансов в Одессе, который вымогал взятки, когда обнаруживал при проверке недостачу денег. Глава МВД признавался Сталину в 1947 г., что взяточничество есть среди сотрудников органов внутреннего контроля, которые берут взятки за утаивание выявленных преступлений – хищений, растрат, недостач⁸⁹.

Иной раз работники откупались, чтобы скрыть тайное производство товаров для черного рынка или «левый» доход, полученный благодаря незаконной эксплуатации машин и оборудования своего

предприятия. Например, колхозники платили инспекторам за молчание об использовании ими колхозного сельхозинвентаря в личных целях. В 1946 г. один литовский колхозник будто бы заплатил 2 тыс. руб. председателю местного исполкома, дабы утаить тот факт, что он пользовался валяльной машиной и молотилкой ради собственной наживы⁹⁰. В этот период предприятия такого рода, по всей видимости, работали обычно в небольших масштабах, силами нескольких человек.

Приток трофейных товаров из восточной Германии стал большим подарком для подпольной экономики. Солдаты оккупационных войск, очищая дома и квартиры от их содержимого, отсылали последнее в Советский Союз. Львиная доля их добычи – мебель, произведения искусства, ковры, ювелирные изделия, пианино, велосипеды, автомобили – в итоге попадала на черный рынок. Торговцы нелегально продавали, перепродавали, распространяли все это, перекачивая огромные прибыли от сбыта дефицитных вещей и предметов роскоши в нелегальную и полуполезальную теневую экономику. Приобретение и распространение трофеев зачастую формально являлись противозаконными деяниями, которые допускались и покрывались благодаря взяткам. Многие трофейные вещи с черного рынка оказывались в домах солдат и особенно офицеров. Другие товары находили дорогу на новенькие дачи представителей партийной, военной и культурной элиты. Неудивительно, что их приобретение нередко облегчали – или прикрывали – при помощи взяток.

Еще одной отраслью экономики, где особенно процветали платежи из-под полы, были производство и сбыт потребительских товаров. Так называемые промысловые кооперативы предоставляли благодатную почву для махинаций, включая замысловатую паутину взяточничества. Хозяйство сталинской эпохи, делавшее упор на тяжелую индустрию и военное производство, потребительскими товарами глубоко пренебрегало. Хотя они пользовались большим спросом, малоразвитая легкая промышленность страны выпускала их в прискорбно недостаточном количестве. Один из способов обеспечить снабжение дефицитными товарами заключался в организации «промысловой кооперации», объединявшей мелкие кустарные цеха по производству потребительских товаров, чья работа регулировалась государством. Кустари в этих официальных цехах изготавливали такие остро необходимые вещи, как одежду, домашнюю утварь, строительные материалы.

За кулисами, однако, подобные кооперативы в своей формальной деятельности сталкивались с большими проблемами. В 1949–1950 гг. расследование крупного дела о коррупции в нескольких промысловых кооперативах Московской области выявило сложную

схему взяточничества, которая простиралась от поставщиков сырья и директоров магазинов до главы Союза кооперативов, инженеров и бухгалтеров⁹¹. Кооперативы, попавшие под следствие, выпускали продукцию, которая либо являлась предметами первой необходимости, либо повышала качество жизни советских людей: например, мебель, резиновые сапоги, детские мячики, пластиковые скатерти. Желанность хороших игрушек для детей, приличной мебели, товаров для дома и обуви для семьи из рабочего или среднего класса невозможно переоценить. Кустарным мастерским требовалось труднодоступное сырье, в том числе дерево, пластик, резина, цинк. В деле кооперативного предприятия из Московской области под обличьем «социалистического» цеха в действительности долго маскировался незаконный «капиталистический» бизнес. Нелегальный цех сумел приобрести необходимое сырье, производить товары, пользовавшиеся огромным спросом, занять свою рыночную нишу и найти массу покупателей.

Своими успехами цех в немалой степени был обязан тому, что его организаторы не только подкупали поставщиков сырья, но и платили взятки в сотни тысяч рублей должностным лицам кооперативной системы всех рангов. По утверждению прокуратуры, эта сложная схема махинаций вылилась в присвоение государственных средств на сумму свыше 5 млн руб. Прокуратура, привлекая к делу своих лучших следователей, направляла доклады о ходе следствия лично Сталину. Можно с уверенностью сказать, что подобные цеха, занимавшиеся подпольным производством потребительских товаров, отнюдь не были редкостью по всей стране; щедрые взятки ответственным работникам на ключевых должностях позволяли этим предприятиям процветать⁹².

«Подношения» на рабочем месте

Многие архивные источники описывают и порицают традиционную практику «подношений» начальству на работе. Этот советизированный феномен имел давние прецеденты еще при царизме (о чем говорилось в начале этой главы)⁹³.

Практика подношений не только преодолела революционный рубеж в 1917 г., приняв особые, жизнеспособные советские формы; она и войну пережила невредимой, если не усилившейся. В советские времена подношения выстроились в пирамидальную структуру взяточничества. Государственные служащие на низших уровнях бюрократии «стригли» граждан, существенно повышая собственные доходы, а затем сами регулярно платили дань вышестоящим в иерархии.

Они участвовали в этом процессе, чтобы получить и сохранить место, установить надежные и прочные сети связей, подняться по карьерной лестнице. В значительной мере данное явление было результатом отсутствия меритократических механизмов карьерного продвижения и, соответственно, зависимости большинства служащих от непредсказуемых действий их непосредственных начальников. Хозяйственные и партийные элиты на верхушке иерархии принимали «подношения» от работников многих нижестоящих звеньев, чье пребывание в должности зависело от них. В материалах одного расследования прокуратуры такая практика называется «подарками начальству или “нужным людям”»⁹⁴. Дорогостоящие дары начальникам могли включать такие услуги, как организация банкетов или иной способ «угощать нужных людей». Не совсем ясно, полагали ли сами служащие подобные подношения добровольными или вынужденными. Разумеется, некоторые считали, что у них просто нет иного выбора, кроме как набивать карман боссам, если они хотят сохранить работу или взлезть на ступеньку повыше; другие же надеялись завязать позитивные, взаимовыгодные личные отношения, лстя вышестоящим либо угождая им по-другому – не скупясь на презенты.

В розничной торговле, когда государство полностью управляло производством и распределением товаров, неофициальные отношения цвели пышным цветом. Как выразился Стивен Коткин, «социалистическая торговля была настоящей школой внутриведомственного воровства»⁹⁵. В одном варианте подношений люди *платили взятки* с целью получить работу, на которой они смогут *брать взятки*, – своего рода спекулятивная инвестиция в будущий доход. Амбициозные личности вступали в сделки, чтобы обеспечить себе хорошую должность из тех, что служили наилучшими источниками обогащения, например директора магазина или заведующего складом⁹⁶. В декабре 1949 г. директор головного ведомства одной из отраслей розничной торговой сети г. Москвы принял в качестве взятки 11 тыс. руб., 10 кресел, 2 зеркала, кровать, стол, лампу и радиоприемник за назначение кого-то на пост директора магазина № 41. Аналогично в докладе, присланном генеральному прокурору Сафонову в июне 1952 г., отмечалось, что в Красноводске пять человек дали взятки, чтобы получить выгодные места директоров розничных магазинов⁹⁷. По утверждению прокуратуры, эти директора извлекали выгоду из своего положения несколькими способами. Они получали откаты от работников, которые запрашивали с покупателей лишнего за остродефицитные товары, присваивали часть выручки и товаров магазина и наживались, торгуя на черном рынке дефицитной продукцией, поступавшей в магазин. Всех пятерых приговорили к 10 годам заключения.

Пищевая промышленность, которая контролировала дефицитные продукты, пользовавшиеся большим спросом, также предоставляла благодатную почву для коррупции⁹⁸. Разумеется, катастрофически низкий уровень производства продовольствия в послевоенные годы вызвал пристальное внимание к пищевой промышленности, что позволяло выявлять нарушения и находить козлов отпущения. И, хотя в ряде случаев, по-видимому, имелись политические резоны для преследования некоторых ответственных работников, оказавшихся не на той стороне среди местных элит, служебная переписка показывает, что схемы, аналогичные тем, которые были выявлены в ходе этих прицельных расследований, считались довольно широко распространенными.

В неподписанном письме от 2 октября 1946 г., обличающем директоров ряда хлебных магазинов, а в сущности руководство всесоюзной сети производства и распределения хлеба («Главхлеб»), приводятся подробности, по-видимому, типичной практики в розничной торговле⁹⁹. Прежде всего желающий получить должность директора магазина должен был дать взятку высокопоставленному работнику Главхлеба. Описывая по-настоящему конкурентный «рынок» (как должностей, так и доходов, которые они приносили), автор письма поясняет, что чем больше заплатишь, тем более прибыльное директорское место купишь. Руководящий пост в магазине, где бойко идет торговля, обходился дороже всего, но и представлял собой самую ценную долгосрочную инвестицию. Затем незаконные выплаты гарантировали постоянную поставку качественного товара. Автор четко подытоживал эту систему, заявляя, что глава хлебопекарного треста получал от 1 до 2 тыс. руб. с каждого работника магазина № 110. Чтобы иметь деньги на откаты начальству, продавцы обманывали покупателей, завершая тем самым «пищевую цепочку»: «Кругом обман покупателя... Директор ничего не боялся, брал взятки с продавцов, а продавцы обвешивали покупателя».

Такой же донос в начале 1951 г. поступил от двух человек, которые утверждали, что директор московского Центрального универмага (ЦУМ) берет взятки со служащих и продавцов. Это заявление звучит правдоподобно¹⁰⁰, и поистине масса рассказов свидетельствует о существовании в розничной торговле взаимовыгодных отношений на основе взяточничества¹⁰¹. Продавцы платили начальникам за право безнаказанно обкрадывать покупателей и сам магазин. В одном гневном анонимном доносе обличались аналогичные злоупотребления в магазине № 50 и говорилось, что директор требует с подчиненных взятки за сохранение места¹⁰². Десять сотрудников отказались платить, по их словам, вымогавшиеся у них «подарки» и были уволены. Заключение следователей – что обвинения «не подтверждены» – кажется, мягко говоря, неубедительным.

В качестве еще одного варианта коррупции внутри советского экономического левиафана фигурировали подношения сотрудникам всесоюзных и республиканских экономических министерств от персонала подведомственных им предприятий. В ходе одного расследования в апреле 1950 г., опять касающегося хлебной промышленности, КПК вскрыла давние связи такого рода в Министерстве продовольствия РСФСР¹⁰³. В 1946–1949 гг. директор куйбышевского хлебозавода № 9 Дворянчиков преподносил ценные подарки ключевым сотрудникам министерства, в том числе главному инженеру главка и заведующему отделом снабжения. 20 апреля 1947 г. Дворянчиков и его помощник наведались в Москву, прихватив с собой тюки с мукой, маслом, вареньем, сахаром и 200 кг сосисок для раздачи руководящим работникам Росглахлеба. По словам следователя КПК, поехав в столицу с этими «подарками» в первый раз, Дворянчиков с помощником перепугались, когда кто-то на станции Казань стал проверять их багаж. Боясь неудобных вопросов при обнаружении такого количества продуктов, они попросту сбежали, бросив тюки на станции. Позже они совершили свое путешествие повторно, с новым запасом продуктов. На сей раз они успешно передали дорогостоящие презенты сестре высокопоставленного сотрудника Министерства продовольствия.

Спиртовая промышленность представляет собой другой пример одного из главных – и естественных – мест укоренения системы подношений на высшем уровне. Руководители предприятий отрасли охотно раздавали желанные дары в нужные руки среди местных властных элит. Секретари обкомов часто пользовались их щедростью. Власти в послевоенные годы издавали разнообразные законы, запрещавшие сотрудникам хозяйственных министерств делать ценные подарки работникам местных парторганизаций, которым поручено за ними надзирать (и родным этих работников), что свидетельствует о серьезности проблемы. По этому вопросу было принято специальное решение ЦК ВКП(б) об опасности «сращивания»¹⁰⁴. Партийная верхушка, видимо, понимала, что получение подобных подарков пагубно сказывается на независимости (или преданности) политических руководителей на местах. Расследование эпидемии хищений в спиртовой промышленности Ульяновской области в 1949 г. вскрыло связи между сотрудниками ульяновского Спиртотреста и персоналом различных звеньев областной администрации¹⁰⁵. Будучи выведены на чистую воду, правонарушители попытались подкупить следователей спиртом. По словам одного инспектора, проводившего расследование на спиртзаводе, он, проснувшись в своем гостиничном номере, обнаружил там 2,5 литра спирта с того самого завода. Перед его отъездом из города в номере загадочным образом «появились» еще 20 литров.

В 1947 г. второй инспектор получил от директора спиртзавода 10 тыс. руб., и несколько аудиторов приняли немалые взятки¹⁰⁶.

Судя по итогам одного крупного расследования, в рыбной промышленности к подношениям подходили по-своему и творчески. В январе 1951 г. КПК рассматривала дело о дорогостоящих и неуместных подарках нижестоящих сотрудников Министерства рыбной промышленности вышестоящим¹⁰⁷. Следователи обвинили министра рыбной промышленности и его заместителя в злоупотреблении служебным положением, поскольку те приняли восемь котиковых шкурок и несколько шкурок черно-бурой лисицы, общей стоимостью 3,2 тыс. руб., от своего подчиненного, начальника Сахалинского главного управления рыбной промышленности. Последний прислал эти дары в министерство в Москву (за государственный счет). Заместитель министра, со своей стороны, взял три набора шахмат, вырезанных из мамонтовой кости, у директора Якутского рыбного треста. В 1944 г. он поехал в Москву и презентовал министру два набора, стоившие 2 тыс. руб. каждый. Эти люди, «используя свое служебное положение, принимали бесплатные подарки от подчиненных им работников и тем самым создавали в министерстве обстановку подхалимства и угодничества»¹⁰⁸. Министр также получил в подарок скрипку, присланную ему заместителем из Германии. Признавшись, что принял инструмент, он сказал в свою защиту: «Эта скрипка не является скрипкой Страдивариуса».

Дело Министерства рыбной промышленности иллюстрирует два важных момента. Во-первых, давняя практика подношений по-прежнему имела место в советское время, директора предприятий и их подчиненные продолжали раздавать подарки вышестоящим в хозяйственно-административной иерархии. Во-вторых, высокопоставленные должностные лица принимали ценности от подчиненных с явной беспечностью, как будто это в порядке вещей. После расследования оба обвиняемых отделались предупреждением. Приведенные примеры служат также иллюстрацией сложной природы официальной и неофициальной экономики. В чем разница между взяткой, вознаграждением, подарком и любезностью? Между законным, незаконным и полузаконным? Порой и участникам, и прокуратуре было трудно в этом разобраться (так же как нам сейчас).

Еще одна разновидность подношений на рабочем месте предлагалась «в интересах производства» управленцами, которые пытались получить необходимые материалы или ликвидировать узкие места, мешавшие выполнению плановых заданий. В таких случаях обычно главной целью сделки не являлась личная выгода. Заключаемые сделки позволяли заводам, колхозам, даже целым отраслям промышленности работать в соответствии с планом¹⁰⁹. Прокуроры, как правило, понимали, что взятки «в интересах производства» (ради выпол-

нения плана) не преследовали личных целей, и потому относились к ним иначе, чем ко взяткам, мотивированным корыстью¹¹⁰. Конечно, и в данном случае взяткодатель мог косвенно выиграть: например, получить премию большего размера, если его предприятие выполнит план. Тем не менее для этой категории операций индивидуальная прибыль не служила главной причиной.

Забота о выполнении планов обязательных поставок колхозами, к примеру, толкала на незаконные сделки сельское руководство. Начальник и инженер Пушкинского районного отделения Мособлэнерго в 1946 г. принимали от колхозов взятки за ускорение работ по электрификации хозяйств¹¹¹. Они брали их наличными и в виде нескольких тонн овощей, которые, вероятно, продали на черном рынке. В 1950 г. партийные контролеры наложили взыскание на колхозного председателя из Таджикистана, дававшего взятки, чтобы получить остро необходимые удобрения, которые он из-за трудностей снабжения не мог приобрести в обычном порядке¹¹². Председатель разослал эмиссаров по химическим заводам области добывать удобрения в обход соответствующих плановых органов. Не сумев достать нужное легальным путем, они купили удобрения по высоким ценам, потратив 150 тыс. руб. из колхозных средств. В бухгалтерской отчетности колхоза этот расход скрыли, занизив выручку от продажи сухофруктов. Важно отметить: не было никаких доказательств, что (согласно докладу) «честный» председатель взял хоть какую-то часть денег себе и вообще имел «жадные или корыстные» мотивы. В его пользу говорил и тот факт, что колхоз управлялся хорошо, ежегодно повышал урожаи хлопка и выполнял свои обязательства перед государством. Председатель получил только «строгий выговор»¹¹³.

Для успеха любого хозяйственного предприятия важнейшее значение имел надежный транспорт. Железнодорожники часто требовали с предприятий дополнительную мзду. Плановая экономика и ускоренная индустриализация 1930-х гг. дали им чрезвычайную власть. Руководители предприятий иногда заключали сделки с руководством железных дорог, чтобы гарантировать доставку дефицитного сырья или преодолеть перебои в снабжении, столь обычные для планового хозяйства. Порой участники сделок маскировали взятки под «комиссионные» или «премии» железнодорожным работникам и выплачивали их из фондов предприятия.

Заключение: Разнообразие и благоприятные условия

В хозяйстве и обществе эпохи позднего сталинизма наблюдается поразительное разнообразие видов взяточничества. Многие из описанных здесь случаев являются плодом своего времени, неотдели-

мым от послевоенных сталинских лет, когда отголоски войны еще постоянно давали о себе знать и воздействовали на все аспекты советской жизни. Неформальные отношения процветали, по мере того как люди пытались освоиться в системе, на которую наложили отпечаток война и ее последствия в дальнейшие годы. Для советских граждан взятка являлась предпочтительным (пусть и рискованным) выбором в экономике, где рынки притеснялись, нехватка всевозможных товаров и услуг носила эпидемический характер, а бюрократия отличалась неэффективностью и некомпетентностью.

В последние годы послевоенного сталинизма взяточничество было характерно уже не только для людей, отчаянно нуждавшихся в самом необходимом и старавшихся наладить жизнь в период кризиса. Оно стало средством улучшения условий жизни для населения, которое все еще сталкивалось с трудностями, но поднялось выше уровня бедности. Желание иметь недавно появившиеся потребительские товары, предметы обстановки, отдельные квартиры (вместо комнат в коммунальных) подталкивало представителей постепенно растущего среднего класса и самих элит сокращать путь сквозь дебри канцелярской волокиты и обходить длинные очереди. Взяточничество и теневые рынки позволяли негибкой системе функционировать. Можно сказать, должностные лица, которые улаживали дела, нарушая правила, помогали стране оправиться от последствий военной катастрофы.

Вместе с тем злость на служебную коррупцию смешивалась с удовольствием из-за появления «нового класса» бюрократов, привилегированной и укрепившейся элиты, которая вела себя так, словно «владела» должностями, и стремилась взимать за них «аренду». Функционеры, бравшие взятки, казалось, считали себя выше закона и олицетворяли все более негибкую и бюрократизированную советскую систему. Широкомасштабная послевоенная реконструкция страны предоставляла госаппарату новые и новые возможности. У разрастающейся бюрократии, особенно ее верхушки (номенклатуры), по-видимому, крепло ощущение неуязвимости, по мере того как чиновники упрочивали свои позиции в СССР, оставившем позади эпоху террора. Не только номенклатура становилась больше и переставала бояться преследования, зачастую будучи защищена своим начальством в партийных и государственных органах. Мелкая бюрократия – малооплачиваемая, не слишком связанная профессиональным этосом – тоже продолжала быстро расти. Многим ее представителям взяточничество казалось удачным способом повысить доходы¹¹⁴. Имеющиеся материалы указывают на значительную степень преемственности между коррупцией в поздний сталинский период и коррупцией, свойственной брежневской эпохе. Отнюдь не

свидетельствуя о каком-либо резком разрыве между сталинскими годами и дальнейшими периодами, эти примеры демонстрируют, что определенная преемственность превалировала.

Данные условия, по-видимому, подтверждают мнение Катрин Вердери об одной из особенностей послевоенного социализма на советском пространстве¹¹⁵. Государство обещало гарантировать людям достоинство, удовлетворяя их основные нужды, и закрепило такое право в конституции. Необходимость после великой победы в войне давать взятки государственным бюрократам – чтобы получить приличное жилье, билет на поезд, работу, медицинскую помощь, паспорт – лишала их этого достоинства. Разочарование советских граждан, которым приходилось переплачивать за то, что, по их мнению, государство обещало им предоставить, возрастало.

Но наихудшей новостью, наверное, стала зараженность взяточничеством самих правоохранительных ведомств, о чем пойдет речь в следующей главе.

2. «РВИ ЦВЕТЫ, ПОКА ОНИ ЦВЕТУТ»: ОЧЕРК ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА В ОРГАНАХ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА И УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ

В 1942 г. судья Московского городского суда А. А. Праушкина предупредила коллегу-юриста В. А. Чурсину, что той следует быть осторожнее, иначе сослуживцы обратят внимание на ее поведение: Чурсина имела подозрительные встречи с заявителями в совещательных комнатах, ходила обедать с людьми, чьи дела рассматривались судом. Вместо того чтобы внять предостережению, Чурсина, давая младшей сотруднице кое-какие советы о том, как дополнительно заработать, съездила: «Ты век прожила и ума не нажила. Рви цветы, пока они цветут»¹. Позже обе судьи были осуждены за получение десятками взяток от людей, дела которых назначались к слушанию в их кабинетах.

В СССР времен позднего сталинизма случаи «сорвать цветы» предоставлялись в изобилии. Обстоятельства создавали широкий спектр возможностей приработка с использованием служебного положения. Правоохранительные органы не были исключением. Собственно, именно они, зачастую по весьма неожиданным причинам, предлагали величайшие искушения. Взятничество в правоохранительных органах превратилось в одну из самых распространенных и прибыльных разновидностей, оставаясь таковой вплоть до распада Советского Союза в 1991 г. (и в дальнейшем).

Давали взятки представители общественности, оказавшиеся не в ладах с законом, а принимали судьи, прокуроры и сотрудники милиции². Если в предыдущей главе давался обзор общей картины незаконных платежей должностным лицам и функций таких взяток в сталинском обществе и хозяйстве, то в этой – рассматривается по сути неизвестная сторона деятельности правоохранительных органов и всесторонне изучаются особые разновидности взяточничества, в которых были замешаны судебные и милицмейские работники.

Конечно, в данном исследовании отнюдь не предполагается, будто все представители закона (или хотя бы большая их часть) брали взятки. Невозможно узнать точно, сколько из них вступали в незаконные сделки с гражданами и как часто совершались подобные операции.

Скорее, здесь намечается контекст и выявляются причины имевшего место взяточничества.

Судебные и милицейские ведомства служат прекрасным полем для исследования факторов, которые соблазняли (или даже заставляли) многих людей предлагать и требовать подношения. В частности, массовые аресты, одна из главных черт сталинизма, вкупе с усложненными юридическими процедурами подвергли правовую систему тяжким испытаниям и привели к многообразной коррупции среди ее должностных лиц. Со своей стороны, работники суда, милиции и прокуратуры в избытке имели возможности «левых» доходов. Многие такие возможности отвергали, но кое-кто рисковал ими воспользоваться.

Одним из ключевых факторов, стимулировавших взяточничество, являлось рьяное преследование государством большинства типов «неофициальной» экономической деятельности. Это преследование было тесно связано с одержимостью режима идеей защиты «государственной» или «социалистической» собственности. В то же время чрезвычайные трудности снабжения и производства вели к учащению случаев «спекуляции» – перепродажи товаров по ценам выше официальных³. Борьба с должностными преступлениями и спекуляцией во время и после войны вылилась в сотни тысяч арестов. Отягощая нагрузку на правоохранительные органы, она совпала по времени с денежной реформой, что привело к ряду процессов против людей, якобы наживавшихся на денежных операциях⁴. Число осужденных и величина получаемых ими сроков заключения росли⁵. А исключительно строгие законы против хищения государственной собственности стали особо важным фактором распространения незаконных сделок в правовой системе. Граждане пытались, договариваясь с ее представителями, избежать суровых наказаний за мелкие хищения на работе, растрату ведомственных средств и ценностей или воровство колхозной продукции.

Данная глава также предлагает контекст для понимания экстраординарного скандала в связи со взяточничеством в ряде высших московских судов в 1947–1951 гг., о котором пойдет речь в главах 7 и 8. (Несколько других важных причин взяточничества среди сотрудников правоохранительных органов, включая маленькие оклады, низкий статус и слабый профессионализм, будут глубже анализироваться в главе 5.)

Поток арестованных и осужденных

Какие условия способствовали установлению неформальных связей между работниками правоохранительных органов и просителями

в послевоенный период? Ключевым элементом являлись массовые аресты определенных типов преступников. В послевоенные годы произошло резкое снижение числа обвиняемых в политических преступлениях – «предателей», «контрреволюционеров» и прочих «врагов» (если не считать Украину и недавно присоединенные западные приграничные земли)⁶. Фактически в 1946–1952 гг. за политические преступления было осуждено меньше 10 % из приблизительно 5 млн чел., получивших приговоры к лишению свободы⁷. Наряду с этим, однако, множество людей арестовывалось за так называемые преступления против социалистического хозяйства, против государственной и личной собственности и должностные злоупотребления. Эти «неполитические» преступления рассматривались в обычных судах.

Важнейшую роль в наплыве дел о неполитических преступлениях в суды играли аресты, последовавшие в результате все более драконовских законов относительно хищения государственной и личной собственности, включая августовский указ 1932 г. и, особенно, указы от 4 июня 1947 г. Эти и другие подобные законы привели к осуждению в 1944–1952 гг. свыше 2,1 млн чел.⁸ В 1940 г. доля осужденных за хищения среди узников Гулага составляла всего 1,9 %; накануне же смерти Сталина она подскочила до экстраординарных 49,3 % (свыше 1,2 млн чел.) – указы от 4 июня 1947 г. сделали свое дело⁹. (Еще 66 тыс. заключенных были осуждены за спекуляцию.) Для большинства обвиняемых в преступлениях после войны промежуточной станцией между гражданской жизнью и Гулагом служили обычные суды.

Рассекреченные архивы партии, прокуратуры и правовой системы показывают, что с лета 1947 г. судьи и прокурорские работники оказались на пути настоящего юридического цунами. Огромное количество дел (а достаточно скоро – официальных судебных жалоб на осуждение) грозило затопить прокуратуру и суды с головой. За период с июня 1947 г. по декабрь 1952 г. только по указу от 4 июня ежегодно осуждалось от 162 тыс. до 387 тыс. чел., пик пришелся на вторую половину 1947 г. Почти всем осужденным за хищения государственной собственности, даже самые мелкие, давали чрезвычайно долгие сроки заключения¹⁰. В июне 1947 г. средний срок лишения свободы за хищение государственной собственности составил 8,7 года. На судей давила партийная верхушка, и обязательные приговоры варьировались от 7 до 10 лет лагерей; около 10 % осужденных получали еще больше – от 11 до 20 лет¹¹. Средний срок заключения за хищение личной собственности повысился от 1,5 года в 1937–1940 гг. до 6,2 года в июне 1947 г. – декабре 1952 г.

Обвиняемые отнюдь не были профессиональными ворами: более 90 % признанных виновными в хищении госсобственности в 1950 г., например, не имели судимостей в прошлом¹². Законы против спеку-

ляции также способствовали повышению количества арестов и ужесточению приговоров за неполитические преступления. Еще в 1946 г. 38 % осужденных приговаривались к заключению до года. Но в июне 1947 г. около половины получили 6 лет и больше¹³.

Взяточничество в милиции

Как во всех современных обществах, сотрудники милиции, низовые «специалисты оперативного реагирования», обладали достаточным могуществом, чтобы требовать незаконную плату с людей, оказавшихся не в ладах с законом. Центральные власти даже выражали обеспокоенность в связи с повсеместной коррупцией в органах охраны правопорядка. В справке 1948 г. о преступлениях милицейских работников написано: «Среди других преступлений, совершаемых работниками милиции, взяточничество носит распространенный характер и приобретает особо важное значение, если иметь в виду, что этот вид преступления среди работников милиции способствует увеличению преступности среди населения»¹⁴.

Возможностей эксплуатировать запуганных граждан у органов внутренних дел имелось в избытке. Ради левого дохода некоторые их сотрудники делали вид, будто они могущественнее, чем было на самом деле. Согласно одному докладу для Верховного суда СССР, сотрудник Министерства государственной безопасности (МГБ) признался, что получил 12 тыс. руб. от заключенного, просившего, чтобы его содержали в заключении в Московской области, а не отправили куда-нибудь в глушь далеко от дома¹⁵. Кроме того, в марте 1948 г. он взял у жены осужденного 4 800 руб., пообещав ее мужу быстрое освобождение из лагеря, что явно превышало полномочия взяточника. Как часто бывало, неспособность выполнить условия сделки его и погубила. Факт взятки вскрылся, после того как жена осужденного пожаловалась в органы внутренних дел, что по делу ее мужа нет никаких подвижек, и пришла в ярость, когда упомянутый сотрудник не вернул ей деньги¹⁶.

Некоторые милицейские работники брали взятки за то, что отпускали людей после ареста или просто *не* арестовывали подозреваемых. В Тернопольской области Украинской ССР 33-летний Михаил Собчак предложил начальнику местного отделения милиции двух цыплят и 37 яиц за прекращение уголовного дела против его жены, которая обвинялась в самогоноварении (Собчак попался и получил год тюрьмы)¹⁷. Прокуратура в 1952 г. вскрыла крупный скандал в милиции города Иваново. Она обвинила девять работников милиции в

требовании взяток за устройство освобождения из-под стражи лиц, обвинявшихся в воровстве и спекуляции¹⁸.

В апреле 1947 г. офицер милиции заставил двух человек, укравших сено из колхоза, заплатить ему 3 500 руб. за освобождение¹⁹. Тот же милиционер потребовал 100 руб. от человека, обвинявшегося в краже теленка. В 1952 г. партийное расследование в торговых сетях Киева обнаружило, что ряд милиционеров, а также работников прокуратуры и судей, будучи подкуплены, покрывали хищения в огромных размерах в розничных торговых организациях²⁰.

Порой сотрудники милиции трясли тех, кому угрожал арест, или вымогали взятки у их родни. В декабре 1951 г. некий Б. Л. Крикун написал письмо в Московскую городскую прокуратуру, сообщая, что после ареста его отца к нему домой пришел неизвестный гражданин и, назвавшись милиционером, пытался вымогать деньги²¹. Прокуратура арестовала по этому делу двух человек. Первый из них, Иконников, работал в ОБХСС. Он пользовался доступом к служебным материалам для вымогательства денег у родственников обвиняемых. Его партнер с компрометирующими сведениями на руках ходил по домам и требовал взятки за прекращение дел. Он навестил таким образом три семьи, ошибочно полагая, что объекты шантажа никому о нем не расскажут. В действительности намеченные жертвы отказались платить, а одна из них выдала предприимчивых офицеров²².

Вариант подобной операции имел место в Москве в 1950 г.: два милицейских инспектора вымогали деньги за молчание у работников розничной торговли, предъявляя им доказательства того, что они наживаются на дефицитных товарах. За один день инспекторы обошли три магазина и, видя, что продавцы продают товары по завышенным ценам и прикарманивают разницу, требовали взятку за сокрытие таких действий. За 600 руб. и бутылку коньяка два инспектора соглашались уничтожить рапорт о задержании²³.

* * *

Милиционеры (и их начальники), работавшие в Государственной автомобильной инспекции (ГАИ), наглядно демонстрируют живучесть «подношений» и «кормления» в советском контексте. Малооплачиваемые в течение всего советского периода сотрудники ГАИ пользовались (и пользуются до сих пор) печальной известностью из-за поборов с водителей, которых они останавливали на дорогах за неисправность задних габаритных фонарей, езду без водительских прав, участие в мелких дорожных происшествиях и другие незначительные (обычно) нарушения. Беря у водителей деньги за то, чтобы не передавать дело в обычный суд, сотрудники ГАИ «кор-

мились» от «моторизованного» населения. В Ростовской области, к примеру, старший автоинспектор потребовал 5 тыс. руб. у родных водителя, вызвавшего аварию; взамен инспектор скрыл тот факт, что водитель нарушил правила дорожного движения. Через две недели гаишник вернул этому шоферу права за два отреза материи на платье. Следователи установили, что инспектор незаконно обогащался несколько лет и потратил 100 тыс. руб. на строительство дачи²⁴.

Как во многих советских учреждениях, основанные на взяточничестве отношения в ГАИ заходили гораздо дальше злоупотреблений отдельных сотрудников, приобретая систематический характер и распространяясь на самые разные уровни этой организации. В анонимном письме, полученном КПК в 1947 г., говорилось, что ряд сотрудников ГАИ Московской области злоупотребляют служебным положением. Начатое КПК секретное расследование выявило детали целой «пищевой цепочки». На низшем уровне рядовые дорожные инспекторы требовали взятки у водителей, которые давали их, чтобы не иметь дальнейших неприятностей, не связываться с судами или не платить штрафы²⁵. Это был классический пример «кормления» – обирания бюрократией населения, которому она теоретически служила. В докладе следователей действительно использовано слово «кормиться» для описания действий гаишников. В июле 1946 г. МВД выпустило директиву, запрещающую инспекторам взимать на дорогах штрафы наличными – главный источник взяток для инспекторов. Однако в результате, говорится в докладе, милиционеры теперь отбирают у нарушителей права до уплаты наложенного штрафа, что дает водителям другой стимул к предложению взяток, а инспекторам – другой способ «кормиться» за счет владельцев автомобилей. Гаишники в свою защиту заявляли, что водители *хотели* им заплатить, предпочитая отдать деньги сразу, вместо того чтобы ехать потом за своими правами в отделение ГАИ.

Второе звено пищевой цепочки, подношения, также наблюдалось во всей красе в рядах московской автоинспекции. В верхах организации начальник Московской ГАИ Максимов требовал «подарков» от подчиненных, если те хотели сохранить работу. Следствие выяснило, что инспекторы действительно заваливали его презентами. Главный инспектор Ленинского района два-три раза в неделю снабжал начальника овощами и ягодами; инспектор Дугин носил ему молоко и овощи; другой «кормил» его свининой; инспектор Волченков привозил ему на квартиру картошку и другие овощи. Один инспектор починил боссу костюм; другие купили радиоприемник и приобретали билеты в театр; еще один три дня делал в его квартире ремонт²⁶. В докладе ГАИ характеризуется как классическая

пищевая цепочка, которую прекрасно распознали бы большинство бюрократов (и их подчиненных) в XIX в. Следователи упрощенно винили одного Максимова как начальника Московской ГАИ, не выделяя системные стимулы и давление, заставлявшие водителей предлагать взятки, инспекторов – принимать их, а нижестоящих сотрудников – передавать «откаты» вышестоящим по служебной лестнице.

Взятничество в судах во время и после войны

Одна из разновидностей взяточничества, превалировавших в тот период, характерна для судей, которые противоправно взимали плату за незаконное вмешательство в гражданские дела. Как показано в предыдущей главе, судьи имели возможность выдавать документы, удостоверяющие личность, разрешать жилищные споры, освобождать людей от уплаты налогов, рассматривать другие гражданские иски. Некоторые брали деньги за выполнение или ускорение выполнения этих задач. Одна из сторон могла заплатить судье за решение в свою пользу в деле о разводе, жилищном вопросе или споре с соседями. В других случаях судьи выдавали важные документы и разрешения, касающиеся работы, проживания или социальных льгот.

Однако, если посмотреть, какого типа дела о взяточничестве расследовались, видно, что наиболее прибыльные возможности чаще всего предоставляли судебным работникам *уголовные* дела. В советских государственных и партийных архивах зафиксировано множество случаев, когда юристы за деньги или подарки оказывали противозаконную помощь в делах, связанных с хищением государственной собственности, «спекуляцией», злоупотреблением служебным положением и нарушениями суровых законов о труде.

Конечно, дела военного времени с участием судей отражают отчаяние населения. Но вместе с тем они свидетельствуют об изобретательности отдельных фигурантов²⁷. В конце 1944 г., когда еще шла война, в Коминтерновском и Сокольническом районах Москвы на рассмотрение суда попала примечательная серия дел. Прокуроры обвиняли нескольких судей в получении взяток за мягкие приговоры и решения. С начала 1943 г. работники молокозавода, арестованные за воровство, давали судьям взятки, в том числе одежду и тысячи рублей, за оправдательные вердикты. В одном случае судья принял от обвиняемого отрез шерстяной ткани и женские туфли. В сентябре 1944 г. работники бани № 4 Коминтерновского района были арестованы за кражу и нелегальную перепродажу мыла. Директор бани связался с уборщицей в суде, которая и выступала посредницей между

персоналом бани и судьей. Через уборщицу обвиняемые заплатили последнему 6 тыс. руб. за легкие приговоры; все они получили по году исправительных работ вместо обычных двух лет. Правда, одну осужденную банщицу и смягченный приговор не устроил. Она обратилась к той же уборщице и договорилась о новом сокращении срока – до шести месяцев²⁸.

Как правило, роль посредников исполняли канцелярские работники, использовавшие свое потенциально выгодное положение «привратников» между судьей и общественностью. Служившая секретарем в военном трибунале Москвы О. В. Спримон имела доступ как к материалам дел, так и к официальной печати трибунала. Она регулярно фабриковала и отправляла в лагеря и колонии Гулага фальшивые копии решений трибунала о смягчении приговоров. С июня 1943 г. до конца 1944 г., по словам сотрудника Министерства юстиции, Спримон устроила освобождение из заключения 11 чел.²⁹ За такие услуги она брала плату и с самих осужденных, и с их родственников. Платили ей часто наличными, но она также принимала и продукты, и мануфактуру, и ценности. За 18 месяцев, согласно данным следствия, Спримон получила взятки по меньшей мере на сумму 200 тыс. руб.

Взяточничество в связи с мелкими преступлениями в военное время имело место и в сельских судах. Судье А. Н. Стариковой, члену партии, окончившей всего шесть классов школы, было 24 года в марте 1944 г., когда она стала судьей народного суда Завьяловского района Удмуртской АССР, одной из тех женщин, которых срочно назначали судьями, заполняя вакансии, освободившиеся после ухода мужчин на фронт³⁰. Согласно докладу Министерства юстиции, она регулярно принимала персональную плату от людей, просивших о снисхождении, иногда наличными, иногда натурой. В 1944 г. она позволила осужденному спекулянту избежать заключения за 1 500 руб. и 20 яиц. За 1 100 руб. и вожделенные наручные часы судья Старикова приговорила двух женщин, осужденных за мелкое хищение госсобственности, к исправительному труду по месту работы, а не в лагере. Получив 16 кг баранины и 3 кг сала, она избавила от лагерей некоего Чукавина, назначив ему условный срок за нарушение постановления о трудовой дисциплине от 26 июня 1940 г.³¹ Всевозможные торговцы черного рынка, мелкие воришки, прогульщики – классические мишени сталинских репрессий – находили путь в сельский суд Стариковой и общий язык с судьей, договариваясь о смягчении приговоров.

На суды из года в год оказывали сильный нажим, требуя суровых обвинительных приговоров. В августе 1949 г. заместитель министра юстиции П. А. Кудрявцев бранил судей за недостаточно серьезное отношение к указу от 4 июня о хищении государственного имущества. До сих пор, заявлял он, слишком многие судьи ведут себя чересчур

«либерально», предпочитая назначать наказания за хищение госсобственности и другие «серьезные преступления» по минимуму, а не по максимуму³². Некоторые, по его словам, даже безосновательно оправдывали расхитителей, несмотря на то что «главная работа всех судебных органов – борьба с хищениями». Кудрявцев упрекал судей в том, что многие из них неправомерно проводят различие между преступлениями против госсобственности и политическими преступлениями. «Почему-то, – саркастически замечал он, – когда в военном трибунале рассматривается дело о контрреволюционном преступлении, то у судьи рука не дрожит, когда он определяет такую меру, как лишение свободы на 25 лет, а когда разрешается дело о ворах и жуликах, тоже врагах народа, то судья прибегает к минимальной санкции и сила закона полностью не применяется»³³. Политические власти добивались максимальных приговоров, настаивая, чтобы судьи не проявляли снисходительности к обвиняемым только потому, что их преступления не носили контрреволюционного характера³⁴.

Массовые репрессии за неполитические преступления (и очень долгие сроки заключения за некоторые из них) возымели неожиданные последствия – рост внутри самой правовой системы рынка сделок купли-продажи, на котором люди пытались купить милость к подсудимым, получавшим крайне суровые приговоры³⁵. Как ни парадоксально это может показаться, произвольные массовые аресты и необычайно большие сроки наказаний за неполитические преступления создавали гигантские возможности для работников правоохранительных ведомств³⁶. Некоторые (разумеется, отнюдь не все) милиционеры, прокуроры, судьи, адвокаты не упускали случая набить карманы³⁷. Стражи закона, готовые рисковать, незаконно принимая подарки или деньги, в судах эпохи позднего сталинизма пережили недолгий, но золотой век процветания.

Там не только открывался широкий простор для взяточничества, но и спрос на смягчение приговоров со стороны населения был огромен. Кто в основном предлагал взятки судьям? Согласно официальным документам и рассказам современников, люди в военные и послевоенные годы по большей части прибегали к взяткам, чтобы предотвратить осуждение – или добиться освобождения – кого-либо из членов семьи. Режим невольно сотворил легионы потенциальных взяткодателей из *семей* сотен тысяч посаженных «расхитителей» и «спекулянтов». Что интересно, арестовывали чаще всего мужчин, а взятки за освобождение осужденных давали главным образом их жены (вместе с детьми и родителями)³⁸. Можно утверждать, не боясь преувеличения, что родные приговоренных к лагерям за хозяйственные преступления и хищения госсобственности составляли значительную долю тех, кто предлагал взятки судьям и прокурорам.

Огромное количество арестов и суровость наказаний за мелкие преступления рождали впечатление (зачастую верное), что многих арестовывают и сажают ни за что³⁹. Такое ощущение возникало и у судей, рассматривавших дела, и у адвокатов, и у части населения. Некоторых представителей пострадавшей стороны оно побуждало исправить предполагаемую несправедливость при помощи взятки работникам правовой системы. Раненый фронтовик Соловьев рассказывал о своем деле: «Я считал себя неправильно осужденным и, имея большую семью, искал выхода из постигшего меня несчастья, и вот к чему меня привело обращение к Шевченко [т. е. подкуп судьи. — Дж. Х.]»⁴⁰. Взятки часто давались именно с целью добиться правильного и законного приговора (а не ради отмены решения как такового), и это лишний раз доказывает, что перекосы сталинского правосудия служили одной из главных (хоть и нечаянных) причин противоправных платежей в судах. На процессах по делам о взяточничестве многие судьи пытались защищаться, заявляя, что не брали взятку, а просто принимали «знаки благодарности» за исправление ошибок, допущенных некомпетентными судами низшей инстанции.

Как отмечали некоторые руководители правовых ведомств, обязательные длительные сроки наказаний за хищения и хозяйственные преступления смущали многих граждан и, возможно, смятение толкало их на поиск неформальных способов корректирования судебных вердиктов. 19 июня 1948 г. генеральный прокурор СССР Сафонов писал секретарю ЦК Жданову по поводу приговоров, которых требовали постановления о борьбе с хищениями, выпущенные в предыдущем году: «Иногда такие приговоры не совсем понятны гражданам, и у них создается представление о несоответствии тяжести преступления и наказания, так как наказания за другие серьезные преступления по отношению к наказаниям за кражу явно занижены»⁴¹.

Вдобавок некоторые подсудимые и их родные просто не могли разобраться в правовой системе. Как поведал на суде один грузин, которого обвиняли в даче взятки, бывший районный прокурор сказал ему, что суд неправомерно осудил и приговорил его сестру. По словам обвиняемого, он не понимал, что, платя адвокату, работавшему по делу сестры, «нарушал законный порядок обжалования приговора»: «Я сам не знал, как написать жалобу, так как русского языка я не знаю, в юридических вопросах не разбираюсь»⁴².

На закрытом совещании в феврале 1948 г. председатель Верховного суда Голяков подтвердил мысль, что народ не в силах постичь законы о хищениях. Как он сказал собравшимся руководителям министерств юстиции и госконтроля, ни судьи на местах, ни рядовые граждане не понимают как должно указы от 4 июня 1947 г. и требуемые ими суровые наказания. Фактически законопослушные советские люди сим-

патизируют преступникам. Судьям, заявил он, следует лучше разъяснять законы массам: «Пока широкие массы народа не будут еще понимать нашей судебной политики, трудно бороться с преступностью. Мы увеличиваем кару; а количество преступников – не уменьшается... Где же результаты нашей работы? Надо же воздействовать не только на преступника, но и на массы, т. е. чтобы в массах росло правосознание, росло уважение к закону и нетерпимость к преступлению... Товарищ Сталин говорил, что надо объявить бойкот всем преступникам, чтобы сама масса проявила ненависть к этим преступникам, *а у нас так разбирают дела, что у народа только симпатия к преступникам*. Суд должен действовать от имени массы и народа, а у нас не понимают этого, и колхозники пишут, что зря осудили нашего парня или нашу женщину [курсив мой. – Дж. Х.]»⁴³. В этом любопытном замечании Голяков утверждает, что карательная политика вызывает в народе сочувствие к осужденным за нарушение закона. Судьи, по его словам, недостаточно разъясняли смысл и цель указов от 4 июня. На деле некоторые судьи сами не понимали эти законы или не полностью осознавали их значение.

В ноябре 1948 г. заключенный Гулага послал в Совет министров Берии примечательное письмо, в котором подытожены многие из огромных (и непредвиденных) последствий указов от 4 июня 1947 г. – для сталинской правовой и карательной системы, для советского населения и для народного доверия к судам⁴⁴. Автор 8-страничного письма – Т. З. Сараев, бывший секретарь Октябрьского райкома партии Челябинской области. Письмо Сараева свидетельствует о глубоком осознании того, что указы от 4 июня несправедливо карали множество честных и лояльных советских граждан. Оно заслуживает внимания благодаря целому ряду моментов: прежнему руководящему партийному посту автора (возглавлявшего районный партийный комитет в большой области); его несомненной и неизменной преданности партийным идеалам; широте его кругозора и опыта; проницательным замечаниям о последствиях для страны несправедливого осуждения стольких неополитических узников (сам Сараев был осужден за хищения, а не за политическое преступление); наблюдениям по поводу невинных людей, заключенных в лагерь.

Сараев (уже просидевший в лагере 18 месяцев) сразу же признается в любви и верности Сталину, партии, революции и родине. Он не диссидент⁴⁵. Он пишет, что жестокие послевоенные законы против хищений государственной и личной собственности были абсолютно необходимы. Он приветствует решительную борьбу советского правительства с ворами, бандитами и прочими врагами советского государства после войны и неурожая 1946 г.: «Отсюда вытекает, что Правительство совершенно правильно и своевременно издало Указ

от 4.VI-47 г. об охране государственной и частной собственности граждан». Правоохранительные ведомства должны защищать социалистическую собственность и государственный аппарат *и* от внутренних, *и* от внешних врагов советской власти, каковых следует поголовно выявлять и сокрушать.

Признав, что в советском обществе таятся опасные «преступные элементы», автор письма резко меняет направление рассуждений. Некоторые работники судов и прокуратуры, предупреждает Сараев, преследуют и осуждают *невиновных*. Они совершают серьезные ошибки, «аналогичные, в большей или меньшей степени, ошибкам 1937 года». «Своими неправильными методами работы, – пишет он далее, – они вредят нашему государству, озлобляют народ, искусственно преувеличивают преступность и врагов народа в стране». Фактически ошибочные обвинения со стороны следователей прокуратуры играют на руку «англо-американскому империализму», поскольку настраивают советских людей против руководства.

Обращаясь к собственному гулаговскому опыту, Сараев замечает, что многие тысячи заключенных, прошедших через лагерь, где он содержится, все четыре года войны боролись против фашизма: «Храбро сражались за Москву, за Сталинград, за Курск и т. д. Они имеют правительственные награды и неоднократные благодарности от Иосифа Виссарионовича Сталина...» Однако «многие и очень многие из них привлечены к уголовной ответственности и осуждены неправильно». Следователи прокуратуры сфабриковали дела против них либо раздули тяжесть совершенных ими проступков: «Ко всем людям подходят с одной меркой – преступник. Человек, случайно допустивший незначительную ошибку в работе, или вор-рецидивист, или заядлый враг Советской власти». Сараев приводит пример ряда людей, встреченных им в лагере, которых неправильно осудили и приговорили к большим срокам – всех за хищение госсобственности. Члены партии, чьи подчиненные растрачивали средства, получили суровые приговоры, хотя начальники о преступлениях даже ничего не знали. «Простые, необразованные» люди отсидживают чудовищно долгие сроки за мелкие преступления. Он рассказывает о деле некоего Г. А. Бархатова, глухого, неграмотного человека, работавшего механиком в гараже. Однажды у него в зажигалке кончилась горячая жидкость, и он налил туда две чайные ложки казенного бензина общей стоимостью на 18 копеек: «Следователь в грозном духе составил обвинительный материал, а судья осудил на 8 лет... Неужели работники прокуратуры считают приговор суда правильным?»

«Можно было бы, – сетует автор, – привести десятки и сотни других фактов, когда суды лишают свободы на 10–20 лет за небольшие преступления, за 5–6 кг картофеля, за 750 гр. муки, за 7 кг соли и

т. д.». Сараев призывает создать специальную комиссию для проверки работы прокуратуры и судебных органов и освободить всех невиновных. Это, по его заявлению, «сократит преступность в стране минимум на 60–70 %». Иными словами, он уверен, что до 70 % заключенных осуждены или приговорены неправильно. Однако, указывает он, когда осужденные или их родные подают жалобы на несправедливые приговоры, почти все они сразу отклоняются⁴⁶. «Только вера в правительство, в ЦК ВКП(б) и лично в Иосифа Виссарионовича Сталина придает силы апеллировать об освобождении из заключения и о восстановлении в рядах ВКП(б)», – заключает Сараев.

Письмо Сараева передает возникающее у части общества при виде волны арестов за хищения госсобственность ощущение, что органы уголовной юстиции попросту не работают как надо, растущие сомнения по поводу осуждения огромного количества невинных людей за мелкие нарушения. Многие из этих людей вместе с их родными искали неформальные способы исправить предполагаемую несправедливость. Сделки на основе незаконных подношений служили одним из таких способов.

Никаких дел с «контрреволюционерами»!

Важно отметить, что, по всей видимости, даже беря взятки, определенные пределы судьи не переступали. В мире взяточников существовала некая мораль. Почти во всех делах, материалы по которым я видел, судьи, принимавшие незаконную плату, проявляли снисходительность лишь к хозяйственным и имущественным преступлениям (но не политическим и не насильственным). Это объяснялось несколькими причинами. Во-первых, судьи, видимо, полагали, что брать взятки в случае хозяйственного или имущественного преступления менее рискованно; во-вторых, несоразмерность наказания за мелкие хозяйственные нарушения или кражи вдохновляла родственников на попытки добиться освобождения обвиняемых; в-третьих, посредники тоже не столь охотно участвовали в сделках, касающихся политических или насильственных преступлений; наконец, большинство судей, кажется, считало морально недопустимым освобождение уголовников, совершивших насильственные преступления, или «врагов правительства». В случае же неполитических преступлений многие оправдывали свои действия на том основании, что в известной степени восстанавливали справедливость.

Судя по имеющимся документам, купить заступничество за лицо, обвиняемое в *политическом* или *насильственном* преступлении, удавалось крайне редко. Обнаружено очень мало примеров, когда

прокуроры или судьи принимали взятки за особый подход к делам людей, обвинявшихся в контрреволюционных преступлениях по ст. 58⁴⁷. Судья Верховного суда Шевченко дал показание, что, когда его попросили вмешаться в дело Чачиашвили (за плату), он отказался, поскольку последнего арестовали за «контрреволюционное преступление»⁴⁸. Точно так же есть лишь ничтожная горстка примеров документированных дел, в которых обвиняемому, совершившему насильственное преступление, помогал судья за взятку⁴⁹. Неясно, отказывались ли судьи вмешиваться в такие дела по этическим соображениям или не желали идти на риск куда более серьезного наказания в случае разоблачения⁵⁰.

Таким образом, хотя некоторые судьи проявляли готовность освободить – за деньги – осужденных за имущественные, хозяйственные или служебные преступления, считая таковые словно не дотягивающими до некоего невидимого порога, они не хотели переступать этот порог ради «опасных» преступников. В общем спектре уголовных дел, видимо, существовали определенные категории, в рамках которых судьи и прокуроры позволяли себе рискнуть. Осужденные по таким делам не являлись закоренелыми преступниками. Это были главным образом мелкие растратчики, воришки, работники-несуны, крестьяне, таскавшие продовольствие из амбаров и с полей, дельцы теневой экономики. Как правило, судьи (и, скорее всего, прокуратура с милицией) не находили подобных преступников «опасными» и, вероятно, могли оправдать в собственных глазах отмену их осуждения. Политических же преступников они полагали угрозой обществу, так же как убийц, бандитов и вооруженных грабителей.

Как мы видели, число дел, попадающих в категорию, где взяточничество считалось «приемлемым», быстро росло в ходе ожесточенной борьбы с хищениями и хозяйственными преступлениями в 1945–1949 гг. Массовое осуждение за неполитические преступления создало огромную армию людей, добивающихся особого к себе отношения. Это был как раз тот тип «преступников», с каким определенные судьи охотнее всего шли на сделки.

Судей нельзя назвать типичными советскими взяточниками. Они не распоряжались дефицитными товарами и услугами, которые пользовались чрезвычайно высоким спросом и стоили приплаты сверху, – квартирами, продуктами, документами, освобождением от работы, военной службы или обременительных государственных обязательств. Зато судьи продавали справедливость, которую советским людям обещали как их неотъемлемое право в социалистическом обществе (и гарантировала, пусть только на бумаге, сталинская Конституция 1936 г.), но которой многие считали себя лишенными.

«Брали мы Будапешт»: Адвокаты и феномен «микста»

Еще одну важную профессиональную группу, находившуюся в особенно удобном положении для того, чтобы пользоваться возможностями, которые открылись благодаря лавине арестов и судебных дел, составляли адвокаты. Они играют ведущую роль при любом обсуждении коррупции в советских судах (да и в любых судах), так как служили посредниками во многих неформальных сделках между просителями и судьями.

Начиная с середины войны и особенно сразу после нее адвокаты оказались в центре спора по поводу дополнительной «платы за услуги», которую они порой требовали. В судах военного и послевоенного времени у адвокатов стало обычной практикой брать с клиентов деньги сверх стандартных, весьма скромных официальных тарифов, установленных за юридические услуги государством (эти тарифы были разработаны в 1932 г., когда правительство запретило оказание юридических услуг частниками)⁵¹. В своем кругу адвокаты несколько саркастически именовали такую доплату «микст» (сокращение от «максимальное использование клиентов сверх тарифа»).

Вероятно, правильное всего рассматривать «микст» как дополнительную плату за услуги. Такая плата в принципе не являлась взяткой, хотя сами юристы часто называли ее нарушением правил адвокатуры. Тем не менее из-за «микста» прокуроры несправедливо предъявляли многим адвокатам обвинения во взяточничестве, тогда как те, скорее, просто совершали этический проступок, беря с клиентов лишнее.

Разумеется, многие адвокаты считали «микст» заслуженной компенсацией за дополнительные разъезды или канцелярскую работу, особую сложность дела или жалобы. По всем рассказам, с конца 1930-х или начала 1940-х гг. «микст» представлял собой повсеместное и неприкрытое явление в сталинской (и послесталинской) правовой системе. (Оригинальных исторических исследований на тему «микста» в военное время и в период позднего сталинизма не существует⁵².) Несколько юристов засвидетельствовали распространенность «микста» во время и сразу после войны. Одна женщина-адвокат сказала следователям в 1951 г., описывая период 1941–1947 гг. (и, возможно, несколько преувеличивая): «Я утверждаю, что в тот период в Москве буквально все адвокаты брали большие суммы денег от клиентов, так называемые “миксты”, и помню, что за сумму 25 тысяч рублей, которую брали адвокаты с клиентов, – их не привлекали к уголовной ответственности, а исключали из членов Коллегии адвокатов. Поэтому я относилась к этому вопросу, как к обычному явлению»⁵³. Судя по свидетельствам адвокатов, официального оклада юриста с

трудом хватало на жизнь. Некая Князева рассказывала знакомому, что, уволившись в 1945 г. из армии, работает адвокатом и «ей тяжело живется». Князева просила знакомого, сотрудника Министерства юстиции, «подыскать для нее клиентуру, так как нужно было, как она выразилась тогда, “заработать”»⁵⁴.

Спрос на помощь адвокатов при переговорах с правовой системой был огромен. В одном только 1945 г. клиенты использовали услуги адвокатов, прикрепленных к московским судам, свыше 170 тыс. раз. Согласно статистике Министерства юстиции для ЦК, за первую половину 1950 г. более 700 тыс. чел. по всему СССР обращались к представителям адвокатуры с вопросами или просьбами об услугах; адвокаты действовали в 191 тыс. уголовных дел и более чем в 50 тыс. гражданских⁵⁵. В Москве стандартная плата, установленная в юридических консультациях при судах за наем адвоката для составления простого заявления, равнялась 50–100 руб.⁵⁶ Адвокаты, вопреки правилам, часто запрашивали в 5–10 раз больше.

Порой они говорили – или, по крайней мере, намекали – клиентам, что не станут особо стараться ради клиента, если им не доплатят. К примеру, в 1945 г. некоего Голикова, главу потребсоюза в Московской области, обвинили в хищении госсобственности. Назначенный ему судом адвокат, который по официальной ставке должен был представлять обвиняемого в суде за 1 тыс. руб., потребовал у его жены 9 тыс. руб. Юрист сказал ей, что дополнительные восемь тысяч нужны ему на «расходы», не уточнив, на какие именно. «Он только меня очень просил, – рассказывала жена Голикова, – никому об этом не говорить и приносить ему деньги только на квартиру. Я его как-то спросила: “Куда вы расходуете такие деньги, ведь вы живете без детей с женой?” Луговской мне ответил: “Это надо государству”. Я ему поверила, думая, что он действительно кому-либо по закону вносит эти деньги на расходы, связанные с ведением дела мужа. Тот же адвокат требовал деньги сверх тарифа и в других случаях»⁵⁷.

Адвокаты нередко давали клиентам понять, будто это судья требует денег за решение дела в их пользу. Запрашивая с клиента на несколько тысяч рублей больше обычной ставки, они намекали, что часть «гонорара» пойдет судье для гарантии успеха. Как показали расследования, клиенты иногда верили, что адвокат передал судье взятку, даже если он ничего подобного не делал. Порой адвокат мог даже обещать вернуть клиенту деньги, если его подзащитный не получит желаемого результата⁵⁸. В действительности же чаще всего деньги просто присваивались адвокатами⁵⁹. На одном процессе 1951 г. в Москве суд признал нескольких адвокатов виновными в выманивании взяток у клиентов в 1945–1947 гг. Эти юристы хвалились перед просителями своими прекрасными неофициальными отноше-

ниями с судьями, или, как гласил приговор, «игнорируя свои обязанности по содействию осуществлению советского правосудия, распространяли среди лиц, обращавшихся к ним за юридической помощью, слухи о своих личных знакомствах и связях с судебными работниками»⁶⁰. А вместо того чтобы передавать взятки судьям, прикармливали деньги.

Порой адвокаты действовали как посредники, ожидая «комиссионных» по достижении удачного результата. В качестве одного из условий «сделки» с клиентом они выставляли требование премии, если благодаря их посредническим усилиям удастся добиться оправдания или сокращения срока приговора. В деле «группы» из девяти спекулянтов шерстяными тканями, о котором в ноябре 1951 г. МГБ докладывало Маленкову, ленинградский адвокат Б. Л. Ляцкий получил «вознаграждение» в размере 3 тыс. руб. за посредничество в подкупе судьи. Адвокаты часто выступали посредниками в сделках между подсудимыми (или их родственниками) и судьями, поскольку занимали удобное положение для подобного рода переговоров. (Секретари, консультанты, канцелярские служащие и другие судебные работники, контактировавшие как с судьями, так и с просителями, тоже зачастую служили посредниками.) В случае Ляцкого платила дочь одного из обвиняемых спекулянтов⁶¹. Взятка открылась благодаря сообщению осведомителя ленинградской милиции, что, когда дело было прекращено, судья, адвокат и один из подсудимых вместе отправились отмечать это в ресторан. Один как будто раскаивающийся адвокат заметил на своем процессе: «На работу в адвокатуру я пошел не с целью наживы, хотя здесь имеются все возможности получать и давать взятки»⁶².

Очевидно, существовала всеобщая уверенность в том, что доступ к профессионалам-практикам, способным помочь пробраться сквозь те или иные бюрократические лабиринты (юристам или врачам в случаях, связанных с системой здравоохранения), либо стоит дополнительных затрат, либо требует личных знакомств. Многие, не имея нужных контактов (именуемых в просторечье «блатом»), считали необходимым нанять адвоката с хорошими связями хотя бы для того, чтобы их дело рассмотрели и решили по справедливости. Если говорить о ценности таких связей, то один обвиняемый в даче взятки заявил в свое оправдание, что в недорогих государственных юридических службах работают одни «вчерашние студенты, а следовательно, малоопытные люди». Другой обвиняемый сказал, что прекрасно понимает свою жену, уплатившую адвокату 2 тыс. руб. (гораздо больше официальной ставки), «так как мне совершенно ясно, что бесплатно никто ничего не делает». Женщина-адвокат из Харькова даже ут-

верждала, что, если бы она *не* брала дополнительную плату за свои услуги, клиенты не шли бы к ней, полагая, что толку от нее не будет⁶³.

Должностные лица, готовые брать деньги из-под полы, могли эксплуатировать это мнение о неадекватности услуг, предоставляемых государством. Один обвиняемый взяточник на своем процессе пренебрежительно отозвался об адвокатуре, отражая общее настроение: «Я вообще это дело, т. е. дело Цыпенюк, хотел передать адвокату, но полагал, что адвокат отнесется формально, не будет прилагать все усилия, чтобы помочь мне в этом деле»⁶⁴. Сам генеральный прокурор Сафонов рассказывал об адвокате Сендерове, который хвастался перед клиентами тем, что некогда работал помощником министра юстиции, в доказательство своих «широких связей с судебными работниками»: «Сендеров при этом всегда бравировал якобы имевшимися у него близкими связями с руководящими работниками Министерства юстиции и Верховного суда»⁶⁵. Отчаяние родственников обвиняемых и запутанность судебных процедур помогали убедить людей в том, что приплата адвокатам – единственный способ добиться нужных результатов, а если они не заплатят, исход скорее всего будет печальным. Женщина, продавшая корову, чтобы наскрести денег на адвоката, писала: «Я хотела чем-либо помочь своему сыну, который, по моему мнению, был осужден неправильно». Она настаивала, что не давала взятку – просто платила адвокату за помощь: «Я была уверена, что обязана сделать из сына хорошего и порядочного человека, и решила эти деньги дать [адвокату] с тем, чтобы он помог в деле сына»⁶⁶.

Процесс адвоката Берты Радчик в июле 1949 г. высвечивает некоторые элементы механизма «микста». Суд спросил Радчик, признавшуюся, что несколько раз выступала посредником в передаче взяток, о крупных суммах наличными, которые милиция обнаружила в ее квартире при аресте. «Происхождение моих тысяч, – ответила она, – я могу объяснить тем, что в последние годы своей адвокатской деятельности я усиленно брала так называемый “Микст”, который я начала брать только со времени моей совместной работы с адвокатом Коммодовым в Чкалове [так назывался тогда г. Оренбург. – Дж. Х.]. В то время я была в затруднительном материальном положении, и адвокат Коммодов, узнав, что я никогда не беру от клиентов “Микст”, назвал меня дурой и склонил к систематическому получению с клиентов “Микст”». Радчик описала выгодность дополнительной платы: «“Микст” я начала брать с 1943 года. В один месяц в Чкалове я проводила не менее 15 дел, а за каждое я брала по 2 000, 3 000, 5 000 рублей “Микст”»⁶⁷.

Для большинства людей такие суммы представляли собой огромные деньги, и готовность платить их показывает, как сильно люди

жаждали добиться в суде положительных результатов. Адвокат Радчик в показаниях на процессе осудила «микст» как неэтичную практику, мешающую правильному вынесению решений и нормальному функционированию суда в целом: «“Микст” порождает большие вредные последствия для дела правосудия. Ибо, когда адвокат берет “микст”, он вступает в личные взаимоотношения с клиентом, и этим стирается беспристрастное отношение к разрешаемому делу. С другой стороны, когда адвокат вступает в личные взаимоотношения с членами суда, то этим он, естественно, влияет на вынесение неправоусудного приговора». По ее словам, работая в Чкалове, она потеряла «совесть» и «честь» советского гражданина. Радчик признала свои ошибки, не преминув, однако, подстраховаться: «Я признаю свою вину, что своими действиями причинила ущерб Советскому правосудию, хотя и за “Микст” никогда не ставился вопрос о криминале»⁶⁸.

Некоторые адвокаты защищали практику дополнительной платы, утверждая, что их клиенты сами настаивали, чтобы они приняли подарок за хорошо сделанную работу. В одном случае адвокат уверял: его клиенты добровольно «в знак благодарности помимо всего всегда» давали ему «подарки, деньги в сумме 300, 500, 1 000 и больше рублей». Эти персональные «премии» вручались вдобавок к судебной пошлине, которая выплачивалась суду⁶⁹. Данный пример говорит о том, что, вероятно, большинство адвокатов думали о «миксте» не как о взятке, а как о получении (может быть, неэтичном, но не преступном) доплаты, добровольно предлагаемой за дополнительные услуги⁷⁰.

Весной 1948 г. на вопрос «микста» обратил внимание министр государственного контроля Л. З. Мехлис на совещании с руководящими работниками Министерства юстиции, осуществлявшего надзор за адвокатурой. Мехлис, настаивавший на криминализации предложения и получения «микста» как взяточничества, выразил глубокое недовольство, даже раздражение в связи с ситуацией в адвокатуре. Он противопоставил мощь Красной армии слабости Министерства юстиции в его попытках контролировать гонорары, требуемые адвокатами: «Брали мы Будапешт, брали Прагу, брали Варшаву и не можем взять шайку, которая там сидит. Что за министерство и что за замы министра и зам. по кадрам, которые не могут изменить положение в Московской адвокатуре. Это безобразие. Нет ни одного министерства такого, как министерство юстиции»⁷¹. Есть все основания предположить, что мишенью возмущения Мехлиса служила отнюдь не только неофициальная плата адвокатам – а общая неспособность партии контролировать незаконную деятельность сотрудников судебных и правоохранительных органов во всем государственном аппарате. СССР разгромил фашистов, но не мог искоренить преступность

среди собственных госслужащих, даже в Москве. Сопоставление нацистской Германии и адвокатов в устах Мехлиса усиливает осуждение последних как «врагов»⁷². С точки зрения Мехлиса и других партийных руководителей, судебной системой – главным оружием революционного государства и средством утверждения социалистической законности – изнутри манипулировали адвокаты, которые ослабляли ее своей алчностью и моральной нестойкостью. Случай «микста» лишний раз подчеркивает официальное мнение, что взяточничество представляло серьезную идеологическую проблему⁷³.

Сделки с участием работников прокуратуры

По многим из тех же причин, которые позволяли судьям и адвокатам извлекать выгоду из своего служебного положения, работники прокуратуры тоже имели массу возможностей требовать незаконную плату как во время, так и после войны. Прокуратура играла в советском государстве важнейшую роль, как ведомство, следившее за тем, чтобы законы режима неукоснительно проводились в жизнь по всей стране. Ленин писал в статье 1922 г. «О “двойном” подчинении и законности»: «Прокурор имеет право и обязан делать только одно: следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям... Прокурор отвечает за то, чтобы ни одно решение ни одной местной власти не расходилось с законом, и только с этой точки зрения прокурор обязан опротестовывать всякое незаконное решение, причем прокурор не вправе приостанавливать решения, а обязан только принять меры к тому, чтобы понимание законности установилось абсолютно одинаковое во всей республике»⁷⁴.

Политика режима, направленная на борьбу с преступлениями против советской экономики и социалистической собственности, заставляла прокуроров тесно контактировать с большим количеством предполагаемых преступников. В советской системе, как и в большинстве континентальных европейских правовых систем, следователи прокуратуры, а не милиция, занимались уголовными расследованиями, допрашивали подозреваемых и свидетелей⁷⁵. В Куйбышеве судили помощника прокурора и троих следователей, которые во время войны брали взятки наличными и натурой за то, что закрывали дела рабочих, «дезертировавших» с заводов военного назначения. По декабрьскому закону 1941 г. против дезертирства с предприятий ключевых оборонных отраслей такие рабочие должны были получить от 5 до 8 лет лагерей. Взяв у обвиняемых деньги, прокурорские работники прекращали следствие по их делам под предлогом недо-

статочной доказательной базы. Когда эта четверка сама попала под суд, ее членов приговорили в 1946 г. к заключению на срок от 8 до 10 лет за взяточничество⁷⁶. Другие принимали «подарки» за помощь. Военный прокурор И. С. Разно принял от жены обвиняемого двое золотых часов, золотое кольцо и металлическую цепочку. Через три дня он устроил, чтобы обвиняемого осудили условно. Позже Разно судили за получение взяток и приговорили к 5 годам лагерей⁷⁷.

В государственных и партийных архивах содержится много примеров того, как служащие колхозной администрации откупались от следователей прокуратуры, дабы избежать ареста или преследования за воровство или порчу госсобственности. В одном деле 1946 г. бригадир колхоза «Завет Ильича» нечаянно вызвал пожар, который уничтожил зерно в амбаре⁷⁸. Боясь уголовной ответственности, он через посредника отдал следователю 100 кг зерна, чтобы найти способ выкрутиться. Следователь неправоммерно приостановил дело. Факт этот вскрылся благодаря тому, что несколько колхозников подслушали, как бригадир хвастался сделкой. Взятокодатель получил 2 года лишения свободы; следователь – 5 лет⁷⁹.

Положение также позволяло прокурорам вымогать взятки, угрожая неподатливым подозреваемым такими негативными последствиями, как арест, дополнительные уголовные обвинения, более длительный срок приговора. Нарушения трудовой дисциплины на предприятиях, работавших на военные нужды, стимулировали попытки вымогательства денег. В деле, описанном в докладе прокуратуры в начале 1947 г., помощник прокурора Ленинского района г. Баку Аждар Рагимов расследовал обвинения в дезертирстве против группы подростков, мобилизованных на военный завод⁸⁰. Рагимов вызвал подростков к себе в кабинет и потребовал по 2 тыс. руб. с каждого, обещая, что их тогда выпустят из тюрьмы и предъявят им сравнительно менее тяжкое обвинение в «прогуле» по постановлению от 26 июня 1940 г. (вместо более серьезного обвинения в «дезертирстве»). Заплатив Рагимову каждый по 500 руб., юноши тут же вернулись на завод и рассказали о шантаже секретарю партийной организации. Рагимов получил 7 лет лишения свободы за вымогательство взятки.

Обвиняемые в хищении госсобственности особенно стремились вступить в сделку с прокурорскими работниками. В 1949 г. следователь прокуратуры Сталинского района г. Иваново, говорят, вытряс 1 000 руб. из некой Понжиной, которую обвиняли в краже 419 руб.⁸¹ Согласно докладу КПК, тот же следователь позднее вымогал взятку у обвинявшегося в воровстве работника хлебозавода. Он также приостановил два дела о хулиганстве, после того как обвиняемые и их

отец устроили ему угощение с водкой. Впоследствии этот следователь попал под суд и получил приговор к 10 годам заключения⁸².

Следователи, занимавшиеся преступной деятельностью на некоторых предприятиях, тоже имели хорошую возможность вымогать взятки. Руководители предприятий пищевой и спиртовой промышленности преподносили работникам прокуратуры обильные дары, уберегая своих сотрудников от ареста за нелегальную спекуляцию на черном рынке и другие хозяйственные преступления. Они подкармливали местных должностных лиц дефицитными продуктами и ликерами, неофициально снабжая также их окружение. Старший инспектор Саратовской городской прокуратуры М. С. Лобанов, отвечавший за расследование злоупотреблений в местной спиртовой и табачной промышленности, принимал подарки за прекращение уголовных дел⁸³. По данным следствия, завершеного в мае 1949 г., он «бесплатно получал на табачной фабрике папиросы, пиво на пивзаводе». По словам следователей, местной милиции и прокуратуре, когда те принимались расследовать нарушения на хозяйственных предприятиях, часто затыкали рот «знаками благодарности», как правило, бесплатными продуктами и спиртным.

Разумеется, многим прокурорским работникам предоставлялась отличная возможность получать подобные «подарки» от руководителей предприятий своего региона. В апреле 1950 г. Комиссия партийного контроля рассматривала дело заместителя прокурора Красноярского края В. С. Бабенко, обвинявшегося в получении мясопродуктов и спиртного в подарок от подозреваемых, которые сами обвинялись в хищении государственной собственности⁸⁴. По материалам следствия, «группа преступников» из мясного треста, включая директора треста, главного инженера, бухгалтера и снабженца, продавала на черном рынке украденные мясо и спиртное. Свои делишки она прикрывала при помощи подарков прокуратуре. Собственно, сотрудники мясного треста подносили подарки многим руководящим кадрам края, в том числе высокопоставленным работникам прокуратуры и Министерства государственной безопасности, начальнику железной дороги и заместителю заведующего отделом кадров крайкома партии. Кроме того, работники прокуратуры «под видом технических нужд» получали спиртное от красноярского ликеро-водочного треста и продали на сторону 780 литров «на личные нужды». Тресты использовали доступ к ценным дефицитным товарам, чтобы откупаться от властных элит края. Например, на октябрьские праздники 1946 г. мясом обеспечили широкий круг партийных и советских работников. В феврале 1946 г. аппарат ликеро-водочного треста раздал 40 литров спиртного членам делегации, которая отправлялась в Москву представлять Красноярский край на сессии Верховного Совета. Прокурор

тогда за подарки в виде спиртного прекратил расследование этих злоупотреблений. Следователи КПК пришли к заключению, что большая часть краевого руководства (включая партийных руководителей, начальника милиции и председателя крайисполкома) знала о ситуации, но ничего не делала, порой храня молчание в обмен на подарки. За участие в подобных махинациях заместитель прокурора Бабенко получил в апреле 1950 г. всего лишь строгий выговор, вероятно, благодаря хорошим связям в местной политической структуре⁸⁵.

Собственно, тенденция к более строгим наказаниям за взяточничество в конце войны возникла отчасти потому, что провинциальные прокуроры и другие должностные лица на местах так легко поддавались мелким соблазнам⁸⁶. По данным подробного исследования взяточничества в Украинской ССР в 1949 г., большинство взяток, предлагавшихся милиционерам, судьям, работникам прокуратуры (и принимавшихся ими), были очень невелики – от 50 до 200 руб. В западноукраинской деревне самой популярной взяткой служили продукты питания⁸⁷. Разумеется, представителей высшего руководства беспокоило, что попустительство местной прокуратуры за столь скромные подарки уменьшает способность государства проводить в жизнь свои законы, ограничивая тем самым сферу влияния центральной власти. Как показывают приведенные примеры, в первые послевоенные годы, и особенно в сельской местности, взятки часто предлагались натурой, а не наличными, иногда – тем и другим вместе. В экономике дефицита даже взятки могут демонетизироваться. (К тому же взятку легче замаскировать, если давать ее не деньгами; взятки в форме продовольствия или других товаров проще прикрыть традициями подношения⁸⁸.) В одном деле, поступившем в КПК, российский прокурор призналась, что брала у родственников обвиняемых подарки деньгами и продовольствием «в небольших размерах». В 1946 г. родственник человека, обвинявшегося в краже 10 кг кожи, придя к ней на квартиру, презентовал ей 500 руб., шмат сала и 900 г сосисок. Другую взятку составляли (помимо прочих вещей) два с половиной метра шелковой материи, два куса шпика, 400 г масла, 45 яиц, утка, цыпленок и 500 г сметаны⁸⁹. Такие маленькие платежи натурой являлись общей чертой подарков должностным лицам в знак скрепления сделки.

Заключение: Формальные каналы и неформальные отношения

Что говорят нам эти сведения об анатомии взятки в органах охраны правопорядка и уголовной юстиции времен позднего сталинизма? Историки, естественно, приложили много усилий, описывая массовые аресты и суровые наказания сталинской эпохи, что служит рамками для анализа взяточничества в послевоенной правовой системе. Вопрос, как и почему милиция, судьи и прокуроры могли извлекать прибыль из своего служебного положения, однако, не изучен в подробностях. Вообще коррупция возникает при таких условиях, когда люди уверены, что выгода от нее перевешивает сопутствующие ей риски. После войны приговоры за «контрреволюционные» преступления встречались довольно редко по сравнению с 1930-ми гг. Гораздо чаще сроки от 7 до 25 лет отвешивали обычные суды. Но рьяное послевоенное преследование неполитических преступлений против государственной собственности и экономики возымели неожиданное последствие – обжалования с целью отмены или смягчения чудовищных приговоров. В суды хлынули сотни тысяч дел, зачастую вызывавших справедливое возмущение.

В Советском Союзе взяточничество выполняло функции как подспорья, так и помехи. Порой оно позволяло сталинской правовой системе быстрее преодолевать крупные препятствия. Как указывают Йорам Горлицкий и Питер Соломон, указы от 4 июня закрыли лазейку, которой могли пользоваться судьи для смягчения обязательных приговоров или прекращения дел ввиду смягчающих либо чрезвычайных обстоятельств⁹⁰. Такое сужение свободы действий суда в негибкой сталинской правовой системе сделало «подковерное» решение трудноразрешимых на вид проблем еще привлекательнее. К тому же властные отношения подразумевали неравное распределение наказаний в зависимости от связей, партийности и прочих «субъективных» факторов. Мысль, что человек со связями при взаимодействии с бюрократией находится в выигрышном положении, усиливала ощущение несправедливости. Представители элиты, участвуя в коррупционной деятельности, естественно, имели большое преимущество, если, конечно, не становились жертвами политической кампании, фракционной борьбы или личной вендетты. Люди без влиятельных знакомств склонялись к тому, чтобы купить особое внимание, которого иначе не удостоились бы. Удачная взятка ненадолго обеспечивала простому человеку привилегированное отношение, которым пользовались люди со связями. Подарок нужному лицу в правовой системе временно выравнивал игровое поле.

Взятничество также позволяло людям обходить непонятные или иррациональные юридические процедуры. Отдельным индивидам трудно было получить достоверную информацию о том, как добиться удовлетворения своих претензий от правовой системы. В работе, посвященной подношениям во Франции эпохи раннего Нового времени, Натали Земон Дэвис отмечает, что адвокатам довольно часто дарили продукты, поскольку те могли помочь людям ориентироваться в сложной и казавшейся им чуждой правовой системе⁹¹. Что уж говорить о причудливых сталинских юридических лабиринтах, куда люди попадали неожиданно и совершенно деморализованными. Сделки из-под полы с участием сотрудников правоохранительных органов, по сути, представляли собой рациональный ответ как со стороны советского народа перед лицом произвольных арестов в массовом порядке, так и со стороны замордованных милиции, прокуратуры, судебных властей, пытающихся с ними справиться. В свете этого взяточничество в правовой системе можно рассматривать как логичную реакцию на партийно-государственную структуру, мало уважавшую суды, правовые процедуры и равенство граждан перед законом⁹². Просители находили много судебных, милицейских и прокурорских работников, согласных на переговоры, и не испытывали недостатка в посредниках, готовых устраивать сделки, что лишь усиливало стимул к теневым соглашениям. Коррупция в правовой системе, можно сказать, минимизировала ущерб от драконовских законов и давления на судей и прокуроров в сторону обвинительного уклона. Можно также утверждать, что взяточничество, как и подношения чиновникам до революции, до некоторой степени компенсировало маленькие оклады должностных лиц и потому выполняло своего рода положительную экономическую функцию в то время, когда значительная часть госслужащих существовала еле-еле на уровне прожиточного минимума⁹³. (То же самое относится к адвокатскому «миксту».)

В целом, однако, взятки в судах в некоторых отношениях обостряли проблемы, которые призваны были решать. Они добавляли недовольства нечестным распределением правосудия, основанным не на существе дела, а на вмешательстве могущественных (и оплаченных) внеправовых «контактов». Возникающее в результате ощущение несправедливости еще сильнее дискредитировало всю правовую систему и вело к росту дистанции между «обществом» и «правителями», между «нами» и «ними». Ходили слухи, что кого-нибудь необходимо «подмазать» в том или ином регионе, городе, суде, побуждая еще больше людей прибегать ко взяткам. Коррупция, по сути, являлась одновременно и проблемой, и решением. Если имеешь дело с коррумпированным бюрократическим аппаратом, один из немногочис-

ленных вариантов – незаконная плата. Как часто бывает, коррупция порождает коррупцию, сама себя раскручивая и усиливая.

Отношение к правоохранительным ведомствам в послевоенный сталинский период свидетельствует о широко распространенной в народе уверенности, что официальные каналы попросту неэффективны и нечестны. Спрос на урегулирование юридических проблем «с заднего крыльца» подпитывался отчаянной ситуацией: арестами людей за преступления, влекущие за собой долгие сроки лишения свободы, нехваткой кадров для оказания необходимых услуг, неопостижимыми и непролазными бюрократическими дебрями, чувством, что добиваться чего-либо от неповоротливой и неотзывчивой администрации официальными средствами бесполезно. Таким образом, у многих людей появлялся мотив искать неформального, персонализированного разрешения своих трудностей. Система назначаемых судом адвокатов с небольшими зарплатами мало годилась для того, чтобы представлять интересы и права подзащитных, зато прекрасно способствовала установлению неформальных отношений с судьями (за определенную цену). Многие клиенты полагали, что должны либо приплатить адвокату, чтобы он уделил достаточно внимания их делу, либо (иногда одновременно) заключить какое-то другое внеправовое соглашение, например дать взятку судье.

Сталинские репрессии, конечно, не могли искоренить такие теневые отношения. Фактически эти отношения действовали как важнейшие механизмы внутри советской бюрократии⁹⁴. В то время как партия-государство после войны изо всех сил старалось вернуть общество в свои тиски, культуры взаимности (порой принимая обличье взяточничества) помогали людям маневрировать, чтобы сохранить или приобрести преимущество. В случае правоохранительных органов взяточничество представляло собой нечто вроде программы «наличные – за амнистию». Дачу взяток можно рассматривать как естественную реакцию общества на советских чиновников, которые у всех на виду безнаказанно злоупотребляли служебным положением.

Советское государство претендовало на преобразование культуры мелкого взяточничества, заразившей бюрократию. Режим старался понять – а затем взять под контроль, если не уничтожить, – вид преступления «взяточничество». Тем не менее, несмотря на пылкую риторику, несколько факторов мешали серьезной борьбе со взяточничеством. Один из главных послевоенных приоритетов Сталина – защита экономических основ советского социализма, включая государственную собственность, любой ценой – открывал возможности для тех, кто проводил в жизнь карательные законы. То есть режим своей политикой и своими действиями создавал условия для расцвета коррупции, которую пытался искоренить.

Явления, о которых говорилось в этой главе, проливают новый свет на состояние отчаявшегося советского общества, обращавшегося к скомпрометированной правовой системе за защитой от произвольно репрессивного партии-государства, которое регулярно демонстрировало презрение к принципу верховенства закона. Собственно, законы и правовая система, описанные здесь, иллюстрируют очередной способ, каким государство, по сути, заставляло людей действовать вне закона, находить альтернативные пути достижения справедливости.

Как будет показано в следующей главе, в игре под названием «устройство сделок» в Советском Союзе для взятки существовали свои неписанные правила.

ЧАСТЬ II

3. «СЛОВО “ВЗЯТКА” МЕЖДУ НАМИ НИКОГДА НЕ ПРОИЗНОСИЛОСЬ»: ПОВСЕДНЕВНАЯ ПРАКТИКА И ИСКУССТВО ВЗЯТКИ

Взятничество в позднесталинском СССР представляло собой повседневное явление. В этой главе рассматриваются рискованные взаимодействия между советскими людьми и государственными служащими, принимавшими плату за услуги, которые либо нарушали существующие законы, либо должны были оказываться бесплатно. В данном исследовании утверждается, что взятка – это род переговоров (иногда с элементами принуждения), чаще всего происходивших между просителями и должностными лицами, покупателями и продавцами услуг. В Советском Союзе подобные переговоры породили собственную субкультуру со своим особым языком, ритуалами, установками, методами.

В период позднего сталинизма взятничество как некий тип сделок с участием представителей всего социального спектра оказалось на пересечении государства, права, теневой экономики и преступности. Конечно, государство и общество не существовали абсолютно раздельно. Госслужащие, которые сегодня брали взятки за выполнение определенных функций, завтра могли сами давать взятки за какие-то иные услуги. Собственно, одно из преимуществ подхода, избранного в данной книге, заключается в рассмотрении обширного «среднего плана» – мелкого (главным образом) подкупа. Явление взятничества отличалось широкой демократичностью, допуская участие людей из любых сфер советской жизни. Должностных лиц, имевших доступ к дефицитным товарам или ресурсам, соблазняла возможность приторговывать плодами такого доступа. Профессионалы и администраторы принимали взятки; секретари, канцелярские работники, юристы, люди, лишенные иных средств «приработка», выступали посредниками между просителями и должностными лицами. *А предлагали* взятки все кто угодно – от колхозников и рабочих до инженеров и пенсионеров, – если нуждались в жилье, работе, документах и прочих дефицитных вещах либо если у их родных возникали неприятности с правовой системой.

Как же рядовые советские граждане при Сталине взаимодействовали с людьми, облеченными властью? Взятка была одной из многих неофициальных практик, которые мы называем «коррупцией». Ее можно рассматривать как особую форму неформальных отношений, позволявших многим индивидам, как должностным лицам, так и рядовым гражданам, улаживать дела. Взятничество представляло собой один тип неофициального обмена между представителями государственной власти и населением. Еще один тип – блат, или взаимные одолжения по знакомству. Социолог Алена Леденева проводит различие между блатом, который не противозаконен, основан на известной степени доверия и дружеских отношениях, не требует немедленной отплаты, – и взяточничеством, которое не обязательно вытекает из личных отношений, предполагает некий платеж и ожидание чего-то взамен, а также является нарушением уголовного кодекса¹. Взятка – единовременная выплата, наличными или другими ценностями, при отсутствии отношений между платящим и получающим, тогда как блат подразумевает продолжительные взаимоотношения, основанные на знакомстве и взаимных услугах, а не разовых денежных или иных подарках.

Подобные взаимодействия между должностными лицами и остальным населением проливают свет на те формальные части системы, которые не работали, как планировалось, и подчеркивают брешь между «потребительским» спросом и крайне ограниченным предложением самых необходимых товаров и услуг. Они также позволяют нам изучить опыт рядовых индивидов и драму сложного выбора, который им приходилось делать во времена величайшей нестабильности. Рассматривая этот выбор, не будем впадать в морализаторство, в равной мере неисторичное и самонадеянное. По западным стандартам, взяточничество есть отклонение от нормы. Однако осуждение взяточничества, которое находишь в большей части написанного журналистами и наблюдателями (да и некоторыми учеными), почти никогда не принимает во внимание политические или культурные традиции. В данной книге утверждается, что во многих случаях взяточничество для замешанных в нем вовсе не было отклонением. Порой операции, криминализованные как взяточничество, представляли собой действия, которые многие люди полагали отвечающими человеческим потребностям и ценностям.

Обычно взяточничество считают либо преступлением (при чисто юридическом или криминологическом подходе), либо личным прегрешением (морально осуждаемым злом). Чаще всего, пожалуй, государства видят во взяточничестве *и* преступление против общества, *и* некий индивидуальный порок. Советский режим, подобно большинству других, разделял эту точку зрения, осуждая взяточничество

одновременно как форму серьезного профессионального правонарушения и как осквернение основополагающих «советских ценностей». Предположу, что иногда сделки со взятками полезнее рассматривать как вид «искусства» — практику, которую мы можем представить своеобразными переговорами, обусловленными культурными контекстами и установками, нежели просто как социально опасное преступление или нравственное зло.

Хотя годы позднего сталинизма являлись переходным периодом, некоторые постоянные факторы наложили свой отпечаток и на этот этап советской истории. Как мы видели, трудности послевоенного восстановления при острой нехватке продовольствия, жилья и других предметов первой необходимости порождали, с одной стороны, огромный спрос на товары и услуги, а с другой стороны, богатые возможности для должностных лиц, способных незаконно приобретать и предлагать их. Партийные руководители с переменным успехом пытались вести борьбу против таких злоупотреблений служебным положением. Неудивительно, что давние традиции «корыстного дарения», по выражению Катрионы Келли, оказалось невозможно уничтожить².

Народное представление о взятке

Государство с успехом внедрило идею, что советские граждане имеют права на определенные услуги, гарантированные Конституцией СССР 1936 г. (известной как сталинская конституция). В период позднего сталинизма мысль, что государство не выполняет своих обязательств перед населением, кажется, стала общепринятой точкой зрения, о чем свидетельствует огромное количество жалоб в суды и прочие ведомства по поводу таких вещей, как, например, квартиры, и ходатайств о пересмотре «несправедливых» приговоров. Необходимость платить взятки в известной степени подкрепляла ощущение несостоятельности государства. Историк Елена Зубкова подчеркивает, что в тот период население, как правило, смотрело на государственную власть и ее представителей как на некую абстрактную неизменную силу, на которую отдельный человек крайне редко может повлиять. В то же время и для высшего руководства, и для населения главной мишенью критики служили некомпетентность и прегрешения *местных* должностных лиц, или «ближайшей власти»³. Возмущение злоупотреблениями местных бюрократов распространилось повсюду. В свете такого отношения нетрудно представить, что многие люди считали взятки необходимостью, будучи уверены в своем праве использовать любые имеющиеся у них средства, дабы

получить то, что государство им должно, а его бесчестные или неумелые бюрократы не дают. Рассуждая так, они, скорее всего, были уверены, что взятка государственным чиновникам не заслуживает наказания, поскольку один человек не может «повредить» этому безличному государству с его откровенно коррумпированной местной администрацией.

Учитывая чрезвычайно тяжелые условия во время и после войны, у многих росло ощущение, что они вправе притязать на компенсацию принесенных в войну жертв⁴. Однако ввиду недостаточного производства вкупе с несправедливым и неэффективным распределением режим был неспособен убедить людей, что это государство – *их* и, стало быть, ворую у государства, они обкрадывают *себя*. Мелкое взяточничество (вместе с мелким воровством государственной собственности и спекуляцией) часто рассматривалось как часть необходимой стратегии выживания⁵. Перед судом взяточдатели упирали на свое отчаянное материальное положение. Многие думали, что взятка может быть морально оправданным решением, когда речь идет о том, чтобы свести концы с концами или добиться какого-то подобия справедливости.

Постоянно сталкиваясь с тем, что советские граждане проводили нравственное различие между *дачей* и *получением* взятки. Власти, разумеется, выражали беспокойство по поводу подобного умоностроения. Немало людей, видимо, полагало, что госслужащий, *берущий* взятку, совершает гнусное преступление, которое заслуживает наказания. Взяточников называли, в числе прочих нелестных эпитетов, «кровопийцами» и «кровососами»⁶. С другой стороны, *взяточдателей* считали невинными жертвами, вынужденными расставаться со своими жалкими грошами или другим имуществом, чтобы заставить систему работать как надо либо сделать жизнь сколько-нибудь сносной. Как указывает Кэролайн Хамфри, само русское слово «взятка» (от глагола «взять») перекладывает ответственность на *берущего* и намекает на определенную степень вымогательства. Это контрастирует с английским словом «bribe» (имеющим значения «взятка» и «подкуп»), которое подразумевает, что дающий в такой же мере выступает инициатором (и манипулятором) в соглашении⁷. (Французские слова, обозначающие дачу взятки, тоже, подобно английским, указывают на важнейшую роль «покупателя» в отношениях: «acheter» [другое значение «покупать»], «soudoyer» [другое значение «содержать на жалованье»], «donner un pot de vin» [в прямом значении – «давать надбавку к условленной цене или подарок за содействие, магарыч»].) Свидетельства, почерпнутые из советских судебных дел, просьб и писем, показывают, что эти две стороны монеты (дескать, должностные лица, берущие взятки, – бесчестные преступники, которых совет-

ская власть должно беспощадно карать, а те, кто предлагает им плату, ни в чем не виноваты и всего лишь закономерно пытаются смягчить свою горькую долю) уживались в сознании многих советских людей⁸.

Такое двойственное представление объясняет, как мог некий А. В. Вольский, едва заплатив 5 тыс. руб. судебному работнику, почти тут же послать в ЦК жалобу за своей подписью, в которой сокрушался, что «судящиеся все реже посещают [юридические] консультации и все более часто стучатся в черные двери судебных кабинетов»⁹. То есть одной рукой он давал взятку, а другой писал и подписывал письмо с жалобой на необходимость это делать. Неудивительно, что это письмо использовали против него на суде – Вольского осудили и приговорили к 5 годам лагерей.

Впечатление известной терпимости к тем, кто давал взятки должностным лицам, подкрепляется сделанным в 1949 г. Верховным судом СССР наблюдением, что местные судьи зачастую попросту снимали обвинение со взяткодателей. В некоторых случаях судьи даже возвращали им отданные деньги или иные ценности¹⁰. Подобные действия судей, вероятно, отражали (и подтверждали) представление, что взяткодатели часто бывают безвинными жертвами бессовестных чиновников и что дачу взятки не всегда следует считать преступлением. Пример сочувствия ко взяткодателям можно найти в анонимном письме из Алма-Аты министру юстиции Рычкову, датированном 5 июня 1947 г. Автор сетует, что должностных лиц, осужденных за взяточничество, наказывают легко, дают им минимальный срок в 2 года, тогда как «взяткодателям – темным, неграмотным колхозникам» назначают «более суровую меру наказания»¹¹. Иногда с несправедливостью этого соглашались даже сами взяточники. Как выразился один адвокат, признавшийся, что давал взятки: «Инициаторами любой взятки по любому делу я считаю лиц, берущих взятки, иначе бы взяткодатель мог легко бы очутиться в тюрьме»¹². С такой точки зрения, в нравственном отношении было «лучше давать, чем получать», поскольку коррумпированные государственные функционеры вынуждали людей давать взятки. Эти двойные стандарты позволяли простым людям воображать моральную разницу между двумя сторонами взяточничества, несмотря на их обоюдное участие в одной и той же операции.

Дело фронтовика Наумова представляет яркий пример уверенности, что в чрезвычайных условиях послевоенных лет предложение взятки являлось морально допустимым. Наумов признался на суде, что пытался заплатить за освобождение единственного сына, арестованного в конце 1946 г. и приговоренного к одному году заключения и пяти годам высылки из Москвы. В своем последнем слове

Наумов сказал суду: «Мне было легче ходить в атаки на фронтах Отечественной войны, чем стоять сейчас перед судом... Но я выполнял гражданский долг отца, старающегося как-то облегчить судьбу своего сына»¹³. Можно представить, как подобное настроение военнослужащего, объявляющего взятку ради сидящего в заключении сына своим «гражданским долгом», обеспокоило судебное и партийное руководство.

Многие судьи как будто разделяли эту точку зрения. В тот период сроки наказания взяткодателям назначали меньше, чем взяткополучателям, несмотря на то что закон требовал обратного. Во время войны многие осужденные взяткодатели даже не получали приговора к лишению свободы. Разве мягкие приговоры взяткодателям не давали понять, что допущенное ими правонарушение незначительно, особенно в пору кризиса? Почти наверняка более суровое наказание взяткополучателей сигнализировало о том, что брать взятки в моральном отношении хуже, чем давать. Люди, обвинявшиеся в получении взяток, порой признавали в суде свою вину, обвиняемые в даче взяток – почти никогда. Зачастую они попросту не верили, что совершили преступление. Авторы юридических публикаций старались внушить судьям и прокурорам, что снисходительность ко взяткодателям недопустима, поскольку *как* дача, *так и* получение взятки являются серьезными преступлениями. В одной статье в журнале «Социалистическая законность» подчеркивалось: «Несмотря на то, что о получении взятки и об ее даче говорится в различных статьях, оба акта неразрывно связаны друг с другом. И хотя они и совершаются различными лицами и выражаются в различных действиях, но все же представляют собой одно двустороннее преступление: дачу–получение взятки»¹⁴.

В конце 1945 г. и в 1946 г. популярный сатирический журнал «Крокодил» печатал карикатуры, которые подкрепляют впечатление, что партийное руководство хотело оспорить социальную приемлемость дачи взяток. Своими простенькими рисунками на тему взяточничества «Крокодил», по-видимому, пытался пошатнуть общую уверенность, будто те, кто вынужден давать взятки, останутся (или, по крайней мере, *должны бы* остаться) безнаказанными. Цель карикатур заключалась в том, чтобы внушить читателям, что арестованы и посажены за решетку будут не только получатели взяток, но и те, кто их предлагает. Одна карикатура под названием «Неправильный глагол», нарисованная в виде грамматического упражнения, высмеивает заблуждение некоего человека, что «я даю [взятку], ты берешь, он сидит». То есть, как бы говорит нам незадачливый взяткодатель с карикатуры, не ему, а чиновнику, *принявшему* взятку, придется отбы-

вать срок. Но такое употребление глаголов «неправильно», ибо сядут *оба*. Еще две карикатуры «Крокодила», появившиеся примерно в то же время, повторяют тему несведущего взяточдателя, уверенного в собственной невиновности и вдруг обнаруживающего, что и его ждет тюрьма. На каждой из них гражданин, передающий деньги бюрократу в первой части картинки, уводится милицией и оказывается на скамье подсудимых во второй¹⁵. Карикатуры заостряют внимание на последствиях незаконной сделки – наказание постигнет *и* взяточполучателя, *и* взякодателя.

Судя по имеющимся материалам, в действительности судебные власти посылали населению довольно разноречивые сигналы. Закон объявлял, что дарить что-либо должностному лицу даже *постфактум* – незаконно; что продовольствие может быть взяткой; что маленькие подарки («знаки благодарности») могут быть взятками; что подарок, переданный через посредника, может быть взяткой. Но согласно общепринятой практике ни одна из этих вещей не рассматривалась как нечто из ряда вон выходящее, а тем более как преступное поведение со стороны дарителя¹⁶. Одна газетная статья саркастически замечала, что в Киеве, к примеру, считается «нечестным» *не* вручить знак благодарности (т. е. взятку) обслуживающему персоналу¹⁷. Некоторые судьи постановляли, что маленький подарок не следует считать взяткой, коль скоро должностное лицо, которое его приняло, взамен не нарушало закон.

Хотя «Крокодил» печатал свои карикатуры, предупреждая население о последствиях участия во взяточничестве, на каждой из них взятка изображена в виде денег. Поэтому просители, что-либо дарящие – продукты, ценные вещи, театральные билеты, ремонт квартиры или другие услуги, – могли думать, что, поскольку о наличных деньгах речь не идет, *они* – не взякодатели. К тому же на всех карикатурах взякодатель и взяктополучатель изображены вместе и передают деньги из рук в руки, тогда как в действительности многие подарки вручались через посредников. Человек мог полагать, что посылка подарка через третье лицо снимает с него вину. Судя по карикатурам, взятка представляла собой согласованную (хоть и тайную) сделку один на один с наличными.

Представление, что взятка может считаться допустимой, полезной, а зачастую абсолютно необходимой для того, чтобы продрасть сквозь бюрократические препоны, поддерживалось бессмертными традиционными пословицами: «Рука дающего не оскудеет»; «Надо ж дать, или надо ждать»; «Рука моет руку, а обе хотят быть белы». Еще одна – «Сухая ложка рот дерет» – указывает, что подарки нужны для более эффективной работы бюрократии. Широко распространенные метафоры «смазать колеса», «подмазать кого-то» отражали мысль о

необходимости приводить в движение неповоротливый бюрократический механизм при помощи взяток, сунутых кому следует¹⁸.

Добиться признаний в делах о взяточничестве было трудно. Люди нечасто признавались в подкупе должностных лиц или в получении взяток и крайне редко именовали собственные действия «взяточничеством» даже перед лицом неопровержимых доказательств¹⁹. Пример подобного запирательства можно увидеть в материалах дела следователя Московской областной прокуратуры И. М. Лебедева, обвинявшегося в посредничестве при передаче взятки судье. Он продолжал отрицать предъявленные ему обвинения, невзирая на достоверные свидетельские показания. На суде сам Лебедев охарактеризовал свои возражения следующим образом: «В заключение всего сказанного мною должен признать, что все мои объяснения совершенно неубедительны, особенно для меня самого, как старого прокурорского работника»²⁰. Обычно люди называли поступки описываемого типа «помощью» друзьям и знакомым или «подарками» должностным лицам в знак благодарности за содействие²¹. К примеру, одна украинка, судимая за дачу взятки, уверяла, что просто предлагала «подарочек» (в виде 10 тыс. руб. и женских наручных часов) любому, кто поможет сократить длительный срок заключения ее мужа²².

С другой стороны, внешне чистосердечное раскаяние, выражаемое на суде обвиняемыми, которые признавались во взяточничестве, показывает, что представление о постыдности последнего в народе зачастую бывало усвоено. Некоторые говорили, что поступали «грешно». Одна женщина заявила суду: «Я буду отбывать наказание с облегчением, что за мной больше грехов нет, что я ничего не скрывала». Она добавила, что признала собственную вину и дала показания против других взяточников, «чтобы хоть умереть честной, после всех этих тяжких моих преступлений»²³. Подсудимые нередко аттестовали получение взяток как дело «темное», «грязное» или «нечистое»²⁴. В анонимном письме посредница при передаче взяток названа «грязным пауком», подстерегающим своих жертв²⁵. Один обвиняемый судья, по его словам, весьма сожалел, что «в это грязное дело был втянут и я»²⁶. Судебный работник признавался: он понимал, что ведет преступную и «путаную» жизнь, но ему не хватало сил остановиться, пока его не арестовали²⁷. Судья Шевченко, прибегая к характерным для дискурса по поводу взяточничества метафорам, говорящим о грязи, гниении, разложении, сетовал: «Меня затащили в болото взяточничества»²⁸. Чувство вины, ощущаемое кое-кем из взяточников, можно усмотреть и в приватной беседе между судьей и секретарем, которые за незаконную плату вмешивались в рассмотрение дел. Один пожаловался другому, как ужасно получать за это деньги (оба впоследствии подтвердили, что такой разговор имел место)²⁹.

Обычно участники сделки прикрывали ее словами о подарках, ссудах или «угощении». Просители, не упоминая о деньгах, говорили должностному лицу, что «отблагодарят» его, «не обидят», «в долгу не останутся». Взяткодатель мог обещать взяточполучателю «не забыть» его или «позаботиться» о нем³⁰. Один обвиняемый юрист рассказывал, что, придя по поводу дела своего клиента к судье в кабинет, предложил тому 1 500 руб. и настойчиво просил его отнестись к делу «повнимательнее»³¹.

В одном весьма показательном случае женщина, судимая за дачу взятки, заявила, что действительно преподнесла судье 1 800 руб., «но это не было взяткой, а был просто подарок его детям, так как я несколько раз бывала у Мурзаханова и видела стесненное материальное положение его семьи». «Слово “взятка” между нами никогда не произносилось», – уверяла она в свое оправдание. Однако сам судья, принявший «подарок», совершенно справедливо указал, что взяточничество часто маскируется более нейтральными, но вполне понятными выражениями: «Я подтверждаю, что о взятке как о таковой разговора у нас не было, да и слово “взятка” вряд ли когда-либо, да и где-либо упоминается между людьми. Это слово обычно заменяется словами “угостить”, “выпить”, “отблагодарить”, “сделать подарок”, и т. д.». «Я сознаю, – печально продолжал он, – что в этом признании моя гибель, но факты упрямая вещь, и не следует на них закрывать глаза»³².

Принимая запретные дары, должностные лица зачастую старались как могли рационализировать это для себя (а впоследствии для прокурора и судьи). Некоторые, оправдываясь, утверждали, что брали «вознаграждение» или «комиссионные» (не взятки); только *постфактум*; никогда не позволяя себе *вымогательства*; брали, уже совершив *законное* действие или *исправив неверное решение*. Хотя порой такое вознаграждение нарушало профессиональную этику, говорили они, это было традиционным знаком благодарности, а не преступным деянием. Согласно показаниям судьи Кумехова, он принимал деньги лишь за отмену *неправильного* приговора, а в подобном поступке, настаивал он, ничего незаконного нет (в глазах закона он ошибался, как постановил Верховный суд в 1946 г.)³³. Вознаграждение по факту предпринятых мер иногда называли «мздой» (или даже персидским словом «бакшиш»), что означало благодарственный дар, вручаемый чиновникам задним числом, только после того, как они надлежащим образом выполняют свои обязанности. С этой точки зрения, получение мзды не являлось коррупцией, и того, кто ее принимал, не следовало обвинять в нарушении закона; скорее, речь шла о давней традиции, укреплявшей отношения между чиновником и просителем³⁴.

Порой госслужащие (часто, хоть и не всегда, с Кавказа) оправдывали подарки должностным лицам при помощи понятия «магарыч», т. е. мысли, что работника, оказавшего помощь, нужно хорошо накормить или напоить. Магарыч, так же как мзда, следовал только за нечем уже сделанное, в благодарность тому, кто восстановил справедливость или отменил неправильное решение. Например, один адвокат, рассказав женщине из Дагестана, что срок ее мужу будет сокращен, попросил у нее денег на магарыч судье – знак признательности человеку, который принял это решение. Женщина ответила: «Магарыч будет, после освобождения моего мужа»³⁵. Следовательно, однако, не отнесли эту сделку на счет хлебосольных местных обычаев; всех ее участников осудили за взяточничество.

Советское законодательство попросту отвергало подобные оправдания, зато законы царской России запечатлели многие из тех различий, которые проводили обвиняемые, утверждая, что не брали взятки, а принимали знаки благодарности. В Российской империи закон признавал как легальную, так и нелегальную разновидности дарения между рядовыми подданными и чиновниками. Существовало правовое различие (так же как разница в народном восприятии) между *дачей* и *получением* взятки, закрепленное в законах и признаваемое общественностью. Закон 1802 г. конкретизировал это различие, разнеся два деяния – дачу и получение взятки – в две разные статьи уголовного кодекса (и такое разделение было кодифицировано в течение всего советского периода)³⁶. До падения династии Романовых в 1917 г. законы явственно возлагали главную ответственность за взяточничество на должностное лицо, которое *брало* взятки, так что бремя вины несли в основном чиновники (а не взяткодатели). Последние редко подлежали наказанию по уголовному кодексу 1845 г. Закон 1866 г. декриминализовал дачу взятки во всех случаях кроме самых крайних – платы должностному лицу за подделку документов или похищение человека. Во многом пересмотренный кодекс 1903 г. (который так и не был обнародован, однако в некоторых отношениях послужил образцом для составителей первых советских кодексов) предусматривал восстановление уголовных санкций против взяткодателей, но в силу не вступил. Лишь с 1916 г. в качестве чрезвычайных мер военного положения взяткодателей стали карать по закону³⁷.

Имперские законы о получении взятки (содержавшиеся в уголовном кодексе 1845 г., в части, посвященной должностным преступлениям) проводили ряд более тонких различий. В самой важной статье квалифицировались несколько типов запрещенных подарков³⁸. Получение чиновником подарка просто за то, что он и так должен был делать, то есть за нечто законное и входящее в его обязанности, именовалось «мздоимством» (сам незаконный подарок – «мздой»).

Так же как потом в советских уголовных кодексах, взяткой мог считаться любой ценный подарок, сколь угодно небольшой, а не только деньги.

Закон выделял две категории мздоимства в зависимости от того, когда вручался подарок – *до* или *после* действий чиновника. Уголовный кодекс считал подарок *задним числом*, в качестве своего рода «вознаграждения» за сделанное, не преступлением, а этическим нарушением, при условии *законности* действия, за которое вознаграждался чиновник. Обычно закон рассматривал такие вознаграждения *постфактум* (первый тип запрещенных подарков), скорее, как «знаки благодарности» за своевременное и правильное исполнение должностными лицами своих обязанностей. Чиновника, принявшего подобный дар, ждало очень мягкое наказание – он должен был уплатить эквивалентный по стоимости штраф (и вернуть сам подарок). Имперское законодательство явно проявляло к этому типу «благодарности» сравнительную терпимость.

Несколько серьезнее уголовный кодекс империи относился ко второй разновидности мздоимства – когда чиновник принимал подарок *прежде*, чем исполнял свой долг. Такие случаи, даже если последующие действия или услуги чиновника не являлись незаконными, уголовный кодекс трактовал как побуждение, которое могло извратить официальное решение. С виновного должностного лица брали штраф, вдвое превышающий стоимость подарка, что, впрочем, тоже оставалось довольно мягким наказанием.

Третий и наиболее предосудительный тип взяточничества, описанный в имперском кодексе, – получение чиновником подарка (хоть предварительно, хоть *постфактум*) в качестве стимула сделать что-то, *нарушающее закон*. Уголовный кодекс именовал подобный поступок «лихоимством». Должностных лиц, судимых за лихоимство, надлежало приговаривать к куда более суровому наказанию: 1–3 годам ссылки в Сибирь (Томскую или Тобольскую губернию) с конфискацией всего личного имущества.

Советское законодательство, напротив, не принимало все эти различия во внимание. В попытке преодолеть широко распространенную снисходительность к небольшим, не денежным «знакам благодарности» Верховный суд СССР в 1948 г. вынес ключевое постановление. Он подтвердил, что любой подарок должностному лицу вне зависимости от размера должен считаться взяткой. Поводом к решению Верховного суда послужило дело литовского госслужащего, принявшего в подарок пол-литра водки. Местный суд признал и дарителя, и получателя водки виновными во взяточничестве. Верховный суд Литовской ССР отменил этот вердикт на том основании, что поллитровку нельзя квалифицировать как взятку ввиду

ее «незначительной» стоимости. Однако Верховный суд СССР после пересмотра дела отменил решение литовского Верховного суда, указав, что «незначительных» взяток не бывает³⁹. И бутылку спиртного, и прочие небольшие подарки, объявил он, следует рассматривать как взятки, которые способны оказать нежелательное влияние на суждения официальных лиц; дарителей и получателей подобных мелких знаков благодарности нужно привлекать к ответственности.

Плата и дары должностным лицам действительно могли принимать самые разнообразие формы. Советская жизнь предоставляла массу возможностей для легальной передачи из рук в руки денег, подарков, премий; тайком приспособить подобные виды обмена для незаконной платы не составляло труда. Мнимый проигрыш пари, покупка чего-нибудь у начальника, незаслуженное премирование сотрудника – за любой из этих операций могла скрываться взятка. Судебные власти нашли для таких тайных платежей, которые не выглядели очевидным обменом наличных на услуги, термин «замаскированная взятка». Иногда замаскированные взятки осуществлялись довольно неуклюже, но нередко – с большой изобретательностью⁴⁰. «Маскировка» взяток служила одним из факторов, затруднявших правоохранительным органам доказательство совершения преступления в делах о взяточничестве.

Обширный доклад, подготовленный в июле 1947 г. главой уголовно-судебного отдела Прокуратуры СССР, освещает еще один аспект народных представлений о взяточничестве⁴¹. Согласно этому докладу, взяточничество чаще всего вскрывалось, когда взяткодатель полагал взятку своего рода «контрактом», который взяткополучатель затем нарушил. В таких случаях ни стыд, ни страх не мешали взяткодателью сообщить о заключенном соглашении властям. Хотя сотрудники правоохранительных органов убеждали граждан, столкнувшихся с требованием взятки, сигнализировать об этом, малое число осужденных благодаря полученным подобным образом сведениям показывает, что они редко так поступали. Люди, наоборот, вступали в сделки, уверенные в их необходимости или выгоды. Взятка представляла собой форму взаимобмена, которую взяткодатель чаще всего мог осудить, если тот, с кем он имел дело, проявлял чрезмерную жадность или требовательность либо не соблюдал условия сделки. В одном довольно неординарном случае, согласно показаниям на суде, человек заплатил женщине-адвокату 15 тыс. руб., чтобы добиться освобождения из тюрьмы своей тещи. Однако суд отклонил поданное адвокатом заявление об обжаловании. Когда адвокат предложила вернуть деньги, взяткодатель завопил: «Не надо мне деньги, а мне нужна теща!» Потом потребовал: «Отдайте мои деньги, иначе я вас убью!» «Желая избавиться от скандала, – сказала адвокат на су-

де, — я продала свои вещи... и я вернула ему 15 000 рублей»⁴². Для взяточполучателя наибольшая опасность разоблачения часто грозила со стороны разочарованного взяточдателя.

Все уголовные кодексы признают, что взятки имеют практически бесконечное число разновидностей и, уж конечно, не ограничиваются деньгами. В зависимости от местных обычаев, как мы видели, незаконные подарки должностным лицам могут принимать множество форм, от наличных, продуктов, предметов одежды и домашнего обихода до ювелирных изделий и прочих ценностей. Неудивительно, что на просторах послевоенного СССР с его хозяйством, не столь монетизированным, как капиталистические экономики Запада, встречалось много типов неденежных взяток, а также других операций на основе бартера, торговли, обмена услугами, которые формально не являлись незаконными. Тем не менее стереотип относительно малой ценности денег в Советском Союзе очевидно неверен. Разумеется, там оставалось место и для наличных. Определенные вещи — дефицитные лекарства, предметы быта, пользовавшиеся большим спросом, мотоциклы, автомобили — можно было найти на нелегальных и полулегальных рынках и зачастую приобрести только за деньги. А условия, когда для большинства людей желанные товары имелись лишь на черном рынке, давали должностным лицам стимул продавать свои услуги и одолжения за наличные.

Искусство взятки

Умением отыскать вероятного взяточника и дать взятку кому следует в Советском Союзе овладевали многие. Как показал некто Цагарейшвили, он сразу узнавал лиц, берущих взятки, по одежде и манерам: «Взяточник обычно должен быть хорошо одет, очень подвижен и нахален»⁴³. Цагарейшвили был немало удивлен, когда «скромно одетый» человек, который произвел на него «приятное впечатление», тоже оказался взяточником. Журнал «Крокодил» в фельетоне под названием «Точное доказательство» высмеивал любимую забаву некоторых советских граждан — втихомолку строить предположения, кто из ответственных работников коррумпирован, а кто нет. Трое персонажей гадают, как понять, берут ли взятки их начальники. По глазам? По манере пожимать руки? Или по дорогим платьям их жен? Один из собеседников отвергает все эти методы. Он, дескать, потратил целый месяц, пытаясь уяснить, не взяточник ли его шеф. Все признаки говорили, что да, но уверен он быть не мог. Однажды он пришел к начальнику в кабинет, не застал того на месте и спросил у секретарши:

- Где начальник?
- Вчера посадили!
- За что?
- За взятки!

«Вот это, – заключает рассказчик, – и есть самое точное доказательство!»⁴⁴ Какой официальный урок надлежало извлечь из фельетона «Крокодила»? Что всех взяточников ждет арест.

Один человек, которого интервьюировали в начале 1950-х гг., отметил, что подозрения во взяточничестве могла пробудить чрезмерная расточительность⁴⁵. К примеру, по его словам, подозрительно выглядели частые посетители ресторанов: «Почти у каждого крупного учреждения или предприятия есть своя столовая, по ресторанам особо не ходят. Чаще всего там бывают командировочные. Человек, который ходит в ресторан, считается коррумпированным, поэтому туда идут только те, кому иначе никак... Рестораны очень дороги, кто же может туда ходить? Только те, у кого откуда-то много денег. Если человек часто ходит в ресторан, его будут подозревать во взяточничестве, люди будут спрашивать, откуда у него доходы». Как показала работница суда, признавшаяся в получении взяток, она заподозрила, что ее муж тоже взяточник, поскольку он часто уходил из дому с одним судьей и они много выпивали, явно не на зарплату⁴⁶.

Судя по материалам суда и прокуратуры, многие советские люди понимали, что чиновник, нуждающийся в деньгах, наиболее охотно откликнется на предложение взятки. Пытаясь в приватном порядке уяснить причины злоупотреблений, прокуратура и судебные ведомства сосредоточили внимание на вопросах зарплаты и профессиональной этики. Во время войны сильно поредели ряды многих специалистов, в том числе работников хозяйственного и государственного аппарата. На смену им, как правило, приходили неопытные, плохо обученные и мало оплачиваемые люди, не имевшие должного представления о профессиональной этике. Комиссия Прокуратуры СССР по изучению причин взяточничества назвала материальные лишения одним из самых важных факторов, способствующих взяточничеству. На допросах специалисты часто ссылались на финансовые трудности как главную причину, которая заставила их принимать незаконные подарки. Московский народный судья Т. Р. Морозов, когда следователи спросили, что толкнуло его на путь взяточничества, клялся, что исключительно тяжелое материальное положение: у него жена и трое детей, работали только он с дочерью, и семье не хватало на жизнь⁴⁷. Разумеется, работники других государственных и хозяйственных учреждений страдали от таких же экономических затруднений (и недостатка профессиональной подготовки).

Комиссия прокуратуры далее отметила, что многие осведомлены о бедности местных представителей власти – и пользуются ею в сво-

их целях. По подсчетам комиссии, обнищавшие должностные лица чаще всего проявляли нестойкость перед взятками. Закон от 27 сентября 1946 г., в разгар послевоенного голода отменивший продовольственные карточки для иждивенцев из семей рабочих и служащих, вероятно, еще сильнее мотивировал бюрократов принимать «подарки» деньгами и продуктами⁴⁸. Например, ленинградский следователь прокуратуры Rogozin, как выяснилось, в ноябре 1946 г. взял взятку в 700 руб. (около месячного оклада), и несколько раз его угощали (общей стоимостью на 216 руб.)⁴⁹. По данным следствия, Rogozin пришел к обвиняемому взяткодателю домой. Там он стал жаловаться, что его семья в отчаянном финансовом положении: у него пятеро детей, теще не дают карточек, ему даже на хлеб не хватает. Rogozin велел обвиняемому принести к нему в кабинет молоко и провизию и ел во время допроса. Его осудили за взяточничество, приговорив к 4 годам исправительных работ. Хотя благодаря отмене карточек в 1947 г. в магазинах появилось больше продуктов, заодно выросли цены на множество товаров, что сделало их недоступными для многих людей и превратило в отличную «валюту» для взяток⁵⁰.

В одном докладе для служебного пользования, посвященном «методам» взяткодателей, специалист Прокуратуры СССР, анализируя десятки случаев, описывал, как взяткодатели выходят на нужного человека. Доклад предназначался для прокурорских и судебных работников в качестве предупреждения быть начеку и остерегаться людей, которые могут воспользоваться их слабостями. Предложению взятки, пояснялось там, «обычно предшествует изучение работника прокуратуры, его характера и нравов, «слабых сторон», наклонностей, материального положения и т. д., т. е. он «прощупывается» во всех отношениях с целью выявления возможности договориться с ним, «купить» его»⁵¹.

Благодаря такому «изучению», опираясь на жизненный опыт общения с мелким чиновничеством, люди вырабатывали у себя чутье на способность того или иного должностного лица пойти им навстречу, помогавшее определить, кто прислушается к их мольбам, кого можно уговорить поступиться формальностями. Подобный талант представлял собой важнейшую сторону «искусства взятки». Опрометчивое предложение взятки сильно повышало опасность и уменьшало шансы на успех. Граждане, сказано в докладе, стараются узнать нужных работников, угадать, кто из них готов нарушить правила, испытать их стойкость, выяснить, чем их соблазнить и как лучше к ним «подъехать»⁵². В ходе беседы с глазу на глаз с выбранным кандидатом тон ее в какой-то момент меняется. Кандидат сбрасывает маску официальности, возможно, даже начинает сочувствовать, проявлять участие. Тогда проситель убеждается, что нашел союзника и может «идти в атаку». Вслед за этим этапом он, по словам автора доклада, либо спра-

зу предлагает деньги, либо «после приема идет на квартиру работника прокуратуры, или приглашает к себе “посидеть”, или в ресторане выпить и т. д.»⁵³. Многие простые люди и представители привилегированных слоев умели прощупывать чиновников на предмет того, кто из них пойдет (или не пойдет) на незаконную сделку. Слово «ухаживание», даже, пожалуй, «обольщение», кажется вполне подходящим для характеристики этого процесса переговоров⁵⁴.

Автор доклада прокуратуры отмечает, что в каждой отдельной местности взятодатели могли раскидывать настоящую разведывательную сеть из наблюдателей, которые собирали ценную информацию о сотрудниках различных ведомств⁵⁵. Целая армия просителей, жалобщиков, уборщиц, домработниц, секретарей и прочих лиц, так или иначе контактировавших с ответственными работниками (чаще всего неформально), потихоньку копили сведения о потенциальных объектах. Их ухитрялись извлекать из самых невинных, на первый взгляд, разговоров, узнавая о конкретном должностном лице все больше и больше.

У многих советских людей действительно выработалось шестое чувство, подсказывавшее, кто охотно согласится принять плату или подарок либо выступить посредником в их передаче. Конечно, такая способность служила одной из главных предпосылок предложения сделки, поскольку риск нарваться не на того человека грозил самыми печальными последствиями. Один взятодатель поведал на заседании Верховного суда СССР: «Почему я так легко обратился к Морозову о взятке? Особых причин вообще не было, но я как-то инстинктивно чувствовал, что Морозов пойдет на взятку»⁵⁶. Инстинкту, видимо, помогли наблюдения за привычками Морозова: «Кроме этого, я знал, что Морозов любит выпить». Для работников того или иного ведомства нередко устраивались банкеты. На них сослуживцы общались в неформальной обстановке, узнавали друг друга в личном плане, что способствовало расцвету «преступных отношений».

Еще в одном случае некто А. М. Шестопалов на допросе угостил следователя Одесской областной прокуратуры М. С. Соловьева вишней. Следователь взял – и тем самым «разрядил официальную напряженность в отношениях между следователем и обвиняемым». Шестопалов тут же догадался, что Соловьев возьмет и взятку⁵⁷. Жена Шестопалова, стоявшая во время допроса в коридоре, сказала следователю, что у ее семьи в саду растут вишни, которые принесли массу ягод: «Невелика ценность, если желаете, могу занести к вам домой, варенье сварите». Следователь согласился. Вечером она явилась к Соловьеву на квартиру с 12 кг вишни и 3 тыс. руб. наличными. Сделка об освобождении ее мужа была заключена⁵⁸.

«Подарки могут быть просто подарками»

Интервью советских эмигрантов о жизни в СССР, проведенные научными сотрудниками Гарвардского университета, главным образом в Мюнхене и Нью-Йорке в 1950–1951 гг., – очень ценный источник для историков сталинского общества. Они предоставляют и свидетельства о народном отношении к взятке. Большинство респондентов покинуло СССР в 1942–1945 гг., их интервью освещают аспекты советской жизни в 1930-х гг. и самом начале 1940-х гг. Американских руководителей проекта интересовали, по их словам, «неформальные механизмы на работе и в быту», в том числе взяточничество и блат. В частности, они расспрашивали о том, как люди улаживали дела в обход формальных правил. При помощи одной серии вопросов интервьюеры выясняли, как взятка могла помочь поменять работу (или, наоборот, избежать перевода на другую работу), продвинуться по карьерной лестнице или преодолеть бюрократическую волокиту. Другая серия посвящалась обычаю врачей принимать подарки от пациентов. Ответы дают кое-какую информацию об отношении к этим типам сделок.

Как и следовало ожидать, на вопросы интервьюеров отвечали весьма по-разному. Одни респонденты утверждали, будто взяточничества в Советском Союзе вообще нет⁵⁹. Другие говорили, что слышали о случаях взяточничества среди приятелей или сослуживцев, но сами слишком боялись этим заниматься. Третьи расписывали взяточничество как настоящую чуму, поразившую все советское общество. Один мужчина, русский, в возрасте 51 года, выходец из сельской местности, окончивший лишь начальную школу, делал смелые заявления о невероятном могуществе спиртного: «С литром водки что угодно можно сделать. Литр водки может все»⁶⁰. Столь широкие обобщения мало что дают для определения масштабов и области распространения явления, зато отражают миф о коррумпированности советского государственного аппарата сверху донизу, противопоставляя продажных «их» страждущим и виктимизированным «нам».

Медицинское обслуживание – и отношения врача и пациента – пожалуй, лучше всего демонстрируют сложность различения тонкой грани между подарками и взятками. Некоторые медики рассказали, что получали плату или подарки от пациентов, хотя испытывали тревогу по поводу сопутствующих рисков. Во многих случаях прокуратура могла бы квалифицировать определенные подарки врачам как взятки, и те об этом знали. В интервью они довольно подробно осветили сложившиеся обычаи взаимообмена между пациентами и врачами. Пациент мог преподнести доктору презент за прием без очереди или более внимательное отношение. Многие считали, что бесплатная государственная медицина плоха, значит, есть резон за-

платить из-под полы компетентному врачу. Как сформулировал один медик: «Прежде всего надо понимать, что бесплатное здравоохранение людей не всегда удовлетворяло. В общем они думали, что если заплатить, то получишь лечение лучше, но, с другой стороны, у них не хватало денег на частные медицинские услуги»⁶¹. Эта забота о качестве обслуживания мало чем отличалась от желания эффективной юридической помощи, заставлявшего клиентов платить адвокатам дополнительный гонорар, известный под названием «микст» (см. главу 2).

Ленинградский врач, которого весьма подробно интервьюировали в рамках Гарвардского проекта, осветил эту сложную ситуацию, и в его свидетельстве (пусть и достаточно пристрастном) выделяется ряд красноречивых моментов. Прежде всего он утверждал, что дарить подарки доктору пациентам велели «крестьянские традиции». В силу обычая, по его словам, они всегда старались обязательно «отблагодарить» облеченных властью людей, которые помогли им в какой-либо тяжелой ситуации. Он рассказал интервьюерам, что врачам было крайне трудно отказаться от таких небольших подарков. Его замечания вновь подчеркивают расплывчатость границы между взяткой, подарком и гонораром: «Пациент чувствует, что обязан как-то отплатить [за врачебную помощь]. Или, скажем, ты лежишь в больнице и хочешь, чтобы тебя оперировал доктор, которому ты доверяешь. Потом опять этот вопрос благодарности пациента. Пациент всегда будет стараться заплатить, хотя ты можешь ничего не просить у него, по крайней мере, я никакой платы не просил, потому что считал, что, если пациент заплатит мне, скажем, двадцать рублей, он и его семья через несколько дней начнут голодать. Или пациент пришлет тебе что-то по почте, благодаря и прося принять скромный дар в знак благодарности. Мне в голову приходил вопрос: есть ли у меня моральное право возвращать такие подарки? Я пытался возвращать, но без особого успеха. Они думали, что мало послали и я хочу больше. Одни могли прийти и отнимать у тебя драгоценное время, уговаривая принять подарок, другие просто обижались». Далее респондент пускается в подробности: «Вот лежит в больнице женщина. Я ее прооперировал. Перед этим она со мной ни о чем не договаривалась. Оперировал я ее бесплатно, это мой долг. Потом я получаю от нее письмо с пятьюдесятью или ста рублями, выражение благодарного чувства». По его мнению, вернуть такой подарок, сделанный постфактум, было бы оскорбительно. «Возьмем другой пример, – продолжает он. – Есть другая женщина, которую я оперировал и которая живет бедно. Она посылает мне галстук с запиской: “Я бедна, пожалуйста, примите это в знак благодарности”»⁶².

Наблюдения этого врача высвечивают некоторые элементы, характерные для подношения подарков должностным лицам в сталин-

ский период. Зачастую получатель подарка мог обстоятельно оправдать свое согласие принять его в качестве традиционного «знака благодарности». Врач не поясняет, как он отличает «взятку» от «благодарности», но совершенно уверен, что понимает разницу. Он выступает в защиту подарков как составляющей извечных отношений между пациентом и помогающими ему медиками, рассуждая о них с психологической точки зрения: «Все эти примеры приведены, чтобы показать, что, должно быть, есть психологические узы между врачом и пациентом и эти психологические узы играют большую роль... Так вот, психологическая связь между врачом и пациентом существует искони [и должна подкрепляться подарками пациента врачу]. Мы пока очень мало знаем о том, как работает человеческий мозг»⁶³. Несколько свысока ссылаясь на древние инстинкты своих пациентов-крестьян, этот врач, таким образом, отрицает, что брал взятки или незаконную плату. Он, дескать, просто поддерживал со своей стороны укрепляемые постфактум узы между пациентом и доктором, которые превыше денег. Отказ от подарка стал бы оскорблением.

Другой врач избрал не столь психологический подход, но, тем не менее, поставил подношение подарков оказавшему услугу в контекст укоренившихся в крестьянстве культурных привычек: «Брать плату с пациентов запрещено, однако обычай подарков, особенно среди крестьянства, все еще господствует, и в некоторых отношениях подарки продуктами лучше зарплат. Власти стараются бороться с этими старыми обычаями»⁶⁴.

Третий описал сопутствующие ритуалы, требующие, чтобы врачи поначалу делали вид, будто отказываются от подарков, которые никогда нельзя открыто выпрашивать, а предлагать следует постфактум: «Во всяком случае было правило ничего не просить у пациента, но если он тебе что-то дает, то можно принять. ([Вопрос:] Существовала ли опасность, что на это посмотрят как на взятку?) Врач ни за что не примет подарок в поликлинике, всегда откажется. Если он будет смотреть пациента на дому, может взять перед уходом. Или если я приеду по неотложному вызову, то, когда закончу, кто-то может мне что-то дать, и я не откажусь. В поликлинике тебя могут обвинить в получении взятки за выдачу больничного. ([Вопрос:] А вызовы на дом?) Они бесплатные, врачу платить не нужно. Кроме того, нельзя ничего предлагать врачу до консультации, только после, когда он уходит. [Врачу] надо для проформы отказываться, у тебя должна быть возможность сказать: “Я был вынужден это принять; мне было очень трудно отказаться”»⁶⁵.

Эта культура «знаков благодарности» постфактум продолжала существовать многие годы после войны. Хотя она облакалась в термины и ритуалы дарения, должностные лица понимали, что милиция, прокуратура и суд могут счесть подобный обмен, минующий установ-

ленные каналы, взяточничеством. И все же они оправдывали (или рационализировали) получение таких подарков, утверждая, что такова культурная практика, которой почти невозможно сопротивляться, что она поддерживает своего рода социальный мир между властями и гражданами и что в ней нет ничего плохого с точки зрения морали.

Следуя той же линии, один человек подчеркивал, что деньги довольно редко служили предметом обмена между предприятиями⁶⁶. Последние обменивались «подарками», в которых нуждались, – например, меняли карандаши на ластик. Угроза, связанная с невыполнением плана, перевешивала риск быть пойманными на таких бартерных операциях. Просить (и платить) деньги было опасно, обмен подарками легче поддавался маскировке: «Обычно это делалось в виде подарков, гораздо реже деньгами. Деньги – чистая взятка, а подарки могут быть просто подарками».

Эти рассказы и прочие им подобные открывают два важных момента. Во-первых, существовало мнение, что прокуратуре гораздо труднее доказать наличие корыстного мотива в обмене неденежными «подарками». А во-вторых, интервью в очередной раз свидетельствуют: и простые люди, и элита хорошо понимали, что подарки должностным лицам могут быть замаскированными взятками – либо вымогаемыми бюрократами, либо предлагаемыми добровольно в ожидании благоприятного результата.

Посредники

Заметное место в картине советского взяточничества занимали посредники. Предприимчивые личности создавали, по сути, мелкий посреднический бизнес. Они сновали между теми, кто искал помощи в осуществлении трудной задачи, и теми, кто соглашался принять незаконную плату за такую помощь. Часто процесс требовал много переговоров, пока стороны не ударят по рукам. Обычно посредники удерживали часть выплаченных денег в качестве комиссионных. Это могли быть специалисты, секретари, уборщицы и прочие лица, как-либо связанные с ответственными работниками, способными помочь. Их роль заключалась в передаче взяток от просителей этим работникам. Самые успешные посредники имели нужный контакт или, еще лучше, сеть контактов в соответствующем учреждении. Подобно спекулянтам дефицитными товарами, они руководствовались чисто финансовыми соображениями, занимаясь своим делом исключительно за деньги. Они выступали за обе стороны, как беря, так и давая взятки. В глазах прокуратуры посредник представлял собой гнуснейшее существо в мире взяточников. Он являлся дважды капиталистом, поскольку покупал и продавал незаконные услуги, в равной мере уско-

ряя разложение должностных лиц и рядовых граждан, притом недурно наживаясь на сделках⁶⁷.

В одном случае некая Анисимова в декабре 1945 г. приехала в Москву из Дагестана, имея при себе 30 тыс. руб. наличными на взятки за освобождение мужа из тюрьмы. Она также привезла кое-какие вещи, в том числе ковер, чтобы продать, если понадобятся еще деньги. Два месяца она искала, кто поможет ей передать взятку нужному судье, и в феврале 1946 г. наконец нашла человека, «подрабатывавшего» посредничеством. Посредник предложил дать 50 тыс. руб. работнику Военной коллегии Верховного суда СССР. В результате взятки судья переквалифицировал вменявшиеся мужу Анисимовой преступления с хищения государственной собственности, которое преследовалось по суровому августовскому указу 1932 г., на куда менее тяжкое злоупотребление служебным положением. Суд смягчил приговор до 3 лет лишения свободы. Однако в конце концов обоих участников передачи денег судили за взяточничество. Посредник получил 10 лет лагерей, Анисимова – 5 лет⁶⁸.

Роль посредника напоминает о том, что во взяточничестве всегда участвовали по меньшей мере два очень разных актора и как взяткодатели, так и взяткополучатели сильно рисковали. Этот риск отчасти объясняет, почему многие операции подобного рода требовали ключевого третьего актора – посредника, служившего передаточным звеном между платящим и получающим плату. Разъединение двух сторон операции в каком-то смысле снижало риск. Однако вместе с тем увеличение числа замешанных в ней людей повышало вероятность разоблачения.

Посредники (следователи насмешливо именовали их безусловно капиталистическим термином «маклеры») передавали деньги, ценности и прочие товары способным помочь должностным лицам. Специалисты-правоведы всячески их поносили, называя «социальной опасностью», «инициаторами» взяточничества. Порой эти «маклеры» требовали за свои услуги «аванс»⁶⁹. В ряде случаев два посредника или более объединялись в своеобразную цепочку: адвокат мог взять деньги на взятку у родственника обвиняемого и отдать партнеру-посреднику, работавшему в суде, который в конечном счете вручал их судье или прокурору (а то и обоим). Каждый посредник удерживал часть денег в качестве комиссионных.

Деятельность подобных посредников служит очередным подтверждением мнения о существовании своего рода «рынка взяточничества» – еще одной отрасли советской теневой экономики, где покупатели разыскивали продавцов (и наоборот), иногда при помощи агентов с хорошими связями. В этих условиях посредникам зачастую приходилось хорошенько крутиться, защищая свой «бизнес» и «территорию». К примеру, в 1947 г. адвокат А. В. Вольский, дей-

ствовавший от имени человека, которого посадили в Казани за спекуляцию, вел переговоры с двумя разными посредниками, стараясь определить, у кого лучше контакты, и добиться оптимальной сделки. Каждый уверял, что имеет доступ к лицу, которое обеспечит положительное решение по ходатайству о пересмотре приговора, поданному Вольским в Верховный суд СССР и отложенному там в долгий ящик. Разумеется, чем больше людей участвовало в сделке, тем вероятнее было разоблачение, и это стало одной из причин провала операции.

Иногда посредники, не сумев достичь обещанного результата, возвращали аванс⁷⁰. Одна разочарованная взяточдательница возмущалась, когда посредник смог добиться для ее мужа не освобождения, а только сокращения срока⁷¹. Она довольно логично потребовала скидки, предложив посреднику половину изначально оговоренной суммы.

Заключение

Согласно официальному нарративу, взяточничество в период позднего сталинизма стояло на грани исчезновения. Это был досадный, но отнюдь не массовый пережиток капитализма, ограниченный горсткой жалких мерзавцев. Однако по материалам архивов складывается картина оживленных, продуктивных, часто весьма творческих взаимоотношений между должностными лицами и советскими гражданами. Взяточничество и сопутствующие ему ритуалы будут существовать, пока верно служат своей цели и пользуются спросом. Как мы видели, послевоенная волна репрессий в условиях острого дефицита и бюрократического хаоса способствовала процветанию рынков нелегальных услуг, открывая множество возможностей и для должностных лиц, и для посредников.

Представленные свидетельства показывают, сколько разных способов изобретали люди, чтобы отвести беду или улучшить свою жизнь, на многих уровнях беря на себя инициативу и создавая эффективные неформальные (хоть порой и криминальные) отношения. Важную нишу заняли посредники, поддерживавшие связь между «дарителями» и получателями подарков и зарабатывавшие на таких услугах. Правовая система стремилась искоренять и преследовать моральные и профессиональные прегрешения должностных лиц, но все попытки бороться со взяточничеством заодно обнажали изъяны советского государства, чрезвычайные проблемы повседневного выживания и огромную дистанцию между обещаниями государства и будничной действительностью. Таинственный мир сложных неофициальных отношений приоткрывает лишь один аспект, если можно

так выразиться, «драмы бытовой преступности» в период послевоенного восстановления.

Анализ этих практик и культуры освещает не только представления общественности о взяточничестве, но и ее *участие* в нем. Не стоит выносить за скобки население, делая вывод, будто вымогательство со стороны коррумпированных бюрократов не оставляло выбора тем, кто имел с ними дело. Глядя на взяточничество с точки зрения замешанных в нем лиц, понимаешь, что простых людей нельзя считать исключительно жертвами должностной коррупции (хотя, конечно, нередко бывало и такое). Часто они шли на сделки охотно, ради собственной выгоды. Материалы партийных и государственных архивов рисуют картину того, как многие советские люди осваивали тонкости «искусства взятки». По крайней мере часть населения СССР играла в отношениях с неотзывчивыми представителями государства отнюдь не пассивную роль. Напротив, рядовые граждане, сталкиваясь с произволом властей, проявляли инициативу и пытались приспособиться к тяжелым обстоятельствам. Дача взяток была особым умением, которое оттачивалось благодаря опыту, и люди пользовались им, изучая госслужащих, выбирая подходящих кандидатов, договариваясь с ними, обмениваясь «по бартеру», даже «покупая» их. При помощи этого умения советский народ заставлял государство работать на себя, правда, ценой большого риска и значительных затрат. Хотя многие примеры, приведенные в данной главе, касаются органов суда и прокуратуры, свидетельства, рассмотренные выше, показывают, что множество других государственных учреждений – жилищных, медицинских, транспортных, образовательных и снабженческих (если вспомнить несколько ярких примеров) – также не оставались чужды подобного рода переговорам и неофициальным операциям.

Сделанный здесь акцент на действия рядовых граждан не означает, что им принадлежало главенство в отношениях с работниками государственного аппарата; конечно, об этом нет и речи. Работник, отказавшийся от взятки, мог разрушить жизнь просителя, сообщив о его предложении в милицию. Работник мог взять деньги и ничего не сделать, прекрасно зная, что если проситель пожалуется на него властям, то заодно сам признается в совершении серьезного преступления. Не следует ни романтизировать, ни недооценивать неравенство, присущее взаимоотношениям просителей и должностных лиц. Однако имеющийся материал усложняет расхожее представление о взяточничестве как явлении, посредством которого государство-вымогатель исключительно виктимизирует безвластных; взятка предстает еще и оружием в арсенале индивида в советском обществе.

Историки Гольфо Алексопулос и Шейла Фицпатрик рассказали о приключениях «жуликов-виртуозов», которые разъезжали по

Советскому Союзу, надувая бюрократов и выманивая у них деньги, необходимые документы, услуги⁷². Как указывают оба автора, фигура жулика-виртуоза имеет в России давнюю историю. Фицпатрик в статье 2002 г. под названием «Советские мошенники в сталинский период» решает заглянуть и в послевоенное время, которое рассматривается в данной книге, исследуя, по ее выражению, советское трикстерство и советское жульничество. Ее интересует, как эти жулики обводили вокруг пальца злополучных функционеров «с мягким сердцем и не менее мягкими мозгами», представителей уязвимой и, складывается впечатление, недалекой бюрократии⁷³.

Говоря об отношениях между официальными лицами и просителями в сталинскую эпоху, я дополнил бы модель «жулика» из работ Фицпатрик и Алексопулос понятием «искусства взятки», процесса переговоров с неписаными правилами, проходившего на теневых рынках. Искусство взятки находило применение каждый день, на работе у множества людей, в тысячах кабинетов; его в равной мере осваивали ответственные работники и рядовые советские граждане. Взяткодатели и взяткополучатели торговались и заключали сделки (иногда с помощью посредников), подыскивая оптимальных партнеров, добиваясь наилучших условий и наименьшей опасности. Иными словами, «виртуозы» встречались по обе стороны стола. Коррупция развивалась в рамках системы, поощрявшей незаконные отношения и прикрывавшей их, системы, посредством которой и должностные лица, и обычные люди стремились улучшить свою долю. Искусство взятки служило ответом на обстановку крайнего дефицита и глубокой дезорганизации вкупе с широко распространенным ощущением жестокости социальной и юридической несправедливости. Метафора «сделки» уходит корнями в освященные веками традиции подношения даров, особенно «корыстного дарения». Функционер, склонный подзаработать на стороне, готовый торговать своими услугами, если баланс риска и вознаграждения выйдет положительным, вероятно, показался бы среднему советскому человеку гораздо более узнаваемым «типажом», чем блистательный профессиональный жулик или легко попадающийся ему на удочку бюрократ.

В следующей главе прослежена необычайная история одного советского судьи, чей арест за взяточничество и закрытый процесс подарили нам яркую иллюстрацию сложного послевоенного мира даров, взаимных обязательств и «искусства взятки», так как социальные отношения этого судьи и его неоднозначный выбор в почти невозможной ситуации стали предметом дотошного расследования.

4. «ПРИВЕТ ВАМ ОТ СОЛНЕЧНОЙ ГРУЗИИ!»: КУЛЬТУРНЫЕ БРОКЕРЫ И ПУТЬ ВЗЯТКИ

Советская победа над нацистскими агрессорами во Второй мировой войне стала необычайным триумфом, который, казалось, доказал успешность советской системы. Однако, едва СССР начал восстанавливаться после военной разрухи, коррупция среди государственных служащих расцвела пышным цветом. Пытаясь увернуться от посягательств государства, люди налаживали неформальные контакты с его чиновниками, порой покупая их противозаконную помощь. Со своей стороны, чиновники могли требовать «левую» плату либо за выполнение возложенных на них обязанностей, либо за использование служебного положения для совершения незаконных действий. Как покажут следующие две главы, сталинский режим всячески старался пресекать эти «неофициальные» преступные связи, которые, по всей видимости, во время и после войны опасно оживились.

В данной главе рассматривается примечательное дело по обвинениям во взяточничестве, которое имело место в высшем судебном органе СССР вскоре по окончании Второй мировой войны, – одно из множества дел судей-взяточников, привлекавшихся к ответственности в период позднего сталинизма каждый год. В конце 1949 г. судья Верховного суда СССР, грузин Леван Кириллович Чичуа, был обвинен в неоднократном получении взяток за время своей работы в суде. Обвинения, выдвинутые против Чичуа, высвечивают противоречие между сознательно «рационализирующей» и модернизирующей советской правовой культурой и существовавшими по всей стране разнообразными региональными и этническими культурами, которые больше руководствовались «семейными» кодексами поведения.

Внимание в этой главе обращается, среди прочего, на культурный аспект подарков чиновникам и взяточничества. Как чувство взаимной обязанности и социальные узы, возникавшие под влиянием определенных взглядов, ценностей и традиций, конфликтовали на практике с «советскими» нормами легального поведения? Изучение взяточничества и подношений чиновникам позволяет рассмотреть отношения, работавшие на теневой стороне повседневности – в серых зонах между традицией и законом, между служебным долгом и

служебным преступлением, между должностным лицом и гражданином. Собственно, в исследовании взяточничества весьма увлекательны именно связанные с ним ритуалы, которые коренятся в традиционных обычаях и практиках подношения даров, хотя этого часто не замечают. Антропологов интересует дарение как красноречивый социальный акт, но взятка как вариант дарения занимает их гораздо меньше. Наша задача здесь – взглянуть на особый тип подарка, взятку, в исторической перспективе и специфическом культурном контексте.

Несмотря на то что приведенные в главе примеры касаются в основном уроженцев Грузинской ССР (находившейся в Закавказье, у южных границ Советского Союза), описываемые явления характерны для многих культур, существовавших на советской территории. Грузия – не единственный регион, где клиентелистские и родственные отношения имели большое значение в социальной жизни; поэтому не стоит думать, будто здесь идет речь о черте, свойственной лишь одной части страны или одной этнической группе¹.

В данной главе также исследуется роль тех, кого я называю «культурными брокерами», в судах. Культурные брокеры – это люди, которые выступали посредниками между двумя культурами или двумя институциональными и традиционными укладами: системой представлений, господствовавших на советской периферии, и совсем иной системой правовых процедур и норм в Москве.

Путь взятки: История судьи

В своем глубоком исследовании подношения подарков во Франции XVI в. Натали Земон Дэвис пишет, что, желая раскрыть смысл и функции подношений в том обществе, стремится «проследить путь подарка». Дэвис прослеживает не только статус подарков в данной культуре, но и дороги, которыми те перемещались в определенном политическом и социально-культурном контексте, от предложения подарка до его приема получателем и результата акции. Она изучает разные виды подарков и многообразие причин их предложения, обычаи и традиции, сложившиеся вокруг дарения, порождаемые ими типы взаимообмена и деликатные процессы переговоров во Франции раннего Нового времени². Как почти все ученые, занимающиеся темой дарения, Дэвис ведет речь о подарках *легальных* и *социально допустимых*. В настоящей же работе рассматривается обмен, который судебные власти объявили противозаконным и подлежащим строгой каре.

Так же как Дэвис прослеживает «путь подарка» во Франции XVI в., в данной главе я прослеживаю, так сказать, «путь взятки» в

одном интересном случае поздней сталинской эпохи – деле против судьи Чичуа. Этот путь начинается с обвиняемых взяточдателей и причин, заставлявших их предлагать взятки; ведет к посредникам, которые играли свою роль в переговорах о сделках; позволяет увидеть место, где встречались просители и судья; знакомит нас со сделанными предложениями; затрагивает следствие прокуратуры и, наконец, доходит до вердикта суда, который решал участь Чичуа.

В чем же суть дела? Через четыре года после окончания Второй мировой войны прокуратура обвинила судью Верховного суда, представлявшего Грузинскую ССР, в получении многочисленных взяток в ходе своей служебной деятельности. Этот грузинский судья, Л. К. Чичуа, проработал в органах суда и прокуратуры 29 лет, а в Верховном суде СССР – примерно полтора года³. Единственный грузин в высшем судебном органе страны, он был назначен туда в июне 1947 г. В то время Верховный суд СССР функционировал не как конституционный суд, а, скорее, в качестве высшей судебной инстанции по уголовным и гражданским делам⁴. Судья Чичуа занимался всеми жалобами, поступавшими из Грузии. Он рассматривал просьбы о пересмотре приговоров, протесты по процедуре и, в частности, заявления грузин, которые уверяли, что неправомерно осуждены и приговорены грузинскими судами⁵.

После долгого расследования его деятельности прокуратура предъявила судье Чичуа обвинение из нескольких пунктов, во взяточничестве и других злоупотреблениях служебным положением. В обвинительном акте говорилось, что Чичуа неоднократно принимал от родственников осужденных взятки – продуктами, спиртным и наличными. По словам следователей, он имел обыкновение тайно встречаться с просителями, искавшими его помощи в процессе обжалования, заставляя тем самым усомниться в своей судейской беспристрастности. Чичуа оказывал просителям-грузинам незаконные услуги, помогая им добиться положительного решения Верховного суда по пересмотру приговора. Важно отметить, что среди всех обвинений, выдвинутых против Чичуа, прокуратура привела лишь один случай, когда тот действительно взял деньги. В других пунктах обвинительного акта шла речь о получении Чичуа взяток продуктами и спиртными напитками за противоправную помощь с жалобами. Он был арестован в конце 1949 г. и до суда, состоявшегося в марте 1952 г., провел в тюрьме более двух лет⁶.

В конечном счете в этом деле кроется некая загадка. Почему судья, работавший в Верховном суде СССР, учитывая существовавшие на таком уровне очевидные и весьма серьезные риски, в сталинские времена решился брать взятки – или хотя бы допустить, чтобы *казалось*, будто он их берет?

Материалы партийных органов, прокуратуры и суда показывают, что судья Чичуа, когда его назначили в Верховный суд в июне

1947 г., подобно многим судьям вышестоящих судебных инстанций в тот период, столкнулся с настоящей юридической «лавиной». Худший момент для судьи, особенно судьи Верховного суда СССР, представить трудно. Чичуа приступил к своим обязанностям в Москве всего через пару недель после выхода в свет драконовских указов о хищении государственного и личного имущества от 4 июня 1947 г. Законы о «спекуляции» и других «хозяйственных преступлениях» и санкции по ним также были тогда ужесточены⁷. Вскоре в суды хлынули с огромным количеством жалоб родные осужденных по июньским указам. Так что для Чичуа, который, по собственному признанию, не получил достаточного образования и до сих пор брал уроки русского языка, начало работы в перегруженном высшем судебном органе страны в середине 1947 г. оказалось очень трудным временем⁸.

Чичуа быстро стал, словно магнит, притягивать жителей Грузии, которые искали помощи в своих делах с правовой системой. Верховный суд распределял дела на пересмотр между своими судьями по географическому «зональному принципу». Чичуа, например, отвечал за пересмотр приговоров осужденных на территории Грузинской ССР. В целом пробыв членом Верховного суда СССР всего 18 месяцев, он успел рассмотреть около тысячи жалоб по уголовным делам. В частности, Чичуа занимался жалобами на сотни весьма суровых приговоров за хищение госсобственности, спекуляцию и такие служебные преступления, как халатность⁹. Осужденные или члены их семей имели все основания постараться уговорить судью Чичуа, чтобы тот помог им обжаловать чрезмерно строгие наказания.

«Привет вам от солнечной Грузии!»: Посредники

Что послужило поводом для обвинений во взяточничестве против Чичуа? Главная взятка, которую он будто бы принял, представляла собой мешок с 30 кг свинины, доставленный к нему на дом в Тбилиси в октябре 1948 г.¹⁰ Свинину прислали через посредника – А. С. Еремадзе, давнего знакомого Чичуа. (Еремадзе показал, что самого судьи Чичуа тогда не было дома. Жена Чичуа получение мяса категорически отрицала, заявляя, что Еремадзе лжет.) Следователи оценили мясо в 300 руб. Предполагалось, что взятка исходила от И. В. Букии, который искал помощи судьи в деле своей сестры. Сестра Букии 11 июля 1948 г. получила 10 лет лагерей за нарушение указа от 4 июня о хищении госсобственности. «Ее осуждение для семьи было тяжелым ударом», – сказал впоследствии Букия. Уверенный, что сестра осуждена и приговорена неправильно, Букия якобы заплатил Еремадзе несколько тысяч рублей за то, чтобы связаться с судьей

Чичуа¹¹. По словам следователей прокуратуры, Чичуа принял и вторую взятку – в виде застолья в доме у зятя Еремадзе.

Как показано в предыдущей главе, посредники часто являлись важными фигурами в операциях со взятками. Предположу, что многих посредников, представлявших грузинских клиентов в московских судах, следует рассматривать как советский вариант «культурных брокеров». С момента своего возникновения Советский Союз поглотил и старался ассимилировать сотни региональных и местных культур, что приводило к широкому распространению культурных конфликтов и недоразумений. Некоторые люди, вроде вышеназванных посредников в судах, быстро принаравливались лавировать между двумя мирами – теми или иными периферийными районами и официальными советскими бюрократическими ведомствами. Брокеры налаживали связи в центральных судах, знакомились с различными правовыми культурами, договаривались о сделках между просителями и судебными работниками и, конечно, взымали плату за эти особые услуги. Если они добивались результата, оставляя клиентов довольными, добрая слава о них, передаваясь из уст в уста, способствовала расширению их бизнеса. В частности, многие адвокаты занимали удобное положение для такой роли. Предприимчивые посредники понимали нужды просителей (обычно те добивались уменьшения срока или вообще отмены приговора родственникам). Они понимали также, что требовалось работникам суда – гарантия абсолютной секретности и материальный стимул, способный компенсировать риск, на который последние шли, принимая взятку. Брокеры убеждали просителей в том, что обладают полезными связями в Москве, необходимым опытом и знают все «ходы-выходы» в столичных судах. Благодаря огромной территории и многонациональности советской империи культурные брокеры во многих сферах социальной и экономической жизни пользовались большим простором для действий – и соответствующим спросом.

Если говорить о московских судах того периода, кажется, помимо грузин немало других этнических групп, включая башкир, евреев, северных осетин, дагестанцев и пр., имели подобные сети посредников, на которых могли положиться, когда нуждались в помощи при общении с правовой системой. Эти посредники, хорошо зная обычаи, царившие как у них на родине, так и в советских судах, пользовались доверием и там, и там¹².

Большинство посредников, работавших в Москве с грузинскими просителями, сами были грузинами. Некоторые налаживали связи в судах потихоньку. Другие вели себя довольно дерзко и демонстративно, применяя на практике, по выражению Эрика Скотта, «перформативный аспект грузинской экономической деятельности»¹³. Один грузинский адвокат, выступавший в качестве посредника, до-

бывался успеха, наведываясь в Верховный суд с подарками для судебных работников в одной руке и заявлениями просителей в другой. «Из Грузии, – показал секретарь суда, – как-то приехал адвокат Мелик-Нубаров, который вел себя развязно в Верховном суде. Он позвонил мне по телефону и сказал, что привез мне привет из Грузии, а также ящик лимонов и, кроме того, у него имеется пачка жалоб. Я обиделся на такие слова Мелик-Нубарова, а он мне ответил: “Чего же обижаться, я Макарову дал ящик лимонов, и он принял”»¹⁴. Другой представитель судебного персонала пожаловался на адвоката, который явился в приемную Верховного суда СССР с пачкой заявлений для передачи судьям, громко возвещая: «Привет вам от солнечной Грузии!»¹⁵

Вероятно, этот адвокат пытался играть на широко распространенном в суде мнении, что грузинские клиенты с готовностью будут преподносить подарки, платить и вообще делать все возможное ради освобождения родных из тюрьмы. Благодаря географическому положению республики в распоряжении грузин в изобилии имелись такие редкие и желанные вещи, как цитрусовые, чай, вина. Грузия среди советских потребителей была известна «фирменной» экзотической продовольственной продукцией, произраставшей в ее прекрасном теплом климате¹⁶. Слова адвоката явно намекали, что судебным работникам, которые пожелают ему подыграть, достанется больше тропических «плодов».

Стереотипными представлениями о грузинах, возможно, объясняется также, почему как минимум два адвоката, занимавшиеся посредничеством в московских судах, превратили свои фамилии в грузинские, прибавив к ним характерный суффикс «швили». Некого Мушаилова в здании Верховного суда знали как Мурадашвили, а адвокат Месарков подвизался там под именем Месаркишвили¹⁷. Поскольку судебные работники не проверяли личность людей, называвших себя адвокатами, тем не составляло труда «присвоить» другую национальность. Мушаилов, по словам судебных работников, приходил в суд раз в два-три месяца с ходатайствами по разным делам, притом «выдавал себя за грузина, говорил, что он из Грузии, именовался “Мурадашвили”, но не Мушаиловым, любил поговорить о Грузии»¹⁸. Он даже щеголял в грузинской традиционной одежде.

Не совсем понятно, почему все-таки эти адвокаты прикидывались грузинами. Мушаилов, когда его спросили о псевдониме, решил прикрыться лозунгом «дружбы народов», лицемерно заявив следователю: «Для меня все нации одинаковы»¹⁹. Гораздо более вероятное объяснение: они надеялись подобными псевдонимами дать понять потенциальным грузинским клиентам, что готовы пойти навстречу и знают, как представлять их интересы в московских судах. Мушаилов,

кстати, хвастался клиентам, будто он «кремлевский адвокат», возможно, пытаясь навести их на мысль, что у него есть контакты со Сталиным – грузином в Кремле²⁰. С другой стороны, судебные работники, наверное, полагали общительного адвоката с нарочито грузинскими ухватками более склонным к «сделкам» ради клиентов.

Тридцать кило свинины: Подарки, застолья и взятки

В Советском Союзе, как и во многих других обществах, путь взятки частенько бывал вымощен подарками и застольями. Прокуратура обвиняла судью Чичуа в неоднократном получении взяток, обычно «замаскированных» – в виде фруктов, спиртного, застолий, которые влияли на его профессиональные суждения в пользу взяткодателя. Главным доказательством против Чичуа служило участие последнего в застолье дома у родственника посредника. Возражая против утверждений, будто застолье представляло собой взятку, Еремадзе ссылался на то, что знал Чичуа «более 15 лет, как своего земляка, он жил в соседнем районе»²¹. Познакомились они в Батуми, когда Еремадзе работал там инструктором обкома комсомола, а Чичуа – судьей. На судебном заседании Еремадзе всеми силами старался показать, что они с Чичуа дружили и потому за минувшие годы много раз выпивали и закусывали вместе. Да, он устроил для Чичуа пирушку дома у своего зятя, потратив 300 руб. на еду и напитки, но, поскольку у них давние близкие отношения, угощение было просто угощением – знаком дружбы, а не попыткой повлиять на исполнение судьей Чичуа профессиональных обязанностей. (В любом случае, уверял Еремадзе, Чичуа тогда болел и выпил всего лишь стакан пива.) Последний, со своей стороны, сказал, что не имел «материальной заинтересованности» в деле, о котором хотел поговорить Еремадзе. «На приглашение Еремадзе, чтобы пойти в гости к его зятю, я ответил согласием, – объяснил он. – Я, как грузин, не мог отказать ему в этом. В этом моя слабость и в этом также наша грузинская традиция»²². Для прокуроров данное признание Чичуа, должно быть, стало красноречивым свидетельством, подкрепляющим уверенность, что грузин грузину никогда не откажет.

Антрополог Марсель Мосс писал о подарках: «Даримая вещь не остается бездеятельной. Наполненная жизнью, часто обладающая индивидуальностью, она стремится вернуться, как сказал Херцф, в “место происхождения” или произвести, на благо клана и родной земли, эквивалентную замену себе»²³. Правда, грузины в подобных случаях дарили не обычные деньги, драгоценности или одежду (наиболее распространенные взятки в советских судах того периода), а фрукты, вино, мясо и прочие продукты своего края. Кроме того, та-

кой обмен был *обязателен*. Традиция не только повелевала дарителю *предлагать* дары, но и обязывала получателя *принимать* их. Как будет показано дальше, сознание этой обязанности держало судью Чичуа в весьма неудобном положении между двумя несовместимыми культурами, поскольку он достаточно знал нравы советской судебной системы, чтобы понимать, что получение подарков от просителей может выглядеть противозаконным²⁴. Зато в грузинской культурной среде осуждение вызвал бы как раз его отказ встречаться с земляками или принимать от них подарки. Это стало бы нарушением традиционных социальных отношений и равнялось бы социальному самоубийству. С другой стороны, принимая подношения, он рисковал совершить профессиональное самоубийство. Грузины считали фрукты и вино прекрасными дарами с родины. В глазах московских правоохранительных органов эти редкие деликатесы являлись взятками, способом «купить» должностное лицо, осуществить и замаскировать незаконную сделку²⁵. Столь разные представления о дарении и взяточничестве и лежат в основе бед судьи Чичуа.

Один из самых сложных вопросов, встававших перед прокурорами и судьями, – как определить грань (до некоторой степени культурно обусловленную) между «подарком» и «взяткой». Прокурорам приходилось, прослеживая путь взятки, доказывать наличие взаимной корысти, а это было нелегкой задачей. Во многих культурах, например, просители приносили судье в подарок фрукты или другие продукты в знак благодарности, если решение по делу их удовлетворило²⁶. Соответственно по ряду дел о предполагаемом взяточничестве, которые разбирались в то время в советских судах, судьи постановили, что небольшие подарки работникам суда или прокуратуры от одной из сторон после того, как вердикт по делу вынесен, не следует считать взятками. В августе 1948 г. на Украине, к примеру, женщина с тремя маленькими детьми дала 50 руб. областному прокурору после оправдания своего мужа. Прокурор не стал обвинять ее во взяточничестве, решив, что это не взятка, а «ее действие следует расценивать как укоренившийся среди людей обычай отблагодарить кого-либо за совершенные законные действия». Однако Верховный суд УССР, пересмотрев дело, постановил, что столь милосердное толкование закона совершенно неправильно и женщине нужно предъявить обвинение в даче взятки²⁷.

Чичуа на своем процессе утверждал, что, как грузин, обязан был проявлять любезность к другим грузинам и в рамках закона делать для них все что мог. Он неоднократно повторял, что традиционное гостеприимство вовсе не заставляло его нарушать закон и не оказывало никакого влияния на его решения как «честного советского судьи» (эти слова он то и дело с гордостью употреблял применительно к себе).

Место преступления: Гостиница «Европа»

Где же Чичуа и грузинские просители встречались для разговора, хоть легально, хоть нелегально? Следующий шаг на пути взятки – место, где большинство предполагаемых взяток передавались судьбе Чичуа. На суде последний сказал, что жилищные условия, предоставленные ему Верховным судом, создавали чрезвычайные трудности государственному должностному лицу, пытающемуся сохранять беспристрастность при отправлении значительной власти, которой наделяла его занимаемая должность. Многие судьи Верховного суда действительно жили и трудились в довольно рискованных условиях, способствовавших сомнительным контактам с просителями. В письме Сталину от 27 июня 1947 г. партийный секретарь Верховного суда Гусев жаловался на плачевное положение ряда судей и других работников суда²⁸. Он указывал, что несколько новых судей, назначенных в 1947 г. (включая Чичуа), переехали в Москву из отдаленных союзных республик, но квартир им не дали: «В настоящее время они проживают в гостиницах, за которые сами платить не в состоянии, а Верховный Суд СССР на это дело не имеет средств»²⁹. Гостиничная администрация даже поднимала шум, требуя выселения судей за неуплату. Гораздо желательнее было бы устраивать высокопоставленных судей в отдельных квартирах, в зданиях с охраной, дабы ограничить количество непредвиденных визитеров.

Чичуа стал одним из судей, не имевших отдельной жилплощади. Ссылаясь на нехватку жилья, московское жилищное ведомство поселило его в номере 312 гостиницы «Европа» (ее здание не сохранилось). Тот факт, что Чичуа принимал просителей (а он, конечно, не отказался от этого) в гостиничном номере, фигурировал в обвинениях против него на первом месте. Как показал Чичуа, он не раз просил председателя Верховного суда И. Т. Голякова помочь найти квартиру, что обеспечило бы ему гораздо больше приватности и сильно ограничило бы для просителей возможность являться к нему без предупреждения³⁰. Но московские жилищные органы квартиру ему так и не выделили, оставив его в гостинице в центре Москвы – магнитом для сотен отчаявшихся грузин, приезжавших в столицу оспаривать несправедливые приговоры. «Моя слабость в том, что я принимал людей и содействовал им, – сокрушался Чичуа на суде. – Если бы я имел комнату и не жил бы в гостинице, этого бы дела не было»³¹.

Чичуа рассказал, что десятки грузин приходили к нему в гостиницу в самое разное время, принося всевозможные ходатайства, просьбы и запросы, как правило, вместе с традиционными подарками. Вот как он описывал суду типичный образец взаимодействия с посетителями в своем гостиничном номере: «Часто было так: стучит в номер человек, войдет и начинает объяснять свое дело или дело род-

ственников. Я говорил, что я не адвокат и ничего не могу сделать. Они мне заявляли, что ты грузин и почему же не можешь сказать, куда и к кому обратиться?» И подытоживал нелепость ситуации: «Я жил в гостинице, и *каждый* ко мне мог приходить, мне *даже уборщица* и та делала замечание, что ко мне много ходит людей [курсив мой. – Дж. Х.]». Грузинские традиции гостеприимства не позволяли ему отказываться от разговора с просителями: «Я не мог выгонять в шею, кто меня посещал»³².

Особенно выделяется один инцидент. В 1947 г. накануне Нового года судьбе Чичуа в его гостиничном номере стало плохо. Он слег с температурой под 39 градусов и легкими, полными мокроты. Его двоюродный брат, который проживал тогда в той же гостинице, найдя его в столь ужасном состоянии, позвонил дежурному администратору. Поскольку больной являлся судьей Верховного суда, из гостиницы позвонили в Кремлевскую больницу. Двоюродный брат, понимая, что до прихода кремлевской медсестры пройдет какое-то время, сбежал в холл и привел знакомого грузинского врача, тоже остановившегося в гостинице «Европа». 27-летний врач, заподозрив пневмонию, воспользовался традиционным средством лечения респираторных заболеваний: нагрел несколько стеклянных банок и поставил больному на грудь. Когда грузинский доктор узнал, что должна прийти медсестра из 2-й Кремлевской больницы, он полюбопытствовал, кто же такой его пациент. Приятель ответил: «Он работает в Верховном суде».

И что же сделал врач, услышав это? В присутствии пяти или шести свидетелей он не упустил случая поведать судьбе, распростертому навзничь с банками на груди, трясущемуся в лихорадке и обливаемому потом, что его отца «неправильно» арестовали за хищение госсобственности и приговорили к 7 годам лишения свободы. Он спросил Чичуа (по-грузински), как составить жалобу, чтобы отцу отменили приговор. Как ни удивительно, судья, кажется, имевший полное право промолчать, стал расспрашивать доктора о деле его отца и инструктировать его по поводу написания жалобы. Даже несмотря на то, что судья лежал в постели с пневмонией, проситель-грузин считал, что может обратиться к нему за помощью, а судья чувствовал себя обязанным откликнуться. Спустя почти пять лет и тот, и другой предстали перед судом и были вынуждены давать объяснения в связи со своей недолгой и затрудненной обстоятельствами беседой в предновогодние дни 1947 г.³³

Эпизод в гостинице подкрепляет впечатление, что просители-грузины полагали себя вправе претендовать на юридическую помощь судьи Чичуа в любом месте и в любое время. Чичуа, со своей стороны, попросту не мог найти подходящих слов, чтобы уклониться от встреч с грузинскими визитерами. Собственно, давая показания на суде, он в первые же минуты коснулся трудностей, которые создавал

ему грузинский «культ гостеприимства»³⁴. В дальнейшем Чичуа сам привел еще несколько примеров того, как его связывали грузинские традиции. Подобные встречи, по его признанию, создавали ложную видимость конфликта интересов. Как он выразился (используя двойное отрицание): «Я *не* мог их *не* принять, но я заявляю, что для них ничего не сделал... [курсив мой. – Дж. Х.]»³⁵.

Показательно дело одного подсудимого, обвинявшегося в даче взятки Чичуа. Директора овощного магазина Н. С. Чкуасели судили за халатность, повлекшую за собой порчу картофеля (серьезное хозяйственное преступление для руководителя торгового предприятия). Он обратился к Чичуа, чтобы тот помог ему добиться отмены приговора. В номер Чичуа он нагрянул без предупреждения в десять часов утра: «Выгонять Чкуасели я не мог из номера гостиницы как грузина, так как я сам грузин. У нас есть такие обычаи»³⁶. (Как заявил на суде Цагарейшвили, обвиняемый по другому делу: «У нас, грузин, принято оказывать друг другу помощь»³⁷.) Подсудимый Чкуасели, со своей стороны, подтвердил: «К Чичуа я обратился не как к члену Верховного суда, а как к грузину»³⁸. Чичуа, по его словам, старался исполнять свой долг работника суда, но, тем не менее, задним числом он винил себя в том, что не заставил просителя уйти: «Я ему говорил, что его дело будет рассмотрено по закону. Моя слабость состоит в том, что я Чкуасели не выгнал из моего номера».

Чичуа жаловался, что к нему в гостиницу потоком шли просители-грузины, и простые люди, и видные представители элиты, умоляя помочь с их юридическими проблемами. Среди просителей были высокопоставленные партийные руководители, включая заместителя секретаря ЦК КП Грузии, председателя Совета министров Аджарской АССР, секретарей райкомов и многих других. Просили помощи по меньшей мере два грузинских генерала. Заглядывали прославленные артисты. Сын знаменитого киноактера Кириле Мачарадзе обратился к судье по поводу неприятностей своего друга. Известный актер Александр Жоржوليани, который с 1926 по 1970 г. снялся в 30 фильмах, также нанес Чичуа визит. Жоржوليани нечаянно оставил в поезде костюмы, и его оштрафовали на 15 тыс. руб. Он кинулся в гостиницу «Европа» с просьбой, чтобы Чичуа посодействовал ему в процессе обжалования. «Чтобы отвязаться от него, я принял его заявление», – показал на суде Чичуа, уточнив, правда, что за дальнейшей судьбой заявления не следил³⁹.

Главный грузин СССР – Иосиф Сталин – за помощью к Чичуа, конечно, не приходил. Примечательно, однако, что человек, который *играл Сталина* в кино, – любимый зрителями грузинский киноартист Михаил Геловани – побывал в гостинице «Европа» с просьбой об одолжении⁴⁰. Сталину нравилось, как его изображает высокий, красивый актер, и он велел, чтобы Геловани играл его во всех фильмах.

В 1938–1952 гг. Геловани исполнил роль Сталина как минимум в 14 чрезвычайно популярных картинах. Самой шумевшей из них, наверное, стало «Падение Берлина» (1949) – непомерный панегирик блестящему и человечному руководству Сталина во время войны, характернейший продукт сталинского культа. Даже фантастически знаменитый Геловани не преминул навестить судью Чичуа ради грузинских родственников или знакомых, оказавшихся не в ладах с законом.

Не только к судье Чичуа обращались за содействием грузины, вынужденные пробираться сквозь лабиринты московской юридической бюрократии. Согласно показаниям на суде, члены семей обвиняемых частенько просили о «неофициальной» помощи известных грузинских адвокатов. К адвокатам, которые, как считалось, имели хорошие связи в судах, постоянно шли родные, друзья, друзья родных и родные друзей, даже самые дальние родственники и шапочные знакомые. Большим спросом пользовались высокопоставленные военные. Прославленный грузинский генерал М. Г. Кикнадзе, во время Второй мировой войны командовавший артиллерийской дивизией и руководивший обороной западного сектора Московской зоны ПВО, показал, что его, вследствие занимаемого положения, обременяли бесконечными просьбами. Он делал все возможное, чтобы уклониться от визитов земляков: «Ко мне очень много мои соплеменники обращаются с разного рода просьбами, и я вынужден, чтобы избежать этого, постоянно находиться за городом в лагерях моего соединения, т. к. отказывать в просьбах у нас не принято». Генерал признал, что, согласившись ходатайствовать в Верховный суд за одного из своих солдат-грузин, совершил огромную ошибку: «Подтверждаю... что я осознал всю ошибочность своего поступка, дивизией я команду в течение 11 лет, но еще не имел неприятностей, какие имею сейчас»⁴¹.

Чичуа на своем процессе винил как просителей, которые ходили к нему, не считаясь с тем, что он должен соблюдать определенную профессиональную дистанцию, так и суд, не давший ему надежной жилплощади, необходимой для сохранения приватности и беспристрастности. Тем не менее он соглашался, что и сам не без греха: «Принимая граждан в номере гостиницы “Европа”, я, конечно, дискредитировал себя как член Верховного суда СССР, и в этом я себя виновным признаю». В конечном счете Чичуа признал, что *по видимости* злоупотреблял служебным положением, но настаивал, что на самом деле ничего подобного не совершал. Ни в каких преступлениях он не сознавался, невзирая на упорное давление прокурора. Материалы, представленные на суде, подкрепили позицию Чичуа. Многие пункты обвинения во взяточничестве против него были сняты, поскольку прокуратура не продемонстрировала наличие корыстного умысла. Чичуа раз за разом признавался в необдуманном поведении, отрицая

при этом какие-либо незаконные действия. Он понимал: избранная им «культурная» линия защиты не выдержит, если прокурор сумеет доказать, что он нарушал закон.

В руках прокуратуры

Как в очередной раз показывают описанные здесь дела, зачастую очень трудно было отличить взятки от проявлений гостеприимства, дружеских подарков или знаков благодарности. Ни следователи, ни судьи, а порой даже сами соучастники дела не могли с уверенностью сказать, когда корзина яблок, тридцать кило мяса или совместный обед с вином служили всего лишь бескорыстными знаками благодарности, а когда превращались в плату за услугу или метод влияния на суждения должностного лица. Подарки и взятки нередко шли бок о бок. Для прокуроров различие между законным подарком и незаконной взяткой представляло отнюдь не чисто академический интерес; решение прокуратуры, предъявлять или нет обвинение, решение судьи, признавать или нет подсудимого виновным, означали разницу между тюрьмой и свободой.

Подсудимые-грузины, со своей стороны, настаивали, что подарки, щедрое гостеприимство – неотъемлемая часть их культуры, не более чем выражение дружбы и солидарности. А многие должностные лица регулярно утверждали, что отказаться принять небольшой подарок – значит обидеть дарящего и такие подарки нисколько не влияли на их решения. Тут весьма к месту поговорка, приведенная в словаре Даля, изданном в начале 1880-х гг.: «Взяток не берем, а благодарности принимаем»⁴². Прокуроры же с большим подозрением смотрели на личные отношения между судьями и просителями, основанные на этнических или родственных связях. Как дают понять обвинительные акты, правоохранительные органы не сомневались, что имело место взяточничество, если некое решение принималось после обмена чем-либо, включая еду и питье. Но и подарки (опять-таки включая продукты и напитки), сделанные *после того, как судья вынес вердикт*, привлекали внимание следствия.

Когда речь шла о расследовании коррупции в судах, прокуратура считала обычаи многих культур (в том числе грузинской) крайне подозрительными, а нередко преступными. Для людей, работавших в советских правоохранительных ведомствах, мясо, фрукты и вино являлись не обычными гостинцами, а роскошными и редкими деликатесами. Эта классическая грузинская продукция была чрезвычайно дефицитной в Москве, да и почти во всей РСФСР. Грузинскому судье, живущему вдали от дома, столь богатые дары напоминали о традициях родного края и оставленных там людях. Жена Чичуа, кста-

ти, навещая мужа в Москве, всегда привозила с собой фрукты и сыр из Грузии⁴³. Но следователи, разыскивающие доказательства взяточничества, чутко реагирующие на взятки, «замаскированные» под подарки или дружеский социальный взаимобмен, всегда настораживались, обнаруживая, что грузины оделяли друг друга такими благами. Они также крайне подозрительно относились к трапезам судей с рядовыми гражданами, чем бы те ни объяснялись. В глазах советской прокуратуры подарок от просителя в виде вина или фруктов с его родины выглядел взяткой, принципиально не отличающейся от золотых часов или конверта с купюрами⁴⁴. Следователи рассматривали подобные предметы роскоши как своеобразную валюту и не сомневались, что «угощение» зачастую служило прикрытием для незаконной деятельности. В деле Чичуа прокуратура усмотрела в нескончаемой череде встреч и подарков признаки взяточничества.

Определенные стереотипы насчет грузин (даже открытая враждебность к ним) нередко всплывали в показаниях русских обвиняемых и свидетелей, так же как и среди прокуроров. Грузин считали «отсталыми» приверженцами клановости, склонными к созданию преступных объединений. Некоторые следователи говорили обвиняемым и свидетелям грузинской национальности, что жаждут «очистить Москву от грузин». Во время предварительного допроса обвиняемых по одному делу о судебной коррупции следователь повторил слух, будто грузины, руководившие знаменитым московским рестораном «Арагви», устраивали там пьяные оргии с участием своих патронов⁴⁵. Такие обвинения подкрепляли стереотипное мнение, что грузины морально распущены, всегда готовы преступить закон и всеми силами защищают друг друга. Советские прокуроры, по видимому, тоже характеризовали поведение грузин как особенно коррупционное и предосудительное.

Историк Рональд Суни называет «привычку полагаться на тесные семейные и личные узы во всех аспектах жизни и нежелание выдавать родственников и товарищей» факторами, способствующими репутации Грузии как рая для коррупционеров. Экономист Грегори Гроссман сделал похожее наблюдение⁴⁶. Джеральд Марс и Йоханан Альтман утверждают, что в Грузии «все отношения персонализированы... и формальные организационные структуры подчиняются, модифицируются и приспосабливаются для служения личным и семейным нуждам». «Социальные сети, связывающие индивидов и семьи», там, по их словам, чрезвычайно могущественны⁴⁷. В таком контексте дарение между гражданами и лицами, занимающими официальные посты, может иметь весьма неоднозначный характер. Многие из подобных моделей поведения отклонялись от идеалов советского закона или коммунистической морали, но, разумеется, сохраняли свою логику в собственной культурной вселенной.

Грузинские случаи, описанные в данной главе, конечно, не уникальны. Это вариации на тему. Советское государство могло искоренить практику подношений среди государственных служащих и населения не больше, чем отменить религиозную веру или традиционную музыку. По всей стране люди просили должностных лиц вступить за друзей или родных, иногда за определенную цену. Должностные лица часто не находили сил отказать. Здесь тут же приходят на ум русские крестьянские традиции обмена подарками и угощения, и стоит отметить, что взятки в деревне чаще всего носили «натуральный» характер, принимая форму продуктов (яйца, мука, цыплята) или напитков (водка, самогон). Традиции благодарности и ожидания взаимности свойственны не одной культуре; в границах СССР (как и во многих других обществах) можно было найти немало культур с похожими чертами. Русский судья Шевченко, например, показал по другому делу, что некий Семашко, выставив судье водку с закусками, в его понимании дал «маскированную взятку – закуску к выпивке, после которой я уже не мог отказать ему в его просьбе»⁴⁸.

Очевидно, что в 1946–1953 гг. центральные партийные органы с величайшей настойчивостью требовали выявлять и преследовать взяточников-судей. Над делами о взяточничестве, возбуждаемыми в конце 1940-х гг., прокуратура, по-видимому, работала, отталкиваясь от некоего «образцового» нарратива (о чем пойдет речь в главе 8). Одна из его сюжетных линий вела к грузинам ввиду их «кланового сознания», первостепенного почитания взаимных обязательств и готовности «покупать» судебных работников. С точки зрения прокуроров, среди грузин прочно укоренилась своего рода культура постоянных, отчасти замаскированных под подарки, напитки, фрукты взяток и «племенных» обязанностей оказывать помощь друг другу. Чтобы добиться осуждения обвиняемых, прокуроры не только *прослеживали* пути взяток, но и сами их *создавали*, истолковывая невинные или неоднозначные встречи и обмен угощениями и подарками как преступный сговор.

Вердикт

Чичуа всегда категорически утверждал, что не опускался до взяточничества, несмотря на нескончаемые мольбы посетителей. Недобросовестные следователи прокуратуры, по его словам, сильно преувеличили приписываемые ему преступления: «Ни один свидетель в суде не сказал того, что было написано на предварительном следствии. Следователь Голинков хотел меня сделать взяточником. Чем хотите меня называйте, но я не взяточник». Множество следователей, заметил он, носом землю рыли, пытаюсь найти кого-нибудь,

кто дал ему взятку, но так никого и не нашли⁴⁹. В доказательство своей невинности Чичуа заявил, что не нуждался в дармовых мясе и вине от граждан, поскольку у него и жена, и дочь, и зять работают. Жил он по средствам; его семья в Тбилиси до сих пор проживает в коммунальной квартире⁵⁰. Да и вообще, сказал он, брать взятки постыдно⁵¹. «Я старался сохранить честь члена Верховного суда», – настаивал Чичуа и уверял, что разрешал дела «по своей судейской совести»⁵².

Дело Чичуа рассматривалось на закрытом заседании под председательством трех членов Верховного суда СССР. В заключение процесса в марте 1952 г. суд признал Чичуа виновным по двум пунктам обвинения в злоупотреблении служебным положением и по одному пункту во взяточничестве. Его приговорили к 7 годам лишения свободы и исключили из партии. Чичуа яростно протестовал против своего осуждения, заявляя, что это плод огромного недоразумения. Хотя сегодня, с расстояния прошедших лет, наверняка знать нельзя, но показания и материалы, представленные на процессе и в порядке надзора, как будто говорят в пользу Чичуа. Собственно, судьи сняли с него множество обвинений во взяточничестве, за одним исключением: речь идет об инциденте с 30 кг свинины (как показали более поздние свидетельства, скорее всего, сфабрикованном) и обеде с предполагаемым посредником Еремадзе. (Последний получил 4 года тюрьмы, а Букия, якобы предлагавший взятку за освобождение сестры, – 2 года⁵³.)

Заключение

В этой главе важные неформальные отношения, характерные для послевоенного периода, показаны в новом свете. Выводя на первый план личную инициативу и строительство личных и этнических сетей, данное исследование бросает вызов стереотипам по поводу запуганного и парализованного послевоенного советского общества, а также ставит под сомнение популярный карикатурный образ продажного по самой своей сути советского бюрократа.

Выше мы говорили о грузинских посредниках в московских судах как о советских «культурных брокерах», которые лавировали между двумя системами правовых и культурных норм и обычаев. Судья Чичуа представляет собой пример культурного брокера второго типа – человека, который старался держаться «советских» правовых стандартов перед лицом бесчисленных просьб отступить от правил. Часть работы Чичуа заключалась в том, чтобы разъяснять советские законы и юридические процедуры грузинам, приезжавшим в Москву с жалобами, нести свет «высокой» безличной советской правовой культуры людям, которые якобы находились на более низком культурном

уровне и еще не до конца прониклись «советским сознанием». Не все просители, к примеру, понимали, что их частные просьбы о помощи и жесты благодарности расцениваются советскими властями как незаконные или неуместные, а потому влекут за собой риск преследования. Чичуа, со своей стороны, прекрасно понимал, что действия, приемлемые в одной культуре, могут в другой создавать видимость конфликта интересов – и даже взяточничества. Он прилагал неимоверные усилия, чтобы не нарушить нормы ни одной из культур.

Чичуа, от которого ждали соблюдения закона вопреки мольбам родных, знакомых и совершенно незнакомых земляков, оказался в чрезвычайно трудном положении. Судье приходилось не только проводить в жизнь правила обжалования, но и не поддаваться на просьбы людей, уверенных, что он обязан им помочь, и не просто как грузинам, а как грузинам, которые его угощают или одаривают. Чичуа попал в ловушку между противоположными друг другу ожиданиями на непригодных к обороне позициях. На некоем экзистенциальном уровне он должен был отбросить или, по крайней мере, подавить важные элементы своей грузинской идентичности. Но он не мог отказаться от этой идентичности совсем. На практике грузинские обычаи и созданные ими сети отношений ожесточенно спорили с усвоенной Чичуа советской правовой культурой. И, как ни парадоксально, партийное руководство, назначив его на должность в Верховном суде СССР, неосмотрительно укрепляло связывавшие его узы, требуя, чтобы он работал исключительно с жалобами из Грузии.

Чичуа сопротивлялся попыткам склонить его к злоупотреблению служебным положением или какому-либо иному нарушению закона, невзирая на просьбы людей, которые возлагали надежды на него, питая мало веры в «государство» вообще. Тем не менее его случай иллюстрирует слабое влияние «советских ценностей» как среди госслужащих, так и среди большей части населения, вопреки всем усилиям по культурному преобразованию последнего. Советский режим пытался создать новую социально-экономическую систему. Чтобы организовать такую систему и управлять ею, он также поставил целью создание «нового советского человека», всецело и бескорыстно преданного коллективным ценностям⁵⁴. Однако многие люди, подобно судьбе Чичуа, метались между теми элементами советской системы, которые казались им привлекательными, и собственными традициями и ценностями, так и не отдавая окончательного предпочтения чему-то одному.

ЧАСТЬ III

5. «СЕРЬЕЗНОЕ ЗЛО И ОПАСНОСТЬ»: ПОСЛЕВОЕННЫЕ «КАМПАНИИ» ПРОТИВ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Взяв власть в октябре 1917 г., новое советское правительство по-
клялось навсегда избавить земли бывшей Российской империи от
язвы взяточничества, так как большевики мечтали о государстве и
обществе без коррупции. По ряду причин мечта эта потерпела про-
вал, причем впечатляющий. После Второй мировой войны партия тут
же развернула «кампанию» против взяточничества. Благодаря рассе-
кренным документам из государственных архивов сейчас можно
проследить ход этой безуспешной, но весьма показательной кампа-
нии. Атака на взяточничество в 1946–1947 гг. представляет собой, так
сказать, «приступ» – недолгую, но интенсивную попытку партии-го-
сударства уничтожить определенное негативное явление, терзающее
советское общество. Как указывают ученые Хейман и Сمارт, боль-
шинство государств стремятся сделать «культурную ткань» своего
общества резистентной к «использованию государственной должно-
сти для личной выгоды»¹. В то же время в Советском Союзе, как и в
других обществах, практика неформальных сделок между бюрокра-
тами и гражданами тесно сплеталась с культурами дарения и взаимо-
обмена (а порой маскировалась ими), и существовала масса стимулов
держаться ее в тайне.

С самого начала «кампания» против взяточничества вряд ли
была полномасштабной атакой на коренные причины данного явле-
ния: сверхцентрализованное планирование и раздутую бюрократию
советской командно-административной системы; скудный доход,
низкий престиж и недостаточные профессиональную подготовку и
правосознание должностных лиц; острый дефицит товаров и услуг;
нехватку жилья; недостаток справедливости в правовой системе; от-
сутствие у партийного руководства большой охоты всерьез пресле-
довать служебные злоупотребления среди партийцев и (особенно)
элит. Как мы видели, все эти условия предоставляли госслужащим
обилие возможностей наживаться под сенью сталинского общества.
Несмотря на поднятый шум, в ключевых ведомствах существовала

довольно сильная оппозиция серьезным мерам по пресечению злоупотреблений. В период послевоенного сталинизма неформальные отношения, связывавшие государственных функционеров и все остальное население, приобрели фундаментальное значение для деятельности государства и экономики². Рамки кампании ограничивались помешательством режима на секретности, нежеланием обсуждать реальные параметры проблемы в печати, сосредоточенностью не на тех мишенях и великой заботой об имидже СССР за рубежом в первые годы «холодной войны».

Говорят, на закате Российской империи ее правительство одной рукой энергично пыталось искоренить взяточничество, другой рукой не менее энергично, хоть и неумышленно, культивируя условия, которые породили новое поколение взяточников³. То же самое можно было наблюдать в 1940-е, 1950-е, 1960-е гг. и далее. Даже когда режим неуклюже накидывался на взяточничество, одновременно он упрочивал условия, способствовавшие расцвету последнего.

Письмо, положившее начало кампании

3 мая 1946 г. П. И. Минин, член партии, работник Политического управления Бакинского военного округа, написал отчаянное письмо И. В. Сталину. Минин послал письмо в Особый сектор ЦК, вероятно, надеясь, что по этому каналу оно дойдет до самого Сталина. Он описывал «эпидемию» взяточничества и ее пагубные последствия⁴. Гневный и раздраженный тон письма, ныне хранящегося в архиве Министерства юстиции СССР, служит ярким выражением недовольства автора упадком социальных норм, формальных государственных механизмов и нравственности, имевшим, по его мнению, место во время и после Великой Отечественной войны. Письмо Минина в конечном счете было специально отобрано среди других, чтобы инициировать послевоенную «кампанию» против взяточничества.

Минин не касался бартера, обмена на теневом рынке «в интересах производства», блата и других типов неформальных отношений, распространенных среди руководителей промышленных предприятий и колхозов, которые всеми силами старались раздобыть нужные материалы и выполнить амбициозные планы. Он обращал внимание на повседневные поборы, на то, что бюрократы принимают взятки от советских людей, пытающихся приобрести какие-либо дефицитные товары или услуги. От взяточничества, писал он, страдает население, которое еле сводит концы с концами, но вынуждено иметь дело с государственными функционерами, требующими за необходимые услуги плату.

Из-за военной разрухи, пишет Минин, «взятки сейчас становятся весьма распространенным явлением». С 1943–1944 гг., по его словам, наблюдается расцвет подобного рода преступлений среди государственных бюрократов, многие из которых чрезвычайно обнаглели. Взятки «берутся и даются людьми самых различных профессий и в самых различных формах». Сосредоточившись на вездесущности взятки в повседневной жизни, Минин сетует, что почтальонам нужно «вознаграждение» за доставку писем и телеграмм, а если не заплатить, то корреспонденция будет «затеряна» или доставлена с большой задержкой. Монтеры не желают без платы подключать газ и воду. Железнодорожники требуют с пассажиров «мзду» за проезд или провоз багажа. Преподаватели вузов берут взятки за прием в институты или допуск студентов к экзаменам. В целом, подытоживает Минин, взяточничество «стало серьезным злом и опасностью, с которыми нужно повести решительную борьбу».

Автор письма особо заостряет внимание на том, в каких пугающих масштабах местные представители власти смотрят на взяточничество сквозь пальцы или сами в нем активно участвуют: «К сожалению, взяткой не брезгают и отдельные ответственные работники, причем здесь она чаще всего принимает форму подарков, подношений как натурой, так и деньгами». (Минин – естественно, в явно отрицательном значении – употребляет слово «подношения», указывающее на традиционную практику дарения чиновникам.) Согласно его критическим наблюдениям, должностные лица полагали, что «подарок» в обмен на услугу – это все-таки не взятка и волноваться тут не о чем. С точки зрения Минина, подобная снисходительность была опасным признаком, свидетельствующим, что госслужащие притерпелись к позору, который должен ассоциироваться со взяточничеством. Суд и прокуратура, так же как Минин, часто характеризовали взяточничество как «эпидемию», приравнивая его к заразной болезни. Однако с данной болезнью многие ответработники не считали нужным бороться⁵.

По мнению Минина, в совокупности эти два фактора – «эпидемический» характер взяточничества и высокая степень терпимости к нему среди ответственных работников и общества в целом – создали очень опасную ситуацию. Он признавал, что необходимые социальный контроль и внутренняя дисциплина по большей части отсутствовали. Взяточники и взяточдатели не чувствовали стыда. Даже свидетели-очевидцы не испытывали нравственного возмущения по поводу таких преступлений и потому, охваченные апатией, не сообщали о них. Собственно, в документах правоохранительных органов то и дело находишь подтверждения «заговоров молчания» (или «круговой поруки»), о которых с тревогой писал Минин. Группы людей в судах, магазинах, жилуправлениях и других учреждениях образо-

ывали преступные коллективы, где все члены защищали друг друга. Если бы хоть один человек в учреждении информировал власти о преступной группе, вместо того чтобы не обращать на нее внимания (или даже участвовать в ней), группу можно было бы развалить.

Указав на деморализующий эффект необходимости давать взятки, Минин утверждает, что взяточничество наносит и более страшный ущерб: «Взятки развращают и дающего и берущего, они разлагающе действуют на работу государственных учреждений и предприятий, они являются серьезным тормозом в нашем строительстве, взятки вызывают законное недовольство, возмущение среди трудящихся масс». Незаконные сделки между должностными лицами и просителями имели тяжкие последствия как для режима, так и для отношения населения к государству. По мнению Минина, тот факт, что берущие взятки ответственные работники редко привлекались к ответственности, пробуждал враждебность к государству и вызывал отчуждение между властью и населением. Бездействие судов, по его словам, порождало чувство безнаказанности среди коррумпированных должностных лиц. Последние были уверены, что их не поймут, а если и поймут, то не накажут. Минин приводит в пример дело группы бакинских врачей, которое рассматривалось в марте 1946 г. Прокуратура обвиняла их в получении взяток за освобождение от военной службы. Одного больничного бухгалтера судили за то, что он таким образом набрал целых 1,5 млн руб. Жители Баку, пишет Минин, которых широкое распространение коррупции сделало циниками, предсказывали, что ничего этому бухгалтеру не будет: «Ну, присудят ему расстрел, затем расстрел заменят десятью годами заключения, а затем при помощи денег и знакомств через два-три года выйдет на свободу». И действительно, суд приговорил бухгалтера к высшей мере, но потом смягчил приговор до 10 лет заключения (удалось ли осужденному освободиться «через два-три года», неизвестно).

Хотя статистика преступности в сталинские времена не публиковалась, секретные доклады, находящиеся в архивах Министерства юстиции, дают понять, что во все годы позднего сталинизма правоохранительные органы не слишком часто арестовывали людей за взяточничество. Материалы эти также показывают, что в большинстве случаев взяточничество оставалось неразоблаченным и безнаказанным, а правовые ведомства хорошо об этом знали⁶. Наибольшее количество осужденных за взяточничество за год в период 1937–1956 гг. составляло около 5 600 чел. (в 1947 г.). Такое малое число намекает на значительную разницу между реальными масштабами взяточничества и отражением данного явления в статистике⁷.

Не совсем понятно, почему именно письмо П. И. Минина привлекло особое внимание и в конечном счете вдохновило кампанию

против взяточничества. Письмо представляло собой идеалистическую попытку мобилизовать энергию и ресурсы государства на борьбу с тем, что его автор считал тяжким преступлением и моральным злом⁸. Конечно, Минин не первый обращался к партийному руководству с подобными заявлениями; с 1943 г. прокуратура и Министерство юстиции докладывали о росте числа дел о взяточничестве. Наверняка нарисованная с искренней болью картина проникновения взяточничества во все слои общества, даже в ряды членов партии, заинтересовала кого-то из партийной верхушки. Скорее всего, нашли отклик опасения Минина, что разнузданное взяточничество может поставить под вопрос легитимность государства. Не кто иной, как секретарь ЦК А. А. Жданов, ведавший идеологическими вопросами в Управлении пропаганды и агитации ЦК, потребовал от глав правоохранительных учреждений ответить на обвинения Минина⁹.

Несомненно, Жданов учел положение автора письма как высокопоставленного партийца в Бакинском военном округе. Письмо было подписано («с комприветом – Минин»), в отличие от бесчисленных анонимных доносов, которые каждый месяц потоком шли в центральные ведомства и с большим трудом поддавались проверке перегруженных органов партийного контроля. Поскольку Минин не упоминал конкретных имен, описывая явление в общем, это, возможно, убедило Жданова, что он руководствовался не личными обидами – обычной причиной ложных или преувеличенных обвинений в коррупции (либо другой преступной деятельности) после войны¹⁰. Очевидно, письмо также в конце концов привлекло внимание Сталина, без чьего разрешения подобная кампания почти наверняка не могла проводиться, судя по тому, что мы знаем о послевоенной сталинской политической системе¹¹.

Внутренние дискуссии, порой весьма острые, которые сопровождали «борьбу со взяточничеством», развернутую в 1946 г., позволяют увидеть многие аспекты политической и социальной жизни в эпоху позднего сталинизма, в том числе причины процветания неформальных практик; официальное отношение ко взяточничеству и порождаемые им конфликты среди руководителей правоохранительных ведомств; нежелание государственных деятелей прибегать к агрессивным мерам для решения проблемы. Эти дискуссии также проливают свет на то, как формулировалась и начиналась послевоенная кампания, как ведомственные интересы определяли параметры кампании и почему ее результаты оказались неудовлетворительными¹².

ЦК поставил органам суда и прокуратуры задачу изучить причины взяточничества и повести кампанию против него. Это имело смысл, поскольку данные органы активно занимались расследованием и преследованием всех криминальных случаев. Однако взяточ-

ничество в непропорциональных масштабах заражало и сами правоохранительные ведомства. Как мы видели, суды могли предоставить крайне ценную в период позднего сталинизма вещь – смягчение наказания, включая освобождение из тюрьмы. Отдельные судьи, прокуроры, прочие работники правоохранительных ведомств неплохо зарабатывали, незаконно оказывая подобные услуги. Поэтому суд и прокуратура находились в центре антикоррупционных кампаний, в неудобном, двойственном положении – и как ключевые институты проведения кампании, и как одна из ее главных мишеней.

«Последняя карта контрреволюции!»:

Борьба со взяточничеством во время нэпа

Послевоенная кампания – не первое координируемое государством наступление на взяточничество в советскую эпоху. В первые послереволюционные годы стремление большевиков очистить общество нашло выражение в длинных сериях судебных процессов, которые достигли пика в 1922–1923 гг. Пока красноармейцы дрались с белыми в гражданскую войну (1917–1921), большевики всячески обличали еще одного противника – чиновника-взяточника. При развертывании ожесточенной кампании против взяточничества официальные инструкции типичным для тех лет военным языком объявили «открытие нового фронта – взятки»¹³. Но дело продвигалось туго. На четвертом году советской власти Ленин все еще клеймил взяточничество как одного из «трех главных врагов революции» (наряду с безграмотностью и «комчванством» партийных работников)¹⁴.

Взяточничество, по-видимому, действительно переживало в начале 1920-х гг. нечто вроде ренессанса. После победы красных в гражданской войне новая экономическая политика (нэп), провозглашенная в марте 1921 г., легализовала торговлю и установила право аренды государственной собственности в целях мелкого бизнеса. Финансовые отношения, складывавшиеся при нэпе между политическими и гражданскими акторами, мостили дорогу к незаконной плате должностным лицам. Большевистские руководители жаловались на слабую нравственность партийцев. Например, только за 1921 г. 17 тыс. чел. были исключены из партии за взяточничество, злоупотребление служебным положением, вымогательство и другие нарушения¹⁵.

В то же время революционный режим пошел в атаку на преступление, которое, по его мнению приобретало все более разрушительный характер, и развернул первую крупную кампанию против взяточничества. При нэпе появился «нэпман» – мерзавец-протокапиталист и

потенциальный соблазнитель партийных работников. Большинство так называемых нэпманов были частными предпринимателями, занимавшимися разного рода мелким бизнесом. Остальные выступали посредниками, ведя дела между государством и частными предприятиями, особенно в сферах кустарного производства, снабжения и торговли. Они столкнулись с обвинениями в том, что «подкупают» работников госаппарата, дабы гарантировать самим себе прибыль от устройства сделок.

Пылкая риторика, которую использовала партия, описывая такое «делачество» после революции, подчеркивала, что взяточничеством занимаются классовые враги, жаждущие похоронить социализм. Приказ, изданный ГПУ (преемником ЧК) 12 октября 1922 г., давал понять, что если при старом режиме широко распространенное взяточничество являлось «естественным» элементом загнивающей системы, то при советской власти подобные преступления ненормальны и совершаются лишь теми, кто намерен свергнуть новый социалистический строй: «Всем нам хорошо известно, каких размеров достигло взяточничество во всех областях хозяйственной жизни Республики... Мы должны отдать себе ясный отчет в том, что взятка имеет глубоко классовый характер, что она есть проявление мелкобуржуазной частнокапиталистической стихии, направленное против самих основ ныне существующего строя... Взятка противна всей сущности пролетарского государства, целиком направлена против него, является средством полнейшей дезорганизации государственного хозяйственного аппарата, переводом весьма солидных материальных ресурсов рабоче-крестьянской казны в “частный” карман спекулянтов»¹⁶. Следовательно, всю ответственность за уродливое явление взяточничества несут недобитые капиталисты, которые пользуются им как орудием развала социалистического хозяйства и государства.

Летом 1922 г., объявляя взяточничество чуть ли не повсеместным и клеймя его как гнусный пережиток прошлого, большевистское государство начало шумную, широко освещаемую в печати кампанию по его искоренению¹⁷. 24 августа Политбюро создало комиссию по расследованию дел партийцев, которые брали взятки либо участвовали в сокрытии этого преступления¹⁸. Вместе с тем наркоматы и другие крупные ведомства организовали собственные комитеты по борьбе со взяточничеством. Руководители ГПУ рьяно приступили к делу, даже призвав на помощь ушедших в отставку агентов ЧК¹⁹. В рамках расследований ГПУ создавало сети тайных осведомителей с целью выявления взяточничества в государственных учреждениях. Первоначально задействованные в разоблачении политических противников режима осведомители органов безопасности получили расширенное задание – искоренять экономическую преступ-

ность. Закрытые ящики для подписанных жалоб помещались на самом видном месте в зданиях учреждений, привлечших внимание следователей, на железнодорожных станциях и в других публичных местах (анонимные доносы надлежало игнорировать). На ящики наклеивали этикетки с надписью: «Прием жалоб на взяточничество должностных лиц отдела управления, милиции, уголовного розыска и коммунального отдела»²⁰. ГПУ старалось пробудить гнев на коррумпированных работников²¹.

Вершиной кампании стала череда публичных процессов, продолжавшаяся с октября 1922 г. по февраль 1923 г.²² Наркомат юстиции велел всем судам страны с 10 октября по 10 ноября 1922 г. отложить все прочие дела и сосредоточиться исключительно на делах о взяточничестве. Наркомат непосредственно руководил разбирательствами, следя, чтобы они были короткими и не отклонялись от главного. Процессы проводились в зданиях театров, рабочих клубов, профсоюзных аудиториях и, говорят, собирали очень много публики²³. Осужденных отправляли в самый суровый исправительно-трудовой лагерь страны, под Архангельск. Журналисты играли самую активную роль, описывая читателям драматические сцены, разыгрывавшиеся перед ними во время дачи показаний. Местная печать помещала на своих страницах колоритные очерки, которые клеймили позором изобличенных взяточников и служили предостережением остальным. Газеты публиковали хлесткие лозунги, подчеркивая, что взяточничество есть оружие буржуазных врагов революции, а обвиняемые – гнусные твари. «Взятка – последняя карта контрреволюции. Она во что бы то ни стало должна быть бита!» – кричали они. И адресовали продажному бюрократу лаконичные рифмованные строчки: «Ты скажи-ка, гадина, сколько тебе дадено?»²⁴ Типичная листовка, распространявшаяся в 1923 г. в Благовещенске, призывала людей сообщать о подозрениях насчет коррупции у них на работе: «Товарищи и граждане. Взятка – большое зло. Она разрушает наш молодой государственный организм, в корне подрывает авторитет советских учреждений. Взятничество – это нарыв на шее трудящихся. Если это зло могло равнодушно переносить и проходить молча мимо него монархическое правительство, то это не может и не должно иметь места в стране, где власть принадлежит рабочим и крестьянам»²⁵.

Согласно советским источникам, кампания 1922–1923 гг. нанесла взяточничеству серьезный удар. По словам одного автора, «к концу 1923 г. со взяточничеством как массовым явлением было в основном покончено»²⁶. Юридическая периодика и Большая советская энциклопедия повторили этот вывод²⁷. Однако опубликованная статистика неполна. Нет оснований думать, будто

взяточничество и вправду пошло на спад. На деле милицейские данные, которые в то время не публиковались, показывают рост числа арестов в течение 1920-х гг.; к 1926 г. аресты за взяточничество снова достигли тех масштабов, которые имели до кампании²⁸.

* * *

Первая кампания режима против взяточничества, предпринятая в 1920-х гг., стала первым же свидетельством того, что усилия партии направлялись не на те причины. Основанные на классовом принципе представления режима времен нэпа (капитализм есть корень всех зол, а в данном конкретном случае – всякой коррупции) упускали из виду тот факт, что в России (как и в других странах) бюрократы, не имеющие связей с бизнесом, веками наживались на сделках с местным населением («кормились от него»). Как показывают процессы и антикоррупционные меры описанного периода, партийное руководство видело в коррупции «остатки капитализма», а не проблему, которая коренилась во власти, дефиците, неуважении к закону, устоявшейся бюрократической практике, недостаточных окладах, алчности и благоприятных возможностях, имея сильные структурные аспекты. Такое мировоззрение делало попытки уничтожить традиционные формы обмена между гражданами и должностными лицами все более лихорадочными, с налетом отчаяния. Мысль, будто взяточничество исчезнет вместе с последними пережитками капитализма, видимо, мешала его обуздать, фокусируя чрезмерное внимание на подрывной деятельности «классовых врагов».

Взгляд со стороны государства: Риски хронической коррупции

Беспокойство из-за взяточничества в советских правоохранительных и партийных органах всесоюзного уровня резко возросло примерно с середины 1943 г. и не ослабело на следующий год²⁹. Озабоченность режима нарушениями со стороны собственных представителей в тот период объяснялась несколькими факторами, включая послевоенные кризисы производства и распределения, идеологию, ставившую во главу угла охрану «социалистической собственности», и особую роль советского функционера как связующего звена между режимом и населением.

Ленин обличал взяточничество как гнусное преступление еще в 1918 г. Но он полагал, что это преступление присуще капитализму и, следовательно, исчезнет в ходе социалистического строительства.

Представление о взяточничестве как «родимом пятне капитализма» пережило войну³⁰. Спустя более 30 лет после революции юристы-практики и ученые продолжали именовать преступления позорными остатками капиталистического прошлого. Согласно официальному нарративу, хотя преступления в Советском Союзе изживались, преступность еще существовала, поскольку, несмотря на ликвидацию эксплуататорских классов, буржуазное «окружение», его «идеология», взгляды, привычки пока не были полностью искоренены. Пресловутые развращенные нравы царской бюрократии якобы заразили советских функционеров, преодолев революционный рубеж. Тень «чуждого» образа мыслей продолжала витать над некоторыми государственными работниками. С этой точки зрения, взяточничество представляло собой редкий, отмирающий пережиток идеологии частного капитала, характерный лишь для небольшой горстки «наиболее отсталых», корыстных советских граждан³¹. Считалось, что коррупции неизбежно придет конец в результате улучшения условий жизни и быстрого повышения «сознательности» и культурного уровня населения³².

Упорная живучесть взяточничества после великой победы над фашизмом представляла собой идеологическую дилемму, которая лежала в основе любых попыток борьбы с этим явлением. После того как революция привела к власти большевиков, сменилось уже целое поколение, и теперь существование взяточничества становилось пятном на тщательно выстраиваемом образе Советского Союза за рубежом. Любой намек на то, что взяточничество продолжает играть важную роль в советской жизни, повредил бы имиджу новой сверхдержавы, стремившейся служить всему миру экономическим и моральным образцом. Новоиспеченные социалистические «народные демократии» Восточной Европы и страны «третьего мира», которые СССР старался убедить присоединиться к социалистическому лагерю, могли усмотреть в коррупции (а также других преступлениях и негативных социальных явлениях) большой изъян социалистической перспективы. В пропагандистской войне с США и Западной Европой коррупция могла подпортить официальную саморепрезентацию Советского Союза. Фактически превалировало мнение, что советские действия на европейском фронте на время убрали старательно охранявшуюся стену между капитализмом и советским социализмом и в СССР с Запада проникли опасные идеологические влияния. Говоря словами историка А. М. Некрича, «война разорвала границы, сломала заслоны, надежно оберегавшие души советских людей от “инфекции капиталистической заразы”»³³.

Действительно возникли опасения, что коррупция в государственных учреждениях способна подточить легитимность государственных институтов и самой партии в глазах населения. Советские правоведы в теории проводили различие между *государством* и его *представителями*. Закон являлся орудием государства; он не предназначался для защиты индивидов от государства или его политики, поскольку в социалистическом обществе государство по определению служило интересам всего советского народа. Зато закон гарантировал гражданам защиту от злоупотреблений отдельных государственных представителей³⁴. Но, как поняли советские руководители, рядовые граждане далеко не всегда видели эту разницу и частенько считали коррумпированного местного ответственного работника лицом самого государства. Народное возмущение отдельными бюрократами могло перерасти в сомнение в государственной власти. Если люди будут думать, что партия смотрит на взяточничество сквозь пальцы, подчеркивалось в письме Минина, это грозит вызвать среди населения значительное недовольство и утрату веры в советскую власть. Кроме того, коррупция угрожала монополии режима на распределение и производство, а заодно – образу режима как «патерналистского государства», адекватно обеспечивающего каждого индивида (идеала, на котором, по словам Катрин Вердери, зиждилась легитимность коммунистических режимов)³⁵.

В первые послевоенные годы партийное руководство стремилось вернуть контроль над собственными государственными функционерами. Как указывают Джон Барбер и Марк Харрисон, во многих областях экономики и управления военного времени государство уступило власть местному начальству, которое предположительно лучше разбиралось в ситуации на местах³⁶. Люди в городах и селах Советского Союза всячески ловчили, дабы обойти произвольные либо репрессивные законы и правила или минимизировать их действие. Временное ослабление строгого партийного надзора за экономикой и социальной жизнью пробудило ожидания либерализации после принесенных в войну жертв. Но партийные руководители, едва приступив к восстановлению страны, тут же постарались вновь подчинить себе бюрократию, экономику, суды и социальную инфраструктуру, включая колхозы, жилье, торговые и распределительные сети³⁷. Партия добивалась возвращения практического контроля над институтами и идеологического – над духовной и политической жизнью госаппаратчиков; возрождения и укрепления политической лояльности и нравственного мира «нового советского человека». Борьба со взяточничеством была задумана как важный шаг в этом направлении.

Непреодолимая одержимость режима стремлением пресечь широко распространенные хищения государственной собственности тоже способствовала повышенному вниманию ко взяточничеству, поскольку кражи нередко сопровождались раздачей направо и налево взяток. Вороватые работники, понимали следователи, частенько «подмазывали» ревизоров, инспекторов, администраторов, дабы облегчить, а потом прикрыть расхищение государственных ресурсов. После войны забота о «защите государственной собственности», подхлестнутая голодом 1946–1947 гг., достигла новых высот и вылилась в указ от 4 июня 1947 г. Защита госсобственности занимает в сталинской идеологии центральное место. Конституция СССР 1936 г. гласила: «Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя». Приказ Министерства юстиции, Министерства внутренних дел и Генеральной прокуратуры СССР от 15 июля 1946 г. предупреждал: «Взяточничество во всех его видах развращает работников государственного и хозяйственного аппарата... способствует расхищению и разбазариванию социалистической собственности и всякого рода беззаконию»³⁸.

Прокуратура в служебных докладах поздних сталинских лет, сетуя на коварную природу взятки, заходила еще дальше. Аппарат, падкий на взятки, говорилось в докладах, это фактически путь к анархии, так как слабовольные «купленные» госслужащие утратят бдительность, не станут придерживаться социальных норм и тем самым откроют дверь преступности и хаосу. Когда совесть морально слабого работника можно купить, последствия бывают тяжелые. Бюрократы-взяточники способны даже помогать врагам советской власти, ослабляя национальную безопасность. В том же духе прокуратура упрекала местных прокуроров и судей за недооценку «социальной опасности» взяточничества³⁹. Во-первых, работники морально развращаются, а во-вторых, когда государство грабят, это «вредит» его интересам. Подобная риторика, подтверждавшая *как* опасность коррупции для общественного устройства, *так и* ее вред для государственных интересов, заполонила и публичный дискурс, и внутриведомственные дискуссии⁴⁰.

В частном письме от 8 марта 1948 г. генеральный прокурор СССР Сафонов выражал праведное негодование по адресу сотрудника-взяточника. Сафонову сообщили, что прокурор по фамилии Толчеев взял три взятки – в общей сложности 20 тыс. руб. «Если везде так идет проверка [кадров], – изливал свой гнев Сафонов, – то я представляю, сколько у нас людей страдают и страдает государство от всех тех, кто хочет за счет пота и крови миллионов трудящихся набить свои карманы и строить свое благополучие»⁴¹.

Взгляд со стороны правоохранительных ведомств

С точки зрения режима, одним из самых простых (но и самых неприятных) вопросов был: «Как может коррупция до сих пор существовать в социалистическом СССР?» Минин в своем возмущенном письме 1946 г. не говорил о возможных причинах столь широкого распространения взяточничества. Но партийные идеологи и специалисты-юристы, которых попросили отреагировать на острые замечания Минина, наверняка предлагали свои варианты.

Как мы видели, идеологи нашли одну главную причину живучести коррупции. Они винили в нежелательных социальных явлениях пережитки дореволюционного мышления, задержавшиеся в сознании некоторых людей. Подобное сознание, по их словам, сохранили ленивые и эгоистичные «паразиты». Честно трудиться они не желают; немногочисленные взяточники – это алчные люди, которые жаждут комфорта и праздности за счет интересов государства и своих сограждан. Пресса, освещавшая взяточничество довольно скупой, отражала данную точку зрения, подчеркивая, что начальники плохо подбирают кадры⁴²: руководствуются не морально-политическими качествами человека, а дружескими чувствами или непроверенными рекомендациями. То есть, по официальному мнению, горстка «паршивых овец» исповедовала дискредитированную мораль прошлого. Понятно, однако, что в 1940-х гг. почти все коррумпированные работники, многие из которых состояли в партии, бесспорно являлись продуктами советской системы⁴³.

Совсем иной набор объяснений взяточничества приводился в служебных докладах и переписке между самими работниками правоохранительных органов. Пытаясь найти причины коррупции среди собственных кадров, руководство прокурорских и судебных ведомств, как правило, обращало внимание на проблемы подготовки и профессиональной этики, уважения к закону, плохой оплаты, сложных условий труда и статуса. Абстрактные понятия вроде «капиталистического сознания» в ведомственных документах редко появлялись.

В качестве главной причины неистребимости должностных злоупотреблений представители правовой системы приводили низкий уровень образования кадров. При недостаточном обучении и неудовлетворительном надзоре на рабочем месте работники не усваивали нравов, необходимых для обслуживания советской общественности. Если говорить конкретнее о судьях, то здесь действовал целый ряд факторов. По окончании войны судьи, так же как специалисты многих отраслей экономики и управления, были неопытны и плохо подготовлены⁴⁴. В военное время из-за призыва в армию, смертей, ранений, болезней, перемещения персонала имела место чудовищ-

ная текучка кадров, как указывал в письме Сталину министр юстиции Н. М. Рычков. К концу войны большинство судебных работников составляли новички, зачастую довольно молодые, не имеющие ни юридической подготовки, ни развитой профессиональной этики⁴⁵. Во многих местах «пришлось на пустом месте заново строить весь судебный аппарат». Так случилось на Украине, в Белоруссии, Литве, Латвии, Эстонии, Молдавии, Карело-Финской ССР и на территориях РСФСР, побывавших в оккупации. Даже в 1948 г. судей с высшим юридическим образованием насчитывалось всего 10 %⁴⁶. Постановление ЦК «О расширении и улучшении юридического образования в стране», вышедшее 5 октября 1946 г., призывало подготовить новую когорту юристов, давая им среднее и высшее юридическое образование⁴⁷. При ряде учебных заведений начали открываться курсы по подготовке новых судей и повышению квалификации уже работающих.

В августе 1948 г. генеральный прокурор Сафонов тоже поднял тему неподготовленных работников в письме Молотову. Он назвал низкую квалификацию следователей прокуратуры одной из причин того, что многие дела, ведущиеся следователями, не имеют достаточной доказательной базы и в итоге возвращаются на исследование либо заканчиваются оправданием обвиняемых⁴⁸. Снижение квалификации, по словам Сафонова, произошло из-за массового ухода следователей на фронт во время войны. На смену им пришла неопытная молодежь. Подавляющее большинство новичков закончило разве что трехмесячные юридические курсы. По состоянию на август 1948 г., писал Сафонов, 75 % из 7 855 следователей имели менее чем трехлетний опыт работы, а 35 % проработали меньше года. Он находил, что в Советском Союзе дела в этом смысле обстоят не только хуже, чем при царизме, но и хуже, чем в США, Франции, Испании, Голландии, Латвии, даже Бразилии.

Платили работникам правоохранительных органов и во время, и после войны очень мало, что делало их более падкими на «левые» деньги⁴⁹. Заместитель министра юстиции докладывал, что средний оклад московских судей составлял около 960 руб. в месяц. Судебные секретари получали 400–600 руб. Такая зарплата оказывалась тем более недостаточной, учитывая дороговизну жизни в Москве⁵⁰. Она не могла ни привлечь, ни удержать высококвалифицированные кадры. Согласно настойчивым письмам, которые министр юстиции в течение 1948 г. рассылал Сталину, Швернику и Молотову, намертво застрявшие на низком уровне оклады провоцировали огромную текучку судей: в 1947 г. почти каждый пятый судья покинул правоохранительную систему. Из провинциальных судов и прокуратур многие уходили на лучше оплачиваемые должности в промышлен-

ной администрации и других бюрократических аппаратах. В конце 1948 г. министр юстиции просил Сталина повысить оклады судебных работников в среднем на 47 %⁵¹. Просьбы о повышении окладов не прекращались на протяжении всего сталинского периода.

Внимание представителей правовой системы привлек еще один сопутствующий фактор, ответственный за слабость профессионального этоса среди судей и прокуроров, – ощущение низкого профессионального статуса⁵². Одно из предлагаемых решений заключалось в том, чтобы давать юристам за выслугу лет награды, которые принесут им уважение населения (и предположительно повысят их самоуважение). В 1945–1948 гг. прокуратура и Министерство юстиции неоднократно рекомендовали награждать работников суда и прокуратуры за долгую беспорочную службу медалями и орденами по образцу тех, которыми награждались офицеры в армии и НКВД. Человек, проработавший в прокуратуре 10 лет, считали они, должен получать медаль «За трудовые заслуги», после 20 лет работы – орден Трудового Красного Знамени, а после 25 лет – орден Ленина. Руководители правоохранительных ведомств ратовали также за введение формы для сотрудников⁵³. Уже в 1945 г. было составлено подробное описание предполагаемой судейской формы⁵⁴. При помощи этих жестов думали удержать на работе квалифицированных сотрудников и внушить им чувство профессиональной гордости, когда борьба с коррупцией стала приобретать первоочередное значение⁵⁵. Введение вышеназванных наград и особой одежды представляло собой экономичный способ компенсации кадрам, которым государство не желало повышать зарплату. Так что подобные предложения можно расценивать как антикоррупционные меры для бедных.

Комиссия, созданная прокуратурой для расследования причин, по которым ее сотрудники принимают незаконные подарки, изучала также причины живучести этого явления. Хотя доклад комиссии составлен в 1947–1948 гг., его выводы можно применить ко всему периоду позднего сталинизма. И несмотря на то, что комиссия сосредоточила внимание на самой прокуратуре, ее наблюдения полезны и для понимания причин коррупции среди других государственных служащих. Комиссия отмечала, что работники прокуратуры нередко имели минимальную этическую подготовку. Новые (и не только новые) кадры слишком часто не понимали, что такое конфликт интересов, который запрещает принимать «подарки» от просителей⁵⁶. В сущности, сколько ни увещевало государство, что госслужащим надлежит использовать свою должность только для служения общественному благу, многие люди не видели четкой разницы между общественной и частной жизнью. Дарителю вознаграждение государственного должностного лица за хорошо сделанную работу могло казаться эквива-

лентом подарка другу. Многие должностные лица, со своей стороны, ожидали таких знаков благодарности и не видели проблемы в том, чтобы их принять. Прочной и строгой границы между *должностным лицом* и *должностью* попросту не существовало. В докладе комиссии говорилось, что бороться с такими неправильными представлениями следует, в частности, путем публикации статей, посвященных утверждению понятия профессиональной порядочности, в ежемесячном журнале прокуратуры «Социалистическая законность». Статьи должны разъяснять такие простые вещи, как, например, обязанность отказываться от дел, в которых замешаны друзья или родные.

Комиссия прокуратуры высказалась еще на одну тему, поднимавшуюся также в докладах судебных ведомств, — о низком профессиональном статусе. Работникам прокуратуры, утверждала она, недоплачивают не только в абсолютных цифрах, но и относительно других специалистов. В результате после войны продолжилась текучка, особенно среди кадров с высшим образованием, как отметил генеральный прокурор Сафонов в письме Е. Е. Андрееву в административный отдел ЦК⁵⁷. В свете «высокого идейно-политического уровня» правоохранительных учреждений и их «служения интересам народа и государства», говорилось в докладе комиссии, тем более необходимо улучшать «нетерпимое» материальное положение персонала прокуратуры. Недостаток престижа, отражающийся в маленькой зарплате и отсутствии льгот, подталкивает работников к поиску нелегальных дополнительных доходов. Местные прокуратуры часто «попадают в прямую материальную зависимость от местных торговых и кооперативных организаций, вследствие чего создается почва для сращивания работников прокуратуры и суда с работниками указанных организаций». Особенно в провинции такие отношения основываются на «взаимных поблajках и услугах»⁵⁸. В этой мутной обстановке «дельцы», оперирующие на теневой стороне официальной экономики, оказывают услуги сотрудникам правоохранительных органов, меняя продовольствие или дефицитные изделия (а иногда и наличные деньги) на помощь в решении проблем с законом.

Вывод, сделанный отсюда комиссией прокуратуры, пожалуй, наиболее важен. Она заметила, что государство, конечно, может ужесточать наказания и процедуры, срамить правонарушителей в печати и на суде. Но, пока часть советского населения (включая служащих) чувствует себя ущемленной, испытывает недостаток в деньгах, продовольствии, справедливом правосудии, плохо оплачиваемые должностные лица будут продолжать требовать незаконную плату за свои услуги, а население — платить. В сущности, эта совокупность факторов: маленькие оклады и низкий статус должностных лиц; дефицит; рыхлая, непоследовательная и перегруженная правоохранительная

система; неразвитое правосознание; народное отчаяние и огромный неудовлетворенный спрос; традиции взаимообмена – представляла собой рецепт коррупции во многих сферах советской жизни.

Как раз на фоне военных и послевоенных кризисов весной 1946 г. Минин написал свое пылкое письмо Сталину, требуя принять меры против тех типов взяточничества, которые он наблюдал вокруг себя. И, как мы видели, горькие сетования Минина по сути находили подтверждение в докладах правоохранительных ведомств.

«Обыденное и бытовое»

В письме Сталину, жалуясь на разрушительные последствия широкого распространения взяточничества, которым он стал свидетелем, Минин утверждал, что только решительная всесоюзная кампания, в том числе новые строгие законы, может «искоренить взятки и все, что с ними связано». Он настаивал, что партия должна бросить на борьбу все возможные ресурсы государства и общественности. Краеугольным камнем борьбы Минин полагал или публичное постановление Совета министров, или суровый новый указ Верховного Совета.

Разумеется, правоохранительные органы, преследуя взяточничество, встречали ряд трудностей. Взятка не оставляет явных улик: ни недостатки фондов или продукции, ни подделанной бухгалтерской отчетности, ни пустой кассы. Пока одна из сторон не ополчится против другой, их соглашение почти всегда остается в тайне⁵⁹. Как правило, власти узнавали о подобных операциях, только если их участники оказывались недовольны результатом сделки, чувствуя, что «обмануты» или что «деньги пропали зря». В одном документе прокуратуры автор удивлялся наглым протестам взяткодателей, не получивших ожидаемого: «Невзирая на угрозу ответственности за дачу взятки, все же сообщали об этом в различные организации и требовали возвращения денег»⁶⁰. В других случаях кто-то из соучастников начинал паниковать либо испытывать внезапные угрызения совести. Источники говорят, что взятки, которые каким-то образом были раскрыты и стали известны властям и повлекли за собой судебное преследование, – лишь самая вершина айсберга. Как во всех обществах, большинство советских взяткодателей и взяткополучателей жили спокойно, не разоблаченные и не наказанные.

Наблюдения Минина сильно взволновали по крайней мере одного партийного деятеля. 15 мая 1946 г. А. А. Жданов передал копии письма Минина в Министерство юстиции СССР и Верховный Совет СССР. Жданов потребовал немедленных действий от важнейших

правоохранительных ведомств страны. В качестве секретаря ЦК он попросил их руководителей ответить на письмо Минина, в том числе «сообщить свое мнение и как они оценивают положение со взяточничеством»⁶¹. Поскольку запрос делал Жданов, значит, инициатива исходила от партийной верхушки, а не от самих этих ведомств⁶².

Ведомства поспешили откликнуться на просьбу Жданова. Однако, что примечательнее всего, реакция их со временем становилась все сдержаннее и сдержаннее. Поначалу они соглашались с меткими наблюдениями Минина, подтверждая, что взяточничество на всех уровнях советского общества и в самой партии представляет большую проблему, которая требует немедленного и пристального внимания – в том числе новых строгих законов. Но под конец предпочли (вместе с ЦК) не признавать тяжесть проблемы ни публично, ни в доступной нам частной корреспонденции, преуменьшая ее последствия и отказываясь принимать серьезные меры.

* * *

Министр юстиции Рычков прислал Жданову свой первый отклик на колкие замечания Минина 23 мая 1946 г.⁶³ Рычков соглашался, что Минин по большей части прав. «Хотя автор письма, быть может, чересчур обобщает факты взяточничества... взяточничество в последнее время, особенно за период войны, безусловно приобрело распространенный характер», – подтверждал он. И признавался: «Несомненно также, что борьба с этим злом ведется чрезвычайно слабо». В отдельном письме секретарю ЦК Н. С. Патоличеву Рычков повторил некоторые жалобы Минина, назвав критику с его стороны «совершенно правильной». «В ряде организаций, – констатировал он, – преимущественно связанных с обслуживанием населения, а также со снабжением (ж. д. транспорт, жилищные органы, домоуправления, базы снабжения продовольственными и промышленными товарами и т. п.), взяточничество стало почти обыденным, бытовым явлением»⁶⁴.

Столь откровенная оценка взяточничества как «почти обыденного, бытового явления» поистине поразительна. Рычков пошел дальше, справедливо указав на сотрудников самой правоохранительной системы: «Даже органы суда, прокуратуры и милиции нередко оказываются зараженными взяточничеством». Здесь используется мининская метафора коррупции как заразной болезни: взяточничество, по словам Рыčkова, «заражает» те самые органы, которые призваны его искоренять. Впрочем, и работники правовой системы, и партийные контролеры говорили о взяточничестве как о симптоме опасной разновидности морального разложения, которая, как и прочие формы порока, считалась чрезвычайно заразной. Коррумпированные

служащие, по их представлениям, заражали других слабохарактерных людей, склоняя их к преступной деятельности.

Рычков утверждал также, что борьба со взяточничеством требует «преодоления примиренческого отношения членов партии к этому позорному явлению»⁶⁵: многие партийцы, зная примеры взяточничества, молчат, вместо того чтобы сообщить о преступлении властям⁶⁶. По словам Рыčkова, партия, комсомол и профсоюзы не справились с воспитательной работой, необходимой, дабы изменить столь снисходительное отношение. Бывают, писал он, даже случаи, когда руководящие партийные работники бросаются на защиту коллег-взяточников: «С таким примиренческим отношением к взяточникам и пассивностью партийных организаций и членов партии в деле борьбы со взяточничеством необходимо покончить». В целях борьбы с этим примиренчеством в партии министр юстиции призывал ЦК издать постановление «о борьбе со взяточничеством», проект которого прилагал. Далее он называл одной из причин повсеместного взяточничества во время и после войны тот факт, что суды если и карают за него, то недостаточно строго. Сам Рычков несколько лет доказывал, что судьи плохо работают, не приговаривая к лишению свободы значительную часть осужденных⁶⁷.

И действительно, характерная черта послевоенных разбирательств — разница в наказании взяткодателей и взятополучателей. Как упоминалось в главе 3, статистика Министерства юстиции показывает, что в среднем наказания для взяткодателей во время войны стали существенно легче и тех, кто *предлагал* взятки, карали куда менее сурово, чем тех, кто *принимал*, хотя закон требовал наказывать взяткодателей строже⁶⁸. Согласно ряду источников, взяткодателям и посредникам зачастую вообще не предъявляли обвинений, даже если следствие устанавливало их личность⁶⁹. Можно сделать вывод, что судьи сочувствовали бедам простых людей, вынужденных незаконно платить за многое в военные и первые послевоенные годы. Наверное, судьи зачастую либо не считали дачу взятки преступлением, либо думали, что взяткодателя извиняют тяжелые обстоятельства.

Тем не менее из некоторой корпоративной солидарности, предвещавшей серьезные конфликты по поводу судьбы кампании, министр юстиции Рычков пытался где только можно снять вину с судебной системы. Основную долю ответственности он перекладывал на милицию и следователей прокуратуры, которые якобы плохо разыскивают виновных и расследуют их дела. Признавая возможную роль мягких приговоров, Рычков пользовался любым случаем подчеркнуть упущения органов прокуратуры и милиции: дескать, не находят достаточно доказательств и вообще ведут борьбу со взяточничеством очень слабо. Следователи прокуратуры собирают доказательства бес-

системно, а милиционеры не реагируют на сигналы от осведомителей и не производят необходимые аресты⁷⁰. Рычков признавал, что в делах о взяточничестве выявить виновных трудно, но настаивал, что преступников можно раскрыть при тщательном ведении следствия (прокуратурой) и хорошей агентурной работе (милиции). Действия прокуратуры с начала 1945 г. он расценивал как неэффективные⁷¹.

Смягчение риторики кампании

Реакция министра юстиции Рыčkова дает понять, что правоохранительные ведомства старались во что бы то ни стало защищать свои ведомственные интересы и охранять престиж партии и государства, даже если эти цели вступали в противоречие с серьезной кампанией против взяточничества⁷². Документы показывают растущее расхождение между острыми *приватными* обсуждениями причин и масштабов взяточничества (упомянутыми выше) в прокуратуре и Министерстве юстиции и *официальной риторикой*, которой они в конечном счете пользовались в публичных заявлениях. Многие объективные приватные замечания руководства – что местные прокуроры и судьи чересчур снисходительны к взяткам, особенно в собственных рядах; что некоторым недостает этичности и профессионализма; что им недоплачивают и тем самым соблазняют идти на незаконные сделки – несомненно, были верны. Следует, однако, отметить, что такие замечания не входили в лексикон борьбы со взяточничеством. Наоборот, риторика, сопровождавшая кампанию, тускнела, становясь жертвой самоцензуры и межведомственного соперничества.

6 июля 1946 г. канцелярия министра юстиции Рыčkова направила проекты ряда документов, намечавших основные принципы предлагаемой кампании против взяточничества, в канцелярию генерального прокурора К. П. Горшенина. В этих проектах резкий тон прежней переписки уже был смягчен. Ответ прокуратуры принял форму существенного редактирования документов, которое сильно выхолащивало их суть. Изучение нескольких подобных редакций позволяет нам реконструировать выражения, которые не устраивали руководителей прокуратуры и судебного ведомства. Сравнение отредактированных вариантов с оригиналами демонстрирует, какой подход эти руководители хотели (и не хотели) избрать в отношении щекотливых вопросов, связанных с проблемой взяточничества.

Один из документов, которые Министерство юстиции послало в прокуратуру на отзыв, – проект постановления ЦК «О борьбе со взяточничеством», датированный 4 июля 1946 г. В этом варианте есть довольно большие изменения содержания и акцентов по сравнению

с предыдущей перепиской между министерством и ЦК. «За последнее время, — начинается проект, — в Центральный Комитет ВКП(б) поступают многочисленные заявления, сигнализирующие о росте взяточничества. Используя трудности военного времени и послевоенного периода, преступные и морально неустойчивые элементы в государственном аппарате встали на путь получения и вымогательства взяток». То есть Министерство юстиции уже отошло от мысли, что взяточничество стало «почти обыденным, бытовым явлением» (как писал министр Жданову в мае). Теперь оно утверждало, что взятки берут лишь «преступные и морально неустойчивые элементы»⁷³.

Прокуратура принялась дальше править неприятные выражения в основополагающих документах кампании против взяточничества. Рычков в письме в ЦК характеризовал взяточничество как «разлагающее государственный аппарат, парализующее его нормальную работу и создающее почву для всевозможных беззаконий». В редакции прокуратуры эти широкие обобщения исчезли, а виновными в коррупции оказались немногие «паршивые овцы» — «отдельные работники государственных и общественных учреждений и организаций». Взрывоопасное замечание, что взяточничество «парализует» работу госаппарата, также вычеркнули. В другом месте редакторы из прокуратуры убрали фразу «количество лиц, привлекаемых к ответственности за получение и дачу взяток, незначительно», которая умаляла работу самой прокуратуры, подразумевая, что раскрывается лишь небольшая часть случаев взяточничества. Они также преуменьшили масштабы явления, заменив чересчур острое замечание об «эпидемическом» характере взяточничества банальными словами, что взяточничество «чуждо по природе советскому государству». Еще одно значительное изменение состояло в том, что прокуратура сделала главными виновниками работников низового звена, сместив тем самым акцент с членов партии и даже «ответственных лиц»⁷⁴. В окончательном варианте признавалось (но уже не подчеркивалось), что члены партии способствуют взяточничеству, — однако речь теперь шла в основном о пассивном попустительстве, а не активном участии.

И, пожалуй, самое удивительное: из окончательного варианта приказа, открывшего кампанию, очень удобно исчезло всякое упоминание о коррупции *внутри* самих правоохранительных органов. Хотя и Министерство юстиции, и прокуратура поначалу признавали, что взяточничество «заразило» их собственные кадры, в приказе об этом нет ни слова. Там отмечается, что взяточничество распространено «особенно на транспорте, в жилищных органах, на базах снабжения продовольственными и промышленными товарами и т. п.», но не говорится ни о прокуратуре, ни о милиции, ни о судах.

В этой эволюции базового документа кампании видно соперничество двух нарративов о причинах и масштабах взяточничества в послевоенные годы. В оригинальном нарративе, более точном и откровенном, взяточничество характеризуется как значительная (хотя нередко игнорируемая или терпимая) проблема, которая глубоко затронула государственный аппарат и экономику. К ней причастна вся партия, как и сами правоохранительные органы. В последней, вычищенной версии взяточничество не считается системным явлением: это преступление, совершаемое отдельными недостойными должностными лицами, которые в сравнительно редких случаях коррумпируются. Члены партии тут играют в худшем случае роль пассивных наблюдателей, но не участников. О правоохранительных органах, которые отнюдь не «загрязнены» взяточничеством, вообще речи нет. Получившийся после редактирования окончательный вариант подразумевает, что Минин в своем гневном и удрученном письме хоть и вскрыл немаловажное отдельное явление, но сильно преувеличил его масштабы и угрозу послевоенному советскому миру и легитимности партии.

Нужна ли публичная огласка?

Стремление многих политических деятелей преуменьшить (а по сути, скрыть) серьезность послевоенной коррупции проявилось также в дискуссии о том, нужен или нет государственный указ, призывающий усилить борьбу со взяточничеством. Внутренние дебаты в партийных и правоохранительных органах о путях решения проблемы касались и того, насколько следует предавать этот вопрос огласке. Указ был бы издан помимо действующего уголовного кодекса, но имел бы силу закона и получил бы самое широкое распространение. Такой указ с требованием более суровых наказаний, более строгого правоприменения и более активного участия в борьбе с преступлением средств массовой информации, напечатанный во всесоюзных и местных газетах, привлек бы гораздо больше внимания к кампании против взяток.

Государственный указ также заставил бы прокуроров требовать за взяточничество приговоров к более длительным (чем устанавливал уголовный кодекс) срокам лишения свободы, а судей – выносить их⁷⁵. В нем звучало бы предостережение о растущей угрозе коррупционного взаимодействия должностных лиц с рядовыми гражданами. Проект именно такого указа, датированный 4 июля 1946 г. (и, вероятно, разработанный в Министерстве внутренних дел), поступил к министру юстиции и председателю Верховного суда. Он предусма-

тривал значительное ужесточение наказаний за получение и дачу взяток. За получение взятки должностным лицом предполагался не менее чем пятилетний срок лишения свободы с конфискацией имущества. При особо отягчающих обстоятельствах получение взяток могло караться расстрелом. Дача взятки или посредничество влекли за собой не менее 3 лет лишения свободы с конфискацией имущества. Тем самым наказание за дачу взятки значительно ужесточалось: если раньше минимальный срок заключения по этой статье составлял 6 месяцев (а максимальный – 2 года), то теперь он увеличивался до 3, а то и 5 лет⁷⁶.

Однако в конце концов правоохранительные ведомства выступили против публикации специального указа, ужесточающего наказания. Министерство юстиции заявило, что в новом законе нет необходимости⁷⁷. Уголовный кодекс, утверждал Рычков, достаточно строг, устанавливая для любого лица, получившего взятку, минимальное наказание в виде 2 лет лишения свободы. Если речь идет о государственном должностном лице или имело место вымогательство, приговор может быть до 10 лет с конфискацией имущества⁷⁸. По мнению Рычкова, наказаниям, предусмотренным действующим УК, хватало суровости (правда, он свое заключение никак не обосновал).

* * *

Ответ Верховного суда на письмо Минина содержал иного рода возражения против предложения издать государственный указ. Адресованный в ЦК Жданову меморандум был написан председателем Верховного суда И. Т. Голяковым. Подобно руководителям прокуратуры и Министерства юстиции, Голяков утверждал, что действующих уголовных статей достаточно, чтобы справиться с волной взяточничества. Милиция, прокуратура и суды просто должны исполнять существующие законы «правильно, разумно и последовательно»⁷⁹.

Голяков категорически, хотя с явным оттенком самооправдания и довольно неубедительно, отвергал нарисованную Мининым картину повсеместной коррупции. По его словам, война вызвала у большинства людей «высокий подъем патриотизма, направленного на преодоление этих трудностей и победу над врагом», но в то же время, к несчастью, стала причиной «разложения среди малоустойчивых и корыстолюбивых элементов» населения. По мнению Голякова, Минин раздул проблему, изображая положение «в слишком мрачных красках, считая взяточничество в наше время крайне распространенным явлением, принимающим формы чуть ли не стихийного бедствия». Его заявление, будто «взятки берут все», Голяков находил преувеличенным и не заслуживающим доверия. Но Минин, конечно, никогда

не говорил, что взятки берут все. Он куда убедительнее доказывал, что проблема достаточно распространена, чтобы разложить многие учреждения и хозяйственные ведомства и вызвать законные претензии у советского общества. Необузданное взяточничество, предупреждал он, может угрожать авторитету режима в глазах населения.

Помимо уверений, что Минин исказил реальное положение дел, председатель Верховного суда выдвинул новый аргумент против издания указа с целью положить начало всесоюзному движению против взяточничества. Послание Минина, писал он, «звучит как клевета по адресу советского общества». Указ способен помешать – и даже повредить – режиму: «Издание и широкое обнародование такого акта может создать ложное, извращенное представление и у нас, и, в особенности, за границей о моральном облике советского общества и могло бы быть использовано враждебными элементами в антисоветских целях». Голякова тревожила вероятность опасной негативной реакции как советских граждан, так и «враждебных элементов» за пределами СССР.

Возражения Голякова против указа лишний раз подтверждают, что существование взяточничества представляло для режима идеологическую проблему. Советская идеология гласила, что коррупция является характерной чертой *капитализма* и *фашизма*. Государственный указ, порицающий неискоренимость взяточничества и призывающий к интенсивной войне с ним, равнялся признанию, что через тридцать лет после революции социализм все еще не проник в сознание и «мораль» советских людей так глубоко, как заявлял режим. Широкая распространенность взяточничества после благородной войны, уничтожившей нацизм, противоречила принципам режима⁸⁰. Раз уж он объявил, что это явление практически изжито в 1930-е гг., публичные сетования на возвращение взяточничества могли выглядеть признаком большого регресса. Голяков настаивал на секретности. Сталин (и другие партийные руководители), видимо, согласились.

Партийное руководство очень ревностно заботилось об авторитете СССР в мире и репутации советского эксперимента за рубежом. Голяков, например, в письме в ЦК от 3 июля 1945 г., жалуюсь на состояние здания Верховного суда, обветшалого и тесного, ввернул, что в нем будет неловко принимать делегации иностранных юристов: «Нельзя не учесть и того, что усиление международных связей СССР, вызывающее интерес за границей ко всем отраслям нашей деятельности, в том числе и судебной, может повлечь посещение Верховного суда со стороны иностранных судебных деятелей и ученых. При условиях, в которых Верховный суд находится в настоящее время, такие посещения могут произвести крайне неблагоприятное впечатление и причинить ущерб престижу Верховного суда за границей»⁸¹. Считая

себя примером для всего мира, режим не хотел, чтобы у иностранцев, хоть из Восточной Европы, хоть из «новых демократий», возникших в результате деколонизации в «третьем мире», советское государство ассоциировалось с коррупцией. После войны социальная, экономическая и политическая системы СССР оптом экспортировались в Восточную Европу. Не подумают ли там, что коррупцию им тоже экспортируют? Историки предполагают, что и амнистия узников Гулага в 1945 г., и указ 1947 г. об отмене смертной казни отчасти преследовали цель произвести впечатление на международную общественность⁸². На систему, в которой партия и защитники правосудия принимают взятки от деморализованного общества (или не преследуют берущих взятки должностных лиц), могли накинуться антисоветские пропагандисты на Западе.

В конце концов подобные соображения одержали верх. Ни указа Верховного Совета, ни постановления Совета министров так и не появилось. Вместо этого Министерство юстиции, прокуратура и Министерство внутренних дел издали совместный *внутренний* и *секретный* приказ, который сопровождался тоже внутренним и секретным постановлением ЦК⁸³.

Слабенькой вышла и «кампания» в печати, за которую ратовали партийные и правоохранительные органы. Одной из ключевых тем в обсуждениях была необходимость «мобилизации ответственности» на борьбу со взяточничеством при помощи прессы. Правоохранительные ведомства призывали помещать в газетах статьи о судах над взяточниками и вынесенных им суровых приговорах. Однако, вопреки обещаниям грандиозной кампании, результаты оказались мизерными⁸⁴. Министерство юстиции жаловалось, что за вторую половину 1946 г. в газетах по всей стране появилось всего 23 статьи о взяточничестве. Как показывает обзор печати, после первоначального резкого роста числа таких статей в центральных газетах объем этого материала в последние шесть месяцев 1946 г. быстро сократился. Видимо, ради защиты международной репутации страны в период 1945–1953 гг. вообще публиковалось очень мало статей, упоминавших дела о взяточничестве, как в обычных газетах, так и в специализированных юридических журналах⁸⁵. Кроме того, после 1946 г. карикатуры на взяточников-бюрократов исчезли со страниц популярных журналов вроде «Крокодила»⁸⁶.

«Вроде бесплатной бутылки спирта»:

Новая жизнь кампании?

Бюрократические препоны, мешавшие инициативам 1946 г., были на время сметены шокирующими арестами десятков судей (и дру-

гих работников) верховных и областных судов за взяточничество в 1948 г. (о чем будет подробно рассказано в главе 8). Этот скандал тут же вызвал новый, хоть и недолгий, внезапный порыв усилить санкции за взяточничество. Генеральный прокурор Сафонов и новый министр юстиции Горшенин 14 мая 1948 г. написали Сталину, предлагая ужесточить наказания и круто изменив прежнее мнение, будто взяточничество в стране не представляет серьезной проблемы. «Значительная распространенность взяточничества настоятельно требует усиления борьбы с этими преступлениями, в особенности со случаями взяточничества ответственных должностных лиц (судей, прокуроров, работников МВД, работников местных советских органов и т. д.)», — писал Сафонов. Он призывал принять всесоюзный закон, который обеспечил бы единообразие законодательства в республиках, где до тех пор предусматривались весьма разные приговоры. Кроме того, он сравнивал относительно мягкие наказания за взяточничество (при определенных обстоятельствах — всего год лишения свободы) с обязательным минимальным семилетним сроком за мелкие хищения государственной собственности⁸⁷. «Несмотря на значительное распространение такого опасного и нетерпимого в советском государстве явления, как взяточничество, борьба с этими преступлениями ведется крайне слабо», — вторил ему Горшенин, называя одной из причин этого слишком мягкие наказания⁸⁸. Прокуратура и Министерство юстиции составили проект указа, который требовал за получение взятки давать от 6 до 10 лет заключения при обычных обстоятельствах и от 10 до 15 лет при отягчающих (взяточничество ответственных должностных лиц, совершение преступления больше одного раза, наличие прежних судимостей за взяточничество). Для взяткодателей предусматривались от 2 до 5 лет лагерей или от 5 до 10 лет в случае рецидива⁸⁹.

Однако бюро Совета министров 12 мая 1949 г. отложило предложение 1948 г. в долгий ящик. Юридический консультант, изучавший предложение, в своем заключении заявил, что с ним нужно подождать, поскольку комиссия уже работает над новым уголовным кодексом, в который должны войти новые санкции⁹⁰. Позже история повторилась; подготовка существенно пересмотренной, долго обсуждавшейся редакции УК, вновь предполагавшей ужесточение наказаний за взяточничество, завершилась в 1952 г., но и этот проект не был проведен в жизнь до смерти Сталина⁹¹. Несмотря на ряд попыток внести в уголовный кодекс более строгие приговоры, в период позднего сталинизма законодательство не претерпело изменений.

С улучшением условий труда, толкавших судей, прокуроров и следователей на незаконные махинации, дело обстояло так же, как с ужесточением наказаний за взяточничество. В Москву продолжали

поступать рассказы очевидцев о тяжелом положении за пределами столицы. Анонимное письмо, адресованное председателю Совета министров и в ЦК, от человека, назвавшегося просто сельским прокурорским работником, наглядно свидетельствует, как трудно было плохо оплачиваемым следователям устоять перед взятками⁹². Автор письма жаловался, что даже малообразованным сотрудникам милиции два года назад повысили зарплату, а работники прокуратуры в районе по-прежнему прозябают на нищенских окладах. Такая ситуация, заявлял он, ведет к подрыву системы правосудия на местах. Она также вызывает текучку кадров в прокуратуре, поскольку ее работники могут найти места с более высокой зарплатой в МВД, местных советах и других учреждениях. «Какой я прокурор, – сокрушался он, – что получаю меньше всех и в материальном отношении во всем зависим. Не случайно еще в органах прокуратуры и суда очень квалифицированные юристы сами попадают на скамью подсудимых за взятки, ибо к этому приводит материальная сторона, и неслучайно серьезные преступники иногда остаются безнаказанными по линии органов правосудия потому, что влияет материальная сторона». Для борьбы с таким влиянием автор просил уравнивать оклады в прокуратуре и судах с окладами в милиции. Государство от этого «не понесет убытков, а только выиграет, а преступный элемент проиграет». Сафонов сделал на письме краткую пометку о том, что в принципе согласен с его содержанием.

Сафонов действительно в июле 1949 г. направил Сталину слезную мольбу утвердить повышение окладов работникам прокуратуры. В особенности вне крупных городов, указывал он, это в основном молодежь, не слишком квалифицированная и склонная принимать незаконные подарки. А органы прокуратуры могут приносить реальную пользу государству лишь в том случае, если они «независимы от местных влияний» и «неподкупны»⁹³. Из-за несоответствующей оплаты много квалифицированных людей в 1946–1948 гг. ушло из прокуратуры; за один только 1948 г. органы прокуратуры в стране лишились почти четверти работников⁹⁴.

В личной и весьма примечательной записке, написанной в тот же день, что и письмо Сталину (2 июля 1949 г.), Сафонов выражался еще откровеннее. «Я убедительно прошу вас, Лаврентий Павлович, поддержать нашу просьбу», – взывал он. Работники прокуратуры должны получать достаточно, чтобы политически правильно понимать свою работу и «противостоять местным влияниям и разного рода соблазнам, вроде бесплатной бутылки спирта или купленных в колхозах за бесценок продуктов»⁹⁵. Короче говоря, главный прокурор страны смело заявлял Сталину и Берии, что рядовых сотрудников

правоохранительной системы слишком легко подкупить бутылкой спирта или дешевыми продуктами.

Не только прокуратура была тревогу по поводу недостаточной оплаты. Судебные власти в 1952 г. все еще просили повысить оклады местным судьям, а значит, по крайней мере одна из коренных причин взяточничества, по их мнению, так и не была устранена. Судьи и другие судебные работники по-прежнему связывали проблему взяточничества с маленькой зарплатой, недостатком подготовки и статуса, плохим образованием (извечной бедой местной администрации). Автор анонимного письма Молотову от 10 июля 1952 г., подписавшийся «народный судья сельского района с Урала», сетовал на низкий престиж, совершенно недостойные оклады и чрезвычайно тяжелое материальное положение работников судебных органов⁹⁶. Этот судья заверяет Молотова, что руководствуется не просто желанием повысить собственный уровень жизни, но тревогой из-за разлагающего влияния скудной заработной платы на судей, подходя к главному – почему так вредно платить судьям так мало: «Не сочтите, Вячеслав Михайлович, что автор настоящего письма карьерист или крохобор. Я сообщаю Вам о фактах, и такие факты относятся не к одному мне. Вообще материальное обеспечение судей очень низкое, и назрел вопрос о его пересмотре, с тем чтобы судьи и с этой точки зрения были независимыми, чтобы исключался любой соблазн, недостатки в материальном обеспечении». Иными словами, судьи чувствуют себя вынужденными хвататься за любую возможность дополнить мизерный оклад, даже если это ставит под сомнение их честность.

Разумеется, правоохранительные ведомства пытались использовать кампании против коррупции (в том числе указывая на вопиющие случаи взяточничества среди собственных сотрудников) как шанс добиться повышения оплаты и статуса. И в течение всего описываемого периода работники прокуратуры и суда не переставали жаловаться на недостаток уважения к ним и их работе⁹⁷.

Кампании и реальность

В конечном счете кампания по искоренению взяточничества достигла весьма немногого, по мнению тех, кто говорил, что последнее разлагает учреждения, подрывает авторитет правоохранительных органов и других важных институтов советской власти, а также оказывает пагубное воздействие на повседневную жизнь советских граждан, которые принесли столько жертв на алтарь победы в войне. Слабости кампании (и их причины) проливают свет на существен-

ные черты позднесталинского государства и его взаимодействия с обществом, старавшимся оправиться от военной катастрофы⁹⁸.

Кампании послевоенного сталинизма против взяточничества, кажется, имели некоторые скромные краткосрочные результаты⁹⁹. Согласно статистике Министерства юстиции, судьи по приказу, выпущенному в 1946 г., иногда выносили осужденным за взяточничество более суровые приговоры, чем прежде. Доля приговоренных к лишению свободы за получение взяток возросла с 74 % в 1946 г. до 88 % в 1947 г. Доля осужденных за *дачу* взяток и приговоренных к заключению немного увеличилась – с 67 % в 1946 г. до 75 % в 1947 г.¹⁰⁰ Тем не менее почти четверть осужденных взяточдателей не получила тюремных сроков.

Партийные органы выражали разочарование итогами кампании. В письме от 14 февраля 1947 г., подписанном заместителем начальника Управления кадров ЦК Никитиным, говорилось, что ни министр юстиции, ни генеральный прокурор не отнеслись к вышеупомянутому приказу достаточно серьезно, не сумели разработать и осуществить необходимые меры. Хуже всего – судьи и прокуроры по-прежнему берут взятки и не отличаются дисциплиной¹⁰¹. Доносы, чьи авторы заявляли, что знают о взяточничестве в судебных и прокурорских ведомствах, а также во множестве других организаций и предприятий, продолжали поступать «в большом количестве».

Внутриведомственные данные Министерства юстиции свидетельствуют, что в годы позднего сталинизма было арестовано за взяточничество сравнительно немного людей. Статистика показывает рост совокупного количества осужденных за взяточничество в 1946 и 1947 гг., за которым начиная с 1948 г. последовал постепенный спад. В долгосрочной перспективе кампания не привела к повышению числа осужденных¹⁰². Эта тенденция следовала общему образцу советских кампаний: резкий первоначальный всплеск арестов и приговоров, а затем откат до прежнего или даже более низкого уровня.

В течение двух лет кампания явно заглохла. В октябре 1950 г. в докладе прокуратуры отмечалось, что «органы прокуратуры ослабили внимание к работе по борьбе с таким серьезным видом преступления, как взяточничество»¹⁰³. В Москве в первой половине 1950 г. в даче или получении взяток были обвинены 82 чел. Однако в 7 районах города прокуроры не предъявили ни одного подобного обвинения. Во второй половине того же года прокуратуры 8 московских районов не вели дел о взяточничестве¹⁰⁴. За весь 1951 г. следователи прокуратуры Московской области передали в суды только 31 дело о взяточничестве, в общей сложности касавшиеся 50 чел.¹⁰⁵ В даче взятки обвинялось в целом всего 35 чел.¹⁰⁶

Как показывает внутриведомственная корреспонденция, правоохранительные органы прекрасно знали, что официальная статистика не отражает реального уровня преступности. Прокуратура, со своей стороны, не говорила, будто уменьшение числа осужденных показывает эффективность мер против взяточничества или неизбежный спад преступности в советском обществе по мере продвижения к светлому коммунистическому будущему. Напротив, ее доклады свидетельствовали, что взяточничество по-прежнему распространено повсеместно, но все еще редко раскрывается и преследуется. Генеральный прокурор писал в апреле 1952 г.: «Снижение количества законченных расследованием дел и количества привлеченных к уголовной ответственности по делам о взяточничестве в значительной степени объясняется тем, что борьба с этим преступлением в органах прокуратуры организована еще недостаточно»¹⁰⁷. Существовали целые республики, где взяточничество практически не замечали, не расследовали и не наказывали. В Армении, например, прокуратура в 1952 г. возбудила всего 4 дела за получение взяток; за дачу взятки было возбуждено только 10 дел¹⁰⁸.

Позже в том же 1952 г. начальник Следственного управления Прокуратуры СССР Александров выразил в докладной записке недовольство столь резким снижением с годами числа возбуждаемых прокуратурой дел о взяточничестве¹⁰⁹. «Отвечают ли эти данные состоянию преступности? Действительно ли эта преступность снижается и факты взяточничества редки?» – спрашивает Александров. И сам же отвечает: «Расследованные дела показывают, что факты взяточничества имеются в самых различных организациях, учреждениях и предприятиях». Во многих делах, по его словам, тщательное расследование раскрывало организованную систему взяточничества, особенно в торговых, снабженческих, заготовительных и финансовых организациях. «Подобные факты, – подытоживает он, – свидетельствуют, что сравнительно редкое возбуждение дел о взяточничестве объясняется не тем, что случаи взяточничества немногочисленны, а тем, что они редко раскрываются из-за явно неудовлетворительной борьбы со взяточничеством».

Тут Александров делает чрезвычайно компрометирующее заявление: «Характерно в этой связи то обстоятельство, что в общем числе дел о даче взяток большой процент падает на *факты дачи взяток работникам тех органов, которые призваны бороться со взяточничеством, раскрывая факты дачи взяток, именно – органов милиции, суда и прокуратуры* [курсив мой. – Дж. Х.]». В крупных городах, замечает он, около трети предложенных (и обнаруженных) взяток были даны сотрудникам милиции и прокуратуры. Иными словами, многие случаи взяточничества не раскрываются, поскольку некоторые работники правоохранительных ведомств, отвечающие за его искоренение,

сами в нем замешаны. Следователи, утверждает Александров, прежде чем открывать уголовное дело, ждут взятки и зачастую, не получая ее, ничего не делают: «Таким образом, судебно-следственными органами дела возбуждались тогда, когда взятки предлагались работникам этих органов. Что же касается случаев взяточничества в других организациях, то позиция работников следственных органов была исключительно пассивной»¹¹⁰.

Заключение: Кампания-приступ

В конечном счете послевоенная кампания против взяточничества задумывалась без уверенности и осуществлялась без энтузиазма. По мере того как ее обсуждали правоохранительные ведомства, серьезность и масштабы проблемы умаялись, и кампания получилась несфокусированной и не слишком громкой. Ведомства охотно предавались некоторой самокритике на частных совещаниях или в секретных письмах в ЦК, но не решались делать это публично. Тихая кампания оберегала ведомственные интересы. Соперничество и оборонительная позиция правоохранительных органов являлись главной причиной отсутствия публичной кампании. Одни ведомства защищали себя, пытаясь переложить вину за взяточничество (и прочие преступления) на другие. Дискуссии вне поля зрения общественности также ограждали от затруднений советское государство, поскольку открытые дебаты о реальности «обыденной», «бытовой», «заразной» и «разрешенной» (эпитеты, взятые из основополагающих документов кампании) коррупции портили положительный образ, который Советский Союз старался создать себе в глазах собственных граждан и остального мира.

Сделки с незаконными подарками отнюдь не были некой формой народного «сопротивления» советскому государству, сталинизму и т. п. Давая и получая взятки, люди вовсе не думали о политическом сопротивлении и протесте. Они стремились избежать наказания, справиться с бюрократической волокитой или улучшить условия жизни. Это советское правительство начиная с 1918 г. определяло взяточничество как «контрреволюционные» действия, последнее прибежище мерзавцев-капиталистов, пытающихся уничтожить основы социализма. После войны подобная лексика еще бытовала в публичном дискурсе, но прокуроры и судьи редко ею пользовались. На практике они, кажется, отказались от такого объяснения взяточничества не позднее 1945 г. Минин, сетуя на царящее вокруг взяточничество, ни разу не назвал его смертельной угрозой советской власти, коммунистической партии или социализму. Он говорил, что взятки – главная помеха легитимности партии-государства, совет-

скому строительству, морали советского народа, народному доверию к правительству. Он надеялся, что кампания против взяточничества будет способствовать моральному оздоровлению. Он не утверждал и даже не намекал, что дающие и берущие взятки каким-либо образом пытаются ослабить государство. Собственно, председатель Верховного суда Голяков, ярко свидетельствуя о том, как изменилась атмосфера со времен громких процессов начала 1920-х гг., сами *заявления* Минина о широкой распространенности взяточничества объявил антисоветскими. Подобная аргументация разоблачает двойные стандарты, присущие борьбе с коррупцией во многих государствах. Руководители приходят к выводу, что публичное обсуждение повсеместной коррумпированности госаппарата вызовет недовольство государством и подорвет доверие к системе уголовной юстиции. Не допуская дебатов о причинах и подлинных масштабах коррупции, они защищают систему (и собственные позиции и преимущества в ней), дезавуируя открытую критику системных изъянов. В этой среде отдавали послевоенной стабильности предпочтение перед настоящим натиском на коррупцию.

Кампания против взяточничества высветила опасения по поводу «дефектов» послевоенного советского государственного аппарата, которые сильно тревожили правящую партию. Как часто бывает, подоплекой разговоров о коррупции служили более широкие политические и социальные вопросы, включая преступность и социальное неповиновение. Дискуссии о взяточничестве вскрывали множество забот режима: из-за того, что страна и ее бюрократия остаются «некультурными», даже «отсталыми» и потенциально неверны целям партийного руководства; что формируется «новый класс» служащих – отдельная привилегированная каста своекорыстных бюрократов, которые пользуются своими должностями для личного обогащения, обманывая общественное доверие; что должностные лица завязывают неформальные, подпольные отношения с советскими гражданами, вредя установленным моделям авторитета и власти; что государственную собственность нужно срочно защищать; что закон не выполняет своей функции оружия революционной партии для борьбы с преступностью и насаждения социалистической законности; что информация о внутренних проблемах может помешать СССР за рубежом; наконец – что послевоенные суды будут ненадежны, когда понадобятся режиму, чтобы провести в жизнь самые важные и главные инициативы. Все эти тревоги нашли отклик при наблюдении, что незаконные сделки между должностными лицами и рядовыми советскими людьми не прекращаются, а, наоборот, после войны переживают расцвет. Подобные заботы пережили смерть Сталина и снова дали о себе знать в виде периодических (хоть в итоге и неэффективных) антикоррупционных кампаний хрущевской и брежневской эпох.

6. ОСВЕДОМИТЕЛИ И ГОСУДАРСТВО

Через несколько месяцев после смерти Сталина, в марте 1953 г., высокопоставленный милицкий руководитель размышлял в письме о том, чему за предыдущие восемь лет научили его трудности, с которыми столкнулись правоохранительные органы при поимке опасных преступников, дававших и получавших взятки. Полковник Д. Е. Лебин возглавлял ОБХСС, милицкую службу, управлявшую сетью тайных осведомителей, перед которыми стояла задача разоблачать взяточничество, хищения государственной собственности и спекуляцию. Он требовал, чтобы все кураторы поручили своим осведомителям бдительно выявлять почти бесконечное многообразие «замаскированных взяток»¹. Иногда, например, взятка таилась за неравноценным торговым обменом между должностным лицом и гражданином. Лебин велел агентам присматриваться к эпизодам «покупки взяточником за бесценок дорогостоящей вещи и, наоборот, продажи за дорогую цену безделушки, нестоящей вещи». В других случаях, предупреждал он, начальники могут злоупотреблять системой премирования за трудовые достижения, скрывая незаконные выплаты. Бывает, что взятка маскируется под ссуду в долг. Еще более хитроумные личности, подкупая должностное лицо, делают вид, будто проигрывают ему в карты². Взяткодатели даже пытались прикрыть незаконный подарок нужному человеку, чиня ему костюм, устраивая его на работу или добывая ему путевку в санаторий.

ОБХСС действительно имел прямое задание обучить свою осведомительную сеть раскрывать случаи взяточничества и отдавать правонарушителей под суд. Однако письмо Лебина в очередной раз свидетельствует, как трудно было разоблачать взяточничество (наряду с прочими формами коррупции) и на что только не шли люди, чтобы его скрыть. Ввиду того, что это преступление с трудом поддавалось раскрытию путем обычных финансовых проверок и следственных мер, и благодаря важнейшей роли, которую взятки, данные кому следует, играли в схемах хищения госсобственности, органы внутренних дел использовали осведомителей, пытались разыскивать людей, замешанных, помимо других преступлений, во взяточничестве, — но, увы, с переменным успехом.

«Никакие полицейские силы в современной европейской истории не были способны функционировать без сотрудничества или участия населения в предпринимаемых ими мерах», – заметил историк Роберт Геллатли³. В Советском Союзе во время и после Великой Отечественной войны сталинский режим считал, что выстраивание такого народного сотрудничества чрезвычайно важно, хотя имеет свои сложности. С начала войны и до смерти Сталина режим использовал осведомительную сеть в своих усилиях по преодолению, как тогда говорили, настоящей эпидемии взяточничества, преступлений против государственной собственности и хозяйственных преступлений, таких, как спекуляция дефицитными товарами. Рядовых советских людей рекрутировали в осведомители с целью раскрытия или предупреждения разнообразных неполитических преступлений. После падения коммунизма и частичного открытия архивов органов внутренних дел в странах бывшего советского блока ученые стали больше интересоваться практиками доноительства. Однако об осведомительной сети, занимавшейся выявлением вышеупомянутых правонарушений во время и после Второй мировой войны, известно мало. Историки пока не оценили по достоинству ту особенность, что национализация экономики вкупе с идеологией, которая рассматривала государственную собственность как «народное богатство», порождали нужду в широкой сети информаторов.

Информация, поступающая от граждан-осведомителей, играла важнейшую роль в сталинской послевоенной правоохранительной системе. Помимо обычной милицейской работы, первоочередным методом раскрытия должностных преступлений и преступлений против госсобственности служило применение тайных осведомителей, резидентов и агентов, известных под общим наименованием «агентура». После изучения милицейских стратегий использования информаторов в данной главе будет рассмотрено, что руководители органов внутренних дел считали сильными и слабыми сторонами этой агентуры и как объясняли ограниченность ее возможностей. Наконец, мы поставим вопросы, почему система осведомителей оказалась не столь эффективной, как задумывали ее организаторы, и почему ее деятельность вызвала некоторые неожиданные последствия. Препятствия, ограничивавшие работу агентуры, позволяют заметить углубление «бытовой коррупции», которая осталась неотъемлемой частью социальной, правовой и политической систем страны даже после распада СССР.

Осведомительная сеть до сих пор не анализировалась подробно в основном за неимением документов, описывающих ее деятельность. Ввиду отсутствия (вполне понятного) воспоминаний самих осведо-

мителей и нежелания советского режима признавать существование этой армии информаторов историк зависит от материалов (зачастую довольно богатых), рожденных в недрах Министерства внутренних дел (МВД) и органов милиции. В данной главе используются материалы ОБХСС (Отдела борьбы с хищением социалистической собственности и спекуляцией) МВД, который являлся подразделением Главного управления милиции (ГУМ). Это ведомство МВД занималось раскрытием преступлений против социалистической собственности и должностных преступлений. Доступ к некоторой архивной документации, включая все досье на осведомителей и материалы отдельных дел, все еще ограничен. Но у нас есть множество служебных докладов с обсуждением преимуществ и слабостей агентурных сетей, а также справок о количестве дел за этот важнейший период. В совокупности такой материал дает уникальную возможность изучить функционирование осведомительной сети, привлеченной к послевоенной кампании по разоблачению должностных преступлений и охране государственной собственности от расхищения.

Прежние исследования осведомительства в советской истории, как правило, сосредоточивались на тех, кто поставлял информацию о «политических», «контрреволюционных» и «антисоветских» преступлениях⁴ — деятельности, якобы направленной на подрыв основ советской власти или ее институтов. В настоящей главе, напротив, речь идет о сети информаторов, занимавшихся выявлением «неполитических» преступлений, за которые судили в обычных судах⁵. После войны политических преступников преследовали не столь рьяно, как в 1930-х гг., — осужденные по 58-й статье составляли небольшую долю от общего количества осужденных. Зато в первые послевоенные годы одной из главных тем официальной идеологии вновь оказалась защита государственной собственности, что вызвало повышение внимания к ней у милиции. Согласно статистике, собранной Верховным Советом, например, в 1946 г. около 120 тыс. чел. были осуждены особыми (военные трибуналы, транспортные и лагерные суды) и обычными судами за «контрреволюционные преступления», тогда как 527 тыс. чел. — за хищение государственной или личной собственности. После 1946 г. и вплоть до 1953 г. (за исключением 1949 г.) за имущественные преступления ежегодно осуждалось как минимум в пять раз больше людей, чем за «контрреволюционные»⁶. Соответственно и роль осведомителей в разоблачении этих неполитических преступлений стала гораздо заметнее, чем раньше.

В настоящей главе не рассматриваются стихийные доносы, посылавшиеся обычно письмом по почте, как те, о которых идет речь в работах В. А. Козлова и Ш. Фицпатрик⁷. Авторы этих доносов (иногда именуемых «сигналами снизу») зачастую приводили изощрен-

ные идейные, патриотические или личные оправдания своему решению выдать того или иного «врага» государства или народа. Такие «разовые» информаторы обычно писали властям о каком-нибудь отдельном инциденте, которому стали свидетелями, либо предупреждали о чем-то, что может вскоре случиться⁸. Не идет здесь речь и о людях, которые информировали режим о «настроении» конкретной части населения, как правило, передавая любопытные высказывания, подслушанные в общественных местах или на работе. Собирая сведения о настроениях населения или его отношении к определенной политике, органы внутренних дел обычно не приступали на их основании к уголовным расследованиям. С другой стороны, здесь говорится об информации, в основном передаваемой устно более или менее постоянной сетью осведомителей во время личных радеву с милицейскими кураторами. И, как правило, эта информация предоставлялась не стихийно⁹. Милиция собирала ее урожай на регулярных тайных встречах¹⁰. Кто-то может сказать, что эта разновидность осведомительства была не столь существенна, как многие доносы по собственной инициативе, которые историки анализировали прежде. Но, учитывая растущую долю неполитических дел по сравнению с количеством дел о «политических преступлениях» (о которых по большей части писались доносы) в период позднего сталинизма, осведомительство, вероятно, играло в правоохранительной системе не меньшую, если не большую роль, чем доноительство.

17 ноября 1938 г. Совнарком и ЦК выпустили знаменитое постановление, положившее конец «массовым операциям» и массовым доносам снизу, соответственно возросло значение агентуры в обычной работе органов внутренних дел¹¹. Постановление велело НКВД и прокуратуре выявлять преступников на основании доказательств, что они совершили преступление, а не предполагать их виновность просто по ассоциации. В таких условиях роль осведомителей резко расширилась в 1940–1950-е гг., когда доказательства, собираемые и проверяемые следователями милиции и прокуратуры, стали важнее для преследования нарушений уголовного кодекса.

В этой главе также начинается рассмотрение одного любопытного и до сих пор не изучавшегося аспекта советской системы – тех случаев, когда осведомители, официально входя в агентурную сеть, попросту не давали требуемой информации. Внимание ученых в основном к доносам (предоставлению компрометирующих сведений по собственной инициативе и с энтузиазмом), возможно, не позволяет заметить, насколько часто люди, замечавшие «преступления», по ряду причин явно предпочитали промолчать либо иным образом не оправдывали ожиданий своих милицейских кураторов.

Миссия

На Отдел борьбы с хищением социалистической собственности и спекуляцией возлагалась задача искоренения преступлений, причиняющих материальный или финансовый ущерб государственным интересам. Такие преступления преследовались главным образом по двум категориям статей уголовного кодекса либо по специальным указам. Одним из типов преступлений, которые надлежало разоблачать ОБХСС, являлись те, что в уголовном кодексе квалифицировались как «должностные», в том числе дача и получение взяток. Число осужденных за должностные преступления резко выросло во время и сразу после войны¹². Когда в 1946 г. стартовала мертворожденная кампания против взяточничества, описанная в предыдущей главе, отделу прямо поручили использовать осведомительную сеть в раскрытии взяточничества (так же как и прочих типов должностных преступлений). Мандат на применение такого метода обнаружения взятокдателей и взяточполучателей составили два секретных документа. Приказ № 036/0210/126с Министерства юстиции, Министерства внутренних дел и Генеральной прокуратуры от 15 июля 1946 г. конкретно требовал от ОБХСС организовать агентурную работу по выявлению взяточничества. Постановление № 2062-852с Совета министров СССР от 13 сентября 1946 г. призывало усилить «борьбу со всеми видами спекуляции, с хищениями социалистической собственности и со взяточничеством»¹³. Эти секретные распоряжения оставались в силе до смерти Сталина (и после нее).

Отдельной (но, естественно, тесно связанной с вышеупомянутой) обязанностью ОБХСС было раскрытие «расхищения социалистической и общественной собственности», то есть чаще всего госсобственности. Правоохранительные органы считали взяточничество преступлением, способствующим растратам и другим видам коррупции и присвоения государственных ресурсов, которые перечислялись в разделе уголовного кодекса под заглавием «Преступления против социалистической собственности». Как отмечено выше, важные типы коррупции, включая все случаи хищения, разбазаривания и незаконного присвоения госсобственности, подпадали под драконовский указ от 4 июня 1947 г.¹⁴

Используя средства массовой информации, агитацию и пропаганду на рабочем месте и систему образования, режим после войны требовал от советских людей проявлять «бдительность» в отношении любого рода преступлений и, заметив что-то подобное, сразу ставить в известность власти. В Советском Союзе, как и во многих обществах, было широко распространено общественное осуждение осведомительства, и правоохранительной системе приходилось преодолевать

недоверие населения к осведомителям. В годы позднего сталинизма как особо гнусные среди неapolитических преступников выделялись растратчики, расхитители, спекулянты и их защитники в рядах бюрократии. Откровенное заявление в Конституции 1936 г., что государственная собственность «священна и неприкосновенна» (выражение, заимствованное из августовского указа 1932 г.), после массовых военных разрушений приобрело новый смысл. Партийное руководство пыталось сформировать такую общественную среду, в которой средний человек будет не только уважать госсобственность как «народное богатство», но и активно защищать от тех, кто норовит ее стянуть или содействует ее расхищению. Отдельные граждане, трубила печать, должны доносить о любом попавшемся им на глаза случае воровства государственной собственности или получения взяток за попустительское подобным действиям¹⁵. «На каждом советском гражданине лежит моральная обязанность сообщать органам власти обо всех известных ему случаях хищений государственного или общественного имущества», – писал правовед Б. А. Куринов¹⁶. Министр юстиции СССР К. П. Горшенев в 1948 г. поощрял информирование о хищениях госсобственности, уверяя: «Такая борьба должна быть делом всех советских людей. Этому учит нас товарищ Сталин». Он призывал создать в обществе атмосферу презрения и ненависти к расхитителям «народного имущества»¹⁷. Режим давал понять, что те, кто доносит милиции о преступлениях, помогают сберечь народное богатство, сохранить социальную стабильность, повысить уровень жизни советских людей, а в конечном счете – ускорить переход общества от социализма к коммунизму.

В таком контексте «недонесение» стало серьезным преступлением. Статья 5 указа от 4 июня 1947 г. устанавливала за недонесение о хищении или о людях, готовящихся совершить таковое, наказание в виде 2–3 лет лишения свободы либо 5–7 лет ссылки в отдаленные районы. Данная статья эффективно криминализовала значительную часть населения – тех, кто, будучи свидетелем кражи продуктов из колхоза или мелкого воровства на предприятии, предпочитал об этом не сообщать¹⁸. Попытки режима сделать осведомительство обязательным и суровая кара за недонесение свидетельствуют, что многие люди не доносили о действиях, которые государство считало преступными.

Организация осведомительной сети

Созданный в марте 1937 г. ОБХСС играл первостепенную роль в разоблачении людей, замешанных во взяточничестве, растратах, хищении социалистической собственности и спекуляции. ОБХСС на-

ходился в ведении милиции, которая занималась охраной общественного порядка и неполитическими преступлениями¹⁹.

И Министерство внутренних дел, и руководство прокуратуры твердили о чрезвычайной важности организации эффективных сетей тайных информаторов для пресечения или, еще лучше, предупреждения преступлений. В каждом ежегодном отчете ОБХСС в 1943–1953 гг. подчеркивалась необходимость расширять работу осведомительной сети. Планируя свою войну с преступностью, руководители ОБХСС первым делом думали об осведомителях. Использование осведомителей для предотвращения готовящихся преступлений или хотя бы раскрытия совершенных называлось оперативно-профилактической либо агентурно-оперативной работой.

По структуре осведомительная сеть, которую мобилизовал ОБХСС, напоминала другие подобные сети, например те, что сообщали сведения об интеллигенции и подозреваемых в политических преступлениях. Постоянная осведомительная сеть («негласный аппарат», в отличие от штатных сотрудников) имела два уровня²⁰. На нижнем находились так называемые осведомители или информаторы. Эти люди поставляли милиции сведения по ходу своей обычной жизни. Группа, работающая «на земле», безусловно была самым крупным элементом сети. Осведомители снабжали милицию, так сказать, «первичными данными». На их основании милицейские следователи заводили «дела-формуляры».

По всей видимости, в команде осведомителей был представлен срез всего населения страны. В нее входили как служащие вроде счетоводов, бухгалтеров, администраторов, так и неквалифицированные и полуквалифицированные работники – уборщицы, секретари, официанты, шоферы, сторожа. (Демографические данные о поле и возрасте осведомителей недоступны.) Осведомителей из этой когорты объединяла способность вести наблюдение за людьми, которые могли поддаваться искушению украсть, взять взятку либо иным образом воспользоваться своим служебным положением. Размещенные на тысячах рабочих мест во всех уголках страны, они в конечном счете составили некую социальную подгруппу, перекрывавшую рамки классов, профессий, рода занятий.

Второй уровень сети, так называемые резиденты, подбирался из «наиболее активных» и «надежных» осведомителей. В период позднего сталинизма общее число осведомителей превышало число резидентов примерно в 18–30 раз²¹. Резиденты сотрудничали с МВД, одновременно выполняя свою обычную работу. Они служили посредниками между милицейским оперативным составом и самими осведомителями. Каждый информатор был прикреплен к определен-

ному резиденту, а МВД получало сведения от информаторов уже через него.

Параллельно существовала агентура – непостоянная сеть тайных «агентов», лучше, чем осведомители, подготовленных к работе в разных ситуациях, для расследования на определенном предприятии, или в целой отрасли промышленности, или в хозяйственных органах конкретного района. Эта система обходилась без резидентов. Агент действовал под прикрытием на предприятии или в ведомстве, докладывая о результатах оперуполномоченному либо оперработнику ОБХСС, как правило, в оперативное управление или отдел розыска ОБХСС. Эти местные сети трудились над раскрытием определенной схемы махинаций либо над очисткой от преступников отдельного предприятия или отдельной отрасли, а затем распускались. Во всех осведомительных сетях агенты и резиденты отвечали за подыскание и подготовку достойных доверия информаторов и за то, чтобы последние поставляли милиции полезные сведения.

Краткое описание одной агентурной операции, касавшейся взяточничества, хищений и злоупотребления служебным положением, позволяет немного присмотреться к деятельности осведомительной сети. Согласно докладу Главного управления милиции (ГУМ) за 1953 г., в январе сотрудники МВД получили информацию, заставляющую подозревать преступные махинации в Главном управлении цирками²². Москва поручила расследование органам милиции в ряде мест, где гастролировал цирк (включая Красноярский край, Краснодарскую и Ростовскую области), но те остались ни с чем.

С помощью обычных процедур проверки раскрыть махинации не удалось. Тогда милиция пустила в ход агентурную сеть – группу агентов с заданием завербовать осведомителей, чья работа заключалась в том, чтобы проникнуть в преступные группировки и докладывать милиции обо всем обнаруженном. Следствие установило, что в 1948–1952 гг. работники цирка проворачивали изощренную аферу. Они незаконно добывали пустые бланки билетов кинотеатров за взятки директорам или бухгалтерам, ставили на них штамп с названием цирка и для надежности прятали их в клетке слона. Каждый вечер к открытию кассы жулики подбрасывали туда фальшивые билеты, перемешивая их с настоящими, и продавали зрителям. Предварительные данные показали, что это мошенничество обошлось государству более чем в 1,5 млн руб. Шайка делила выручку от продажи фальшивых билетов между собой, откладывая часть денег на взятки сотрудникам Главного управления цирками и его местных отделений. Подкуп гарантировал гастролирующему цирку самые популярные маршруты и площадки, а также лучших животных. Экзотические животные и выгодные места выступлений, полученные благодаря взяткам, обе-

спечивали цирку успех, широкую, жаждущую попасть на представление аудиторию, наибольшие из возможных объемы продаж билетов и тем самым максимальную незаконную прибыль для аферистов. По словам арестованных подозреваемых, такого рода операциями не гнушались многие другие цирки и передвижные зоопарки по всему Советскому Союзу. В одном только Днепропетровске аналогичное жульничество привело к аресту за крупные хищения и взяточничество 11 чел., в том числе бухгалтеров, кассира и типографских работников. Как только преступники были арестованы, милиция распустила группу осведомителей.

Расширение сети

Разумеется, к статистике в докладах ОБХСС, как и к любой статистике, произведенной советской бюрократией, нужно относиться с известной осторожностью. Например, данные о числе активных осведомителей, которые ОБХСС представлял начальству в Министерстве внутренних дел, могут быть раздуты вследствие реакции местных органов милиции на спущенные сверху задания по вербовке осведомителей. В докладах порой попадают жалобы, что милиция вербует людей, глядя «не на качество, а на количество»²³. Тем не менее есть основания считать цифры в общем верными, в первую очередь потому, что приоритетность осведомительной сети для МВД и высокий уровень имущественной, хозяйственной и должностной преступности заставляли тщательнее проверять сведения и требовать от низших звеньев большей точности в отчетах. Многообразие источников и каналов информации позволяли иерархической верхушке интерпретировать статистику, которую, возможно, завышали местные агенты или их милицейские кураторы. Кроме того, периодические проверки списков агентуры местных органов милиции ежегодно приводили к удалению из них десятков тысяч осведомителей, переставших поставлять информацию. Таким образом, хотя обращаться с имеющимися цифрами надо аккуратно, есть причины думать, что они довольно близки к действительности и что можно проследить изменение размеров сети со временем.

В первые месяцы после нападения Германии на СССР советская осведомительная сеть почти исчезла. Десятки тысяч осведомителей и резидентов ушли на фронт, погибли от рук немцев или эвакуировались на восток. В результате начиная со второй половины 1941 г. милиции пришлось восстанавливать агентуру чуть ли не с нуля. «Фактически в то время агентурный аппарат целиком обновился», — писал один сотрудник ОБХСС. Согласно документам ОБХСС,

власти реконструировали этот аппарат очень быстро. На 1 января 1942 г. в агентуре числилось около 42 тыс. осведомителей. Во второй половине 1942 г. и в 1943 г. имела место массовая вербовка. И за два года осведомительная сеть выросла более чем в три раза: к январю 1944 г. она охватывала свыше 140 тыс. чел.²⁴

Чем объясняются быстрое возрождение и ускоренный рост осведомительной сети во время войны? Естественно, часть ответа заключается в том, что прежние осведомители вновь стали активны на освобожденных от оккупации территориях, когда Красная армия выгнала оттуда немцев²⁵. Однако освобождение само по себе не полностью объясняет стремительный рост. В разгар вспышки преступности военного времени, в феврале и июле 1943 г., НКВД СССР призвал расширять «массовую» осведомительную сеть для борьбы с имущественными, хозяйственными и должностными преступлениями, значительно увеличивая ее размеры и поле деятельности²⁶. Эти приказы представляют собой главный переломный момент в эволюции агентуры. До 1943 г. ОБХСС имел амбициозные, но еще сравнительно ограниченные задачи по борьбе со взяточничеством, спекуляцией, фальшивомонетничеством, хищениями в торговых учреждениях, промышленных кооперативах, банках и продовольственно-заготовительных организациях. Во время войны воровство, фальшивомонетничество, махинации с продовольственными карточками и массовая перепродажа товаров – при помощи взяточничества – стали превалировать, особенно на военных базах, в магазинах и столовых. Спекуляция и хищения, прикрываемые благодаря взяточничеству, расцвели махровым цветом также в потребительских и производственных кооперативах, на складах и пищевых предприятиях, в колхозах. В круг задач ОБХСС входило пресечение преступности во всех этих сферах.

Однако новые приказы, выпущенные в 1943 г., сильно расширили обязанности ОБХСС, возложив на него ответственность за раскрытие и предупреждение преступлений в любых хозяйственных учреждениях страны. Теперь перед ОБХСС поставили ряд дополнительных, чрезвычайно амбициозных задач, включая разоблачение преступной деятельности во всех снабженческих, торговых, строительных организациях и на промышленных предприятиях Советского Союза, – отведя ему, наряду с прокуратурой, ключевую роль в охране государственной собственности в рамках советской экономики в целом. Осведомительная сеть должна была стать главным оружием милиции в этой борьбе²⁷. По данным ОБХСС, в 1943 г. информация, предоставленная осведомителями, легла в основу 98 400 уголовных следственных дел²⁸.

Быстрое расширение осведомительной сети ОБХСС во время и сразу после войны можно рассматривать как наследие военных усло-

вий, которые послужили социально-экономическим контекстом для большей части того, о чем пишется в этой книге. Острый и затяжной дефицит создавал благоприятные возможности для тех, кто предлагал недостающие услуги или торговал на теневых рынках. В первые послевоенные годы постоянная нехватка всего и крупные восстановительные проекты продолжали стимулировать мелкое воровство и взяточничество.

Опыт агентурной работы военных лет подчеркивает главное затруднение, связанное с зависимостью режима от информаторов из народа. Сталинская осведомительная сеть переживала те же сейсмические демографические сдвиги и катастрофы, что и все остальное население. Когда режим во время войны эвакуировал людей или призывал их в армию, милицмейские осведомители тоже уходили на фронт или эвакуировались, становясь, по крайней мере временно, мало полезными или вовсе бесполезными. Когда тысячи умирали от голода в 1946–1947 гг., определенная доля информаторов умирала вместе с ними. А когда свыше 600 тыс. узников Гулага были амнистированы по окончании войны в 1945 г. (и около 1,5 млн чел. в 1953 г.), десятки тысяч заключенных-осведомителей также вышли на волю из лагерей и колоний, к большой досаде лагерной администрации, которая узнавала от них о поведении лагерного контингента и персонала²⁹. Властям приходилось учитывать тот факт, что могущественные силы, влиявшие на советскую жизнь, затрагивали и агентурную сеть.

По данным Министерства внутренних дел, в 1945 г. под контролем ОБХСС работало свыше 200 тыс. осведомителей. При вспышке хищений, спекуляции и взяточничества, сопровождавшей послевоенный голод, это число к началу 1946 г. подскочило до 286 тыс. чел. В него не входят осведомители, привлекавшиеся к раскрытию контрреволюционных преступлений, преступлений в армии и преступлений против личности. (Данных о числе осведомителей, задействованных в этих целях, нет. Возможно, конечно, что обе группы частично совпадали.) Однако начальников из ОБХСС и такие цифры не удовлетворяли. Один из них писал в 1945 г.: «Количество наличной агентуры еще нельзя считать достаточным»³⁰. Он требовал от милиции использовать больше людей в местах, где риск преступлений особенно велик: в розничных магазинах, столовых, на складах, в ревизионных органах, торговых и снабженческих организациях.

К сентябрю 1951 г. общее число осведомителей ОБХСС достигло более чем 380 тыс. чел., почти удвоившись по сравнению с показателями в конце войны. Эта цифра свидетельствует о взрывном, девятикратном росте с 1942 г. Даже после того, как кампания, вызванная июньским указом 1947 г., завершилась и арестов в связи с ней стало производиться не больше, чем до июня 1947 г., количество осведоми-

телей продолжало расти в каждый из четырех лет с 1948 по 1951 г. (последний год, за который есть соответствующие данные). Кроме того, цифры, подтверждающие прискорбно сильную текучку среди осведомителей, демонстрируют, что в течение каждого года в агентурную сеть входило гораздо больше людей, чем показано на одну конкретную дату. Например, если учесть примерно 80 тыс. информаторов, отбракованных из сети за 1950 г., то, следовательно, в какой-то момент в том году общее их количество превышало 400 тыс. чел., тогда как официально в списках ОБХСС на 1 декабря значится около 377 тыс. Таким образом, в 1942–1951 гг. размер сети ежегодно возрастал; каждому осведомителю, исключенному из списков, находили замену, а то и не одну.

Почему же число осведомителей продолжало увеличиваться по крайней мере до 1951 г., даже после снижения числа арестов, которые повлекла за собой кампания в связи с июньским указом 1947 г.? Комментарии, записанные в 1951 г., частично дают ответ. По словам сотрудников ОБХСС, осведомителей не хватало, чтобы поспевать за «огромным ростом народного хозяйства»³¹. Одним из следствий послевоенного восстановления стало множество возможностей для хищения государственной собственности и должностных преступлений. Руководитель ОБХСС четко сформулировал проблему: уровень преступности растет вместе с народным хозяйством. Милиция попросту не могла надеяться справиться с преступностью без массового притока информаторов на новые предприятия, которые вырастали по всей стране (и в разбухающие административные аппараты, которые ими управляли). Судя по докладам, в конце 1940-х гг. милиция убедилась, что в условиях, созревших для расцвета преступности, уровень широкомасштабной, хорошо организованной преступной деятельности если и не повышается, то остается более или менее постоянным. Особенно тяжело было ловить взяточдателей и взяточполучателей. В докладе 1949 г. говорится: «Длительное время безнаказанно действуют организованные группы расхитителей и спекулянтов, крупные преступники, и вскрываются они в большинстве случаев тогда, когда государству уже причинен значительный материальный ущерб. Предотвращение крупных и организованных преступлений не обеспечивается. Также слабо вскрывается спекулятивное подполье. Еще хуже разоблачаются взяточники»³².

Сила и слабости

Поимка людей, занимающихся взяточничеством или хищением государственной собственности, – дело нелегкое при любых обстоятельствах, даже с помощью массовой осведомительной сети. Весь

послевоенный период руководство ОБХСС и МВД жаловалось на недостатки агентуры. Тем не менее правоохранительные органы явно ценили ее роль в раскрытии преступлений. Ее достижения отражаются в большом количестве уголовных дел, открытых ОБХСС по наводкам осведомителей. Например, согласно данным Министерства внутренних дел, в 1946 г. ОБХСС завел по всему СССР более 301 тыс. дел; примерно 353 тыс. чел. «привлечены к ответственности» – отданы под суд по уголовным обвинениям, осуждены или оштрафованы. Большинство дел было заведено «по официальным данным», то есть в результате обычной милицмейской работы, а не информации, предоставленной осведомителями. Тем не менее около 28 % (ок. 84 тыс.) дел, начатых по стране в 1946 г., основывались на наводках осведомителей. А привлечь к ответственности по делам, возникшим вследствие действий агентурной сети, в том же году удалось почти 100 тыс. чел.³³ В 1948 г. донесения информаторов легли в основу 34 % (более чем 125 тыс.) дел, заведенных ОБХСС³⁴. С 1945 по 1948 г. ОБХСС благодаря таким наводкам открыл не менее 360 тыс. дел.

Несмотря на сотни тысяч арестов, руководство ОБХСС постоянно отмечало ряд заметных изъянов системы. Оно то и дело жаловалось, что в чрезвычайно важных отношениях осведомительная сеть неэффективна³⁵. Министерство внутренних дел было недовольно как некоторыми аспектами самой сети, так и руководителями ОБХСС, которые ее курировали. Во-первых, многие осведомители по факту не поставляли полезной информации. Как показывали проверки, люди официально числились активными осведомителями, на деле давно не выходя на связь с кураторами. Одна жалоба по поводу агентуры в Ленинградской области гласила: «Подавляющее большинство или ничего не дает, или дает неценные материалы»³⁶. По итогам проверки 1947 г., в Красноярском крае из 256 агентов и осведомителей 40 % за предыдущие три месяца ничего не сообщило. В Сталинградской области «не работало» 30 % агентов и осведомителей³⁷. Кое-где доля так называемого балласта была еще больше. В одном районе Горьковской области за первую половину 1948 г. лишь 12 из 117 осведомителей предоставили сведения, позволившие милиции предъявить обвинения³⁸.

Каждый год ОБХСС удалял из списков агентуры примерно от 20 до 40 % осведомителей, поскольку от них не поступало полезной информации³⁹. В 1940 г. были отбракованы как балласт 38 % осведомителей⁴⁰. В 1948 г. пришлось вычеркнуть из списков более 64 тыс. осведомителей и резидентов. ОБХСС сетовал на их «огромную текучесть»⁴¹. Конечно, часть информаторов теряла связь с кураторами по вполне понятным причинам: люди умирали, уходили в армию, выхо-

дили на пенсию, меняли работу, переезжали, заболели. Вероятно, сами сотрудники ОБХСС, вынужденные выполнять планы, порой вносили в свои списки более или менее случайно выбранные имена. Некоторые из тех, кто там официально числился, никогда не давали согласия работать осведомителями.

В иных случаях сотрудников милиции вину в неумении работать с информаторами. Предполагалось, что осведомители жаждут сотрудничать с властями, но их кураторы не способны извлекать из предоставленного материала нужные сведения или правильно их использовать. Руководство МВД часто упрекало сотрудников ОБХСС в том, что они не поддерживают с осведомителями хороших отношений, выказывают им пренебрежение и даже презрение⁴². Ответственность за плохое качество агентуры нередко прямо возлагалась на вербовщиков из ОБХСС, которых обвиняли в привлечении слабых, некомпетентных или ненадежных людей. В 1948 г. в одном докладе говорилось: «К вербовкам новой агентуры многие оперативные работники ОБХСС и начальники органов милиции подходят непродуманно, а подчас и безответственно, вследствие чего агентурно-осведомительная сеть засорена лицами, неспособными выполнять возложенные на них задачи, и лицами, не заслуживающими доверия»⁴³.

Иногда, впрочем, осведомители просто не сообщали ничего полезного. Одни не делились тем, что знают, с кураторами, когда их об этом просили: предпочитали с последними лишний раз не связываться, и если вообще передавали уличающие сведения о преступной деятельности, которую наблюдали, то крайне редко. Другие обманывали надежды своих кураторов, подсовывая им ложную информацию. Интересно, что нет свидетельств какого-либо наказания не желавших сотрудничать осведомителей и нигде не обсуждается, в каких случаях стоило бы принимать подобные меры. По всей видимости, ОБХСС попросту вычеркивал таких осведомителей из списков⁴⁴.

Хотя ОБХСС отдавал должное вкладу осведомителей в поимку десятков тысяч преступников, тем не менее во внутриведомственной документации следователи сильно критиковали агентуру за то, что она не помогает разоблачать крупные преступные группы. Очень многие жаловались, что осведомители главным образом сообщают о людях, совершающих мелкие кражи или должностные злоупотребления; такая мелкая преступность интересовала милицию во вторую очередь⁴⁵. Между тем самые крупные преступления оставались нераскрытыми. Нечистые на руку должностные лица прикармливали десятки и сотни тысяч рублей путем сложных махинаций, которые зачастую включали взяточничество, растраты и хищения. Руководители ОБХСС подчеркивали большие трудности, связанные с проникновением в наиболее опасные группы преступников. Один

из них возмущался тем, что подобная организованная преступность попадает в поле зрения милиции, когда государству уже нанесен значительный ущерб, а к этому времени специальные осведомители для ее выявления уже не нужны⁴⁶. Требование раскрывать крупные «преступные группировки» отражало неизменно главенствовавшее в тот период стремление защищать государственную собственность от массового расхищения, разоблачая воров и взяточников, которые их прикрывали или иным образом с ними сотрудничали.

В 1947 г. во всех дискуссиях в МВД сквозила убежденность, что самые амбициозные преступники стали искуснее милиции, пытающейся их преследовать. Руководители ОБХСС замечали, что послевоенный натиск действительно заставил преступников научиться лучше скрывать свою деятельность. После введения суровых наказаний июньским указом 1947 г., говорилось в одном докладе, «расхитители, взяточники и спекулянты... действуют более осмотрительно, применяют ухищренные методы расхищения социалистической собственности и сокрытия следов преступлений»⁴⁷. Некоторые сотрудники милиции досадовали, что преступники умеют приноравливаться к изменяющимся обстоятельствам проворнее, чем сама милиция. Ежегодный отчет ОБХСС за 1948 г., утверждая, что методы работы милиции изменились к лучшему, признавал: «Изменились также методы хищений и спекуляции. В связи с усилением репрессий, а также усилением мер борьбы, преступники стали применять более ухищренные способы хищений и спекуляции, ушли в глубокое подполье, что в значительной мере осложнило борьбу с ними»⁴⁸. Преступники занимали такую «оборону», что милиция не могла проникнуть в их группировки. Еще в одном докладе отмечено, что многим сотрудникам ОБХСС не по силам тягаться с хитроумными подпольными организациями: «Кадры ОБХСС... в основной массе не являются достаточно подготовленными для того, чтобы своевременно проникать в преступные замыслы расхитителей и спекулянтов, для того, чтобы своевременно вскрывать все ухищрения преступников и противопоставлять им свои умелые мероприятия»⁴⁹.

Использование «преступного элемента»

По имеющимся документам невозможно установить, чем руководствовался человек, становясь милицейским осведомителем⁵⁰. Милиция не записывала, по каким причинам ее информаторы соглашались доносить о подозрительной деятельности. Поэтому ее документы, за редкими исключениями, очень мало говорят о том, *почему* люди сотрудничали с милицией⁵¹. Впрочем, один из мотивов ясен:

милиция, по сути, шантажировала многих, оказавшихся под арестом. В обмен на свободу или смягчение грозящего им уголовного обвинения она возвращала задержанных обратно на рабочие места в качестве своих осведомителей с заданием сообщать о чем-либо подозрительном поведении либо давать информацию о деятельности групп, с которыми они связаны⁵². Министерство внутренних дел требовало от милиции вербовать больше осведомителей «по компрометирующим материалам», рассуждая, что те согласятся «стучать» на сообщников, чтобы не загреметь в тюрьму самим. Яркий пример применения такого принципа – доклад с жалобой, что в Ивановском городском ОБХСС всего 29 из 197 тайных осведомителей «завербовано по компрометирующим материалам». Далее в докладе критикуется тот факт, что некоторые агенты, работающие бухгалтерами, завербованы не потому, что их поймали на связях с преступниками, а «только» из-за их бухгалтерской квалификации⁵³.

Для выявления наиболее опасных преступных группировок власти решили ускорить темпы вербовки «преступного элемента» – эта стратегия стала интенсивно применяться во время войны. Замечая, что информация о крупных махинациях редко поступает из «традиционных» источников, центральное руководство ОБХСС настаивало, чтобы милицейские кураторы привлекали в качестве осведомителей лиц, замешанных в должностных преступлениях, взяточников и расхитителей государственной собственности. Во время послевоенного наступления на преступность руководители ОБХСС требовали от агентов энергичнее вербовать осведомителей из криминальных кругов для проникновения в группировки, куда зачастую входили их сослуживцы. Например, о «честном» бухгалтере воронежской столовой № 5 в одном докладе говорится, что он в этом смысле бесполезен, поскольку «по службе за свою прямоту и честность встречает недружелюбное отношение со стороны некоторых работников, стоящих по службе выше его»⁵⁴. В другом докладе агенты, которые не решаются связываться с преступной средой, названы «трусливыми». В переписке 1947 г. отмечено, что в органах милиции, в особенности ОБХСС, пока не хватает квалифицированных агентов, способных разоблачать «глубокое преступное подполье»⁵⁵.

Однако зависимость от вынужденных осведомителей с темным прошлым вызывала и беспокойство. Неудивительно, что такие осведомители часто оказывались ненадежными. Многие из них, констатируется в докладах, «двурушники», которые поставляют одну «дезинформацию» и «срачиваются с преступным элементом»⁵⁶. К тому же, как заметили сотрудники ОБХСС в 1948 г., подобные осведомители нередко использовали свои особые отношения с милицией в качестве ширмы для новых незаконных делишек: «В ряде

случаев расхитители, взяточники и спекулянты, состоя в агентурно-осведомительной сети ОБХСС, прикрываются этой связью с органами милиции и безнаказанно совершают преступления и тем самым дискредитируют органы милиции»⁵⁷. В 1952 г. МВД предприняло некоторые шаги (правда, не слишком существенные) к устранению этого недостатка. Явно принимая желаемое за действительное, оно издало приказ, разрешавший вербовать преступника в осведомители, только если он «признался во всех преступлениях и выдал свои преступные связи»⁵⁸. Судя по жалобам кураторов, такое условие вряд ли гарантировало ответственное поведение. В иных случаях, по словам начальников ОБХСС, информаторы с криминальным прошлым часто попадали под влияние тех самых людей, которых должны были разоблачать, и «вновь становились на путь преступлений»⁵⁹. Возникла сюрреалистическая ситуация: милиции приходилось вербовать новых осведомителей, чтобы следить за уже имеющимися.

МВД выражало озабоченность неспособностью сотрудников ОБХСС «обеспечить конспирацию», то есть не выдать личность осведомителя. Осведомителям грозило многое, в том числе общественный ostracism, потеря работы, даже насилие. Однако руководство приводило многочисленные примеры, когда кураторы компрометировали своих информаторов. Один милиционер вызывал агентов и осведомителей на тайные встречи, посылая им домой или на работу обычные, незашифрованные открытки. Другие встречались с осведомителями (или называли их по имени в разговорах) в таких общественных местах, как парки или рестораны, не давая себе труда скрыть свою принадлежность к органам внутренних дел. В МВД для подобных промахов был особый термин – «расконспирация»⁶⁰.

В конечном счете забота правоохранительных органов о соблюдении сотрудниками правил конспирации раскрывает их точку зрения на борьбу с такими преступлениями, как взяточничество: это борьба одной конспиративной организации – милиции с ее несовершенными союзниками, осведомителями, – против почти бесконечного множества других – сравнительно небольших, но зачастую неприступных и весьма опасных криминальных группировок. Иногда закрадывается мысль, будто режим боялся, что проигрывает в такой борьбе.

«Недонесение»

Государство зависело от осведомителей, привлекаемых из рядов населения для сбора информации о посягательствах на государственные интересы, включая злоупотребления государственных же должностных лиц. Как мы видели, эти сложные взаимоотношения

создавали определенные проблемы. Конечно, многие осведомители трудились на совесть, и делали это по ряду причин, указанных выше. Однако стоит допустить, что существовали другие варианты, затруднявшие режиму поиск достоверной информации. В данном контексте не мешает обратить внимание на связанную с упомянутой, но почти полностью игнорируемую группу людей – тех, кто ничего *не* общал, кто хранил молчание, кто предпочитал *не* сигнализировать о правонарушениях.

Несколько факторов могут объяснить, почему осведомители порой утаивали информацию от властей. Как показано выше, одни, возможно, боялись, что из-за некомпетентности милиции будет нарушена защищавшая их от разоблачения «конспирация»⁶¹. Другие потенциальные информаторы молчали, полагая, что возможные последствия для них – преследования или потеря работы – перевешивают вероятную выгоду⁶². В конце концов, осведомительство часто влекло за собой большие риски. Осведомитель, донесший на начальника, продолжал работать на том же предприятии или в том же учреждении, и ему запросто могли отплатить, например, донеся на него самого за какое-нибудь прегрешение. «Если все находятся в сложной зависимости ото всех, никто не станет охотно разоблачать других, боясь, что в конечном счете это ударит по нему самому. Это в особенности относится к коррупционному поведению, когда непричастных наблюдателей нет и единственные свидетели нарушения правил – взяточдатель и взяточник», – замечают Дж. М. Монтиас и С. Роуз-Аккерман⁶³. Как указывает Дж. Берлинер, многие формы нарушений, совершавшихся администрацией предприятий ради выполнения плана, делали сообщниками почти всех работников предприятия⁶⁴. Выдав руководителя, который при помощи взяток добывал дефицитные материалы, преодолевая (или обходя) бюрократические рогатки, осведомитель, возможно, лишал себя шанса получить свою долю премии предприятию за выполнение плана. Благодаря обычаю подношений многим потенциальным осведомителям могло в результате незаконной деятельности сослуживцев перепадать что-то ценное. Когда один осведомитель ОБХСС донес на директора московского ресторана «Узбекистан», который в 1950 г. вытряс из своего персонала взятками свыше 17 тыс. руб., многие работники ресторана после ареста начальника наверняка пожалели, что оказались под угрозой потерять хорошую работу и привлекли к себе чересчур пристальное внимание милиции⁶⁵.

Если люди чувствовали себя «морально» или «по дружбе» обязанными друг другу, это тоже мешало им сообщать властям о сомнительных поступках сослуживцев⁶⁶. Подобное чувство обязанности явно существовало между многими членами партии, объединенными

общими привилегиями и убеждениями. Комиссия партийного контроля в докладе 1952 г. сетовала, что если партийцев ловят на злоупотреблениях, то крайне редко по сигналу товарища по партии. Как правило, они попадались в результате уголовного расследования, проводимого прокуратурой и гражданскими судами⁶⁷. Доклад прокуратуры о взяточничестве, связанном с распределением жилья, сухо констатирует: «Интересно отметить, что ни по одному изученному делу о взятках в этой системе не было ни одного случая, чтобы работники Жилуправления, отказавшись от взятки, сообщили об этом в следственные органы»⁶⁸. Даже не берущие взятки должностные лица обычно не выдавали тех, кто делал им такие предложения.

В некоторых случаях информаторы, видимо, полагали, что действия, которым они стали свидетелями, хоть и объявлены преступлением, но все же не настолько преступны, чтобы заслуживать наказания. Потенциальные осведомители могли думать, будто видят обычный блат – вовсе не преступления, а одолжения на основании дружеских личных отношений, которые никому не вредят. Как утверждается в данном исследовании, границы между «подарками», «одолжениями», «чаевыми» и «взятками» во многих культурах и обществах весьма расплывчаты⁶⁹. Другие, наверное, считали, что за некоторые «преступления» нельзя клеймить и карать тех, кто совершает их только ради выживания перед лицом могущественного государства – того государства, которое наделяет привилегиями лишь узкий закрытый круг элиты, но до сих пор так и не выполнило неоднократно повторявшегося обещания обеспечить изобилие всем советским гражданам⁷⁰. «В сталинские годы, – указывает Р. У. Дэвис, – почти все диссиденты, партийные и беспартийные, критиковали режим не за то, что он не подражал западному капитализму, а за то, что не соответствовал социалистическим идеалам»⁷¹. Таким образом, мелкие хозяйственные преступления могли рассматриваться как нормальные формы борьбы за существование, позволяющие простым людям справиться с тяжелыми проблемами в условиях бедности и частой несправедливости. Многие осведомители также, возможно, разделяли распространенное, судя по большинству рассказов, мнение, что воровать у отдельного человека нехорошо, а в том, чтобы брать у государства, ничего плохого нет. В этот контекст отлично вписывается народная поговорка того времени: «Если не крадешь у государства – крадешь у собственной семьи»⁷². В итоге одни свидетели правонарушений доносили «во имя справедливости» (как заметил В. А. Козлов⁷³), другие предпочитали молчать «во имя справедливости».

Заключение

Подобно доносителю, осведомительство занимало «некое промежуточное пространство между обществом “внизу” и государством или властями “наверху”»⁷⁴. Сеть информаторов о неполитических преступлениях представляет собой отдельный пример взаимодействия между режимом, зависевшим от населения в деле пропаганды одного из важнейших элементов послевоенной идеологии – охраны государственной собственности, и советским населением, чье отношение к государственному аппарату и понятию государственной собственности было по меньшей мере сложным. Это непростое взаимодействие между представителями государственной власти и рядовыми гражданами, которых просили помочь защищать «народное богатство», – один из главных вопросов для историков советского опыта⁷⁵.

В последние годы сталинского царствования в докладах ОБХСС стало проявляться растущее недовольство осведомительной сетью. Это отношение высвечивает некоторые из дилемм, характерных для системы правления, которая по крайней мере отчасти зависит от широкой, но ненадежной сети простых людей в разоблачении коррупционной деятельности, присущей ее собственной бюрократии.

Даже после того, как кампания 1947 г. заглохла и осужденных за хищение государственной собственности и должностные преступления стало меньше примерно на две трети, осведомительная сеть продолжала увеличиваться. Хотя об абсолютной численности осведомителей мы должны говорить с осторожностью, понятно, что в относительных величинах агентура с начала войны до конца 1951 г. росла по экспоненте. Такое расширение свидетельствует, что, несмотря на ее изъяны, режим считал систему осведомительства важнейшей чертой работы правоохранительных органов. Рост агентуры должен быть понятен в послевоенных условиях быстро расширяющейся экономики, настоящей эпидемии хищений государственного имущества (и других корыстных должностных преступлений) и тревоги из-за невозможности внушить советским гражданам уважение к «социалистической собственности». В то же время милицмейские руководители приходили к выводу, что значительная часть осведомителей – либо балласт, либо «двурешники», которые не дают верной информации (или просто скрываются с глаз долой).

Многие люди по целому ряду причин предпочитали не сообщать милиции о неправильных или незаконных действиях, которые видели. Однако неготовность или нежелание части советского населения доносить на соседей не следует путать с сознательным активным или пассивным «сопротивлением» социализму, советскому государству,

сталинскому руководству и т. п. Кажется ясным, что множество советских граждан могли одновременно ратовать за обещания советского социализма и воровать государственное имущество или заниматься мелким взяточничеством, не чувствуя ни вины, ни угрызений совести. Другие давали или брали взятки ради достижения социальной справедливости или получения доступа к дефицитным товарам, но по-прежнему верили в блестящее сталинское руководство или превосходство социализма над капитализмом. Тем не менее мы можем утверждать, что, с очевидным успехом убедив подданных в моральных, социальных и экономических преимуществах социализма, режим не сумел убедить советских людей (как рядовых граждан, так и должностных лиц), что государственное имущество нужно уважать, как свое. Этот факт представляет собой фундаментальный провал советской системы. «Социалистическая собственность» так и не превратилась в «нашу собственность»; государство никогда не считалось принадлежащим всем людям. В таком отношении к понятиям «государства» и «его» собственности видны предвестия незаконной экономической деятельности и должностной коррупции, которые расцвели пышным цветом в хрущевский и брежневский периоды.

7. ВОЕННАЯ ЮСТИЦИЯ В ПЕРЕКРЕСТЬЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ И КОРРУПЦИИ

В нелепых публичных фарсах, олицетворявших сталинскую политическую юстицию во время «большого террора», главную – и часто весьма заметную – роль играл судья Василий Васильевич Ульрих. Председатель Военной коллегии Верховного суда СССР Ульрих председательствовал на трех печально знаменитых московских показательных процессах 1936–1938 гг. Его мрачное, злоеющее и по большей части молчаливое присутствие затмевал кровожадно красноречивый прокурор А. Я. Вышинский. Журналист Юджин Лайонс, освещавший показательные процессы для «Юнайтед пресс интернешнл» (ЮПИ), насмехался над внешностью Ульриха: «На его круглом лице боги вылепили маску злобной торжествующей жестокости. Плоские оплывшие черты постоянно искажала гримаса зверского сарказма... Это дынеобразное лицо, издевательски-глумливо нависающее над судом, являло собой карикатуру на саму идею правосудия»¹. Ульрих послушно руководил процессами опальных глав НКВД Г. Г. Ягоды и Н. И. Ежова (обоих расстреляли, после того как судьи быстро вынесли им смертные приговоры), а также секретными процессами маршала М. Н. Тухачевского и других крупных военачальников, когда Сталин в 1937–1938 гг. безжалостно чистил вооруженные силы.

Призванная отправлять правосудие в делах чрезвычайного военно-политического значения, Военная коллегия в разгар террора после закрытых, секретных и коротких разбирательств, продолжавшихся всего несколько минут, бестрепетно осуждала десятки тысяч «изменников» и прочих «контрреволюционеров» на смерть за выдуманные «террористические» преступления; еще многие тысячи приговаривались к длительным срокам заключения². С февраля 1937 г. по сентябрь 1938 г. органы безопасности составили списки (все они подписаны Сталиным) более 44 тыс. чел., которых надлежало расстрелять или надолго отправить в лагеря, и ульриховская Военная коллегия неукоснительно выносила соответствующие приговоры³. В награду ей дали просторное новое здание, куда она и переехала

из тесного строения в центре Москвы, где ютился Верховный суд⁴. За работу по осуждению «врагов народа» Ульриху присвоили звание генерал-полковника юстиции; другие судьи коллегии также получили военные звания. Ульрих с гордостью носил военную форму до конца жизни.

Однако, что примечательно, весной 1948 г. Управление кадров ЦК объявило, будто Ульрих каким-то образом потворствовал получению взяток его приближенными в нескольких щекотливых политических делах. Самого Ульриха в контрреволюционной деятельности не обвинили, в отличие от столь многих самых видных судей страны, расстрелянных как «враги народа» в 1937–1938 гг. Его опорочили утверждениями о попустительстве коррупции и тесной связи со взяточниками. В конце концов, некоторые его сослуживцы по Военной коллегии тоже были запятнаны обвинением, что они брали взятки или смотрели сквозь пальцы на взяточничество в своей среде.

Тот факт, что некоторые высокопоставленные судьи из главного советского военного судебного органа после войны оказались замешаны не в чем-нибудь, а в скандале по поводу *взяточничества*, – загадка, стоящая внимания. Тогда, собственно, пошли разговоры, что взятки берут сотрудники ряда московских органов военной юстиции, от военных трибуналов низшей инстанции до самой Военной коллегии Верховного суда СССР, высшего военного суда страны. Такие обвинения не случайно всплыли, как раз когда режим прилагал огромные усилия, чтобы разыскать и покарать военных преступников, в том числе советских граждан, сотрудничавших с нацистами.

Изучение обвинений во взяточничестве работников московских военных судов позволяет воссоздать важную предысторию еще более крупного скандала, который потряс высшие советские суды в 1948–1952 гг. и стал одним из самых поразительных коррупционных дел в истории Советского Союза. Через Военную коллегию следователи в дальнейшем проследили нить к предполагаемой коррупции в других высших судах по всему СССР. Об этом экстраординарном и практически неизвестном деле пойдет речь в следующей главе.

В связи с делом Ульриха возникает несколько интригующих вопросов. Почему Сталин в тот момент санкционировал атаку на Военную коллегию Верховного суда и в конечном счете на надежнейшего «судью-вешателя» Ульриха на основании обвинений в коррупции? Как советские учреждения военной юстиции оказались тогда причастны к скандалу в связи со взяточничеством? Какие черты сталинской политической и правовой системы способствовали возникновению необычных дел о коррупции в военных судах?

Упомянутый скандал в военных судах никогда подробно не освещался ни в научной литературе, ни в популярной прессе. Но, смею

утверждать, внимательное изучение этих дел может пролить свет на важнейшие элементы позднесталинского государства, а также углубить наши знания об аспектах высокой политики в послевоенные годы⁵. Эти дела помогают увидеть, как обвинения в коррупции использовались, чтобы приструнить определенные учреждения или отдельных людей и осуществлять центральный контроль над правовой системой. Многие наблюдатели отмечали, что атаки государства на коррупцию, где бы они ни происходили, зачастую преследовали политические цели, выходявшие далеко за рамки искоренения взяточничества среди функционеров⁶.

Главные послевоенные политические, юридические и идеологические заботы повлияли на меры против коррупции в судебных органах. Одержимость режима разоблачением контрреволюционеров, военных коллаборационистов и других виновных в «государственных преступлениях» заставляла его бурно и безудержно реагировать на любой намек на коррупцию в военных судах. Партийное руководство считало непреложной необходимостью пресечь незаконные сделки между судебными работниками и просителями, способные свести к минимуму наказания контрреволюционеров и военных изменников⁷. Вдобавок прокуроры в таких делах, явно уполномоченные Сталиным нападать на военные суды, использовали агрессивные методы получения компрометирующих материалов и признаний. Как обычно в сталинской политической практике, партийные и прокурорские следователи обнаруживали заговоры чуть ли не на каждом шагу. (Та же склонность к силовому давлению и зачастую та же сверхподозрительность проявились, хоть и несколько иным образом, в ходе расследования скандалов в верховных судах, подробно описанных в главе 8.) Наконец, в данной главе показан отдельный пример того, как партийные руководители эпохи позднего сталинизма стали прибегать к *обвинениям* во взяточничестве (и других типах коррупции) в качестве эффективного ненасильственного политического орудия, одного из тех, что продолжали применяться и позже. Превращение обвинений в коррупции в политическое оружие – одно из объяснений, почему послевоенный сталинский период представляет собой переходный момент в истории советских антикоррупционных усилий.

Предпосылкой дела о взяточничестве в военных судах послужила «кампания» против взяточничества, развернутая летом 1946 г. (см. главу 5). К началу 1947 г. она уже выдохлась. Судя по небольшому количеству арестованных и осужденных, кампания оказалась малоэффективной и проводилась без энтузиазма. Забуксовала она не в последнюю очередь из-за проволочек и поиска виноватых в самих правовых ведомствах, которые знали, что незаконные отношения в известной мере существуют и в правоохранительных органах. Прокуратура и Министерство юстиции не решались привлекать

внимание к коррупции среди собственных кадров и в собственных учреждениях, не желали обнаруживать слабость своих попыток бороться с ней. Некоторые партийные руководители выражали недовольство черепашными темпами и скудными результатами кампании. Тем не менее кампания 1946 г. сделала партийные органы, суд и прокуратуру чувствительными к проблеме взяточничества и послала бюрократии предупреждение, что любой намек на темные делишки может вызвать тщательное расследование.

Кампания против взяточничества достигла еще одного результата, питавшего позднейшие обвинения: она подтолкнула рядовых граждан поставлять порочащую информацию о судьях, прокурорских работниках и других представителях правовой системы, которую партийное руководство при необходимости могло пустить в ход. Сталинская система постоянно требовала от советских людей доносить на коллег, сотрудников и пр., давая на них компрометирующие материалы. Огромная осведомительная сеть, при всех ее изъянах, демонстрировала заинтересованность режима в доносах и конфиденциальных наводках по поводу любого рода криминальных (и моральных) прегрешений. Иногда рассказы о предполагаемых должностных преступлениях, наводнявшие партийные и правоохранительные органы, служили политическим оружием против лиц, попавших в опалу. В ряде подобных случаев партийные власти решали принять в отношении обвиняемых какие-либо меры. Но, поскольку почти ни одно из таких расследований не вылилось в крупный скандал, стоит задаться вопросом, почему партийные руководители предпочли действовать столь быстро и круто, когда в 1947 г. в поле их зрения попали дела о взяточничестве в военных судах.

Первая искра: Дело лейтенанта Баканова и московских военных трибуналов

Как ни удивительно, дорожка, которая в конце концов привела к самым высокопоставленным юристам страны, по-видимому, пошла от тайных махинаций сотрудника среднего звена в сравнительно небольшом московском военном суде. Первый намек на грядущий скандал можно отыскать в письме секретарю ЦК А. А. Кузнецову от его заместителей, уведомлявших начальника 14 февраля 1947 г., что в ноябре 1946 г. начато уголовное следствие по сообщениям о взяточничестве в судебно-прокурорских органах советских вооруженных сил⁸. Отношение партии к этому делу заложило мину, которая в итоге взорвалась обвинениями в адрес Военной коллегии Верховного суда СССР.

Важный орган ЦК – Управление кадров – играл в деле ключевую роль, пристально наблюдая за ходом следствия и задавая его рамки. Это управление во главе с Кузнецовым было причастно к скандалу с самого начала. Оно ведало назначениями на должности во всем государственном и хозяйственном аппарате, а также следило за политической надежностью и моральным обликом руководящих работников партии. Одна из его функций состояла в сборе компрометирующего материала на партийное руководство⁹.

Управление кадров ЦК инициировало расследование в военных судах, получив обличительное послание с провокационным заявлением, будто в ряде московских военных трибуналов широко распространено взяточничество. (В материалах дела не говорится, был ли донос подписан, и нет сведений о его авторе.)¹⁰ Как гласила справка Управления кадров, следователи Главной военной прокуратуры Вооруженных сил обнаружили «доказательства», что работники некоторых военных судебных органов получали – или передавали в качестве посредников – взятки от попавших под суд людей (военная прокуратура отчитывалась перед генеральным прокурором СССР)¹¹. Почти все случаи взяточничества затрагивали военные суды Москвы – как трибуналы основного звена, так и суды промежуточного звена, где можно было обжаловать вынесенный приговор. (Следует отметить, что юристы считали качество правосудия в военных трибуналах более высоким, чем в обычных судах. Поэтому сообщения о коррупции в военных судах казались особенно шокирующими.) В справке описаны уже знакомые мотивы, методы и возможности. Просители, ожидавшие результата обжалования, платили деньгами или ценными вещами судебным работникам, чтобы добиться благоприятного решения.

Основным персонажем этой первой главы скандала являлся сотрудник среднего звена, старший лейтенант юстиции А. Г. Баканов, 28-летний старший секретарь военного трибунала Московского военного округа. В этой должности он служил с января 1946 г. (с июля 1941 г. до января 1946 г. был старшим секретарем военного трибунала Московского гарнизона – нижестоящего суда). До своего ареста 3 декабря 1946 г. Баканов якобы, пользуясь служебным положением в названных трибуналах, вымогал десятки взяток.

В феврале 1947 г. следователи сообщили Управлению кадров ЦК, что Баканов брал взятки более чем в сорока случаях за предыдущие три года начиная с середины войны. Он будто бы с октября 1943 г. прикарманил около 150 тыс. руб. и потратил большую часть неправомерно нажитых денег на попойки и подарки артисткам знаменитого цыганского театра «Ромэн». Когда просители приходили в суд, он предлагал им за незаконную плату «оказать “содействие” в ускорении рассмотрения поданных ими жалоб, пересмотре судебных дел

и освобождении из-под стражи арестованных и осужденных лиц»¹². Извлекая выгоду из доступа к членам трибунала Московского военного округа (вышестоящего суда), он обещал родным осужденных отмену или смягчение приговоров, вынесенных трибуналами первой инстанции¹³. Своими бесчестными действиями Баканов, по словам Управления кадров ЦК, «подрывал авторитет и достоинство советских судебных органов».

Для работников военных судов снисходительность к серьезным политическим преступникам была чудовищным грехом, и особенно гнусным – снисходительность за деньги. Баканов якобы принял 1 300 руб. от одной женщины за помощь в деле ее сестры, осужденной в 1942 г. за антисоветскую агитацию, контрреволюционное преступление по статье 58-10. Другой человек дал Баканову в 1945 г. 3 тыс. руб. и водку с целью добиться отмены приговора сыну за дезертирство. В начале 1946 г. некто Арапова вручила Баканову 2 400 руб., дабы тот помог ее брату, осужденному военным трибуналом. (Баканов ей сказал, что «освобождение брата будет связано с некоторыми расходами».) Еще в одном случае он взял 5 600 руб., пообещав отцам двух осужденных устроить кассацию приговоров сыновьям. (Неясно, за что последних судили, да и в любом случае Баканов, кажется, не сдержал обещания, но, по советским законам, взятка считалась преступлением независимо от того, принесла ли она желаемый результат.) В обвинительном акте перечислено много похожих эпизодов, когда жены, мужья, родители и дети людей, осужденных военными трибуналами, обращались к Баканову, лично или через посредников, и платили ему за содействие¹⁴.

Во время предварительного следствия военной прокуратуры Баканов сознался во множестве случаев получения им денег и других подарков от родственников осужденных в обмен на незаконное смягчение приговоров или снятие обвинений. И хотя по имеющимся материалам точно выяснить все невозможно, кажется вполне вероятным, что некоторые обвинения против Баканова соответствовали действительности.

В выявленных случаях, заключали следователи, взятки предлагались при посредстве подходящих судебных работников или адвокатов. Чрезвычайно необычно для того времени, что почти все предполагаемые взятки связаны с делами, касающимися *политических* преступлений, например контрреволюции или пособничества врагу. Как говорилось выше, согласие принять взятку в случае политического преступления, по всей видимости, представляло собой в тот период крайнюю редкость. Потрясенные следователи пришли к выводу, что незаконную плату десятки раз брали ряд других работников московских военных судов, в особенности военного трибунала и военной прокуратуры Московского гарнизона (на низовом уровне)

и, на промежуточном уровне, военного трибунала Московского военного округа¹⁵. Главное, по мнению прокурорских следователей, что взяточничество в органах военной юстиции имело место не только в низовом московском военном трибунале, но и в суде промежуточного звена, который рассматривал обжалование решений по его делам.

Военные трибуналы

Что же представляли собой военные трибуналы, чьи кадры теперь попали под подозрение, и какую играли роль? Формально-поверхностным разбирательством дел «врагов народа» и других политических преступников занимались созданные в 1937 г. «двойки» и «тройки» НКВД. Когда в ноябре 1938 г. их упразднили, военные трибуналы взяли на себя обязанность рассмотрения большинства контрреволюционных дел — о государственной измене, шпионаже, терроризме, взрывах, поджогах и прочих формах саботажа¹⁶. (Наряду с этими, особо важными, они также рассматривали многие рядовые дела неополитического характера.) Во время войны в военных трибуналах слушались дела о преступлениях, связанных с военным положением, например о распространении ложных слухов, сеянии паники среди населения, самовольном уходе («дезертирстве») с предприятий военного назначения. Московский военный трибунал, возглавляемый А. В. Васневым, был создан в октябре 1941 г. и особенно активно работал в первые месяцы войны¹⁷. Военные базы и гарнизоны имели собственные трибуналы, формировались они также во фронтовых частях. Почти все обычные суды в стране подверглись тогда реорганизации в военные трибуналы.

Военные трибуналы судили тысячи обвиняемых в измене и других контрреволюционных преступлениях, в том числе с начала 1942 г. — в сотрудничестве с нацистами¹⁸. (Под трибунал также попадали многие, обвинявшиеся не в военных преступлениях: воры, спекулянты, хулиганы.) В 1942 г. перед военными трибуналами предстали свыше 16 тыс. советских граждан — «изменников родины». Первый крупный публичный процесс, устроенный военным трибуналом, прошел в северокавказском городе Краснодаре в июле 1943 г.¹⁹ Закончился он публичным повешением восьми коллаборационистов на глазах у тридцатитысячной толпы и получил широчайшее освещение в средствах массовой информации (почти все другие трибуналы проводились секретно). Трибуналы продолжали действовать еще несколько лет после войны. В 1945–1953 гг. десятки тысяч советских граждан ежегодно арестовывались по обвинению в измене родине или пособничестве нацистам²⁰. Тысячи осуждались военными трибуналами на смерть вплоть до отмены смертной казни в мае 1947 г.²¹ Другие полу-

чали приговоры к лишению свободы, обычно на сроки от 7 до 25 лет. Многие осужденные обжаловали свои приговоры в вышестоящие военные суды; заявления о незаконных сделках в связи с такими жалобами как раз и вызвали описываемый скандал.

Военная коллегия Верховного суда СССР надзирала за широкой сетью военных трибуналов, которые занимались преследованием – и привлечением к ответственности – сотен тысяч советских граждан, обвинявшихся в контрреволюционных преступлениях (включая сотрудничество с нацистами во время войны) по статье 58 уголовного кодекса. В качестве высшей судебной инстанции для осужденных военными трибуналами Военная коллегия принимала окончательные решения относительно приговоров, вынесенных низовыми трибуналами по делам о пособничестве врагу и других изменнических действиях. Структурно она являлась одной из пяти коллегий Верховного суда СССР, каждая из которых рассматривала дела определенных типов. (В сталинский период сам Верховный суд СССР функционировал не как конституционный суд – эту обязанность он утратил в 1929 г., – а как высший судебный орган страны²².)

За многие виды деятельности²³, от активной поддержки нацистов до выполнения черной работы, например страпни и уборки, для немецких военных на оккупированной территории (зачастую под страхом смерти) и весьма туманно обозначаемых «изменнических намерений» и «враждебного отношения» к советской власти, судили как за контрреволюционные преступления по статье 58²⁴. Правовая ситуация в СССР весьма отличалась от послевоенной атмосферы в Европе (особенно во Франции и Бельгии), где суды снимали или сильно смягчали обвинения, сочтя определенные коллаборационистские поступки «закономерными, хотя и нежелательными, попытками выжить». Затем последовали массовые амнистии²⁵. В Советском Союзе суды в основном придерживались принципа сурового возмездия даже пассивным наблюдателям или тем, для кого неповиновение приказам нацистов означало казнь от рук оккупантов.

Оговоры и Военная коллегия

Само по себе дело о взяточничестве лейтенанта Баканова было необычным, но не совсем уж немыслимым. Конечно, заявления, будто работники военного суда берут взятки, не назовешь типичными, но поначалу эти заявления ограничивались несколькими судами нижнего и среднего звена в Москве. Главное тут, однако, что Сталин, видимо, воспользовался делом Баканова как предлогом, чтобы обвинить в коррупции Военную коллегию Верховного суда.

Одно распоряжение ЦК в феврале 1947 г. свидетельствует, что на прокуратуру оказывался нажим, дабы она не останавливалась на деле Баканова, а пошла гораздо дальше и, не щадя усилий, разоблачала взяточников в столичных военно-судебных учреждениях. Распоряжение предписывало главному военному прокурору вооруженных сил Н. П. Афанасьеву «взять под личное наблюдение следствие по делам о взятках по г. Москве в военных судебно-прокурорских органах, обеспечив его своевременное проведение»²⁶.

Будучи в тюрьме, Баканов дал показания на десятки людей из московских военно-судебных учреждений, благодаря чему его дело вылилось в большой скандал. Он потянул за собой множество работников органов военной юстиции разного уровня, якобы получавших взятки (не считая двадцати с лишним лиц, которые, согласно его показаниям, давали ему взятки). В целом Баканов сдал более трех десятков человек, с которыми работал, в том числе многих военных судей, бравших, по его словам, деньги за отмену или смягчение приговоров. В результате были арестованы трое судей военного трибунала Московского военного округа, четверо судей и трое секретарей военного трибунала Московского гарнизона (а также двое бывших членов этого трибунала), секретарь председателя Московского городского суда, военный следователь и адъютант, работавшие в Главной военной прокуратуре СССР²⁷. В конечном счете прокуратура предъявила обвинения во взяточничестве 61 чел., почти всем по оговору одного человека – лейтенанта юстиции А. Г. Баканова²⁸.

Бакановские махинации могли бы остаться единичным, хоть и тревожным примером коррупции на нижних уровнях системы военной юстиции в Москве. Однако, судя по ходу следствия, это дело привлекло внимание самого Сталина. Управление кадров ЦК под началом Кузнецова следило за делом с исключительной тщательностью и, возможно, способствовало его развитию. Самое главное: управление заявило, что Баканов дал следователям показания, будто некоторые работники высшего судебного органа страны по делам, касающимся военных преступлений, – Военной коллегии Верховного суда СССР – берут взятки. В подтверждение следователи ссылались на то, что после рассмотрения жалоб судьи Военной коллегии в ряде случаев смягчали и даже отменяли приговоры, вынесенные нижестоящими военными судами.

«Клеветать не буду»: Своеобразный процесс Баканова

По словам следователей, Баканов говорил просителям, что у него есть связи с влиятельными лицами в самой Военной коллегии

Верховного суда. Дескать, люди, готовые дать взятку, могут ожидать положительных результатов, потому что он передаст их дела некоторым «полезным» членам коллегии. На допросах Баканов назвал по меньшей мере двух ее работников – секретаря Кевеш и инспектора Бородавкина. Доносы Баканова на персонал Военной коллегии помогли раздуть большой скандал, который бушевал в ряде высших советских судов несколько лет.

В середине лета 1947 г., 17–24 июля, в Москве прошел один из самых необычных процессов о взяточничестве в истории Советского Союза. Это был закрытый процесс двадцати пяти человек, якобы причастных к аферам Баканова. Поскольку их дела считались исключительно важными, их рассматривала специальная сессия Военной коллегии Верховного суда. Поэтому перед тройкой ее судей стояла чрезвычайно неудобная (можно сказать, типично сталинская) задача – вести процесс, на котором рассматривались показания, касавшиеся в том числе собственных сотрудников коллегии.

В завершение процесса судьи признали А. Г. Баканова виновным в получении или передаче в качестве посредника взяток в общей сложности на сумму около 100 тыс. руб. Поскольку многие из этих взяток давались в связи с делами о контрреволюционных преступлениях, Баканов был осужден по статье 58-7 за использование государственного учреждения для подрывной деятельности («вредительство») и по статье 16 за «общественно опасное преступление»²⁹. Военная коллегия приговорила его к максимальной мере наказания – 25 годам лагерей. Баканову чрезвычайно повезло: Сталин отменил смертную казнь всего два месяца назад³⁰. Девятнадцать других подсудимых суд признал виновными в даче взяток или посредничестве при таковой, вынеся им приговоры к лишению свободы на сроки от 2 до 5 лет.

Несмотря на предсказуемый исход, это дело, тем не менее, имело много ярких особенностей. Один из достойных внимания его аспектов заключается в том, что многие первоначальные обвинения оказались сняты, прежде чем оно попало в суд. Еще во время предварительного следствия прокуратура выпустила на свободу 34 обвиняемых. Снятие стольких обвинений весьма нетипично для советской правовой практики³¹. И хотя военная прокуратура сначала арестовала за получение взяток больше дюжины людей, судьи признали, что действительно брал взятки только один человек – Баканов³². Несколько судей местных военных трибуналов, на которых показал Баканов, освободили. Кроме того, пятерых из 25 чел., все же *представших* перед судом, председательствующий судья Ф. Ф. Каравайков оправдал за недостатком доказательств (тоже редкий случай в советской судебной практике). В конце концов суд осудил всего 20 из 61 первоначального обвиняемого.

Почему же столько людей отпустили или оправдали? Ответить на этот вопрос помогают два примечательных письма, хранящихся в государственных архивах. 18 августа 1947 г., через три недели после завершения процесса Баканова, Ульрих горько пожаловался на ведение следствия прокуратурой. В письме, направленном «совершенно секретно» и «лично» председателю Верховного суда СССР И. Т. Голякову, он порицал методы, применявшиеся военной прокуратурой в деле Баканова³³. Ульрих предупреждал Голякова, что под экстраординарным давлением прокурорских следователей главный обвиняемый Баканов оклеветал по меньшей мере сорок невиновных. Процесс, по словам Ульриха, показал, что следователи вынудили Баканова придумывать истории, изображавшие работников суда и прокуратуры взяточниками. В попытке смягчить собственную участь он дал ложные показания на десятки коллег и даже шапочных знакомых, никто из которых не имел никакого отношения к его махинациям³⁴.

Заявление Ульриха о прокурорских злоупотреблениях тем более поразительно, поскольку он понимал, что военная прокуратура подчиняется Прокуратуре СССР; он не говорил открыто, но явно намекал, что военная прокуратура не могла предпринять подобные действия без санкции генерального прокурора СССР. Впрочем, кажется очевидным, что Ульрих считал для себя безопасным писать о неправильной работе прокуратуры. Вероятно, он полагал, что заслужил некоторую неприкосновенность, после того как выступал неизменно надежным главным судьей на политических процессах 1930-х гг. Есть, конечно, немалая доля иронии в том, что именно Ульрих, много лет с легкой душой приговаривавший тысячи невинных людей к смерти по сфабрикованным обвинениям в измене и шпионаже, сетовал на «несправедливую» тактику следователей, которые принуждали подследственного к нужным показаниям.

Второе гневное письмо, написанное в августе 1947 г. председательствовавшим на процессе Баканова судьей Военной коллегии Ф. Ф. Каравайковым, добавляет несколько ошеломляющих деталей. Каравайков винил следователей прокуратуры в том, что они во многих отношениях скомпрометировали дело. Он дерзнул заявить, что следователи, еще не приступив к следствию, уже решили «найти» крупное дело о взяточничестве в московских судах: «Изучение материалов дела Баканова и др. показывает, что предварительное следствие *шло по линии раскрытия группового крупного дела о систематическом взяточничестве в судебных органах гор. Москвы* [курсив мой. — Дж. Х.]». По словам Каравайкова, следователи заставили Баканова оговорить десятки невинных людей, занимавших те или иные должности в московских военных судах, в том числе несколь-

ких сотрудников Военной коллегии, где работал сам Каравайков. По сути, он утверждал, что Прокуратура СССР использовала редкие отдельные случаи мелкого взяточничества, дабы состряпать огромный искусственный скандал.

Мнение Каравайкова, будто военная прокуратура самовольно фабриковала скандалы, затрагивавшие Военную коллегию, неверно или, пожалуй, верно только отчасти. Можно предположить, что Кузнецов сам решил пойти в атаку на Ульриха, то ли по личным причинам, то ли в рамках фракционной борьбы, но в условиях сталинской системы это кажется маловероятным. Гораздо вероятнее, что решение использовать дело Баканова для ложных обвинений против судей Военной коллегии в конечном счете требовало санкции Сталина, учитывая положение и репутацию этих судей. Прокуратура, скорее всего, следовала приказам партийных верхов. Кузнецов, как начальник Управления кадров ЦК, возможно, снабжал Сталина информацией о тревожном распространении взяточничества в военных судах, желая политически скомпрометировать Ульриха, но в сталинской политической системе было практически немыслимо, чтобы прокуратура или Управление кадров ЦК выступили против столь значительной фигуры без прямого разрешения самого диктатора.

Далее в своем письме Каравайков описал методы следствия. На процессе Баканов говорил Каравайкову и суду, что следователи требовали от него лгать на допросах: «Они ставили так вопросы: “Раз ты, Баканов, по этому делу получил 10 000 рублей и добился освобождения Макарычева из-под стражи, ты не мог это сделать один. Кто твои соучастники? Признавайся, называй людей, тебе легче будет”. Я называл людей». Когда Баканов начал оговаривать сослуживцев, следствие «не только не пресекало недопустимого поведения Баканова, сводившегося к тому, что он огульно стал “изобличать” во взяточничестве чуть ли не всех известных ему судебных работников, но лица, проводившие следствие, отдельными своими действиями даже подталкивали Баканова к такому поведению»³⁵. Однажды ему дали свидание с женой и право переписки только после того, как он согласился ложно обвинить члена военного трибунала Московского гарнизона³⁶. Каравайков привел ряд запрототолированных моментов, когда Баканов заявлял суду, что следователи заставляли его показывать на людей, в чьей невиновности он был уверен.

Кроме того, имеющиеся материалы показывают, что следователи особенно старались выжать из Баканова показания об участии в крупных схемах взяточничества «организованной группы» работников Военной коллегии Верховного суда³⁷. На своем закрытом процессе Баканов признался, что ложно обвинил секретаря Военной коллегии Кевеш, которую едва знал: «Я оговорил Кевеш. Оговорил ее

потому, что следователь все время добивался от меня показаний, с кем из работников Военной коллегии я был связан по своей преступной деятельности». Во время процесса Баканов рассказал судьям, что пытался отказаться от своей лжи. Но следователи обещали ему, что если он будет придерживаться прежних (ложных) показаний, то его в награду переведут из одиночки, где он томился уже восемь месяцев. Сама Кевеш на суде поведала, что от нее требовали признаний в не имевших места незаконных сделках с Бакановым. Ее постоянно спрашивали, кому из работников Военной коллегии она передавала взятки. Но она стояла на своем: «Денег я от Баканова не получала и клеветать на работников Военной коллегии не буду».

* * *

Ряд основных черт следствия по делу Баканова и военных судов предвещал грядущие расследования коррупции в верховных судах (о которых пойдет речь в главе 8). В свете имеющихся свидетельств можно сделать вывод, что следователи, несомненно по указаниям партийного руководства, еще до начала следствия решили, какого рода преступления должны обнаружить и кто должен быть в них замешан. Материалы дела представлялись в Управление кадров ЦК, которое принимало по ним свои меры. Партийные руководители, видимо, работали по определенному сценарию, который задал рамки расследованию махинаций Баканова в военных судах. Как показывает экстраординарное письмо судьи Каравайкова, следователи прокуратуры хотели найти «групповое крупное дело». И хотя в поле зрения следствия попало много работников судов низового звена, прокуратуру главным образом интересовали сотрудники – особенно судьи – Военной коллегии Верховного суда СССР.

Дело Баканова – первый признак того, что партийная верхушка сталинской автократии вознамерилась использовать обвинения во взяточничестве для очернения, а в некоторых случаях и преследования судей и других работников Военной коллегии. Разумеется, следователи охотно прибегали к принудительным методам получения показаний, в том числе сомнительных. Подсудимые говорили судьям, что на них оказывали физическое и психологическое воздействие, выжимая признания и оговоры. Судья Каравайков в своем обличительном письме определенно поддерживает эти заявления.

«Либерализм» в военных судах

Остается ответить на вопрос, почему отдельные случаи в московских военных судах спровоцировали крупнейший скандал по поводу

взяточничества в период позднего сталинизма. Начать можно с указания, что случаи эти вскрылись в первой половине 1947 г., в определенной политической и правовой обстановке, которая способствовала молниеносной реакции партийного руководства. Следователи прокуратуры и Управление кадров ЦК утверждали, что работники военных судов получали взятки за смягчение наказаний за особые *типы* преступлений, преследование которых являлось для режима важным политическим приоритетом. Ответ партии отчасти можно истолковать как попытку запугать судей ключевых судов, дабы те интенсивнее преследовали обвиняемых в преступлениях, которые партия в послевоенные годы считала необходимым карать наиболее сурово.

В 1947–1948 гг. Управление кадров ЦК заявляло, что Военная коллегия недостаточно беспощадна к политическим и военным преступникам. Секретариат ЦК, в частности, резко критиковал Военную коллегию за явную снисходительность к людям, судимым за контрреволюционные преступления по статье 58. Партийные руководители говорили, что судьи Военной коллегии часто безосновательно смягчали приговоры именно по этой статье³⁸. Управление кадров выражало возмущение несерьезным отношением к военным преступлениям со стороны военно-судебной системы. В такой обстановке судебным работникам, обвиняемым в изменении за взятку или под иного рода влиянием приговоров по любому делу по статье 58, грозило столкнуться со всей строгостью закона³⁹.

Пока шли боевые действия, военные трибуналы активно применяли смертную казнь за сотрудничество с врагом и измену. Однако после войны судьи Военной коллегии смягчали многие суровые приговоры (в том числе смертные), сочтя, что они незаслуженно вынесены местными военными трибуналами, которые плохо понимают закон⁴⁰. Военная коллегия полагала своей обязанностью исправлять грубые ошибки чрезмерно рьяных местных трибуналов, уменьшая (или отменяя) наложенные ими излишне тяжкие наказания, как показали историки Сергей Кудряшов и Ванесса Вуазен. Она жаловалась, что местные трибуналы, укомплектованные неопытными юристами, осуждают людей без достаточных доказательств, неправильно назначают наказания или применяют не те законы⁴¹. Иногда она вообще снимала обвинения, если отсутствовали существенные, проверяемые доказательства правонарушений⁴².

Правда, едва боевые действия закончились, такую снисходительность среди судей заклеили как опасную «политическую ошибку», демонстрирующую недопустимую утрату бдительности. Мол, военные трибуналы – и надзирающая за ними Военная коллегия – ослабляют ответственность за контрреволюционную деятельность и

«измену родине», вынося неоправданно мягкие приговоры. Как раз в то время, когда многие государства Западной Европы разрабатывали законы об амнистии осужденных коллаборационистов, в Советском Союзе происходило обратное и требования карать вражеских пособников только усиливались⁴³. После отмены смертной казни в мае 1947 г. партийные руководители сетовали, что многие судьи в трибуналах размякли, частенько не дают злейшим преступникам максимально допустимого 25-летнего срока, налагая в тысячах случаев гораздо более легкие наказания: к примеру, уже в третьем квартале 1947 г. местные трибуналы «неправильно, с явным смягчением меры» вынесли приговоры более чем 2 тыс. солдат, осужденных за «измену родине» (74 % всех осужденных)⁴⁴. Управление кадров ЦК утверждало, что Военная коллегия не должна допускать столь мягких наказаний⁴⁵. Партийные работники информировали Сталина о количестве «неправильно» смягченных самой коллегией приговоров. В одном докладе 1948 г., направленном Сталину, указывалось на «серьезные извращения судебной линии», заключавшиеся в том, что Военная коллегия в 1947 г. незаслуженно смягчила приговоры тысячам людей, осужденных за политические преступления, в том числе «измену родине» и «антисоветскую агитацию»⁴⁶.

Несомненно, под нажимом верхушки ЦК председатель Верховного суда Голяков в ноябрьском письме 1947 г. отчитывал Ульриха за то, что слишком многие военные трибуналы проявляют недопустимый либерализм, а Военная коллегия эти ошибки не исправляет. По словам Голякова, Военная коллегия не относилась к контрреволюционным преступлениям с должной серьезностью⁴⁷. В одном приведенном Голяковым случае красноармейцу, который в конце 1941 г. попал в плен, затем служил в немецкой армии, когда нацисты отступали из Ставропольского края, а в ноябре 1942 г. бежал, северокавказский военный трибунал дал 25 лет. Военная коллегия по ходатайству о пересмотре приговора снизила меру наказания до 10 лет, постановив, что первоначальный приговор слишком суров. Раздражение вызывали также заявления Военной коллегии, что приговоры осужденным за «контрреволюционную агитацию» следует смягчать, если виновные высказывали опасные идеи только «среди ограниченного круга лиц» или нарушили закон в первый раз. Ульрих подвергся резкой критике за сокращение срока наказания, наложенного в ноябре 1941 г. за «антисоветскую агитацию» (по статье 58-10) на солдата, который как-то во всеуслышание сказал: «Гитлер наметил дойти до Урала и дойдет». В феврале 1948 г. Ульрих подал протест, утверждая, что срок заключения этому солдату должен быть уменьшен с 7 до 6 лет. Все подобные действия представляли собой примеры «политически вредной

линии на снижение мер наказания в отношении лиц, изобличенных в тяжких государственных преступлениях»⁴⁸.

Таким образом, судьи Военной коллегии оказались мишенями в перекрестье двух главных послевоенных приоритетов партии, на первый взгляд не связанных друг с другом: беспощадного наказания контрреволюционеров, коллаборационистов и прочих «политических преступников» и борьбы с влиянием взяточничества на судебную систему, хозяйственную и государственную администрацию. Партия осуществляла соответствующие инициативы, ужесточая кары для любого лица или учреждения, выказывающего, по ее мнению, нелояльность советскому государству. Рост недисциплинированности среди должностных лиц (реальный и воображаемый) серьезно беспокоил партию-государство, которое старалось вернуть себе контроль над собственными кадрами, даже когда добивалось наказания коллаборационистов.

Военная коллегия под прицелом

Архивные документы свидетельствуют, что следователи прокуратуры стали виться вокруг Военной коллегии в конце 1947 – начале 1948 г., стараясь разоблачить кадры, замешанные в коррупционных махинациях⁴⁹. Управление кадров ЦК тесно сотрудничало с прокуратурой в преследовании служащих Военной коллегии, подозреваемых во взяточничестве, во многих случаях – по оговору Баканова.

Одним из работников Военной коллегии, в полной мере испытывавших на себе кампанию по устрашению и наказанию этого учреждения, стал старший инспектор полковник Л. Н. Кудрявцев. Его арестовали 21 июня 1948 г. по обвинению во множестве эпизодов взяточничества (получив на него показания в ходе следствия по другому аналогичному делу) и до суда продержали в тюрьме более двух лет. Кудрявцев ни в чем не сознался. По словам следователей, он почти пять лет, злоупотребляя служебным положением, договаривался с судьями, чтобы те за деньги отменяли или смягчали приговоры. В самых вопиющих случаях, утверждали следователи, Кудрявцев получал взятки за влияние на пересмотр приговоров людям, повинным в военных и политических преступлениях. Например, он якобы взял взятку у отца женщины, осужденной в 1944 г. за «дезертирство» с военного завода и получившей 8 лет тюрьмы⁵⁰. В конце концов Кудрявцева судили за нарушение статьи 193-176 УК о злоупотреблении властью начальствующего лица в армии при особо отягчающих обстоятельствах⁵¹. До отмены смертной казни в мае 1947 г. осужденные по этой статье подлежали расстрелу; Кудрявцева приговорили к 25 годам лагерей⁵².

Архивные материалы, впрочем, дают понять, что коррумпированные юрисконсульты, канцелярский персонал и адвокаты следователей не особенно интересовали (хотя они и предпринимали некоторые попытки выявлять таковых и заводить на них дела). ЦК и прокуратура с самым горячим энтузиазмом охотились на отдельных судей. Сначала в поле зрения следствия попал судья Военной коллегии Ф. Ф. Каравайков, председательствовавший на процессе Баканова в июле 1947 г. Это он осмелился пожаловаться на следователей, которые, по его мнению, применяли незаконные методы, чтобы состряпать крупный скандал в московских военных судах. Теперь Управление кадров ЦК заявило, что сам Каравайков неправильно разбирал дела об измене родине. «Политические ошибки» Каравайкова оно трактовало как один из плодов противозаконного влияния на судей в Военной коллегии. В июле 1948 г. ЦК «пришлось» вмешаться в дело офицера Копелева, осужденного местным военным трибуналом за «антисоветскую агитацию» и приговоренного всего лишь к 3 годам заключения. В свете прежних «троцкистских» симпатий и другой «антисоветской деятельности» Копелева трибунал повысил меру наказания до 10 лет. Затем, пересмотрев приговор, тройка судей Военной коллегии под председательством Каравайкова «необоснованно» сократила Копелеву срок с 10 до 6 лет⁵³. После этого инцидента, 24 апреля 1948 г., Секретариат ЦК санкционировал удаление Каравайкова из Военной коллегии и исключение из партии, передав его дело в Политбюро⁵⁴. Политбюро рассмотрело дело на заседании 3 мая 1948 г.⁵⁵

Летом 1948 г. атака на работавших в Военной коллегии судей продолжилась. В июле Управление кадров ЦК рекомендовало вывести из состава коллегии как минимум еще четырех судей, якобы слишком мягких с изменниками⁵⁶. К примеру, судья А. А. Добровольский в течение 1947 г. и в первые три месяца 1948 г. «систематически допускал необоснованное снижение наказания изменникам Родины». Намакая, будто на мнение Добровольского повлияли деньги, управление сообщало, что он отменил десять решений по делам изменников, уменьшив последним сроки. Тринадцать приговоров отменил также судья Сюльдин, а Машков утвердил двадцать два откровенно снисходительных приговора, вынесенных трибуналами⁵⁷. Всячески давалось понять, что мотивы членов Военной коллегии обуславливались взятками или другими «подарками», полученными от просителей за такие легкие наказания. (Никаких доказательств реального взяточничества в доступных документах нет.)

Примечательно, что Управление кадров ЦК выдвинуло обвинения во взяточничестве против Ионы Тимофеевича Никитченко, всемирно известного судьи Военной коллегии, заместителя председателя Верховного суда СССР. С октября 1945 г. по октябрь 1946 г.

он был ведущим советским судьей на процессах главных военных преступников в Международном военном трибунале в Нюрнберге⁵⁸. Международная известность не уберегла его от обвинений в должностной коррупции и моральном разложении дома. Статус Никитченко служит практически неопровержимым доказательством, что попытки очернить его могли совершаться только с одобрения Сталина. Возможно, сыграла свою роль досада генсека на «мягкость» нюрнбергских вердиктов, позволивших ряду немецких подсудимых вместо смертной казни отделаться пожизненным или длительным заключением. Вообще недовольство нюрнбергскими вердиктами, вероятно, укрепило Сталина в решении добиваться от советских судов суровой кары всем подсудимым, которые так или иначе, хотя бы в самой малой степени, участвовали в варварских действиях нацистов против СССР, – и, следовательно, подогревало его нетерпимость к мягкотелости, якобы проявляемой Военной коллегией при пересмотре приговоров.

Материалы дел и судебные протоколы показывают, что по меньшей мере двое свидетелей, обвинивших Никитченко во взяточничестве, поступили так под давлением следователей Прокуратуры СССР, когда содержались в тюрьме. Их показания против Никитченко сомнительны⁵⁹. Третий человек, которого заставляли оговорить Никитченко, – обвиняемый-взяточник Л. Н. Кудрявцев, работавший старшим инспектором Военной коллегии (см. выше). В письме 1950 г. генеральному прокурору Сафонову Кудрявцев жаловался, что следователи требовали от него свидетельствовать против Никитченко. Он отказался, так как, по его словам, был уверен в невинности последнего⁶⁰.

Веских доказательств, что Никитченко брал взятки, нет, зато в судебных материалах и протоколах есть немало свидетельств, что следователи всеми силами старались «пришить» ему коррупцию. Одновременно Управление кадров ЦК обнаружило за ним политические и моральные прегрешения. В докладе от 8 июля 1948 г. оно указало, что Никитченко совершил «серьезный антипартийный проступок»: скрыл от начальства факт встречи в Германии со знакомой-немкой, работавшей директором научно-исследовательского института в Харькове во время оккупации города. Знакомая и ее муж бежали в Германию перед освобождением Харькова советскими войсками⁶¹. Окончательно предрешив опалу Никитченко, Верховный суд доложил Сталину в октябре 1948 г., что сын судьи несколько недель назад арестован «по обвинению в контрреволюционном преступлении» (в каком именно, не уточнялось)⁶². Совет министров снял Никитченко с должности в Верховном суде 18 июня 1949 г.⁶³ Вероятно, Никитченко несколько лет жил в ожидании ареста, но этого все-таки не случилось.

Еще одной мишенью следователей стал судья Военной коллегии полковник Василий Васильевич Буканов (не путать с Алексеем *Бакановым*, старшим секретарем нижестоящего военного суда, о котором речь шла выше и чье дело послужило первой искрой, разжегшей скандал). Буканов, сын рабочего, родом из Калуги, воевал в Красной армии в гражданскую войну. В органах суда и прокуратуры работал с 1925 г., был прокурором Раменского района Московской области до 1937 г., когда получил пост председателя Московского областного суда. В 1938 г. он стал членом Верховного суда СССР. Буканов служил в Военной коллегии Верховного суда до 1946 г., затем его направили в Советскую военную администрацию в Восточной Германии (СВАГ), где он занимался реорганизацией немецкой судебной системы⁶⁴.

6 октября 1948 г. Прокуратура СССР информировала секретаря ЦК Кузнецова, что у следователей есть сведения о незаконном получении Букановым подарков за помощь в делах, которые поступали к нему в Военную коллегия. По словам прокуратуры, Буканов начал брать взятки в 1944 г. и с тех пор постоянно участвовал в различных махинациях⁶⁵. В результате Буканова сняли с поста в Германии и вернули в Москву. В феврале 1949 г. следователи прокуратуры стали задавать ему вопросы, но до 5 сентября не арестовывали. После ареста его 9 месяцев держали в камере, не вызывая на допрос⁶⁶. Через несколько месяцев Буканову предъявили обвинения в получении ряда взяток по разным делам. Он неизменно все отрицал. Больше года прошло с момента ареста Буканова до его первого процесса 24–25 ноября 1950 г., когда суд признал его виновным в получении взяток⁶⁷.

Дело Буканова представляет собой пример того, как работники прокуратуры запугивали судей, обвиняемых во взяточничестве. Следователи сильно преувеличивали весомость слабых доказательств, использовали сомнительные методы, беря показания у пристрастных свидетелей и выжимая признания у обвиняемых. (Вообще во множестве дел наблюдается удивительная созвучность жалоб на принудительные методы прокуратуры.) По словам следователей, Буканов участвовал в крупной схеме взяточничества вместе с судьей Верховного суда РСФСР П. М. Шевченко. Но Шевченко, выступая свидетелем на втором процессе Буканова, рассказал судьям, что дал показания против последнего только под агрессивным нажимом следователей, «при ночном допросе в тяжелой тюремной обстановке», когда у него не осталось ни физических, ни душевных сил отрицать ложные обвинения⁶⁸. Заявив, что лгал на первом процессе, Шевченко изменил показания и теперь настаивал на невиновности Буканова⁶⁹.

Другой свидетель по делу Буканова, И. М. Лебедев (следователь Московской областной прокуратуры), также засвидетельствовал попытки заставить его оговорить Буканова. Лебедев поведал суду, что

главный следователь Голиков на 7 месяцев запер его в карцере, добиваясь от него признания выдуманных обвинений⁷⁰. Голиков хотел, чтобы он дал показания на одного или нескольких судей⁷¹. По мнению Лебедева, прокуратура толкала его на лжесвидетельство, «чтобы создать фигуры больших взяточников»⁷². Голиков сказал Лебедеву, что тот мелкая сошка, а следствие главным образом интересуют судьи Шевченко и Буканов⁷³.

На своем втором процессе Буканов напомнил судьям, что никогда не был «врагом». И, уж конечно, не грешил либерализмом. Он справедливо заметил, что вся его карьера построена на борьбе с врагами революции: «Я всю свою жизнь прожил честно, и совесть у меня чиста. Я один из активнейших участников гражданской войны и разгрома правотроцкистского блока, а также чистки партии. Я ни в чем не виновен и не хочу, чтобы мое потомство было мною опорочено»⁷⁴. В конечном счете с него сняли все обвинения, но до этого ему пришлось перенести почти два года тюрьмы, неоднократные допросы и два судебных процесса. «Непонятно мне – кому нужно осуждение меня?» – спросил у судей Буканов⁷⁵.

«Открыть ворота Ульриху»

Даже когда ряд работников Военной коллегии весной–летом 1948 г. попали под следствие, были сняты с должностей, а в некоторых случаях и арестованы, глава коллегии В. В. Ульрих сумел удержаться на посту, который занимал больше двадцати лет. Он родился 1 июля 1889 г. в Риге, в 1910 г. примкнул к большевикам, в 1918 г. начал работать в ЧК (политической полиции). Председателем Военной коллегии стал в 1926 г. Помимо председательства на всех крупных политических процессах 1930-х гг. он возглавлял секретное расследование убийства первого секретаря Ленинградской партийной организации С. М. Кирова в 1934 г. Почти все время сталинского правления Ульрих бесспорно являлся самым знаменитым судьей Советского Союза (соперничали с ним в этом судья Нюрнбергского трибунала Никитченко и председатель Верховного суда Голяков).

Однако в 1947–1948 гг., когда следственное дело в отношении Военной коллегии росло, как снежный ком, фортуна от Ульриха резко отвернулась. Летом 1948 г. Управление кадров ЦК (наверняка с одобрения Сталина) начало критиковать его за серьезные «ошибки». Начальник управления Кузнецов сообщил Маленкову компрометирующие сведения об Ульрихе, заявляя, что тот переступил очень опасную черту: необоснованно вмешивается в политические дела⁷⁶. Согласно докладу Кузнецова, жена Ульриха А. Д. Кассель сама брала взятки и затем пыталась повлиять на мужа при рассмотрении Военной коллегией нескольких дел, включая, что самое непроститель-

тельное, два дела лиц, обвиняемых в контрреволюционных преступлениях. В начале 1947 г. мать человека, осужденного за хищение государственного имущества по указу от 7 августа 1932 г. (что квалифицировалось как «контрреволюционное» преступление), обратилась к супруге Ульриха с просьбой помочь в деле сына, используя семейные отношения с Ульрихом⁷⁷. Затем она же позвонила еще одному члену Военной коллегии, пытаясь заручиться его поддержкой. По словам начальника Управления кадров, Ульрих вмешался в дело, подал от имени осужденного протест и вел заседание коллегии, которое смягчило последнему приговор всего до трех лет условно.

Помимо обвинений в серьезных нарушениях профессиональных и политических правил, Ульриха дискредитировали в личном плане. В докладе говорилось, что он алкоголик, и у него имеется политически и морально сомнительная любовница-немка. Эта женщина, некая Литкенс «без определенных занятий», является «морально опустившимся человеком, алкоголиком и морфинисткой» с подозрительным политическим прошлым: «Ее бывший муж Шепелев А. В. – офицер царской армии, был связан с Троцким и [А. П.] Розенгольцем [некоторое время политически близким к Троцкому. – *Дж. Х.*], встречался с Троцким в Стамбуле в 1929 г. после высылки его из СССР»⁷⁸. Любовница Ульриха «оказывает на него большое влияние и пользуется его исключительным доверием». Ульрих незаконно выдал ей постоянный пропуск в здание Военной коллегии. Она действительно присутствовала там на процессах, в том числе на процессе «осужденного террориста». Кроме того, согласно докладу, Литкенс встречалась с родственниками обвиняемых-контрреволюционеров, чьи дела поступали в Военную коллегию, и за деньги давала им повидаться с Ульрихом. Доклад намекал, что Ульрих знал о взятке, которую дала его любовнице жена человека, осужденного за «контрреволюционную деятельность» и приговоренного к 10 годам заключения. (К тому времени, когда Управление кадров ЦК писало этот доклад, Литкенс уже арестовали и предъявили ей обвинение⁷⁹.) Утверждения, что и жена, и любовница торгуют его служебным положением в связи с делами о политических преступлениях, несомненно, представляли для Ульриха особую опасность. В 1937–1938 гг. подобные обвинения в неправильном подходе к делам контрреволюционеров стоили бы ему жизни.

Ульрих, по-видимому, почувствовал угрозу своему положению во время расследования действий его сотрудников по Военной коллегии весной 1948 г. В мае он в попытках спасти собственную шкуру принялся ябедничать на других. Сталинская бюрократия порой немудимо требовала от своих представителей «стучать» на коллег, выгораживая себя. (Пример этого феномена – дело министра государственной безопасности В. С. Абакумова, на которого донес один

из подчиненных М. Д. Рюмин в 1951 г., когда сам попал под подозрение⁸⁰.) Ульрих – подобно столь многим партийным работникам – стал сдавать сослуживцев. 24 мая он послал донос в Управление кадров ЦК. Ощущая давление сверху, Ульрих написал, что судья Военной коллегии А. А. Добровольский утаил компрометирующие сведения о своих родных. В частности, отец Добровольского год просидел в тюрьме по обвинению в преступлении по статье 58, которое ему потом переквалифицировали на халатность. Сестра Добровольского замужем за человеком, осужденным в начале 1945 г. за контрреволюционное преступление по статье 58 и получившим 5 лет заключения; отец этого человека расстрелян в 1937 г.⁸¹ Как обычно в сталинской системе, в то самое время, когда Ульрих пытался защититься, изобличая коллег, коллегам предъявляли требование оговорить *его*.

24 августа 1948 г. Ульриха сняли с поста председателя Военной коллегии. Тогда же ЦК отстранил от должности ряд судей коллегии, в том числе Добровольского, В. С. Маслова, А. М. Орлова и Г. И. Юргенева. В постановлении ЦК о снятии Ульриха перечислялись «политические ошибки», допущенные Военной коллегией при рассмотрении жалоб по делам о «государственных преступлениях». Там повторялись прежние обвинения, что под руководством Ульриха Военная коллегия необоснованно смягчала наказания осужденным за особо тяжкие преступления, включая контрреволюцию и измену родине. В последней неудачной попытке продемонстрировать лояльность и сохранить работу Ульрих в день снятия написал Молотову на бланке Верховного суда. Уверяя, что в «политических ошибках» Военной коллегии виноват младший персонал, он советовал послать личные дела всех консультантов, секретарей и прочих технических работников Верховного суда в Министерство госбезопасности для тщательной проверки их политической благонадежности. Стоя на краю пропасти, он с нотками отчаяния призывал партию к беспощадной борьбе с «врагами Родины»: изменниками, шпионами, взяточниками и расхитителями социалистической собственности⁸².

Примечательно, что в течение по меньшей мере двух лет после снятия Ульриха прокуратура не прекращала искать доказательства получения им взяток. Эти неустанные усилия выставить Ульриха взяточником видны в протоколах судебных процессов и допросов, доступных ныне в государственных архивах. Судью Верховного суда В. А. Чурсину следователи заставили сказать, что она слышала, будто Ульрих брал взятки⁸³. Как заметил на собственном процессе член Военной коллегии полковник В. В. Буканов (о чьей судьбе шла речь выше), в мае 1950 г. от него все еще добивались признания, что Ульрих замешан во взяточничестве. Буканов показал, что его шесть с половиной месяцев держали в одиночке, принуждая свидетельствовать против Ульриха, но он отказывался, поскольку ни о каких

взятках Ульриху не знал. Следователи, осведомленные о ссорах этих двоих в прошлом, пытались воспользоваться их личной враждой, дабы получить компромат – «открыть ворота Ульриху», по выражению Буканова⁸⁴. Давление на Буканова даже в середине 1950 г. в очередной раз подтверждает, что прокуратура, несомненно по указанию высшего партийного руководства, не оставляла намерения «замазать» Ульриха обвинениями во взяточничестве.

Несмотря на эти голословные обвинения и непрекращающиеся попытки Прокуратуры СССР найти компрометирующий материал, Ульриха так и не арестовали. Он умер 10 мая 1951 г. и похоронен на Новодевичьем кладбище – в последнем пристанище многих светил политического и культурного небосклона советского периода.

Заключение

Фактически свидетельств, что кто-либо в Военной коллегии Верховного суда брал взятки в рассматриваемый период, очень мало. Тем не менее реконструкция цепи событий в военных судах позволяет предположить, что Сталин, очевидно, решил провести ненасильственную чистку, убирая (и часто дискредитируя) ключевые фигуры Военной коллегии при помощи обвинений не в контрреволюционных, а в обычных должностных преступлениях.

Партийное руководство повело решительное наступление на взяточничество в московских военных судах, а затем сосредоточилось на дискредитации главных судей Военной коллегии, отчасти, думаю, потому что, по мнению Сталина, такие меры помогали реализации важнейших послевоенных политических и правовых приоритетов. Слабая кампания против взяточничества, развернутая летом 1946 г. (см. главу 5), наконец получила поддержку (и еще какую!), когда обвинения во взяточничестве коснулись учреждений военной юстиции. Дело о коррупции в военных судах Москвы, где главным фигурантом выступал явно весьма предприимчивый сотрудник среднего звена, послужило предлогом для продолжительной атаки на Военную коллегию. Прокуратура утверждала, будто работники коллегии берут деньги за смягчение приговоров по делам о пособничестве врагу, измене и других тяжких военных преступлениях. Можно представить себе ярость Сталина при мысли, что Военная коллегия Верховного суда, главный арбитр страны в делах о коллаборационизме и контрреволюции, пестует взяточников или терпит взяточничество среди своих кадров. Впоследствии похожая война со взяточничеством в ряде высших судов СССР была развязана в помощь осуществлению еще одной настоящей послевоенной задачи – защиты государ-

ственной собственности и социалистического хозяйства, как будет показано в главе 8.

По словам Йорама Горлицкого и Олега Хлевнюка, Сталин неоднократно прибегал к особой стратегии: намечал фигуру, которую хотел опорочить или устранить, и дожидался подходящего предложения для удара. Хорошей иллюстрацией может служить дело второго секретаря ЦК КП Грузинской ССР М. И. Барамии. Пожелав искоренить предполагаемое взяточничество в руководстве республики в 1951 г., он использовал в качестве причины атаки рутинный доклад о взяточничестве в грузинской системе образования, который в другое время прошел бы мимо его внимания. Мишень Сталин уже выбрал и ждал только удобного случая. Барамию обвинили в покровительстве взяточникам и защите их от собственного народа. Так началось известное «Мингрельское дело», которое в итоге привело к отстранению всего руководства Грузии и развалу патронажной сети Берии⁸⁵. Сталин в этом деле явно следовал образцу кампании против Военной коллегии.

Атака на коррупцию в военных судах демонстрирует, что 1945–1948 гг. стали важным переломным моментом в истории коррупции (и кампаний против нее) в Советском Союзе – этапом перехода от повального насилия, характерного для 1930-х гг., к ненасильственному обращению почти со всеми должностными лицами, обвиняемыми в преступлениях, в постсталинские годы.

Можно сказать, что именно в период послевоенного сталинизма партия и прокуратура начали оттачивать метод использования обвинений в коррупции в качестве оружия, вошедший в столь широкую политическую практику позже⁸⁶. Как мы видели, в десятилетие после Октябрьской революции официальные нарративы о взяточничестве сосредоточивались на угрозе капиталистической контрреволюции. Показательные процессы руководителей-взяточников и их посредников в промышленности были призваны продемонстрировать, что недобитые буржуи и «нэпманы» в союзе с кулаками сознательно стараются развалить социалистическое хозяйство. В 1930-е гг., после ликвидации кулачества и упрочения экономического базиса социализма, органы внутренних дел связывали все формы должностных злоупотреблений с троцкистскими и бухаринскими заговорами, «вредительством» или работой на фашистов и иностранную разведку с целью предать Советский Союз враждебным силам за рубежом⁸⁷. Во второй половине 1930-х гг. милиция и прокуратура, как правило, игнорировали взяточничество как самостоятельный вид преступления, относя любые нарушения и преступность на счет гнусных происков могущественных врагов советского государства. В то время нечасто предъявляемые обвинения во взяточничестве входили в состав обвинений в «антисоветской» деятельности.

Учитывая память о повальных арестах высокопоставленных судей в 1930-е гг., посыпавшиеся в 1946–1947 гг. на военно-судебных работников упреки в недостатке бдительности при определении наказаний «контрреволюционерам» и «изменникам родины» могли показаться им предзнаменованием новой вспышки насилия⁸⁸. Но произошли заметные перемены: никого из судей, удаленных из Военной коллегии после войны, не обвиняли в контрреволюционной деятельности по статье 58 и не репрессировали как врагов народа. Отойдя от прежней практики (и приближаясь к обычаям хрущевского и брежневского периодов), прокуратура обвиняла их в обычных должностных преступлениях или просто вешала на них ярлык морально нестойких либо некомпетентных.

В свете изменившегося положения дел обвинения в коррупции могли теперь использоваться в качестве ненасильственного средства поддержания партийной дисциплины или политического соперничества. Как всегда бывало в Советском Союзе, закон и суды выполняли и правовую, и политическую функцию; закон являлся оружием государства и служил его целям. После войны обвинения во взяточничестве (обыденной реалии российской жизни на протяжении веков) стали для партии одним из самых эффективных методов запугивания и устранения представителей государственной бюрократии и партийного (или, как в данном случае, судебного) аппарата, если те не соответствовали приоритетам руководства. Для дискредитации судей этого вполне хватало. Тем из них, кто «неправильно» смягчал приговоры контрреволюционерам и пр., вменяли в вину не измену, а взяточничество или другие формы злоупотребления служебным положением. Некоторых сажали в тюрьму, однако в общем и целом обвинения насилием не сопровождалось. То есть охота на ведьм была, но «бескровная».

По ряду причин партийные охранители после войны нашли такой подход более удобным для себя. К примеру, коррупция давала им в руки мощное оружие против судебных работников (занимавших ответственную должность). От такого обвинения было очень трудно защититься: попробуйте доказать, что вы *не* коррумпированы. Разумеется, значительная доля системной коррупции под следствие не попадала, и многие коррумпированные лица избегали ответственности по множеству причин, включая их политические связи. Главная мысль данной книги состоит в том, что после войны и окончания террора обвинения в преступной коррупции и злоупотреблении служебным положением получили более широкое распространение. Сталин в 1939 г. объявил, что террор уничтожил троцкистскую оппозицию; следовательно, по его логике, обвинять в подобных идеологических преступлениях и организованных заговорах стало некого. Отныне, если партия и прокуратура хотели подорвать авторитет какого-ни-

будь должностного лица, они приписывали ему не политическое, а коррупционное преступление. (Конечно, о коррупции никогда не переставали говорить совсем, даже во время террора.) Этот переход в характеристиках «плохих» ответработников – от троцкистских предателей и врагов народа к морально разложившимся, «падшим» личностям – может считаться некой инновацией позднего сталинизма. Хотя органы внутренних дел и в 1930-е гг. часто старались добавить к делам «врагов народа» грязные подробности, свидетельствующие об их моральном и профессиональном разложении, но после войны такого рода методы очернения расцвели пышным цветом (вместе с ростом материальных трудностей, которые многих должностных лиц толкали к использованию служебного положения ради дополнительного дохода), тогда как прямое насилие в отношении государственной бюрократии почти прекратилось.

* * *

Расследования коррупции в московских военных судах в 1946–1948 гг. образуют фон для одного из крупнейших скандалов в связи со взяточничеством в истории Советского Союза. В конечном счете материалы этих расследований привели партийные и прокурорские органы к экстраординарному столкновению с руководящим составом ряда важнейших судов страны. О «Деле верховных судов» и пойдет речь в главе 8.

8. СМЕРТЬ СУДЬИ: СКАНДАЛ И «ДЕЛО ВЕРХОВНЫХ СУДОВ»

Часть I: «Дело верховных судов»

4 июня 1948 г. заместитель председателя Верховного суда СССР Андрей Петрович Солодилов застрелился в своей московской квартире. Одиннадцать месяцев спустя А. Г. Баканов, осужденный за получение не одного десятка взяток в московских военных судах, был приговорен к 25 годам лишения свободы – этот возмутительный инцидент потряс весь юридический мир Москвы. 48-летний судья Солодилов совершил самоубийство в разгар одного из крупнейших скандалов, связанных со взяточничеством, в истории Советского Союза. Следователи к моменту самоубийства уже подбирались к Солодилкову¹. Его похороны, по рассказам очевидцев, прошли в угрюмой атмосфере, под перешептывания о причинах раннего ухода судьи из жизни.

Ко времени смерти Солодилов являлся одной из ключевых фигур в советской судебной системе, и казалось невероятным, чтобы он мог быть втянут в скандал по поводу взяточничества. В 1937–1938 гг. он возглавлял Верховный суд РСФСР, до своего назначения в 1938 г. в Верховный суд СССР уже работал в его Военной коллегии. В качестве заместителя председателя Верховного суда СССР Солодилов осуществлял надзор за рассмотрением значительной части уголовных дел и всех гражданских. Немного занимался наукой – написал в соавторстве учебник по праву наследования². Коллеги считали его легковозбудимым, капризным и переменчивым. Начальник – председатель Верховного суда СССР И. Т. Голяков – отзывался о Солодилове как о незаменимом юристе, но тоже отмечал его нервный, раздражительный, вспыльчивый характер. Голяков добавлял, что у Солодилова серьезные проблемы с сердцем, и упрекал его в недостатке тактичности³. Знавший Солодилова адвокат подтверждал, что тот был человеком беспокойным: во время бесед в своем кабинете вскакивал с кресла, рвал на клочки какие-то бумажки и нервно мерил шагами комнату⁴.

Нервничал Солодилов недаром: ему было что скрывать. На момент его самоубийства в июне 1948 г. следователи прокуратуры готовились предъявить ему обвинения по десяткам эпизодов требования взяток на протяжении более чем пяти лет. А вскоре после его смерти прокуратура доложила Сталину и высшему партийному руководству, что обвинения в коррупции против Солодилова – только вершина айсберга. По словам следователей, они обнаружили буквально сотни случаев взяточничества, в которых замешаны десятки работников и судей многих самых престижных судов страны. В середине 1949 г. генеральный прокурор Сафонов заявил, что как минимум двадцать высокопоставленных судей брали у граждан взятки за мягкие приговоры или знали, что берут их коллеги, и не сообщали об этом. Рассекреченные в последнее время архивы показывают, что скандал вылился по меньшей мере в 22 судебных процесса, общее количество подсудимых на которых превышало три сотни⁵.

В данной главе рассматривается крупнейшее дело о взяточничестве сталинского периода, которое мы будем называть «Делом верховных судов». Это дело еще никогда внимательно не изучалось. О нем кратко упоминается в одном академическом исследовании, и, по сути, оно неизвестно ни историкам, ни широкому читателю⁶. Дело в конечном счете привело к одному из самых больших коррупционных скандалов советской эпохи.

Отчасти начало ему положили описанные в предыдущей главе неприятные, но, на первый взгляд, локальные дела о взяточничестве в московских органах военной юстиции, где главным обвиняемым выступал судебный секретарь А. Г. Баканов. От мелких фигур в периферийных судах партийные и прокурорские следователи протянули ниточки к самым высокопоставленным судьям страны. Почти одновременно скандал, разожженный делом Баканова и некоторых московских военных трибуналов, перекинулся на многие столичные суды. Сначала он затронул Военную коллегию Верховного суда СССР. Потом следователи обратили внимание на другие крупные суды в Москве и в конце концов добрались до ряда республиканских и областных судов. (Хотя в большинстве случаев я пытался выяснить, действительно ли предполагаемые взяточники были виновны в том, что инкриминировала им прокуратура, эта очень трудная ретроспективная задача не стоит в данной главе на первом месте. У меня есть определенные подозрения, подкрепляемые имеющимися материалами, но зачастую просто невозможно узнать точно, совершали ли конкретные лица те действия, которые приписывали им власти.)

Скандал в верховных судах – весьма показательный момент в истории сталинизма, советской уголовной юстиции, развития и преследования коррупции в СССР⁷. Первая часть этой главы посвяще-

на ряду важнейших вопросов. Некоторые из них касаются места и времени происходившего. Есть много вопросов и по поводу самого следствия. Как именно расследовались крайне щекотливые и потенциально скандальные обвинения? Какие роли играли руководящие партийные органы и прокуратура, реагируя на сигналы о широком распространении преступности в высших судах страны? Что может сказать нам этот скандал о послевоенной сталинской государственной политике и правовой системе? Во второй части главы предпринята попытка заглянуть глубже официальных обвинений и нарративов, задаваясь вопросом, почему вообще некоторые судьи и другие работники высших судов вступали в сделки с просителями и посредниками, идя на огромный риск.

Сейчас, после стольких лет, мы не можем абсолютно точно понять, что именно тогда происходило, но кажется ясным, что некоторые судьи в главных судах Москвы иногда брали взятки во время войны и в послевоенные годы. Взяточников среди судей и других работников обнаружили почти одновременно в нескольких важных судебных учреждениях. Началось агрессивное следствие, и прокуратура методами, сочетающими законную следственную работу с принуждением и оговорами, стала грести в свою сеть и виновных, и, по-видимому, невиновных. Во многих случаях руководители партии и прокуратуры, наверное, сами не знали, кто виновен, а кто нет. Проще всего сказать, что все высокопоставленные судьи были одинаково коррумпированы либо что Сталин и его окружение полностью высосали скандал из пальца, однако обе эти крайности представляются неверными.

Если процесс «наведения порядка» в высшем военном суде страны сводился к фабрикации ложных обвинений в коррупции против работников Военной коллегии (как описано в предыдущей главе), то, когда следователи начали присматриваться к поведению персонала других ключевых судов, картина стала несколько сложнее. Повторюсь, все наши знания о созданной Сталиным политической системе заставляют предположить, что атака на самых главных и знаменитых судей страны могла последовать только с прямой санкции генсека, пусть даже сам он не вникал во все детали следствия. В скандале с Военной коллегией алгоритм действий заключался в том, чтобы наметить конкретных лиц в качестве мишени и затем ударить по ним, используя кое-какие из множества доносов, которые продуцировала система. «Дело верховных судов» имеет с этим определенное сходство, но есть и существенные отличия. Сталин явно хотел с помощью обвинений в коррупции приструнить московские суды, однако документы предоставляют немало свидетельств, что следователи действительно разоблачили в судах досадное количество взяточников. Как показывает ход дела, оно, возможно, вышло за рамки, перво-

начально поставленные Сталиным, и тому пришлось приложить усилия, чтобы затормозить стремительно разрастающийся скандал.

* * *

С самого начала Управление кадров ЦК (существовавшее до июля 1948 г.) и его преемник, административный отдел (созданный в июле 1948 г.), активно участвовали в расследовании коррупции в судах. Они сотрудничали с занимавшимися им следователями прокуратуры и внимательно за ними наблюдали. Генеральный прокурор Сафонов постоянно докладывал этим органам ЦК о ходе следствия. Во время работы над серией дел, из которых вырос скандал, аппарат ЦК – почти наверняка с разрешения Сталина – вмешивался в решающие моменты, задавал тон следствию и принимал решения о том, как вести расследования и судебные разбирательства. Документы оставляют впечатление, что Управление кадров, по сути, уполномочило прокуратуру с неподдельным энтузиазмом преследовать коррупцию среди судебных работников, однако в определенные моменты придерживало следствие.

10 июля 1948 г. Политбюро решило ликвидировать Управление кадров ЦК и разделить его обязанности между несколькими отделами помельче, которые отныне отвечали за надзор над политическими действиями и кадрами различных хозяйственных и государственных учреждений⁸. После упразднения Управления кадров, возглавлявшегося секретарем ЦК А. А. Кузнецовым, другие отделы ЦК стали принимать более активное участие в назначении кадров в поднадзорные организации и контроле над ними. В делах верховных судов огромную роль теперь играл новый, имевший непритязательное название, но крайне важное значение, административный отдел. Несмотря на чисто бюрократическое наименование, административный отдел фактически заведовал всем комплексом правоохранительных ведомств и органов безопасности с их персоналом, включая Министерство государственной безопасности, Верховный суд, Министерство юстиции и прокуратуру⁹. Кузнецов руководил партийным контролем над следствием.

Московский городской суд:

Опьяненные «легкой и счастливой жизнью»

Когда следователи весной 1948 г. обнаружили взяточничество в Военной коллегии, вспыхнул скандал, мгновенно охвативший судебные учреждения Москвы. Как свидетельствует переписка, под следствие почти одновременно попали главные судебные инстанции

страны – Верховный суд РСФСР и Верховный суд СССР вместе с Московским городским судом.

Сначала прокуратура проследила цепочку взяточничества от московских военных судов к высшему судебному органу г. Москвы – Московскому городскому суду. Он был создан в 1932 г. для рассмотрения дел, поступавших из нижестоящих судов Московской области. Весной 1948 г. на нескольких работников Мосгорсуда дал показания А. Г. Баканов¹⁰. Он назвал трех человек, включая помощника председателя. Те, в свою очередь, показали на председателя Мосгорсуда А. В. Васнева¹¹.

Если движущей силой выискивания взяточничества в военных судах служили «контрреволюционные» дела, касающиеся «измены родине», то главным основанием скандала в Мосгорсуде стали дела о «преступлениях против социалистической собственности», особенно хищениях государственного имущества и, в меньшей степени, спекуляции дефицитными товарами. Сотрудники прокуратуры утверждали, что судьи во время и после войны за подарки и деньги из-под полы выносили чересчур мягкие приговоры расхитителям госсобственности и прочим «опасным» преступникам¹². В послевоенные годы сталинская кампания против расхитителей государственной собственности вызвала повышенное внимание к обжалованию и пересмотру приговоров. Особенно после указа от 4 июня 1947 г. Сталин оказывал огромное давление на суд и прокуратуру, требуя карать расхитителей по всей строгости закона. В первые послевоенные годы режим прямо упрекал суды в том, что судьи не рассматривают преследование хищений госсобственности как настоящий государственный приоритет. Контуры и масштабы разразившегося скандала нужно понимать именно в контексте этой кампании, которая достигла апогея в 1948 г., после выхода указов от 4 июня.

8 мая 1948 г. генеральный прокурор Сафонов написал секретарю ЦК Кузнецову, что следствие обнаружило «преступную группу» взяточников среди работников Мосгорсуда¹³. В группу входили судьи В. В. Гуторкина, В. В. Обухов и А. А. Праушкина, обвинявшиеся в неоднократном получении взяток¹⁴. Арестованы были также двое судебных секретарей.

Мосгорсуд, по-видимому, представлял плодородную почву для незаконных сделок между судьями и просителями. К августу 1948 г. в ходе следствия по его делу под арестом оказались 49 чел.: 18 обвиняемых в даче взяток, 17 посредников, 4 адвоката и 10 бывших судебных работников, в том числе 5 судей. Судья Гуторкина, к примеру, якобы взяла деньги у нескольких лиц, осужденных за спекуляцию, согласившись пересмотреть назначенные им 5-летние сроки заключения¹⁵. Конечно, уверенным быть нельзя, но, видимо, и Обухов, и Праушкина, и Гуторкина действительно брали взятки, работая в

Мосгорсуде в 1943–1948 гг., судя по судебным протоколам и вспомогательным материалам. Все они признали свою вину (на процессах, где многие подсудимые заявляли о невинности), и, кажется, никто из них не обжаловал приговор, когда имел такую возможность, даже после смерти Сталина, несмотря на хорошее знакомство с процессом обжалования.

Самая любопытная персона в деле Мосгорсуда – судья В. А. Чурсина. Ее арестовали 5 апреля 1948 г. по обвинению в получении взяток за смягчение приговоров по множеству дел¹⁶. Чурсина оказалась ключевой фигурой и катализатором распространения скандала на другие суды. Она родилась в 1909 г., в Мосгорсуде работала судьей в 1938–1946 гг. В 1946 г. была избрана членом Верховного суда СССР. Как рассказала Чурсина следователям, некоторое время после смерти Ленина в 1924 г. она являлась личным секретарем ленинской вдовы Н. К. Крупской.

По словам знавших ее людей, Чурсина была обаятельной, но, как минимум, эксцентричной особой¹⁷. Одни считали ее блестящим, прямодушным юристом, другие – ненормальной и продажной до мозга костей. После ареста в апреле 1948 г. Чурсина созналась в получении более чем 20 взяток в связи с делами, которые попадали в Мосгорсуд в первой половине 1940-х гг. Судя по ее показаниям и показаниям нескольких ее коллег, она мастерски владела искусством взятки. Как рассказала сама Чурсина следователям, работая судьей, она опутала всю Москву тщательно сплетенной сетью неформальных – и весьма выгодных – отношений. Она завоевывала доверие (и заручалась верностью) подчиненных, которых втягивала в свои махинации, устраивая их, например, на лечение к хорошим врачам или доставая для них редкие лекарства. Одна сотрудница сказала, что из-за услуг Чурсиной чувствовала себя связанной по рукам и ногам¹⁸. Чурсина даже к себе на свадьбу пригласила потенциальных взяткодателей. Ради благоприятного решения своих дел те подносили ей роскошные подарки и водили ее в лучшие рестораны Москвы.

Как показывают документы прокуратуры и судебные протоколы, Чурсина в скандале с верховными судами играла ту же роль, что и Баканов в делах военных судов в 1947 г. Она представляла собой определенный «тип», характерный для сталинской правоохранительной системы, – ответственного работника, который злоупотреблял служебным положением, а попавшись, наговаривал на сослуживцев (зачастую абсолютно лживо) в безуспешных попытках выгородить себя и спасти шкуру. Оказавшись под арестом и под прессом следствия, Чурсина стала вовсю сдавать десятки людей, которых знала. Следователи прокуратуры поощряли ее к показаниям на других судебных работников, особенно коллег-судей¹⁹. Прокуратура предна-

значила ей функцию главного обвинителя старших судей в высших судах Москвы. Следователям больше всего хотелось раскрыть установленные Чурсиной, по ее словам, преступные связи, чтобы получить доказательства существования среди работников важнейших судов столицы сплоченных преступных групп. Она сотрудничала со следствием, подбрасывая ему подробности о ряде якобы коррумпированных судей и других соучастников во взяточничестве. В «Деле верховных судов», в противоположность репрессиям 1930-х гг. против ведущих фигур судебного аппарата, судей никогда не называли «контрреволюционерами» и «врагами народа». О них говорили как о морально разложившихся правонарушителях, продавших совесть и поступившихся честностью, но не как о саботажниках и «вредителях».

Разговоры следователей с Чурсиной на допросах в тюрьме дали понять, что главной мишенью в Мосгорсуде для них служил его председатель А. В. Васнев. Упомянутый как пламенный председатель Московского военного трибунала времен Второй мировой войны в знаменитой книге воспоминаний Виктора Кравченко «Я выбрал свободу», Васнев являлся одним из самых известных судей Советского Союза²⁰. Он родился в 1906 г., в партию вступил в 1930 г., окончив юридический факультет МГУ. В 1938 г. стал судьей Мосгорсуда, где проработал десять лет, и возглавлял этот суд с 1941 г. до своего ареста 14 июля 1948 г. Васнев и его обвинительница Чурсина, по словам обоих, некоторое время были любовниками, когда работали вместе в суде.

Чурсина уверяла, что это Васнев развратил ее морально и профессионально, виня его в своих проблемах и с законом, и с алкоголем²¹. Когда нацистские армии осенью 1941 г. подступили к Москве, Васнев встал во главе военного трибунала столицы, приговаривая к смерти или заключению военных дезертиров, заподозренных шпионов и тех, кто сеял панику²². В конце войны его в числе немногих юристов (вместе с председателем Верховного суда СССР Голяковым и министром юстиции Рычковым) наградили орденом Ленина за «успешную работу... по укреплению революционной законности и охране интересов государства в условиях Отечественной войны»²³.

На основании, в сущности, весьма ненадежных свидетельств прокуратура заявила, будто Васнев на протяжении многих лет неоднократно брал взятки за отмену или смягчение приговоров, в частности по делам о хищении государственного имущества, спекуляции и должностных преступлениях. По словам следователей, ряд директоров магазинов и ресторанов Москвы обращались к Васневу с просьбой о помощи в уголовных делах, касавшихся их самих или их родственников²⁴. Следователи побуждали Чурсину рассказывать – или выдумывать – грязные подробности о судьях Мосгорсуда, особенно

о Васневе. Они явно добивались от нее заявлений о моральной деградации судей, а также каких-нибудь деталей насчет преступного сговора судебных работников и всякого рода подозрительных национальных или профессиональных групп.

В показаниях Чурсиной о Мосгорсуде можно увидеть кульминацию нескольких тем, служивших лейтмотивом дел о взяточничестве в верховных судах в те годы: сговора среди судей, сексуальной распущенности и других тяжких моральных прегрешений, национальных групп с особо преступными наклонностями, развращения подчиненных руководством суда.

Летом 1948 г. прокуратура начала в переписке называть Васнева «организатором, возглавляющим в Мосгорсуде группу взяточников»²⁵. Десятистраничная справка, написанная генеральным прокурором Сафоновым 16 февраля 1949 г. для административного отдела ЦК, подытоживает обвинения против Васнева²⁶. Она содержит ряд признаков складывающегося в СССР после войны стереотипного портрета коррумпированного должностного лица. Васнев обвиняется в руководстве «организованной группой членов суда, тесно связанной между собой, которая систематически на протяжении ряда лет за взятки освобождала от наказания уголовных преступников и выносила неправосудные приговоры и решения»²⁷. Он также будто бы развращал подчиненных. По выражению Сафонова – «своими преступными действиями способствовал разложению значительной группы работников Мосгорсуда»²⁸.

Чурсина поведала следователям, что под пагубным влиянием Васнева соблазнилась «легкой и счастливой жизнью». Созданное Васневым окружение увлекло ее на преступный путь. Ей понравились бесплатные угощения и модная одежда в подарок от людей, которые хотели на нее воздействовать, чего она теперь, по ее словам, стыдилась: «Попав в указанное окружение, в атмосферу “легкой жизни”, привыкнув пользоваться услугами и получать подарки, я скатилась в пропасть, возврата из которой не могла найти...»²⁹

На этом обвинения не закончились. Чурсина заявила, будто люди, чьи дела рассматривались в суде, часто предлагали Васневу продукты в подарок или угощали его в ресторанах. Как утверждала прокуратура, Васнев имел обыкновение напиваться с широким кругом лиц, от которых в конечном счете принимал взятки. По словам Чурсиной, взятки Васневу давали не менее сорока человек, включая директора Большого театра. Она рассказала следователям, что Васнев устраивал попойки с друзьями в ресторане гостиницы «Москва» (рядом с Красной площадью) даже осенью 1941 г., когда нацистские войска стояли на подступах к столице. Таким образом, прокуратура характеризовала Васнева как труса, которого совершенно не волновали ни

партийная этика, ни судьба советского государства, ни жертвы, приносимые солдатами Красной армии³⁰. Отсутствие патриотизма, разгульный образ жизни, общее моральное разложение даже в условиях, когда советские солдаты умирали всего в нескольких километрах от него, стали ключевыми элементами обвинительного нарратива о Васневе.

Еще один главный аспект обвинений касался подозрительного круга связей Васнева. Здесь во всей красе предстают национальные предрассудки следователей (и простых людей, от которых требовали «сигналов»). Обвинительный акт против Васнева гласит, что, когда тот работал председателем суда, преступники, с которыми он имел дело, зачастую являлись представителями национальных меньшинств, в том числе евреями или кавказцами (как правило, грузинами и армянами), активно занимавшимися незаконными делами в сфере экономики³¹. По уверениям Чурсиной, дружки Васнева участвовали в подрывной капиталистической деятельности: к примеру, он взял взятки у двух человек, осужденных за «спекуляцию» дефицитными продуктами, которые они привозили с Северного Кавказа и перепродавали по высоким ценам на рынках Москвы³². Те, у кого Васнев якобы брал взятки, работали в розничной торговой сети, где, по многим свидетельствам, процветала коррупция. Работники розничной торговли, в том числе некоторые директора магазинов, пользуясь доступом к дефицитным товарам (особенно продуктам и напиткам), воровали их и сбывали втридорога на черном рынке. Прокуратура утверждала, что директора магазинов, кафе, ресторанов и складов (многие из них носили еврейские, грузинские и армянские фамилии) старались подружиться с Васневым, чтобы при необходимости откупиться от ответственности за преступления, совершенные ими самими или их друзьями и родными. Когда Чурсину спросили о сообщниках Васнева, она конкретно назвала руководителей семи магазинов и пяти ресторанов в Москве, в число которых входили несколько грузин и армян.

Впрочем, доказательства против Васнева были крайне ненадежны, основываясь главным образом на показаниях Чурсиной. Имеющийся материал в самом деле говорит в пользу позиции Васнева, утверждавшего, что Чурсина его обогнала.

В общем и целом, обвинения против судьи Васнева представляют собой амальгамированный сценарий для эпохи после террора: тут и тайные связи, и демонстративное элитарное потребление, и опасный подпольный капитализм, и безудержное пьянство, и растущая нелояльность, и угрозы со стороны еврейских и кавказских криминальных сетей – и все это сдобрено немалой дозой великорусского шовинизма, свидетельствующего о межнациональных трениях, которые становились все заметнее в послевоенные годы.

Дело Васнева, таким образом, можно считать прототипом послевоенного сталинистского нарратива о взяточничестве с полным набором сопутствующих обвинений в разложении.

Верховный суд РСФСР в тучине скандала

Всего через несколько дней после объявления о вскрытом следствием скандале со взяточничеством в Мосгорсуде, 10 мая 1948 г., министр юстиции СССР Горшенин написал в Управление кадров ЦК Кузнецову драматичное письмо. Он докладывал, что обнаружены свидетельства причастности ряда работников Верховного суда РСФСР, в том числе нескольких судей, к «преступным злоупотреблениям»³³. Это письмо было первым признаком распространения скандала на другие важнейшие суды страны. Верховный суд РСФСР по значимости занимал второе место после Верховного суда СССР. Сафонов информировал Комиссию партийного контроля, что взяточничество и злоупотребление служебным положением в Верховном суде РСФСР «имели весьма широкое распространение»³⁴. Обрисованная прокуратурой картина преступной деятельности нам уже знакома: большая группа работников – судей, работников канцелярии, секретарей, машинисток и юристов, готовивших дела к пересмотру (консультантов), – «организованно» брала или устраивала взятки, пользуясь «нездоровой обстановкой» в суде.

Сафонов указал на главную роль посредников в переходе взяток из рук в руки в Верховном суде РСФСР. Его работники придумывали различные схемы, в которых выступали передаточными звеньями между судьями и просителями, подававшими жалобы в суд: «Преступные элементы, искавшие и находившие пути освобождения от наказания, действовали, главным образом, через посредство адвокатов и всякого рода дельцов, которые в виде промысла занимались посредничеством во взяточничестве, будучи близко связаны с отдельными судебными работниками»³⁵. Посредники, чаще всего судебные секретари и канцеляристы, заключали сделки с родственниками обвиняемых. Как и в случае с Мосгорсудом, почти все просители, обвинявшиеся в даче взяток, были осуждены за хищение государственного имущества или хозяйственные преступления. Под ложным предлогом, будто они представляют собственных родных или знакомых, посредники обращались к судьям или другому старшему персоналу суда с просьбами о пересмотре приговора. Они сами составляли официальные жалобы, а когда суд выносил положительное решение, приносили семье обвиняемого письменное постановление и получали вознаграждение, о котором стороны договаривались предварительно³⁶.

Весной и летом 1948 г. несколько судей Верховного суда РСФСР попали под арест по обвинению в получении взяток. В конечном счете предстали перед судом и были осуждены не менее пяти судей, включая П. М. Шевченко, Д. Х. Мурзаханова и Б. Д. Кумехова. Кроме того, в 1950 г. арестовали бывшего заместителя председателя Верховного суда РСФСР С. А. Пашутину (дело Пашутиной обсуждалось в Политбюро, но подробных сведений об этом нет)³⁷. Еще одного заместителя председателя суда, Н. В. Васильева, 19 октября 1948 г. сняли с должности как «недостойного доверия» за то, что якобы знал о коррупции и ничего не делал³⁸.

Председатель Верховного суда РСФСР А. М. Нестеров стал мишенью резкой критики, но уголовное дело на него не завели. 14 августа 1948 г. Р. А. Лопухов вызвал Нестерова в административный отдел ЦК и, несомненно испытывая его, велел исправить огрехи в работе суда. Нестеров ошибки признал и обещал устранить³⁹. 15 июня 1949 г., несмотря на заверения Нестерова, Политбюро отстранило его от должности за плохое руководство и недостаточный контроль над работниками суда⁴⁰. Его обвинили в сознательном игнорировании свидетельств взяточничества и морального разложения среди членов Верховного суда РСФСР. К тому же Нестеров якобы в 1945 г. принял небольшой подарок (три бутылки спиртного) от директора одного спиртового треста. После унижительного отстранения и отказа предоставить другую должность в государственном аппарате, невзирая на неоднократные просьбы взять его куда-нибудь юристом, Нестерова 28 июля 1949 г. исключили из партии⁴¹.

В характеристиках, которые прокуратура давала взяточникам в Верховном суде РСФСР, порой фигурировало их «разложение» благодаря среде, поощрявшей сомнительные поступки и отношения⁴². В обвинениях против сотрудников суда подчеркивалось постоянное пьянство на работе. По словам следователей прокуратуры, руководство суда – председатель Нестеров и его заместители – «культивировало» выпивку и банкеты в судебных кабинетах в рабочие часы. Распущенное поведение было широко распространено среди персонала, создавая атмосферу вседозволенности. Многие обвиняемые по этому делу, как, например, старший консультант суда Попов, рассказывали, как их привели к профессиональному «падению» личные пороки, нашедшие в Верховном суде РСФСР плодородную почву. Попов признал, что опустился до взяточничества в результате пьянства⁴³. По словам следователей прокуратуры, он за много лет ни разу не пришел на работу трезвым, имел связи с людьми, лично заинтересованными в исходе рассматриваемых дел, пил на их деньги и брал взятки⁴⁴.

По мере продолжения следствия в 1948–1949 гг. всплывали новые обвинения в моральном разложении. В справке прокуратуры середины 1948 г. говорится о «фактах разложения среди сотрудников-женщин» Верховного суда РСФСР⁴⁵. 48-летней судье М. Г. Ивановой, арестованной 24 августа 1948 г., ставили в вину «аморальное поведение»⁴⁶. В справке осуждалась ее частная жизнь: с 1935 г. «член Верховного суда РСФСР Иванова состояла в ненормальных половых отношениях и длительное время сожительствовала с сотрудницей Отдела кадров Верховного суда РСФСР Ростовой С. А.» Прокуратура объясняла профессиональные злоупотребления Ивановой сексуальными «отклонениями»: морально развращенная женщина в итоге поступилась и профессиональной честностью, утверждала она в справке. «На почве этих ненормальных отношений» она не смогла отказать любовнице в просьбе вмешаться в дело ее родственника, у которого случились неприятности. На суде (на закрытом заседании) под чудовищным давлением Иванова призналась, что имела сексуальные связи с женщинами. Судьи потребовали от нее назвать поименно всех женщин, с которыми она вступала в «интимные отношения»⁴⁷. Ее вынудили сказать, что еще одна судья Верховного суда РСФСР, Н. П. Киселева (все еще работавшая в суде во время этого процесса), также склонна к однополым связям и у нее есть любовница среди сотрудниц суда (Смирнова). Мало того, по словам следователей, «Киселева сожительствовала не только со Смирновой, но и со многими другими женщинами, не работавшими в Верховном суде»⁴⁸.

Подобная неприглядная смесь обвинений в сексуальных отклонениях, моральной развращенности, профессиональных нарушениях и безудержной жажде личной наживы составляла основу многих нарративов о взяточничестве в высших судах Москвы. Когда следователи прокуратуры писали об этих делах, они часто останавливались на непристойных деталях предполагаемых грехов обвиняемых. Не теряя зря времени, они доводили такую информацию до начальства в ЦК в попытках подтвердить, что судьи и адвокаты, берущие взятки, нечистоплотны и профессионально, и морально⁴⁹.

Предприимчивые судьи и судебные работники, наживающиеся за счет тайной капиталистической деятельности на работе, фигурировали еще в одном расхожем обвинении. В качестве поразительного примера разлагающего влияния «капиталистического сознания» прокуратура привела участие нескольких судей и других работников Верховного суда РСФСР в изощренном мошенничестве, связанном со «спекуляцией» фруктами. Поздней осенью, когда фрукты в северных городах становились величайшей редкостью, сеть торговцев нелегально возила в Москву яблоки из курортного города Сухуми на

западном побережье Грузии⁵⁰. В 1945 г. по железной дороге в столицу с помощью грузинских посредников доставили тринадцать с половиной тонн яблок. Большинство фруктов раздали персоналу суда. Но группа сотрудников пустила пять тонн в продажу на московских рынках. Еще больше было продано с наценкой во дворе суда. Прибыль от незаконной продажи поделили между собой судья Верховного суда, другие сотрудники, посредники и директор абхазского совхоза, поставлявшего фрукты. (В документах недостаточно деталей, чтобы полностью понять, что в действительности произошло. Прокуратура, вероятно, раздула ситуацию, а в делах нетипично отсутствуют опровержения и объяснения судебных работников.) Причастных сотрудников обвиняли в том, что они поддались искушению гнусного и беззаконного капитализма, который ухитрился пустить корни даже в суде. Аналогичные нарративы о «падении» алчных должностных лиц, введенных в грех капитализмом, оставались в большой силе на протяжении всего советского периода.

В одном случае, коснувшемся десятков людей, работавших в Москве, судья Верховного суда РСФСР П. М. Шевченко (признавшийся в получении множества взяток) рассказал на процессе, что попал в лапы грузинской криминальной сети в Москве, когда отчаянно нуждался в деньгах на ремонт пострадавшей во время войны квартиры⁵¹. По словам Шевченко, он был «подкуплен» грузинами, которые давали ему большие суммы за помощь в уголовных делах их друзей и родных, обвинявшихся в незаконной торговле из-под полы⁵². Осенью 1946 г. директор винного магазина на улице Горького, грузин, пытавшийся добиться отмены приговора за хищение госсобственности для отца, связал Шевченко с группой своих грузинских товарищей⁵³. Шевченко, не имея денег, взял у директора А. А. Руруа в долг несколько бутылок водки для расплаты с рабочими, чинившими ему поврежденную крышу. С тех пор Шевченко чувствовал себя обязанным Руруа, который оказался главой «сети» грузинских «преступников».

Следователи прокуратуры утверждали, что грузины – работники розничной торговли и директора магазинов, – имевшие отличные возможности для наживы, пользовались помощью Шевченко, когда им грозили неприятности из-за махинаций с дефицитными товарами. Они даже шантажировали его, заставляя улаживать уголовные дела людей, которых знали. Шевченко оставался их марионеткой до своего ареста в 1948 г.⁵⁴ Сам он сказал на суде, что, оказавшись в руках преступников, уже не мог от них вырваться, боясь за себя и родных. Грузины держали его в узде, запугивая и угрожая насилием; милицию, пришедшую его арестовать, он встретил с облегчением⁵⁵. И вновь прокуратура изображала эти связи с грузинами, торгующими по-капиталистически, чудовищной катастрофой.

Взяточничество в Верховном суде СССР

Пока следователи нащупывали связи между делами Военной коллегии, Мосгорсуда и Верховного суда РСФСР, открылась большая новая глава скандала. 14 мая 1948 г., через несколько дней после того, как прокуратура объявила о начале следствия в отношении Верховного суда РСФСР, генеральный прокурор Сафонов написал в ЦК, сенсационно заявляя об имеющихся у него убедительных доказательствах, что язва взяточничества поразила главный судебный форум страны – Верховный суд СССР.

Верховный суд СССР являлся высшей судебной инстанцией и по уголовным, и по гражданским делам (толкование конституции относилось к прерогативам Президиума Верховного Совета СССР, а не Верховного суда)⁵⁶. Поскольку ему приходилось рассматривать весьма широкий круг дел, Верховный суд СССР был очень велик: если осенью 1938 г. в нем работали 46 судей, то к 1946 г. их насчитывалось уже 70.

Как показывают архивы прокуратуры, к началу 1948 г. следствие живо интересовалось заместителем председателя Верховного суда СССР А. П. Солодиловым (о самоубийстве которого говорилось в начале этой главы) уже по меньшей мере несколько месяцев. Невозможно выяснить точно, был ли Солодилов виновен во всем, что ему инкриминировали. Есть, однако, существенные материалы и показания свидетелей о том, что он во многих случаях пользовался возможностями вступать в незаконные сделки как минимум с 1943 г.

Впрочем, следствие не ограничилось Солодиловым. С помощью таких сотрудничающих свидетелей, как Чурсина, которая оговаривала практически кого попало, следователи перешли от дел о взяточничестве, очевидно, имевших сильную доказательную базу, к агрессивному преследованию множества других лиц, в отношении которых имелось мало или не имелось вообще никаких доказательств кроме доносов. Прокуратура и партийное начальство, видимо, полагали, что если Солодилов брал взятки, то другие судьи и подавно.

Солодилов родился в крестьянской семье в Шигровском уезде Курской губернии в 1900 г. Пятнадцать месяцев проучился на юридических курсах в 1928–1929 гг. После нескольких лет учебы в институте внешней торговли и партийной работы в Западной Сибири стал в июле 1935 г. судьей Гражданско-судебной коллегии Верховного суда СССР. В октябре 1937 г. Солодилов сменил недавно репрессированного И. Л. Булата на посту председателя Верховного суда РСФСР. В этом качестве он проработал одиннадцать месяцев до сентября 1938 г., когда его вернули в Верховный суд СССР на должность заместителя председателя по гражданским делам⁵⁷.

Уголовному расследованию деятельности Солодилова положил начало сигнал осведомителя, заявившего, что тот незаконно построил в 1947 г. роскошную дачу на деньги, которые накопил благодаря взяткам от просителей, подававших жалобы в Верховный суд. Хотя в тот период закон не запрещал строить дачи на собственные деньги, работники партийного контроля многих обвиняли в растрате средств или присвоении стройматериалов ради незаконного возведения дач⁵⁸. В начале 1948 г. Солодилова вызвали в ЦК и спросили, каким образом он сумел финансировать подозрительное строительство⁵⁹.

К вопросу о солодиловской даче вскоре присоединились утверждения, что он берет взятки⁶⁰. Переписка в архивах Верховного суда, которая велась задолго до расследований 1948 г., показывает, что председатель Верховного суда Голяков получал жалобы на подозрительную деятельность Солодилова еще в 1944 г.⁶¹ В сентябре 1946 г. Управление кадров ЦК передало Голякову письмо с обвинениями Солодилова в получении взяток в связи с несколькими жилищными делами в 1945–1946 гг.⁶² Автор приводил три случая, когда Солодилов оказывал подозрительное влияние на пересмотр решений нижестоящих судов в пользу сторон с очень слабо обоснованными претензиями. На процессе сотрудник Солодилова сказал, что в результате массового наплыва надзорных жалоб в Верховный суд Солодилову поручили принимать посетителей дважды в месяц, чтобы разбирать «завалы» нерассмотренных дел. Он встречался с просителями и в другие дни, разговаривал с ними по телефону. Во время таких личных встреч он якобы и заключал незаконные договоренности с жалобщиками как по гражданским, так и по уголовным делам⁶³.

В январе–мае 1948 г. темпы следствия ускорились. Новый генеральный прокурор Сафонов питал к делу Солодилова личный интерес, даже сам ездил в Бутырскую тюрьму проводить допросы⁶⁴. 14 мая 1948 г. Сафонов послал семистраничную справку о предполагаемых преступлениях Солодилова прямо Сталину и другим высшим партийным руководителям⁶⁵. Справка, изобилующая сенсационными подробностями, знаменует резкую эскалацию скандала⁶⁶. Сафонов утверждает, что Солодилов домогался от некоторых просительниц секса в качестве взятки. По словам генпрокурора, среди работников Верховного суда ходили слухи о «неразборчивых, многочисленных его [Солодилова] связях с женщинами». Один свидетель сказал следователям: «Солодилов большой любитель женщин. Редко бывало, чтобы Солодилов, познакомившись с женщиной, не пытался войти с ней в половую связь»⁶⁷.

Рассказ о поведении Солодилова, наверное, представлял собой самый крайний сценарий морального разложения, которое царило в верховных судах, как утверждали следователи. По их словам и по

свидетельствам сотрудников, Солодилов был порочным человеком. Расследование обнаружило, что он годами торговал официальными услугами за секс (а также за наличные и стройматериалы). Он принуждал просительниц (или их родственников) спать с ним в обмен на его помощь в их делах. В одном случае городские власти в 1945 г. выселили из квартиры беременную Р.⁶⁸ Ее врач знал Солодилова и посоветовал ей подать жалобу лично ему. Солодилов сказал женщине, что примет ее жалобу, только если она проведет с ним ночь. Р. показала, что он заставил ее спать с ним и второй раз, когда дело рассматривалось⁶⁹. По словам старшего юридического консультанта Верховного суда СССР В. Н. Сафроновой, Солодилов пользовался ее квартирой для интимных свиданий по меньшей мере с 15 женщинами; многие из них являлись просительницами по делам, поступившим в суд, другие работали в суде⁷⁰.

Как указывает историк Дэвид Хоффман, в 1920–1930-е гг. моральное разложение постоянно связывалось с подозрениями в политической неблагонадежности. Обвинения в половых извращениях, пьянстве, распущенном образе жизни и прочих аморальных поступках могли использоваться против партийцев, и многих коммунистов исключали из партии (а должностных лиц снимали с постов) за подобные прегрешения⁷¹. Во второй половине 1930-х гг. «врагам», осужденным за «недостаток бдительности» или «вредительство», также заодно приписывали нравственную нечистоплотность. «Практически каждого репрессированного партийного деятеля наряду с троцкизмом и саботажем обвиняли в аморальности», — замечает Хоффман⁷².

В справке для Сталина от 14 мая Сафонов рекомендовал снять Солодилова с поста заместителя председателя Верховного суда, однако настаивал на абсолютной секретности расследования его преступлений. «Учитывая занимаемое Солодиловым А. П. особое служебное положение в государстве и необходимость в связи с этим обеспечить строгую тайну расследования», считал он, Солодилова не следует извещать о том, что прокуратура заинтересовалась его преступной деятельностью⁷³.

19 мая 1948 г. дело Солодилова поступило на обсуждение в Политбюро. Политбюро (полностью находившееся под личным контролем Сталина) постановило убрать Солодилова из суда за злоупотребление служебным положением⁷⁴. Оно велело Прокуратуре СССР приступить к уголовному расследованию действий Солодилова⁷⁵. Следуя рекомендациям прокуратуры, полученным несколькими днями раньше, Политбюро заявило, что Солодилова не нужно ставить в известность о начале расследования, видимо чтобы он не смог уничтожить улики, заставить молчать потенциальных свидетелей или скрыться. Согласно показаниям на суде его предполагаемых со-

общников, Солодилов как-то узнал, что на него заведено дело. Как утверждали Управление кадров ЦК и коллеги Солодилова на процессе, он испугался, что его преступления будут раскрыты, а его арестуют. 4 июня 1948 г. он застрелился⁷⁶. Если бы Солодилов не покончил с собой, вскоре ему предъявили бы обвинение по десяткам эпизодов взяточничества и злоупотребления служебным положением⁷⁷.

Самоубийство Солодилова активизировало расследование взяточничества в Верховном суде СССР и других ключевых судах. Следователи расценили этот поступок как признание, что Солодилов безнадежно запутался в паутине преступлений. Еще четверо судей и десятки работников Верховного суда и адвокатов, представлявших в суде клиентов, были арестованы в 1948–1949 гг. по обвинениям в получении взятки или посредничестве в незаконных операциях. Не имея прямых свидетельств о реакции Сталина, мы можем только предполагать, что самоубийство ведущего юриста, подозреваемого в вопиющей коррупции, его взбесило. Возможно, Сталин счел его равносильным измене, трусливому предательству партии и его лично⁷⁸. Может быть, он также нашел в нем подтверждение своим подозрениям (основанным, вероятно, на информации, которую ему предоставляли Кузнецов и Сафонов), что коррупция широко распространена в верховных судах. Учитывая аресты сотен судебных работников в месяцы, последовавшие за смертью Солодилова, Сталин, видимо, приказал административному отделу ЦК рыть землю носом, не оставляя без внимания любой намек на взяточничество в судах Москвы. Руководство и следователи прокуратуры как будто полагали, по крайней мере сначала, что им дозволено применять любые средства и тратить столько времени, сколько понадобится, для разоблачения коррупционеров. В интенсификации расследований весной и летом 1948 г. действительно заметен некий безоглядный энтузиазм среди следователей, которые, кажется, зашли намного дальше, чем планировалось в начале года.

В течение 1948–1949 гг. некоторые партийные руководители внимательно наблюдали за следствием. 8 июля 1948 г., через месяц после смерти Солодилова, начальник Управления кадров ЦК Кузнецов прислал Маленкову разгромный доклад «О состоянии кадров и положении дел в Верховном суде СССР»⁷⁹. В докладе говорится о множестве «политических ошибок» отдельных членов партии в Верховном суде СССР и его Военной коллегии. «Ряд членов Верховного Суда допустил в работе серьезные политические ошибки», «многие оперативные и технические работники аппарата оказались политически сомнительными людьми»⁸⁰. Однако это послание демонстрирует известную степень сдержанности: не делается ни одной попытки за-

клеить Верховный суд как логово контрреволюционеров и «врагов народа».

24 августа 1948 г. Политбюро сняло Голякова с поста председателя Верховного суда СССР, одновременно с отстранением Ульриха от должности председателя Военной коллегии⁸¹. Под руководством Голякова, заявило оно, Верховный суд «ослабляет борьбу» против «измены родине» и хищения государственного имущества⁸². Новым председателем Верховного суда СССР ЦК назначил 45-летнего А. А. Волина (его заместителем стал А. А. Чепцов, сменивший Ульриха во главе Военной коллегии)⁸³.

31 августа 1948 г., через семь дней после снятия Ульриха и Голякова, генеральный прокурор Сафонов сделал высшему партийному руководству заявление, в первый раз связав воедино все дела, расследуемые в главных судах Советского Союза. Он представил выявленные случаи взяточничества не как индивидуальные акты, а как действия организованной преступной группы, запустившей щупальца во множество советских судов. Сафонов послал обзор сотен предполагаемых эпизодов взяточничества Сталину и еще четырнадцати представителям верхушки партийной иерархии. В основу 11-страничного доклада легла информация, полученная на допросах, которые проводились в московской Бутырской тюрьме с весны 1948 г.⁸⁴ Сафонов информировал партийное руководство, что следователи обнаружили взяточников в нескольких самых престижных судах страны. Во многих областных судах также работали люди, глубоко погрязшие во взяточничестве. Хотя факты получения взяток доводились до сведения ЦК в мае 1948 г., только в этом докладе в конце августа прокуратура впервые утверждала, что все такие случаи взаимосвязаны и объединены преступным сговором.

«Докладываю, – писал Сафонов, – что за последнее время Прокуратурой СССР вскрыты многочисленные факты взяточничества, злоупотреблений, сращивания с преступными элементами и вынесения неправосудных приговоров и решений» (в ряде главных судов страны). Мрачным и сердитым тоном Сафонов рассказывал, что преступная паутина особенно густо опутала суды Москвы, включая Мосгорсуд, Верховный суд РСФСР и Верховный суд СССР. Коррумпированные судебные работники, по его словам, действовали сообща. Сафонов пытался обрисовать связи между схемами взяточничества, подробно останавливаясь на отношениях и дружбе работников разных судов. «Отдельные судебные работники, – уверял он, – совершая эти преступления в разных звеньях судебной системы, были связаны между собой и, таким образом, действовали организованно»⁸⁵.

В свете массовых арестов сотрудников верховных судов в годы террора слова об организованной преступной деятельности в московских судах, должно быть, звучали особенно тревожно. Десять лет назад, в 1937–1938 гг., были репрессированы почти все судьи Верховного суда СССР⁸⁶. За один только 1938 г. в республиканских и областных судах пришлось замещать новыми кадрами 40 % должностей.

Руководство прокуратуры, несомненно, обрадовалось возможности пройти частым гребнем по судам, найти недобросовестных судей, почистить судебный аппарат⁸⁷. Разумеется, профессиональные интересы требовали от Сафонова показать, что прокуратура раскрыла большую преступную группу. В самой прокуратуре расследования в верховных судах, вероятно, расценивались как огромный успех. Неясно, входило ли это сразу в намерения Сафонова, но есть признаки того, что после разоблачения главных судей он поощрял обвинение, дискредитацию и осуждение все новых и новых лиц, выходя за рамки первоначальных распоряжений ЦК.

Вместе с тем имеются свидетельства, подтверждающие мысль, что Сталин принял меры к ограничению расширявшегося следствия и хотел свернуть его как можно скорее. В ноябре 1948 г. административный отдел ЦК подготовил постановление, предписывающее Сафонову повысить темпы работы по многочисленным делам о коррупции в верховных судах, намекая, что следствие слишком затянулось. Вероятно, опасаясь пагубных последствий для функционирования и легитимности судов, а также слухов, порождаемых непрекращающимися арестами, ЦК постановлением обязывал «т. Сафонова обеспечить быстрее окончание следствия по делам о взяточничестве в Верховном суде СССР, Верховном суде РСФСР, в Мосгорсуде и др. без ущерба для качества расследования»⁸⁸.

Это может быть знаком желания Сталина придержать следствие, которое стремительно разрасталось вширь, по мере того как следователи прокуратуры летом и осенью 1948 г. допрашивали сотни обвиняемых и свидетелей в Бутырской тюрьме. Нам известно, что в ряде случаев Сталин наказывал руководящих партийных работников, осмелившихся без его разрешения проявить инициативу в делах правовой системы. В начале 1948 г., например, Сталин дал нагоняй Кузнецову и Абакумову, самовольно устроившим суд чести над двумя сотрудниками Министерства государственной безопасности. Оба руководителя получили выговор от Политбюро⁸⁹. В другой раз административный отдел ЦК отчитал Сафонова за созыв без разрешения всесоюзной учебно-методической конференции лучших следственных работников. Отдел особенно ругал его за то, что он позволил выступить на конференции Голинкову, одному из главных следователей

по делам о взяточничестве в верховных судах⁹⁰. В августе Голиков руководил арестом судьи Шевченко (и машинистки Голевой) в тот момент, когда судья работал в своем кабинете в Верховном суде РСФСР. В ЦК сочли, что зрелище ареста судьи на рабочем месте подрывает авторитет Верховного суда и советской судебной системы в целом.

Преследование судьи Голякова

Хотя председатель Верховного суда СССР Голяков решительно утверждал, что не брал взятку ни разу в жизни (и имеющиеся свидетельства это подтверждают), следователи прокуратуры не оставляли его в покое по меньшей мере до августа 1951 г., то есть целых три года после его снятия в августе 1948 г. Они агрессивно выискивали уличающие доказательства, желая убедить партийные органы, что прокуратура обязана предъявить Голякову обвинение во взяточничестве⁹¹. Сафонов в январе 1951 г. даже просил разрешения на арест Голякова. Разрешения ему не дали. Через семь месяцев, 15 августа 1951 г., Волин написал в ЦК Маленкову о новом материале против Голякова. Он извещал Маленкова, что Е. М. Величко, осужденная за посредничество в передаче ряда взяток, недавно на закрытом судебном заседании призналась, будто три раза передавала взятки Голякову⁹². (Несколько подсудимых обвиняли Величко в лжесвидетельстве, так что ее показания не могут считаться достоверными.) Сомнительное заявление Величко послужило прокуратуре основанием для просьбы вновь открыть дело Голякова спустя больше года по окончании процессов работников Верховного суда СССР⁹³. Тем не менее никаких обвинений Голякову так и не предъявили.

Преследование Голякова имеет сильное сходство с подкопом под судей Военной коллегии Ульриха и Никитченко. Во всех трех случаях прокуратура продолжала разыскивать доказательства получения судьями взяток даже по истечении двух и более лет после их увольнения из суда. Никому из них в итоге не предъявляли уголовного обвинения. Тот факт, что ни Ульрих, ни Никитченко, ни Голяков *не были* арестованы, несмотря на запросы прокуратуры, еще раз свидетельствует, что Сафонов вышел за рамки замыслов Сталина. Следует предположить, что только Сталин мог давать разрешение на арест столь известных и высокопоставленных судей, как эти трое, и каждый раз в разрешении отказывал. Вероятно, в ходе следствия в 1948–1951 гг. прокуратуре порой приходилось импровизировать, пытаясь угадать, чего хочет Сталин. Видимо, она сочла, что Сталину желательно, чтобы она сделала все возможное для очистки высших судов, даже если улики против судей будут ничтожными. В некоторых случаях

Сталин ее придерживал, как, например, в делах Голякова и его заместителей Ульриха и Никитченко (задним числом представляется, что никто из них, очевидно, не виновен во взяточничестве, судя по весьма слабым доказательствам прокуратуры, основанным на слухах).

После увольнения из Верховного суда в августе 1948 г. Голяков окончательно перешел в академическую сферу, заняв пост директора Всесоюзного института юридических наук в Москве, где до конца жизни занимался научной работой.

Выход за пределы Москвы

Еще работая над раскрытием преступлений в ключевых московских судах, следователи прокурорских и партийных органов начали говорить о процветании коррупции в судах за пределами столицы. В конце лета 1948 г. прокуратура информировала ЦК, что скандал затронул ряд судов республиканского и областного уровня. Сафонов объявил, что прокуратура выявила долговременные схемы взяточничества среди групп работников Киевского областного суда и Краснодарского краевого суда (на Северном Кавказе). К августу 1948 г. в Киеве были арестованы 29 чел., в том числе бывший председатель Киевского областного суда, 12 судей народных судов и несколько адвокатов. Кроме того, милиция арестовала 15 чел., связанных с краснодарскими судами (включая председателя краевого суда и его заместителя) и якобы входящих еще в одну крупную преступную группу⁹⁴.

Тем не менее скандал продолжал разгораться подобно эпидемии. В январе 1949 г. Прокуратура РСФСР объявила об аресте более двух десятков работников суда и прокуратуры Башкирской АССР либо за получение, либо за пособничество в получении взяток⁹⁵. Один следователь доложил, что обнаружен широкий круг судей-взяточников, в который входят заместитель председателя верховного суда республики Амирханов и еще двое судей того же суда. В одном случае Амирханов обвинялся в том, что взял в качестве незаконной платы 1 500 руб., пол-литра водки и вареного гуся.

На протяжении 1949 г. дело продолжало расширяться. Летом следователи взялись за Грузию. К августу были арестованы за взяточничество шесть судей Верховного суда Грузинской ССР⁹⁶. Преступные схемы здесь очень сильно походили на выявленные в московских судах. В них участвовали судьи, посредники (зачастую адвокаты), родственники осужденных (как правило, признанных виновными в хищении государственного имущества или спекуляции); взятки давались и наличными, и натурой.

В том же году после долгого расследования следователи заявили, что обнаружили взяточников в Верховном суде УССР. Прокуратура СССР обвинила в получении взяток двух его судей – заместителя председателя суда в 1943–1946 гг. Д. С. Сусло и судью А. К. Иштутина⁹⁷. Обвинения были предъявлены также многим другим судебным работникам⁹⁸.

В 1948–1949 гг. число обвиняемых неуклонно росло. Следователи, получая компрометирующие материалы на допросах, производили новые аресты⁹⁹. К концу 1949 г. в связи со скандалами в судах были арестованы свыше 300 чел.: судьи и прочие судебные работники, посредники, взяточдатели.

«Кто из них берет взятки?»:

Судьи-мишени и методы принуждения

Очевидно, что в 1948–1951 гг. следователи прокуратуры стремились притянуть к делам о взяточничестве как можно больше судей верховных судов. Они старательно усматривали в рядовых случаях взяточничества и других нарушений признаки преступного сговора высокопоставленных судей из нескольких высших судебных учреждений. Они обвиняли судей и других работников многих важных судов в незаконных сделках друг с другом. Нужно отметить, что следователи говорили не об изменнических политических заговорах, как в эпоху террора, а о более традиционных преступных группировках. Но, так или иначе, в документах Политбюро, посвященных делам верховных судов, постоянно идет речь об «организованных группах» взяточников, несмотря на скудость или полное отсутствие весомых доказательств наличия между отдельными лицами, работавшими в разных судах, серьезных преступных связей помимо обычных деловых или дружеских отношений.

Главными объектами расследований административный отдел ЦК и прокуратура явно наметили руководство судов – председателей и их заместителей. В дело оказались втянуты Голяков и заместители председателя Верховного суда СССР (Ульрих, Солодилов, Никитченко). Обвинялись в получении взяток еще как минимум трое судей Верховного суда СССР. Попали под прицел заместители председателя Верховного суда РСФСР (Н. В. Васильев, В. Д. Бочаров и С. А. Пашутина)¹⁰⁰. Председателя суда Нестерова ввиду подозрений сняли (правда, не арестовали), пятерых судей осудили за взяточничество или злоупотребление служебным положением. Прокуратура предъявила обвинение во взяточничестве заместителю председателя Верховного суда УССР Сусло, а председатель Мосгорсуда Васнев был арестован и осужден.

Помимо этой модели ареста и судебного преследования руководителей судов, есть другие свидетельства, что ЦК поначалу требовались влиятельные и высокопоставленные участники преступного сговора, особенно среди судей. Следователи жаждали доказать, что судьи возглавляли целые шайки, и в результате возводили по большей части бессистемное мелкое взяточничество и подношение подарков на уровень организованного преступного предприятия с масштабными, синхронизированными схемами деятельности. Скандалы в верховных судах показывают, что партийные органы после войны все еще предпочитали интерпретировать мелкие злоупотребления части должностных лиц как скоординированные махинации преступных групп во главе с могущественными фигурами.

Мысль, что следователи действительно охотились на крупную рыбу, подкрепляется немалой частью показаний и переписки. К примеру, Шевченко на суде в июне 1949 г. рассказал, как следователи говорили ему во время предварительного следствия, что он им не особенно интересен, их настоящая цель – судьи наивысшего ранга: «[Член Военной коллегии] Буканов, [председатель Верховного суда РСФСР] Нестеров, [председатель Верховного суда СССР] Голяков... [зам. председателя Верховного суда РСФСР] Васильев. При этом заявляли прямо: “Нам этих нужно, а не вас”»¹⁰¹. Другой подсудимый сказал примерно то же самое, объясняя, почему преследованию подверглось так много судей. Бывший управляющий делами Верховного суда СССР А. В. Якушечкин на закрытом процессе уверял, что прокуратура обвинила его ложно. В зале суда он выдвинул предположение, что его арестовали, стремясь как можно сильнее «замазать» сотрудников Голякова. Говоря о главном следователе по своему делу, Якушечкин заявил: «Дело против меня создано Булаевым, он хотел очернить прошлый состав Верховного суда»¹⁰².

Документы, хранящиеся в государственных и партийных архивах, оставляют мало сомнений в том, что следователи порой прибегали к разнообразным методам принуждения, выжимая показания из находящихся в заключении подсудимых. Обвиняемых по этим делам, бывало, держали в тюрьме до суда по году и дольше, зачастую не давая ознакомиться с доказательствами против них. Лучшим источником информации о приемах следователей нередко служат показания самих обвиняемых на суде. Иногда их вызывали на private заседания с судейской коллегией, отдельно от других подсудимых и прокуроров. В надежде, что судьи с сочувствием отнесутся к их рассказам о «незаконном», как они часто выражались, запугивании в ходе следствия, они потоком изливали жалобы на конкретных следователей. На одном из таких частных заседаний подсудимая Ф. П. Уманская (начальник отдела судебного надзора Верховного

суда СССР) описала, как от нее добивались ложных показаний о взысочности Голякова: «В сентябре месяце вызвал к себе следователь Цаткин и просил “дать” ему два хорошеньких дела на Голякова. Я ответила, что мне неизвестно о преступлениях Голякова, но Цаткин заявил, что я утаиваю про Голякова, сказав при этом, что “вот Сафронова дала такие дела, и мы для нее кое-что делали, если вы дадите такие дела, то я обещаю дать вам свидание”. Несмотря на то, что я уже призналась, меня снова посадили в одиночку»¹⁰³.

В конце 1951 г. руководство Верховного суда СССР в письме в административный отдел ЦК возмущенно жаловалось на методы, применявшиеся следователями прокуратуры в некоторых делах. Среди других конкретных примеров приведен случай, когда некоего адвоката в нарушение советского законодательства до суда 28 месяцев держали в одиночке. Однажды следователи пришли к нему в камеру и, вручив ему список членов Верховного суда, сказали: «Славкин, помогите нам. Скажите, кто из них берет взятки?»¹⁰⁴

Генеральный прокурор Сафонов, со своей стороны, неизменно отказывался признать, что его следователи когда-либо применяли незаконные или неправильные методы. Любые подобные утверждения он именовал «клеветой». Сафонов не соглашался с многочисленными жалобами на конкретных следователей, добывавших информацию с помощью принуждения, сколько бы свидетельств ему ни приводили¹⁰⁵.

Планирование процессов и решение о секретности

Весной 1949 г. партийные руководители начали планировать судебные процессы по делам верховных судов РСФСР и СССР и Мосгорсуда, хотя следователи прокуратуры еще продолжали собирать доказательства и допрашивать людей, содержащихся в Бутырской тюрьме. Политбюро постановило не предавать никакой огласке ни аресты, ни процессы. Это важное решение принято по весьма понятным причинам. 30 апреля 1949 г. министр юстиции, генеральный прокурор и председатель Верховного суда направили в ЦК Маленкову совместное письмо. Трое глав судебной системы настаивали, что о делах верховных судов ни в коем случае нельзя упоминать в печати¹⁰⁶. Полное молчание, утверждали они, абсолютно необходимо, «чтобы избежать разглашения сведений об этих преступлениях». Если бы дела рассматривались «обычным» порядком, с «неизбежным» участием множества прокуроров и адвокатов, которые стали бы распространять информацию о процессах, такое разглашение «отрицательным образом повлияло бы на авторитет судебных органов». Власти беспокоились, что адвокаты будут рассказывать о

процессах друзьям, родным и коллегам, разнося вести о скандале и тем самым ослабляя способность советских судов обеспечивать «социалистическую законность». В период массовых арестов за хозяйственные и имущественные преступления партийное руководство не хотело развенчивать идею, что суды (и судьбы) хоть и крайне строги к преступникам, зато честны, справедливы ко всем и безупречны.

Кроме того, главы судебных ведомств писали, что боятся, как бы публичными процессами по делам о взяточничестве не воспользовались враги за рубежом, дабы ослабить Советский Союз: «Просочившиеся сведения об этих преступлениях могут быть использованы в интересах враждебной пропаганды». Такие рассуждения показательны: партийное руководство опасалось, что суд над судьями дискредитирует органы советской юстиции, подорвет доверие общественности к судам и сыграет на руку иностранным антисоветским пропагандистам.

Политбюро одобрило планы рассмотрения этих дел на специальных закрытых заседаниях Военной коллегии Верховного суда СССР в Москве тремя судьями Верховного суда. Над скандалом в высших судах опустили завесу строгой секретности. Разумеется, данное решение Политбюро было сталинским¹⁰⁷. В печати об указанных делах не появилось ни слова¹⁰⁸.

Эти секретные процессы периода позднего сталинизма резко контрастируют с большими публичными процессами по делам о взяточничестве эпохи нэпа, когда бюрократов судили за получение взяток, а нэпманов за подкуп должностных лиц. В 1920-е гг. в партии господствовало мнение, что именно *молчание* средств массовой информации о коррупции будет дискредитировать советскую власть в глазах населения. Юридическая и популярная пресса 1920-х гг. обсуждала проблему взяток и борьбу партии с ними. В 1945–1953 гг. печать, напротив, очень редко упоминала о взяточничестве.

Основные дела, составлявшие большое «Дело верховных судов», рассматривались на множестве процессов с мая по август 1949 г. тремя группами: дела, касавшиеся Мосгорсуда (май–июнь 1949 г.), Верховного суда РСФСР (май–декабрь 1949 г.) и Верховного суда СССР (июль–август 1949 г.). Несколько связанных дел слушались позже в 1949 г.¹⁰⁹ Суд над обвиняемыми по делу Верховного суда Грузинской ССР состоялся в конце 1949 г.; процесс работников Верховного суда УССР – в начале 1952 г.

Большинство разбирательств было организовано таким образом, что действующим судьям верховных судов приходилось вести процессы (и выносить вердикты) по делам судей и других работников, уволенных из собственного суда. Можно предположить, что Сталин, заставляя нынешних судей судить бывших из тех же судов, соче-

тал грубое запугивание с испытанием на лояльность. Новому председателю Верховного суда СССР Волину велели руководить процессами работников Верховного суда СССР (Волин перед началом разбирательства заболел, и его заменил один из заместителей)¹¹⁰. А новоназначенный председатель Верховного суда РСФСР Битюков председательствовал на процессе бывших судей и работников этого суда. Сталин постоянно проверял благонадежность руководящих кадров¹¹¹. Новые руководители судов, вероятно, боялись (вполне естественно) сесть на скамью подсудимых следующими.

На главных процессах фигурировало от 25 до 40 обвиняемых, каждый процесс длился примерно две недели. Охрана ежедневно возила обвиняемых в суд из Бутырской тюрьмы. Поскольку Политбюро запретило адвокатам присутствовать в зале суда, вопросы подсудимым задавали судьи; также подсудимым разрешили задавать вопросы друг другу. Большинство заявляло о своей невиновности, хотя некоторые бывшие судьи и судебные работники признали вину. За очень редкими исключениями, суд признал подсудимых виновными, из бывших судей – почти всех, в том числе троих из Верховного суда СССР, пятерых из Верховного суда РСФСР и пятерых из Мосгорсуда. На более поздних процессах были осуждены шесть судей Верховного суда Грузинской ССР и двое из Верховного суда УССР.

Судьям, осужденным за получение взяток, стандартно давали 10 лет заключения (независимо от того, признали ли они вину и сотрудничали ли со следствием). Взяткодателям и посредникам по уголовному кодексу полагалось от 2 до 5 лет. Такие сроки получили, вероятно, 275 взяткодателей и посредников. (Оправдательные приговоры взяткодателям выносили редко и, как правило, только в случае преклонного возраста, инвалидности или беременности подсудимых.) Административный отдел ЦК продолжал пристально наблюдать за исходом дел, о чем свидетельствует тот факт, что председатель Верховного суда СССР Волин по завершении процессов немедленно посылал в отдел копии вердиктов¹¹².

Судопроизводство по этим делам в основном следовало обычной процедуре; об этом говорят представление доказательств и свидетелей, попытки стороны обвинения доказать корыстный умысел, предоставление подсудимым возможности отрицать вину, объяснить свои действия и задавать вопросы другим подсудимым, да и сам факт, что слушания продолжались не одну неделю. Однако в некоторых отношениях они носили признаки откровенно политических процессов: особенно примечательны секретность, отсутствие защитников, почти гарантированное осуждение (иногда лишь на основании оговора), использование вынужденных показаний и подчеркивание определенных моральных недостатков подсудимых наряду с их пре-

ступлениями. Но все же эти процессы были далеко не так политизированы, как короткие фиктивные суды над «врагами народа» в 1930-х гг. По каждому обвинению шло разбирательство в полном объеме, с заслушиванием показаний обвиняемых и свидетелей. Даже в обвинительных актах против судей верховных судов не говорилось, что обвиняемые *намеревались* вредить партии или советской власти. Никто на этих процессах не обвинялся в «контрреволюционных» действиях или других преступлениях по статье 58.

Часть II. Сделки в верховных судах

Прокуратура заявляла о раскрытии в 1948–1949 гг. гнезд взяточничества в ряде важных судебных учреждений. При рассмотрении дел о взяточничестве в верховных судах обвинители указывали как на преступную деятельность судей, так и на их аморальный облик, подчеркивая (и часто смешивая) сексуальные отклонения, подпольный капиталистический бизнес, зараженность «капиталистическим сознанием» и опасную национальную клановость¹¹³. Важно отметить, что ни одно из обвинений не принимало во внимание такие структурные причины, как маленькая зарплата, бюрократическая волокита или ненормальные условия труда. Говорили об участии судебных работников в преступных группах, но не в политических или контрреволюционных заговорах. В этих послевоенных обвинениях судьи-взяточники не назывались иностранными шпионами, предателями или замаскированными «врагами народа». Судя по протоколам процессов и допросов обвиняемых следователями, эти дела, по-видимому, были призваны продемонстрировать, во-первых, профессиональную и моральную нечистоплотность некоторых судей, а во-вторых, тот факт, что опустившиеся судьи якобы создавали опасную обстановку, поощрявшую недостойное поведение их подчиненных. Работники партийных органов и прокуратуры обычно характеризовали взяточничество как естественное следствие всякого рода морального разложения, которое могло заражать и отдельных людей, и целые учреждения¹¹⁴.

Однако такие официальные объяснения взяточничества в верховных судах отвечают на очень немногие вопросы. Лишь приглядевшись пристальнее к необычным условиям в верховных судах, способствовавшим личным контактам и переговорам, можно понять, почему работники этих судов проявляли (иногда) готовность идти на сделки. В одной из предыдущих глав исследовались факторы, которые стимулировали заключение неформальных сделок между просителями и судебными работниками в нижестоящих судах СССР.

Рассмотрим теперь мотивирующие факторы, действовавшие в высших судах страны, дабы решить загадку: что же толкало некоторых сотрудников столь важных и находящихся на виду учреждений вступать в незаконные, хоть и выгодные, сделки с гражданами, несмотря на связанный с этим немалый риск?

Следует еще раз подчеркнуть, что мы отнюдь не утверждаем, будто все судьи (или большинство) брали взятки. Никаких доказательств этого, конечно, нет. Мы лишь изучаем причины, по которым те, кто все же занимался подобными делами, поступали так, как поступали.

Пересмотр приговоров как кладезь возможностей

В 1946–1952 гг. высшие советские суды тонули в жалобах, подаваемых рядовыми гражданами. После решающих изменений 1938 г. в порядке пересмотра приговоров (по закону о судоустройстве) и особенно после войны сотни тысяч людей с воодушевлением принялись подавать заявления о пересмотре приговоров по уголовным делам во все инстанции вплоть до верховных судов РСФСР и СССР. Кроме того, суровые указы о хищениях от 4 июня – и законы об ответственности за другие неполитические преступления – оказали неожиданное воздействие на советское общество и правовую систему. Здесь мы будем говорить отдельно об их последствиях для высших судебных органов эпохи позднего сталинизма.

Если человек желал обжаловать несправедливый, по его мнению, приговор, процесс выглядел следующим образом. С 1930 г. нижнюю ступень судебной лестницы занимали «народные суды»; в каждом районе той или иной области работал по крайней мере один народный суд. Осужденный народным судьей мог незамедлительно просить автоматической отправки дела на кассацию в следующую по старшинству инстанцию – областной суд. При кассационном пересмотре дела проверялось, соблюдена ли нижестоящим судом положенная процедура (а ее часто не соблюдали), и выносился правильный приговор. Кассация, как правило, не требовала пересмотра доказательств по делу и вообще дела по существу. Разбирательство производилось быстро, обычно в течение десяти дней. Кассационные суды редко отменяли решения нижестоящих судов¹¹⁵. Как только жалоба была отклонена кассационным судом, приговор вступал в силу.

Гражданин, по-прежнему не удовлетворенный решением суда, имел право ходатайствовать выше, в республиканский верховный суд, в порядке надзора. Существовало два типа заявлений о пересмотре дела в порядке надзора. Прокуроры подавали заявления в форме протеста. Как правило, они опротестовывали приговоры по причине их чрезмерной мягкости, а не суровости. Нам гораздо важнее второй

тип – жалоба в порядке надзора от рядового гражданина. Формально такие жалобы мог подавать любой гражданин (или его родственник, или адвокат), чей приговор был подтвержден кассационным производством в областном суде¹¹⁶. Сотрудники суда, именуемые «юридическими консультантами» (юрисконсультами), первыми проверяли жалобы, решая, отклонить их сразу или передать судье для дальнейшего рассмотрения. По правилам советской юридической процедуры, в результате жалобы в порядке надзора от гражданина судья мог «истребовать» его дело и затем отменить решение нижестоящего суда: оправдать осужденного, смягчить ему приговор либо рекомендовать отправить дело на доследование.

Осенью 1938 г. процесс обжалования получил необычное и крайне важное развитие. Начиная с закона о судостроительстве СССР от 16 августа 1938 г. Верховному суду СССР внезапно дали право проверять и пересматривать приговоры, вынесенные практически любым судом первой инстанции в стране¹¹⁷. До этого Верховный суд СССР рассматривал только надзорные жалобы, по которым вынесли решение республиканские верховные суды, и только если дело передавалось Прокуратурой СССР¹¹⁸. Закон от 16 августа произвел большие перемены в работе вышестоящих судов. Цитируя Питера Соломона, с осени 1938 г. Верховный суд СССР «приобрел почти неограниченные полномочия рассматривать в порядке надзора жалобы по судебным делам сразу после обязательного кассационного производства. Таким образом, этот суд мог проверять любое дело, слушавшееся в народном суде и рассмотренное по кассации в областном суде, в обход республиканских верховных судов, тоже уполномоченных пересматривать судебные решения»¹¹⁹.

Иначе говоря, советские люди, осужденные судами нижнего звена, теперь имели право подавать жалобы прямо в Верховный суд СССР, минуя республиканский уровень¹²⁰. Этот вышедший после террора закон имел целью вернуть в суды понятия легитимности и законности, повысив значимость Верховного суда СССР и позволив ему отменять слишком часто встречавшиеся неправильные приговоры нижестоящих судов¹²¹. С августа 1938 г. судьи верховных судов РСФСР и СССР, очевидно, считали себя вправе исправлять вопиющие ошибки, допускаемые судами низшего звена, зачастую из-за вмешательства местных политработников. Судьи Верховного суда СССР (обычно работавшие по трое), например, имели возможность пересматривать любые политически окрашенные приговоры, вынесенные народными судами в 1936–1938 гг.¹²² Но при этом возникли иные, неожиданные последствия.

Как только закон о судостроительстве 1938 г. был обнародован, десятки тысяч людей принялись направлять жалобы прямо в Москву,

явно полагая, что там больше шансов получить удовлетворительный (и скорый) результат¹²³. Адвокаты и судьи нижестоящих судов, по видимому, часто советовали клиентам жаловаться туда, чтобы судья Верховного суда справедливо рассмотрел приговор. Однако в послевоенные сталинские годы столь высокий уровень централизации процесса пересмотра приговоров породил непредвиденные проблемы, заставив Верховный суд СССР (и, в меньшей степени, республиканские верховные суды) захлебываться в огромном – и продолжавшем расти – потоке дел и жалоб¹²⁴.

Новое право ходатайствовать прямо в Верховный суд СССР воплощало советский идеал всеобщего права граждан обращаться к властям на любом уровне. (В одном законе 1936 г. о таком праве говорилось прямо, и оно широко пропагандировалось как основная прерогатива граждан при только что построенном социализме¹²⁵.) Одна обвиняемая, противопоставляя ходатайства (которыми она, по ее мнению, занималась по делу мужа) даче взяток (которую она отрицала), сказала на суде: «При советской власти можно хлопотать везде, но денег я никому не давала... Правильно осужден или неправильно, я должна хлопотать за него»¹²⁶.

Однако на практике в период массовых арестов за мелкие преступления право ходатайства имело тяжкие последствия для высших судебных органов страны. Оно побуждало население искать прямого контакта с должностными лицами, рассматривающими индивидуальные жалобы. В принципе любой мог лично проконсультироваться у судьи Верховного суда по своему делу. И действительно, в 1947 г. такие официальные консультации (в рабочие часы) с судьями Верховного суда СССР проходили по меньшей мере несколько сотен раз в месяц.

В то же время вместе с ростом количества осужденных за политические преступления резко прибавилось и официальных заявлений о пересмотре приговоров, подаваемых гражданами. Статистика жалоб в сталинский период не публиковалась, но судебные архивы показывают, что после 1938 г. их число быстро увеличивалось. В 1936 г. Верховный суд СССР рассмотрел в порядке надзора менее 11 тыс. жалоб. Но почти сразу, как только в августе 1938 г. вступил в силу новый закон о судостроительстве, данный показатель вырос в шесть раз. В 1938–1940 гг. Верховным судом СССР рассматривались в среднем около 70 тыс. жалоб в порядке надзора ежегодно¹²⁷. Война, естественно, значительно сократила эту цифру (в 1944 г. – около 49 тыс., в 1945 г. – 55 тыс.). Зато в 1946 г. число жалоб, полученных Верховным судом СССР, подскочило до 97 тыс.¹²⁸

Указ от 4 июня 1947 г. об ответственности за хищение государственного имущества, с его минимальным семилетним сроком на-

казания, спровоцировал новый скачок числа надзорных жалоб, поступавших в Верховный суд СССР. Вскоре после выхода указа родственники осужденных по нему стали бомбардировать суды заявлениями о пересмотре приговоров, которые они считали неправильными, несправедливыми или даже «незаконными». В 1950 г. почти 40 % дел, рассмотренных Коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР, имели отношение только к одному закону – указу от 4 июня¹²⁹.

За один 1948 г., когда лавина жалоб по делам о хищениях всей мощью обрушилась на Москву, в Верховный суд СССР пришли почти 135 тыс. заявлений о пересмотре приговоров за все виды преступлений¹³⁰. Бывало, их поступало до тысячи *в день*¹³¹. Образовался огромный «завал»¹³². Председатель Верховного суда Голяков писал, что за первую половину 1948 г. он лично рассмотрел 500 жалоб граждан только по делам о хищениях¹³³. Из-за острой нехватки кадров, жаловался он, заявления очень трудно «учесть, рассмотреть и исполнить». Голяков также указал на августовский закон о судостроительстве 1938 г., сделавший Верховный суд СССР адресатом жалоб со всей страны, как на один из главных факторов, усугубляющих проблему тесноты в здании суда. Закон, как он сардонически заметил, «потребовал... приближения Верховного суда к населению». В слова о «приближении к населению» он не мог не вложить немалую долю иронии, учитывая отсутствие в суде места для встреч и работы с посетителями, при том что «Верховный суд стал центром, куда стекается значительное число просителей, жалобщиков, адвокатов со всех концов Союза».

Дойдя до верховных судов, жалобы зачастую подвергались там рассмотрению недолгому и беглому. Свыше 80 % жалоб по уголовным делам, попадавших в Верховный суд СССР, отклонялись сразу же (главным образом ввиду отсутствия оснований для пересмотра), еще около 10 %, как правило, передавались в более соответствующие учреждения¹³⁴. В 1952 г. 87 % жалоб были отклонены и только 4 % повлекли за собой истребование дела на пересмотр¹³⁵. В свете огромного объема работы в суде можно представить, сколь мимолетного взгляда удостоивались многие жалобы и как нарастало недовольство просителей. Старший юридический консультант Верховного суда РСФСР К. Т. Попов, отвечавший за проверку жалоб, показал, что из-за нехватки кадров ему приходилось рассматривать по 70–80 заявлений в день, что вело к «поверхностному изучению дел». Проволочки в работе с жалобами, несомненно, вызывали досаду у родственников людей, сидевших в тюрьме, и заставляли их искать подходы «с заднего крыльца», чтобы победить бюрократическую неповоротливость¹³⁶. Попов на суде описал возможности, которые давала ему эта масса жа-

лоб для заключения сделок с раздосадованными, часто отчаявшимися просителями¹³⁷. (Он был осужден за получение по меньшей мере восьми взяток.)

Похожие показания дала и Ф. П. Уманская, арестованная в июне 1948 г. Ее работа как начальника отдела судебного надзора заключалась в надзоре за обработкой «гор жалоб», копившихся в Верховном суде. Поэтому ей было очень удобно заключать «левые» договоренности с недовольными просителями. Юридические консультанты, которые первыми рассматривали жалобы, естественно, в первую же очередь привлекали взяткодателей. Уманская созналась в получении как минимум пятнадцати взяток. Секретарь Солодилова Н. Г. Ивановская точно так же имела прекрасные возможности вести переговоры, строить неформальные отношения и за дополнительную «плату» отыскивать и истребовать дела. Она тоже призналась, что получила много взяток¹³⁸.

Последствия указа от 4 июня наложили на судебную систему глубокий отпечаток, на который историки не обращают внимания. Даже когда число осужденных, достигнув пика в конце 1947 г., стало уменьшаться, число жалоб во всесоюзный и республиканские верховные суды неуклонно продолжало расти. В 1946–1952 гг. оно ежегодно увеличивалось на десятки тысяч. В июне 1952 г. председатель Верховного суда СССР Волин жаловался в Совет министров, что его сотрудники все еще тонут в жалобах. Если в 1949 г. в Верховный суд СССР были поданы 192 тыс. жалоб, писал Волин, то в 1951 г. эта цифра чудовищно подскочила – до 251 тыс. за один год. Таким образом, количество жалоб, подаваемых гражданами, с 1948 г. (когда оно составляло 135 тыс.) в течение трех лет почти удвоилось¹³⁹. В конечном счете увеличение объема жалоб по неполитическим делам давало судьям и судебному персоналу больше возможностей для незаконных сделок с жалобщиками в обмен на истребование дел на пересмотр.

Сам процесс обжалования как будто искал воспользоваться незаконными методами достижения положительного результата. В принципе этот способ сатисфакции демонстрировал похвальную черту советской административной системы: любой гражданин в любой момент мог официально обжаловать в письменном виде неправомерное решение любого органа и ожидать своевременного ответа. Писать жалобу можно было в свободной форме, хотя многие обвиняемые или члены их семей нанимали для этого адвоката. Сроки подачи не ограничивались. В суде просители (или их адвокаты) иногда бросали жалобы в специальный ящик в приемной; такие «ящики для жалоб» стояли даже в вестибюле Верховного суда СССР. Зачастую, однако, жалобщики с раннего утра занимали очередь, надеясь лично встретиться с юрисконсультom, а то и с судьей. (Ушлые адвокаты по-

рой выискивали клиентов среди массы отчаявшихся жалобщиков в очереди на подачу заявлений.) Подобные встречи проводились ежедневно в течение нескольких часов; кто не успевал попасть на прием, мог опустить заявление в ящик или оставить сотруднику суда¹⁴⁰.

Эти правила, с одной стороны, символизировали претензию на эгалитаризм в процессе ходатайства – в принципе любой советский человек мог подать жалобу в любое ведомство и рассчитывать на быстрый ответ. С другой стороны, дело портили крайняя обезличенность процесса и потенциальная его тщетность для членов семей обвиняемых¹⁴¹. Раздражающие процедуры и неуверенность в конечном исходе побуждали многих искать помощи любыми способами, включая тайные договоренности¹⁴².

Условия труда и быта в московских высших судах

Финансовые трудности помогают объяснить, почему работники высших судов, так же как служащие других государственных учреждений, иногда охотно принимали незаконные платежи и подарки. Война поставила многих судей в печальную экономическую ситуацию. В письме, полученном Молотовым 7 августа 1944 г., председатель Верховного суда СССР Голяков сетовал, что в военных условиях материальное положение членов Верховного суда резко ухудшилось¹⁴³. Как ни удивительно, с финансами у судей в высших судах дело обстояло ненамного лучше, чем в низестоящих, о которых рассказывалось выше. Большинству судей, работавших в верховных судах страны, платили не слишком много, не давали приличного жилья, особенно до того, как уровень жизни начал потихоньку повышаться в 1948–1949 гг.¹⁴⁴ В феврале 1948 г. работник Министерства юстиции жаловался, что средний сотрудник милиции зарабатывает больше некоторых членов Верховного суда СССР (получавших 1 350 руб. в месяц)¹⁴⁵. А. Г. Гусев, судья Верховного суда и секретарь его партийной ячейки, писал: «Члены Верховного суда не имеют возможности более или менее прилично одеться и нередко ходят в потрепанных костюмах». Некоторые судьи говорили, что временами им не хватало на еду¹⁴⁶.

Если представлялась возможность, работники Верховного суда порой поддавались искушению взять взятку из-за нужды, желания улучшить плохие жилищные условия или получить дополнительный доход¹⁴⁷. Судья Верховного суда Шевченко признался, что в течение нескольких лет продавал свои услуги за наличные именно ввиду больших финансовых трудностей¹⁴⁸. Он так отчаянно нуждался в деньгах, что подрабатывал носильщиком на железнодорожных вокзалах. Согласно показаниям Шевченко, вернувшись в Москву из

эвакуации в 1943 г., он обнаружил, что его квартира серьезно повреждена немецкой зажигательной бомбой. Взятки обеспечивали его необходимыми средствами, чтобы отремонтировать квартиру и свести концы с концами¹⁴⁹. Еще две сотрудницы Верховного суда СССР требовали взятки наличными ради покупки на черном рынке лекарств для тяжело больных супругов. Сафроновой, по ее словам, нужен был «канадский пенициллин» для мужа, болевшего воспалением легких. Судья Верховного суда РСФСР Кумехов рассказал на процессе, что одиннадцать его племянников и шестеро двоюродных братьев погибли на войне, а он обязался помогать их вдовам: «Моим тяжелым материальным положением воспользовались всякого рода посредники, уговариватели и толкачи, которые, играя на моей нужде и используя истощенность моего организма, поставили меня на преступный путь, и я совершил ряд преступлений»¹⁵⁰.

Жилищные условия судей и сотрудников Верховного суда также бывали весьма плохи, как показывает пример грузинского судьи Л. К. Чичуа, вынужденного проживать в московской гостинице «Европа» (см. главу 4). Фактически около половины судей, назначенных в Верховный суд СССР в 1946 г., не появились там, потому что им негде было жить и не хватало места для работы. Ситуация сложилась настолько вопиющая, что административный отдел ЦК приказал Голякову найти способ заставить новых судей прибыть в Москву и приступить к своим обязанностям¹⁵¹.

Вдобавок условия труда в верховных судах и РСФСР, и СССР способствовали сомнительным контактам между судебными работниками и просителями. Послевоенный дефицит помещений в советских городах не обошел и судебные учреждения. В Верховном суде СССР условия были ужасные. Он даже не имел собственного здания и делил с Прокуратурой СССР бывший купеческий особняк – дом 25 на Пушкинской улице (ныне Большая Дмитровка)¹⁵². Когда правительство в 1942 г. вернулось в Москву из эвакуации, Прокуратура СССР, по словам Голякова, попросту самовольно заняла более шести комнат, принадлежавших суду, приведя персонал суда в бешенство¹⁵³. В июле 1945 г. Голяков с раздражением писал Молотову в Совет министров, что Верховный суд представляет собой шумное, многолюдное, бестолковое сборище судей, сотрудников, адвокатов и просителей, где ни у кого нет достаточно места и возможности соблюдать профессиональную дистанцию¹⁵⁴. Такая обстановка весьма благоприятствовала незаконным контактам сотрудников с просителями, которые приходили в суд подавать жалобы. Со своей стороны, Верховный суд РСФСР ютился в ветхом строении вместе с Министерством юстиции РСФСР, занимавшим два средних этажа. По возвращении из эвакуации суд лишился пятого этажа, который тоже отдали министерству¹⁵⁵. У суда имелось лишь два не-

больших зала заседаний; многие слушания проводились в маленьких кабинетах.

Председатель Верховного суда СССР годами просил подобающее здание. Во время эвакуации из Москвы проблема помещений отошла на задний план, но после войны вновь стала приоритетной. «Отсутствие помещения, – как выразился Голяков, – создает для Верховного суда прямо катастрофическое положение». Некоторые судьи, жаловался один человек, ютятся в крошечных комнатках, «как в сарае», где невозможно сосредоточиться¹⁵⁶. В этих же комнатках проводились и слушания – как ни невероятно, Верховный суд СССР не располагал залами заседаний. Ему приходилось ограничивать доступ в здание просителей, «так как их буквально негде принять»: «Само собой разумеется, что такое положение совершенно нетерпимо для высшего органа правосудия, который должен быть открыт для любого лица, у которого имеются основания быть недовольным решением суда». Из сотен жалобщиков, каждый день приходивших к дверям Верховного суда, лишь малая часть могла попасть на прием¹⁵⁷.

А. А. Волин, как только осенью 1948 г. возглавил Верховный суд СССР, принялся не менее энергично высказывать те же претензии. 14 сентября, в свой первый день в должности председателя Верховного суда, он написал Сталину, что в кабинетах громоздятся грозящие в любой момент рассыпаться кучи из десятков тысяч нерассмотренных дел и жалоб. В помещениях суда, и без того тесных, лежали более 11 тыс. папок с делами и 14 тыс. с жалобами: «Дела и жалобы без регистрации сваливались на пол под столы или в мешки, где и находились длительное время без движения... В результате Верховный суд СССР, как высший судебный орган, часто являет плохой пример для нижестоящих судов». Месяцем позже Волин в письме Сталину настаивал, что Верховный суд СССР должен иметь собственное здание: «Отправление правосудия в Верховном суде СССР происходит в исключительно тяжелых, вернее, в совершенно невозможных и недопустимых, с точки зрения закона, условиях». Вывод его был короток, суров и весьма справедлив: «Такое состояние Верховного суда СССР дискредитирует его как высший судебный орган и, в известной мере, роняет авторитет советского правосудия»¹⁵⁸.

С учетом повседневных условий труда в высших судах Москвы – и новой лавины надзорных жалоб с середины 1947 г. – официальная картина «организованных» групп морально ущербных судей и «преступных» просителей и посредников, нарисованная руководством партии и Прокуратуры СССР, сильно усложняется. К развитию противозаконных отношений в верховных судах вело сочетание разных факторов. Мелкое взяточничество, сопутствующие традиции и практики подношений нашли в судах плодородную почву. Взяточдателям, взятополучателям и посредникам открывалась масса возможностей,

тем более в обстановке социальной нестабильности, хаоса, дефицита и прочих последствий войны и послевоенного восстановления. Люди, старавшиеся благополучно пробраться сквозь лабиринты судебной системы, имели веские мотивы к заключению сделок. У перегруженных и малооплачиваемых судебных работников тоже было много причин задуматься, не стоит ли им брать взятки.

Почему здесь? Почему сейчас?

В данном исследовании утверждается, что послевоенное «Дело верховных судов» (включая удар по Военной коллегии, о котором говорилось в предыдущей главе) представляло собой атаку на советские суды, наверняка санкционированную, если не полностью инициированную Сталиным.

Почему же высшие советские суды стали ареной столь жаркого скандала, и почему партийные руководители нападали на них так ожесточенно? Мы не можем дать окончательный ответ на эти любопытные вопросы. Информации не хватает, а многие архивные документы до сих пор недоступны. Возможно, дальнейшие исследования прольют свет на эту проблему, которая заставляет нас обратить внимание на механизмы политической власти во времена позднего сталинизма. Тем не менее представляется, что сочетание факторов, характерное для послевоенного сталинского периода, провоцировало и раздувало скандал 1947–1949 гг. Атака партийного руководства на высшие суды была обусловлена тем, что они вступили в противоречие с несколькими сталинскими целями первых послевоенных лет.

Сталинские устремления на «правовом фронте» в 1947–1949 гг. дают важный ключ к истокам скандала. После войны партийное руководство желало восстановить дисциплину в судах, являвшихся важной частью командно-административной системы. Сталин, безусловно, видел в судах в первую очередь карающую руку социалистического государства, оружие в революционной борьбе. Говоря словами председателя Верховного суда Голякова и министра юстиции Рычкова: «Все эти задачи настоятельно требуют, чтобы наши суды были достаточно гибким и оперативным орудием в руках партии и правительства, которые могли бы каждый день, каждый час использовать суды в качестве проводников своей политики»¹⁵⁹. Однако, по мнению Сталина, судебная система после войны не ответила на призыв партии решительно защищать государственную собственность. (Он считал, что и военные суды не карают как следует коллаборационистов, «контрреволюционеров» и других политических преступников.) Неофициальные отношения и патронаж в судах грозят особенно пагубными последствиями, утверждало руководство. Работники суда и прокуратуры, изменявшие решения и смягчавшие приговоры

под влиянием тайных материальных стимулов, ослабляли контроль партии над правовыми ведомствами. С точки зрения партийной верхушки, исполнение в полном объеме указа от 4 июня об ответственности за хищение государственного имущества и других репрессивных законов зависело от готовности прокуроров требовать самых суровых наказаний, а судей – применять их. Аресты и расследования посылали высшим судебным органам страны сигнал, что любой намек на слабость будет жестоко наказан. Таким образом, для Сталина скандал, скорее всего, служил способом призвать руководящих работников высших судов к ответу за недостаточно усердное преследование и не слишком строгие меры наказания контрреволюционеров, нацистских пособников, расхитителей государственной собственности, спекулянтов и прочих преступников, чьи действия шли во вред государству и основам его экономики. Раскрытие многочисленных реальных случаев взяточничества при помощи доказательств, полученных агрессивными методами следствия, и неиссякающего потока доносов давало Сталину и партийным органам возможность увольнять и дискредитировать (а иногда арестовывать и сажать в тюрьму) судей и других судебных работников.

Сталина также по-прежнему заботила лояльность отдельных лиц и целых учреждений; применительно к судам лояльность означала неукоснительное проведение в жизнь драконовской карательной политики партии. Борьба с коррупцией помогала осуществить важнейшую задачу режима после разгрома нацистов – укрепление доверия государственных институтов в рамках послевоенной рецентрализации власти¹⁶⁰. Сталин стремился задавить в советских учреждениях любые признаки самостоятельности, которую расценивал как неповиновение. В то же время он должен был гарантировать репрессивные полномочия судов ради сохранения политической власти и общественного строя¹⁶¹.

Неудивительно, что в ход вышеописанного дела, по-видимому, вмешивалась аппаратная политика¹⁶². В феврале 1948 г., когда расследование взяточничества в верховных судах набирало обороты, в правоохранительных ведомствах произошла «смена караула». Новый генеральный прокурор СССР Сафонов, наверное пытаясь сделать себе имя, взялся за расследование с особым рвением. Разумеется, в интересах Прокуратуры СССР было изобразить скандал как можно более крупным и далеко идущим, а в интересах Сафонова – объявить, что его следователи выявили и ликвидировали широкую преступную группу во главе с высокопоставленными судьями. Сами следователи, несомненно, полагали, что строят успешную карьеру, ловя крупную рыбу, преследуя ключевых судей как якобы продажных и прогнивших. Кстати, в конце 1949 г. во всесоюзном журнале прокуратуры «Социалистическая законность» появилась хвалебная статья о двух

главных следователях по «Делу верховных судов» — К. В. Булаеве и Д. Л. Голинкове¹⁶³. Конечно, об этом деле, полностью засекреченном, в статье не говорилось ни слова, но она прославляла самоотверженные усилия следователей, которые выводят на чистую воду крупных взяточников и расхитителей государственной собственности и пресекают их подрывную деятельность. Административный отдел ЦК поощрял энтузиазм (если не сказать: одержимость) Сафонова и его сотрудников, хотя порой натягивал вожжи, притормаживая следствие.

Пожалуй, наиболее важной политически была роль секретаря ЦК А. А. Кузнецова. Если какой-то из высших партийных руководителей, помимо Сталина, выступал движущей силой раскрутки скандала, то это, скорее всего, Кузнецов, чья власть и влияние примерно в то время достигли вершины. В качестве начальника Управления кадров ЦК он в этот период отвечал за восстановление строгого партийного контроля над работниками государственного аппарата (включая суды). Кузнецов сделал своей миссией использование партийных органов для искоренения морального разложения в намеченных им государственных учреждениях, заявляя, что слабое руководство породило «отклонения» и моральные прегрешения, обнаруженные у обвиняемых по «Делу верховных судов»¹⁶⁴. Впрочем, в отсутствие прямых доказательств об этом можно только гадать.

Сталин, со своей стороны, страдая от переутомления и плохого здоровья, после 1946–1947 гг. отошел от внутренних проблем, сосредоточившись главным образом на внешнеполитических боях «холодной войны»¹⁶⁵. Он стал меньше вникать в государственные дела, чем до и во время войны. Детали следствия и суда над взяточниками он, вероятно, оставил на откуп административному отделу ЦК (Кузнецову) и прокуратуре (Сафонову). Вообще вопросы, касающиеся судов, видимо, редко привлекали внимание Сталина после войны. Но одно из основных исключений составляла роль судов в преследовании «контрреволюционеров» и «политических преступников» (в том числе коллаборационистов), а также расхитителей государственной собственности — два его главных приоритета в области уголовной юстиции. Кажется, атака на коррупцию в судах была вызвана стремлением гарантировать суровое наказание «изменников родины» и расхитителей в той же мере, что и реальным беспокойством по поводу взяточничества. Послевоенный далеко идущий, «единый, массовый» и «кампанейский удар» по судам, как выразился один подсудимый, отчасти случился потому, что суды не справлялись со своими обязанностями¹⁶⁶. Партия пустила в ход карающий молот, порой беспорядочно размахивая им во все стороны.

Когда под подозрение попал Солодилов и следователи начали присматриваться к его связям, должно быть, стало ясно, что сделки

между просителями и судьями неожиданно широко распространены во многих московских судах. Судя по реакции партийного руководства и практически одновременному началу расследований в ряде судов, партия почти наверняка не предвидела масштабов взяточничества в верховных судах. Эти случаи взяточничества демонстрировали те же неформальные отношения, патронаж и переговоры, что имели место в судах (и многих других бюрократических аппаратах) по всей стране; только положение взяточников – и степень риска – были выше.

Скандал еще раз показывает неизменную склонность Сталина к решению политических и социальных проблем путем всплеск беспорядочных арестов «по случаю» и бурной кампанейщины вместо структурных реформ или существенных изменений в уголовном кодексе. В 1948–1950 гг. (как раз в период вызвавших скандал арестов, допросов и судебных процессов) прокуратура и Министерство юстиции несколько раз посылали Сталину рекомендации ужесточить законы о взяточничестве. Он их все отклонил или попросту проигнорировал¹⁶⁷. Предложения совсем немного повысить меры наказания за взяточничество, описанные в главе 5, задним числом кажутся почти нелепыми в свете бури арестов, свирепствовавшей в судах Москвы и других регионов.

В контексте резкой партийной критики судов за недостаточную строгость к «опасным» преступникам дело Баканова в московских военных судах и дело Солодилова в Верховном суде СССР, видимо, послужили предлогами для большой охоты за любыми признаками коррупции среди судей верховных судов и их сотрудников, реальной или воображаемой. Дело Солодилова в конечном счете дало повод ударить по Верховному суду СССР и его председателю Голякову. Прокуратура пошла в наступление на якобы серьезные нарушения в судах, обеспечивая административному отделу ЦК постоянный приток новой информации о судьях-взяточниках, полученной в ходе расследований и допросов 1947–1949 гг. (по большей части она происходила из доносов, которые не проверялись и в конце концов оказывались ложными)¹⁶⁸. Логика сталинского правоприменения убеждала следователей, что взяточничество в судах должно быть широко распространенным и групповым.

Примечательно, что карьерам столь многих видных судей сталинской эпохи положили конец после Второй мировой войны коррупционные скандалы. В первые послевоенные годы председателю Верховного суда СССР Голякову и обоим его заместителям, Ульриху и Никитченко, приписывали не *измену* (как случилось бы в 1936–1938 гг.), а *взяточничество*. Судья Верховного суда РСФСР Шевченко и по меньшей мере еще четверо судей этого суда обвиня-

лись во взяточничестве, а не в контрреволюции. Васнев и еще четверо судей Мосгорсуда были осуждены за взяточничество и злоупотребление служебным положением. То же самое происходило со многими другими судьями в 1948–1952 гг. Обвиняя во взяточничестве или других типах должностной коррупции, их либо приговаривали к лишению свободы, либо выгоняли с работы с позорным клеймом. Тем не менее они избегали смертных приговоров, выносившихся в годы террора «врагам народа», зачастую этими же судьями.

После того как Сталин, очевидно, решил бескровно почистить суды, следователи партии и прокуратуры превратили сотни случаев мелкого взяточничества, имевших место в разные годы и в разных судах, в деяния крупной, сплоченной преступной группы, сопровождающиеся моральным падением и капиталистическим перерождением, которые угрожают основам социалистической законности. Как говорилось в предыдущей главе, в государстве, оставившем массовый террор позади, подобные обвинения во взяточничестве стали орудием очернения отдельных лиц, чьи мнимые преступления в прежние времена навлекли бы на них жесточайшие репрессии. Следователи составили длинный список прегрешений: в первую очередь преступный сговор, но еще и моральное разложение, и клановость, и ненасытная жажда наживы – из которого могли выбирать. Взяточникам после войны вменяли в вину не выдуманные политические заговоры троцкистов, бухаринцев и прочих предателей, а обычную *криминальную* деятельность, пусть и в сильно политизированном контексте. Некоторым (например, Ульриху, Голякову и Никитченко) вообще так и не предъявили обвинения в каком-либо преступлении, несмотря на все усилия прокуратуры состряпать против них коррупционные дела. Эта стратегия представляет собой большую политическую перемену в отношении режима к обвинениям в коррупции, и она осталась характерной чертой хрущевского и брежневского периодов.

Сталин после войны сменил тактику. Полагая, что фашизм и троцкизм побеждены, он перестал объявлять плохо работающих должностных лиц «врагами народа» и взял на вооружение обвинения в коррупции. К тому же, поскольку насилие после войны больше не применялось против целых категорий преступников, кажется ясным, что обвинения во взяточничестве служили важнейшей цели – не просто дискредитировали обвиняемых как достойных доверия представителей советской власти, но компрометировали их лично, позорили морально и уничтожали как носителей революционной истины и защитников социалистической законности. Некоторые из дел, возникших во время скандала с верховными судами, свидетельствуют не только о желании убрать ведущие фигуры из важных московских судов, но и о сопутствующем намерении опорочить их. Для члена партии обвинение во взяточничестве было губительным. Советский

ответственный работник, осужденный за взятки, выглядел не лучше американского либо немецкого бюрократа или царского чиновника. Столь убийственный эффект достигался благодаря тому, что взяточничество подразумевало полное моральное и политическое разложение человека (это, собственно, одно из значений слова «коррупция»), а не просто единичную ошибку.

Заключение

По вышеописанному скандалу видно, как складывалась новая, для эпохи после террора, мозаика объяснений существования коррупции. Скандалы в судах наглядно показывают отличия послевоенных нарративов о коррупции от тех, на которые опирались власти во время террора. Именно в период позднего сталинизма обвинения в моральном разложении и профессиональных злоупотреблениях против должностных лиц навсегда отпочковались от обвинений в изменнической деятельности. Судьи, которых в 1930-е гг. репрессировали бы как врагов по статье 58, теперь обвинялись в обычных должностных преступлениях. В первые же послевоенные годы замечен отход от практики 1930-х гг., когда НКВД ставил клеймо опасных врагов народа или «преступных элементов» на целые категории людей и арестовывал их в массовом порядке, зачастую как участников мнимого широкого контрреволюционного заговора. После войны правоохранительная система по большей части руководствовалась принципом, что люди совершают преступления в одиночку или небольшими группами, каждый человек по своим мотивам и своими методами¹⁶⁹. Даже в тех случаях, когда, по уверениям властей, речь шла о преступных группировках, правоохранительные органы в первую очередь стремились показать эпизоды коррупции как отдельные проступки падших личностей.

Чем же на самом объясняется волна взяточничества в советских верховных судах по окончании Второй мировой войны? Сами судебные протоколы и материалы следствия, хотя их никак нельзя назвать объективными документами, в ярких деталях обрисовывают многие политические и структурные причины скандала, фиксируя типы неформальных отношений, которые пронизывали советскую жизнь. Приведенные на процессах примеры мытарств рядовых советских граждан, работавших и не работавших в государственных учреждениях, сильно усложняют любой нарратив, возлагающий вину на моральные или политические недостатки судебных работников, адвокатов и взяткодателей. Хотя во многих обвинительных актах говорится об «организованных преступных группах», прокуратура так и не представила суду доказательств реального существования таковых

помимо рассказов об обычных дружеских и коллегиальных отношениях между сослуживцами (правда, изображенных в самом зловещем свете), которых объединяли типичные для людей, замешанных в какое-либо преступление, попытки избежать разоблачения. Чтобы отыскать корни неофициальных сделок в послевоенном советском обществе, достаточно взглянуть на обстоятельства, невольно выявленные судебными процессами, – маленькую зарплату, нехватку жилья и других предметов первой необходимости, болезни близких и прочие проблемы вкупе со стремлением людей не только выживать, но и повышать уровень жизни, очень низкий после катастроф коллективизации крестьянства, головокружительно быстрой индустриализации и войны. Если добавить сюда структурные факторы, неоднократно подчеркивавшиеся в этой книге: склонную к произволу и плохо подготовленную бюрократию, экономику дефицита, бестолково и непрофессионально организованные условия труда (не говоря уже о банальной человеческой жадности), – станет гораздо яснее, что на самом деле толкало судебных работников и просителей идти по «пути взятки» в советских судах.

Как ни странно, в одном партийные охранители, пожалуй, были правы: взяточничество в судах действительно представляло угрозу легитимности советской судебной системы, хотя и не из-за череды сговоров глубоко коррумпированных людей, сознательно стремившихся развалить социализм, как утверждал официальный нарратив. Во многих случаях, как показали процессы и обжалования, взятки являлись результатом неуважения партии-государства к принципу верховенства закона, чрезвычайной перегруженности судов и неожиданных последствий массовых арестов и чудовищно суровых приговоров за мелкие преступления против государственной собственности и народного хозяйства. Все эти условия, вместе взятые, наряду с дебрями бюрократической волокиты, мешавшей отправлению правосудия, поощряли развитие оживленных неформальных отношений на теневой стороне советской жизни.

Многие элементы преступных махинаций – и сопутствующие им обвинения – повторялись и после 1953 г. «Искусство взятки» не умерло вместе со Сталиным. Это вполне понятно: СССР по-прежнему оставался государством, и подавлявшим, и невольно стимулировавшим предпринимательскую деятельность, мультикультурным миром людей, которые договаривались между собой о том, как свести концы с концами и найти решение трудно разрешимых проблем, получить образование, устроиться на работу, добиться правосудия; которые стремились приобрести товары и услуги и повысить уровень жизни. Несмотря на то что Сталин сошел со сцены, условия, посеявшие семена неформальных сделок между должностными лицами и простыми советскими гражданами, никуда не делись.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ВЗЯТКА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

Учитывая почти повсеместные дискуссии о коррупции в современной России и в конце советской эпохи, тема взяточничества может показаться избитой. Однако этот феномен заслуживает нового подхода – изучения взяточничества как важнейшей, хотя по большей части скрытой, социальной практики, имевшей серьезные последствия для правовой, политической, идеологической, этической и институциональной сфер в сталинские годы (и в дальнейшем). Коррупционные отношения на основе взяток процветали в некоторых ситуациях не из-за живучести «капиталистического мировоззрения» среди узких слоев населения (как утверждал советский режим). Взятодатели и взятополучатели приучались использовать взятку как гибкое средство маневрирования в дезорганизованной экономике и неповоротливой бюрократической системе. В данном исследовании структура и культура сталинского общества рассматриваются сквозь призму теневой экономической деятельности. Традиционные практики подношения чиновникам подарков в знак благодарности, присущие многим группам в Советском Союзе, создали искусство предложения (и получения) взяток. Значительная часть общественности не считала взятки чем-то ненормальным. В чрезвычайно тяжелой послевоенной обстановке советские люди, в том числе государственные служащие низшего и среднего звена, сталкивались с трудными, а зачастую нелепыми обстоятельствами, от нехватки жилья и продовольствия до почти случайных арестов, осуждения и лишения свободы за мелкие неполитические преступления. Большинство представленного здесь материала призвано гуманизировать – но не романтизировать – логику и динамику операций, в ходе которых вырабатывали способы улаживать дела во времена хаоса.

Среди массовой разрухи, вызванной войной, население стало еще сильнее зависеть от произвола государственных учреждений при оформлении документов, касающихся жилья, торговли, миграций и работы. Споры по поводу этих документов часто рассматривались местной администрацией и местными судами, что давало их работникам отличную возможность разрешения таких споров за незакон-

ную «мзду». Массовое преследование мелких преступлений после войны, отражая растущую одержимость государства идеей защиты государственных ресурсов от хищений и разбазаривания, неизбежно создавало условия, ускорявшие распространение взяточничества в правоохранительных органах. Некоторые люди осмеливались откупаться от судей, милиции или прокуратуры, дабы уберечь себя или близких от суровых обязательных приговоров. Сотрудники органов уголовной юстиции и других правоохранительных учреждений порой рисковали брать незаконную плату ради пополнения нищенских доходов.

Для властей живучесть взяточничества стала особенно болезненным напоминанием о неподатливости коррупционных практик. При всей его несовместимости с советскими ценностями общественной культуры и собственности, партии и правоохранительным ведомствам оказалось невероятно трудно не то что искоренить, а даже признать и до конца понять взяточничество вне системы, которая будто бы его питала. Оно преодолело революционный водораздел между царской государственной службой и новым советским государством, правда в несколько видоизмененных формах, приспособленных к советским условиям. И дореволюционная интеллигенция, и большевики-идеалисты считали взяточничество неотъемлемым свойством удушающей бюрократии. Ничто не могло быть более явственным признаком чиновника-паразита, чем неофициальное требование денег или других ценностей за услуги. При царизме интеллигенция и средний класс видели во взяточничестве определяющую особенность коррумпированной администрации, в которой работало много самых непросвещенных и незнакомых с гражданским долгом жителей страны. Оно символизировало пропасть между служителями одряхлевшего государства – пекущимися только о собственных интересах – и обездоленными, угнетенными простыми людьми. Для советских руководителей взяточничество еще служило метафорой эксплуататорской и, вне всяких сомнений, обреченной системы капитализма.

И в советский период, и в конце эпохи царизма взяточничество представляло собой гораздо больше, чем говорило его юридическое определение как денежной платы или поднесения другого ценного подарка за незаконную выгоду, полученную вследствие злоупотребления служебным положением со стороны должностного лица. Оно олицетворяло целую социальную, экономическую и политическую инфраструктуру, комплекс несправедливых, нечестных договоренностей, которые помогали угнетать простых людей. Революционеры сделали своим идеалом альтернативу – правление образованных, честных людей, которые никогда не потребуют денег или подарков только за то, чтобы сделать что следует. Они упускали из виду тот

факт, что взяточничество рождалось из совокупности практик и взглядов, которые во многих случаях служили решению определенных практических задач, от распределения дефицитных товаров и услуг до установления между государственными функционерами и гражданами персонализированных отношений, сокращающих бюрократическую волокиту. Как интеллигенция, ругавшая царскую администрацию, так и советские критики пережитков «капиталистического сознания» невольно закрепляли стереотипное представление об извечно продажном российском бюрократе.

Советская идеология придала разговорам о взяточничестве специфическую окраску. В советское время, как во многих обществах, подношение подарков широко использовалось в качестве метода скрепления отношений, налаживания взаимобмена, обеспечения бесперебойного функционирования местной администрации. Однако, в отличие от капиталистических систем, где преступления считались прискорбной, но практически неизбежной частью жизни, советская идеология утверждала, что взяточничество совершенно чуждо социализму. Собственно, до конца 1980-х гг. слово «коррупция» в советском речевом обиходе употреблялось для обозначения феномена, который существует *исключительно* в буржуазно-капиталистическом мире. Социализм в теории должен был устранить объективные причины для любых преступлений, особенно среди ответственных работников — якобы сливок советского общества. Взяточничество приравнивалось к болезни, которая будет навсегда побеждена, как только жестокие и несправедливые черты капитализма — бедность, эксплуатация, безработица, классовая ненависть — исчезнут в процессе совершенствования этого революционного строя.

В глазах партийных руководителей взятка являлась постыдным напоминанием об «отсталости» части общества, примитивным атавизмом отмирающего образа жизни. Если сталь, заводы, локомотивы, ракеты, современные колхозы, бурно растущие города и, пожалуй прежде всего, военная победа над фашизмом символизировали прогресс и славные достижения Советского Союза, то взятка была отвратительным пережитком «темного» и «отжившего» прошлого. Некоторые понимали под коррупционными действиями советских должностных лиц любого рода конспиративную и нелояльную деятельность, носившую характер подпольных сделок и мошенничества. Публичных дискуссий о взяточничестве партийное руководство всеми силами старалось избежать, как свидетельства послевоенного социального и морального упадка. Неистребимость взяточничества омрачала патриотическую гордость за выигранную войну и построение могучей страны. Режим скрывал связанные со взяточничеством скандалы и судебные процессы от общественности. Широко обсуж-

дать это явление не разрешалось, как показывают секретная «кампания» 1946 г. и закрытые процессы по делам судей верховных судов 1948–1952 гг.

Годы послевоенного восстановления задали режиму новые приоритеты, такие, как поимка и наказание коллаборационистов и возвращение под свой контроль всей государственной администрации. Эти цели соединялись с прежними заботами, ставшими в конце войны еще настоятельней, – об охране государственной собственности и государственных средств, укреплении обобщественного хозяйства, бдительном предотвращении разболтанности среди партийных кадров и создании, наряду со всем этим, морально стойкого советского чиновничества. Каждая из этих забот нашла отражение в попытках режима обуздать коррупцию. В данном контексте советский режим рассматривал взяточничество среди своих государственных служащих как чрезвычайно опасное злодеяние¹. Должностные лица, берущие взятки, демонстрировали несколько особенно неприятных черт, способных скомпрометировать и опозорить страну за рубежом, включая откровенное пренебрежение профессиональным долгом, извращение революционных целей и партийной этики, двуличную нелояльность к партии-государству.

Взяточничество (или хотя бы *слухи* о взяточничестве) в правоохранительных органах больше всего тревожило тех, кто старался сохранить легитимность режима в глазах населения. Сотрудникам этих органов надлежало стоять на страже закона и порядка – если их можно было подкупить, это грозило хаосом и анархией. К тому же неразрывно связанная со взяточничеством нечестность могла лишить правительство народной поддержки. Коррупция мешала партии пользоваться судебной системой как оружием, чтобы сурово карать преступников и достигать прочих целей режима, а ведь закон и суды приспособлялись для служения его нуждам. Говоря словами Кэтрин Хендли: «И цари, и руководство коммунистической партии, как правило, использовали закон в качестве неприкрытого инструмента защиты своих интересов, применяя его со всей строгостью против тех, кто не имел власти, и выворачивая до неузнаваемости для удобства собственного и своих фаворитов. Законы часто были написаны в самых широких формулировках, чтобы дать должностным лицам возможность проявлять максимальную гибкость»².

Подход, избранный в данной книге, ставит в центр внимания те области жизни в сталинском СССР, которые редко исследовались. Здесь также оспаривается мнение, будто в послевоенные сталинские годы существовали только два основных актора: всемогущая репрессивная государственная машина вверху и безвластное виктимизированное общество внизу. Посредники в операциях со взятками,

например, демонстрировали впечатляющий уровень «предпринимательской» инициативы. Они не упускали удачных возможностей, иногда «транслируя» местные запросы центральным властям, а иногда договариваясь с этими властями напрямую. Посредники налаживали связи, создавая линии коммуникации между социальными и государственными акторами. По мере того как люди старались преодолеть или обойти бюрократические препоны, разрастались прочные сети знакомых, друзей и родственников. Некоторые использовали такие сети, чтобы найти партнера для заключения сделки – иногда по блату, если кому-то посчастливилось иметь нужные связи (большинству людей не так везло). Хотя каждая из двух стратегий (действий через посредников или обращения к должностным лицам напрямую) несла в себе определенный риск, многие считали, что потенциальные результаты того стоили.

И взяточничество, и блат – неформальные отношения, выполнявшие в сталинском СССР схожие функции. В определенных ситуациях блат работал эффективнее денег, если человек сумел завести полезные знакомства. Блат и взяточничество часто пересекались: бывало, блат служил ступенькой на пути к взятке. То есть временами «блатные отношения опосредуют взяточничество»³. Однако у большинства советских людей связей не хватало, чтобы решить все проблемы. В тех случаях, когда блат оказывался недостаточным или был связан с высокой степенью риска, они переходили от «взаимного обмена услугами» к прямой *покупке* услуг у должностных лиц. Для обладателей хороших связей блат, говоря словами расхожей поговорки, мог быть «выше Совмина» и даже «выше Сталина». Но в отсутствие нужных контактов получалось, что «взятка выше блата».

В конечном счете советские правящие элиты попали в ловушку созданного ими же противоречия: они пытались обуздать коррупцию, одновременно сохраняя систему, которая порождала условия для ее процветания. В любом обществе властные отношения помогают определить, кого будут преследовать за коррупцию, а кто избежит наказания. Многие действия, которые по справедливости можно назвать «злоупотреблением служебным положением в личных целях», никогда не преследовались. В основе системы, в конце концов, лежали определенные законные привилегии для тех, кто стоял на вершине иерархии. Партия, разумеется, не считала высокие оклады, дачи, шикарные автомобили, эксклюзивное медицинское обслуживание, широкие возможности для туризма и отдыха, доступ к дефицитным товарам и другие преимущества, которыми пользовались представители элит и члены их семей (причем привилегии тщательно ранжировались в соответствии с положением их обладателя в иерархии), плодами «коррупции». После 1953 г. число исключенных из партии за

коррупцию резко упало, уголовные обвинения членам партии предъявляли редко⁴. Хотя газеты после смерти Сталина стали печатать больше материалов о преступлениях должностных лиц, о коррупции среди элит не упоминалось почти никогда. Занятые личным обогащением бюрократы во всех звеньях государственного и хозяйственного аппарата превратились в олицетворение все более негибкой и своекорыстной системы. А после падения режима в 1991 г. аппаратчики, сохранившие должности и доступ к государственным ресурсам, открыли для себя прекрасные возможности наживаться в немыслимых для советских времен масштабах⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Преступлениям среди партийных работников в 1930-е гг. досталось больше внимания, в частности в прекрасном исследовании сталинской правовой системы, принадлежащем Питеру Соломону: Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge, 1996. О полицейских мерах против спекуляции в 1930-е гг. см.: Hagenloh P. *Stalin's Police: Public Order and Mass Repression in the USSR, 1924–1941*. Baltimore, MD, 2009.
- ² Исключение представляет статья Синтии Хупер, утверждающей, что партия покрывала преступления элит в обмен на поддержку политики режима. Государство, по словам Хупер, позволяло функционерам, беспрекословно исполняющим команды режима, извлекать преступную выгоду из своего служебного положения, отчасти отклоняя или игнорируя сообщения о злоупотреблениях от простых людей, которые в 1930-е гг. не давали элитам обрести твердую почву под ногами и крепко ухватиться за власть: Hooper C. V. *A Darker «Big Deal»: Concealing Party Crimes in the Post-Second World War Era // Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention* / ed. J. Fürst. London; New York, 2006. P. 142–163. Джули Хесслер добавила к этому важное исследование «неформального», но легального частного сектора того периода. В ее работе о развитии базаров, частного производства и частной торговли во время и после войны, как официальных, так и неофициальных, отмечается постепенное примирение правительства с определенными типами негосударственной экономической деятельности по мере того, как режим убеждался, что никогда не сможет их полностью контролировать. Кроме того, в книге Хесслер показано, что механизмы, не подчинявшиеся всецело государственному контролю, такие, как базары, имели важнейшее значение, позволяя людям добывать необходимые вещи и сводить концы с концами. Хесслер принадлежит выражение «консенсус выживания», означающее, что в то время отчаянной бедности репрессии против некоторых несанкционированных способов решения насущнейших проблем были смягчены. См.: Hessler J. *A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953*. Princeton, NJ, 2004.
- ³ Большинство научных работ о коррупции в СССР, написанных в 1970–1990-е гг., отводят место для обзора дореволюционной России и первых лет после революции 1917 г., но без единого слова или с весьма краткими комментариями пересказывают через 1930-е, 1940-е и 1950-е гг.,

переходя к рассмотрению расцвета коррупции в период «застоя» при Л. И. Брежневе и его преемниках (1964–1985). (Слово «застой» использовал М. С. Горбачев, осуждая своих предшественников и политических противников.) Один из тех, кто спорил с такой интерпретацией, – юрист-эмигрант Константин Симис в своих мемуарах 1982 г.: Simis K. USSR: The Corrupt Society. New York, 1982. Говоря о периоде более позднем по сравнению с настоящим исследованием, он описывает крайне коррумпированную правовую систему, укоренившуюся, по его словам, с конца 1950-х гг. Порой Симис, по-видимому, грешит преувеличениями (изображая происходившее как «оргию коррупции»), но отмечает важные явления в работе судов, включая распространение взяточничества, политическое давление на судебную систему и партийное вмешательство в расследование дел. Его рассказ о позднем сталинском периоде основан по большей части на слухах и случаях из чьего-то личного опыта (он приступил к работе юристом в начале 1960-х гг. и покинул Советский Союз в конце 1970-х).

- 4 Наиболее важные примеры научных трудов, говорящих о подобной деятельности: Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, CA, 1995; Осокина Е. *Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928–1935 гг.* М., 1993; Shearer D. *Policing Stalin's Socialism: Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953*. New Haven, CT, 2009; Hagenloh P. *Stalin's Police*; Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. New York, 2000. Взгляд изнутри на неформальные взаимоотношения в 1930-е гг. см.: Andreev-Khomiakov G. *Bitter Waters: Life and Work in Stalin's Russia* / trans. A. E. Healy. Boulder, CO, 1997. О воровстве и спекуляции среди солдат во время войны см.: Merridale C. *Ivan's War: Life and Death in the Red Army, 1939–1945*. New York, 2006. О. Л. Лейбович приводит ряд интересных примеров экономических преступлений партийной элиты, см.: Лейбович О. *В городе «М»: Очерки социальной повседневности советской провинции*. М., 2008.
- 5 Макс Вебер, например, полагал, что «восточные люди» более склонны к коррупции, нежели европейцы; Сэмюэл Хантингтон говорил то же самое о «мулатских государствах»: Klitgaard R. *Gifts and Bribes // Strategy and Choice* / ed. R. Zeckhauser. Cambridge, MA, 1991. P. 223. Свежий пример автора, который находит нечто извечно криминальное (и «рабское») в «русском национальном характере» и «русской ментальности», – российский журналист Владимир Соловьев, см.: Soloviev V. *Empire of Corruption: The Territory of the Russian National Pastime*. London, 2014. Рассуждая о современной России, он пишет: «Система прослоек и откатов, которой, как нам кажется, так славно наше время, уходит своими корнями во тьму веков. Это, повторю, национальная традиция» (с. 63). А через несколько страниц утверждает: «...в нашем народе никакого осознания неприемлемости коррупции нет, потому что жесткое клановое восприятие живет в коллективной памяти начиная с древнейших времен». И наконец: «...российская коррупция связана с рабской ментальностью» (с. 78).

- ⁶ Scott J. C. *Comparative Political Corruption*. Englewood Cliffs, NJ, 1972. P. 10.
- ⁷ Здесь можно упомянуть лишь малую часть обширной соответствующей литературы (подробнее об этом будет сказано ниже). См., напр.: Rose-Ackerman S. *Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform*. Cambridge, 1999; *Political Corruption: A Handbook* / ed. A. Heidenheimer et al. Edison, NJ, 2001. Очень полезные рассуждения об определяющих аспектах коррупции см.: Holmes L. *The End of Communist Power: Anti-Corruption Campaigns and Legitimation Crisis*. Cambridge, 1993; Idem. *Rotten States? Corruption, Post-Communism, and Neo-Liberalism*. Durham, NC, 2006. P. 17–43. О коррупции в СССР и России во время и после распада Советского Союза см., напр.: Solnick S. *Stealing the State: Control and Collapse in Soviet Institutions*. Cambridge, MA, 1998; Kotkin S. *Armageddon Averted*. Oxford, 2008. О всевозможных неформальных механизмах: Ledeneva A. *How Russia Really Works: The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business*. Ithaca, NY, 2006. О махинациях, сопровождавших приход к власти Путина и его окружения, см.: Dawisha K. *Putin's Kleptocracy: Who Owns Russia?* New York, 2014. Об организованной преступности: *Russian and Post-Soviet Organized Crime* / ed. M. Galeotti. London, 2002. См. также: Kosals L., Maksimova A. *Informality, Crime and Corruption in Russia: A Review of Recent Literature* // *Theoretical Criminology*. 2015. No. 19 (May). P. 278–288.
- ⁸ Сьюзен Роуз-Аккерман указывает, что веберовские определения коррупции плохо подходят к политиям, где различия между понятиями общественного и частного размыты: Rose-Ackerman S. *Corruption and Government*.
- ⁹ Очень тонкое эмпирическое исследование коррупции брежневской эпохи, главным образом на основе сообщений в советской печати, предприняли такие ученые, как У. Кларк, Ф. Й. М. Фельдбрюгге, Н. Лэмперт и Ч. Шварц, публиковавшие свои работы в основном в 1970–1980-е гг.: Feldbrugge F. J. M. *Government and Shadow Economy in the Soviet Union* // *Soviet Studies*. 1984. Vol. 36. No. 4. P. 528–543; Clark W. *Crime and Punishment in Soviet Officialdom: Combating Corruption in the Political Elite, 1965–1990*. Armonk, NY, 1993; Lampert N. *Law and Order in the USSR: The Case of Economic and Official Crime* // *Soviet Studies*. 1984. Vol. 36. No. 3. P. 366–385; Schwartz C. *Economic Crime in the USSR: A Comparison of the Khrushchev and Brezhnev Eras* // *International and Comparative Law Quarterly*. 1981. Vol. 30. No. 2. P. 281–296. Уильям Кларк в своей проницательной книге («*Crime and Punishment in Soviet Officialdom*») рассматривает 1970-е и 1980-е гг., используя периодику и другие печатные источники; его внимание сосредоточено на скандалах в верхах коммунистической партии. Юрист-эмигрант К. М. Симис называет закрытый доклад 1956 г. «поворотным пунктом в распространении коррупции», когда члены партии лишились и последних угрызений совести, и веры в систему. См. его статью: Simis K. *The Machinery of Corruption in the Soviet Union* // *Survey*. 1977. P. 35. См. также: Gorlizki Y. *De-Stalinization and the Politics of Russian Criminal Justice, 1953–64*: Unpublished PhD thesis. University of Oxford,

1992. В классическом труде Каценелинбойгена о «цветных рынках» приводится один пример коррупции «конца пятидесятых»; все остальные относятся к более поздним периодам: Katsenelinboigen A. *Coloured Markets in the Soviet Union* // *Soviet Studies*. 1977. Vol. 29. Ник Лэмперт начинает исследование с 1960-х гг. О других типах преступности в позднюю сталинскую и хрущевскую эпохи см., напр.: LaPierre B. *Hooligans in Khrushchev's Russia*. Madison, WI, 2012; Dobson M. *Khrushchev's Cold Summer: Gulag Returnees, Crime, and the Fate of Reform after Stalin*. Ithaca, NY, 2009. Различные формы незаконных «сделок» между руководителями промышленности выходят за рамки настоящей книги. О неформальном бартере в промышленности в 1930-е гг. см.: Shearer D. *Wheeling and Dealing in Soviet Industry: Syndicates, Trade, and Political Economy at the End of the 1920s* // *Cahiers du monde russe*. 1995. Vol. 36. No. 1–2. P. 139–160; Gregory P. *The Political Economy of Stalinism: Evidence from the Soviet Secret Archives*. Cambridge, MA, 2004. В качестве более современной работы о 1970–1980-х гг. см. исследование коррупции в двух важных московских торговых организациях в 1980-е гг., основанное на материалах, частью хранящихся в архиве КГБ: Duhamel L. *The KGB Campaign against Corruption in Moscow, 1982–1987*. Pittsburgh, 2010. См. также недавнюю работу о полицейских попытках обуздать экономическую преступность в последние советские и постсоветские годы, когда даже работники правоохранительных органов зачастую становились партнерами преступников: Favarel-Garrigues G. *Policing Economic Crime in Russia: From Soviet Planned Economy to Privatization*. London, 2011.

¹⁰ Не будем говорить, что взяточничество есть нравственное зло, – такие вердикты лучше оставить этикам и философам. Правда, многие политические мыслители традиционно определяли склонность должностного лица к злоупотреблениям как симптом моральной деградации, личную нечистоплотность или признак греховности. Бойкие осуждения взяточничества просто как нравственного или духовного порока, и внутри России, и за ее пределами, пожалуй, больше всего распространены – и меньше всего раскрывают. Современные социологи и историки в значительной мере отвергли этот моралистский подход. Спор с такими категориями анализа см.: Kramer J. M. *Political Corruption in the USSR* // *The Western Political Quarterly*. 1977. Vol. 30. No. 2. P. 213–224. В рассуждениях советских властей о коррупции моралистские объяснения ее причин были общим местом.

¹¹ Из-за массовых людских потерь во время войны две трети членов партии вступили в нее начиная с 1941 г. О развитии русской национальной идентичности см.: Brandenberger D. *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian Identity, 1931–1956*. Cambridge, MA, 2002.

¹² Об этом процессе см.: Lewin M. *Rebuilding the Soviet Nomenklatura, 1945–1948* // *Cahiers du monde russe*. 2003. Vol. 44. No. 2/3. P. 219–251; Levesque J. *Into the Grey Zone: Sham Peasants and the Limits of the Kolkhoz Order in the Post-war Russian Village, 1945–1953* // *Late Stalinist Russia*. P. 163–189; Filtzer D. A. *Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and*

- the Restoration of the Stalinist System after WWII. Cambridge, 2002; Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front, 1941–45: A Social and Economic History of The USSR in World War II. London, 1991. По словам Йорам Горлицкого, «послевоенная реконструкция в Советском Союзе повлекла за собой слаженные усилия по воссозданию, часто на самой неподатливой основе, системы централизованных сталинистских отношений почти во всех сферах жизни»: Gorlizki Y. Ordinary Stalinism: The Council of Ministers and the Soviet Neopatrimonial State, 1946–1953 // *Journal of Modern History*. 2002. Vol. 74. P. 699.
- 13 Dunham V. In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction. Cambridge, 1976. Катерина Кларк также подчеркивала, что после войны советские граждане желали придать себе более изысканный вид; честные люди хотели показать себя и свой статус при помощи предметов роскоши и путешествий. См.: Clark K. The Soviet Novel: History as Ritual. Chicago, 1981. P. 197–198; Gorsuch A. E. «There's No Place like Home»: Soviet Tourism in Late Stalinism // *Slavic Review*. 2003. Vol. 62. No. 4. P. 760–785.
 - 14 Получение взяток всегда считалось бесчестным. Взяточничество судей подвергалось особому осуждению во многих обществах, как показывает Джон Нунан на протяжении всей своей книги: Noonan J. Bribery. Berkeley, CA, 1988. Пример Франции см.: Davis N. The Gift in Sixteenth Century France. Madison, WI, 2000. P. 85–99.
 - 15 Kelly C. Self-Interested Giving: Bribery and Etiquette in Late Imperial Russia // Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from The Middle Ages to the 1990s / ed. S. Lovell, A. V. Ledeneva, A. Rogachevskii. New York, 2000. P. 65–94.
 - 16 См., напр.: Heyman J., Smart A. States and Illegal Practices: An Overview // States and Illegal Practices / ed. J. Heyman. Oxford, 1999. P. 1–24; Pardo I. Between Morality and the Law: Corruption, Anthropology and Comparative Society. Aldershot, 2004; Humphrey C. The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies after Socialism. Ithaca, NY, 2002.
 - 17 Разумеется, «неформальные институты» и поддерживавшая их культура взаимного обмена отнюдь не являлись уникальной чертой СССР. См. классическую работу: Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // *Perspectives on Politics*. 2004. Vol. 2. No. 4. P. 725–740.
 - 18 Ledeneva A. V. Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange. Cambridge, UK, 1998. Леденеву вдохновил первопроходческий труд Раймонда Бауэра, Алекса Инкелеса и Джозефа Берлинера, которые работали над интервью с эмигрантами в рамках «Проекта по советской социальной системе» (неофициально известен под названием «Гарвардский проект интервью») в начале 1950-х гг. и отметили, что коррупционные практики казались необходимыми и государство в основном смотрело на них сквозь пальцы, пока они служили цели выполнения плана. Этим ученых интересовала главным образом промышленность, но их наблюдения затрагивали также некоторые аспекты гражданского управления и повседневного быта. См.: Bauer R. A., Inkeles A., Kluckhohn C. How the Soviet System Works: Cultural, Psychological and Social Themes. Cambridge, MA,

1956. Р. 89–93. Шейла Фицпатрик исследовала эту практику (и многие другие) в эпоху 1930-х гг., пользуясь интервью с советскими эмигрантами времен Второй мировой войны, взятыми гарвардскими учеными в начале 1950-х: Fitzpatrick S. Blat in Stalin's Time // *Bribery and Blat in Russia*. Р. 166–182. В ее статье кратко упоминается наблюдение респондентов, что блат и взяточничество могли быть связаны, но обычно рассматривались как весьма разные вещи. Собственно взяточничество Фицпатрик не изучала. Некоторые мысли о блате в 1930-е гг. см. также: Andrieu V. *A Social History of Twentieth Century Russia*. London, 1994. Р. 200–202. См. также наблюдения журналиста Эдварда Крэнкшо: Crankshaw E. *Khrushchev's Russia*. Harmondsworth, 1959. По словам Моше Левина, «громоздкая партийно-государственная машина могла функционировать только при условии согласия всех заинтересованных лиц с неформальными отношениями, приноравливаясь к широко распространенному поведению, которое делало несущественными многие формальные процедуры»: Lewin M. *Rebuilding the Soviet Nomenklatura*. Р. 243; Fitzpatrick S. *Blat in Stalin's Time*. Р. 166–182.
- 19 О выражении «правила игры» см.: Scott J. *Comparative Political Corruption*.
- 20 Например, и Цицерон, и Сенека написали руководства по преподнесению даров.
- 21 Как все важные советские судебные материалы и почти вся документация коммунистической партии, эти документы хранились в закрытых фондах до распада СССР в 1991 г.; большинство цитируемых в данном тексте протоколов стали доступны исследователям только в 2001 г. и позже.
- 22 В интересной работе Л. В. Борисовой о 1920-х гг. мало передана точка зрения тех, кто давал взятки: Борисова Л. В. Третий враг революции: Борьба со взяточничеством и хозяйственными преступлениями в начале НЭПа // *The Soviet and PostSoviet Review*. 2003. Vol. 30. No. 3. Р. 245–277.
- 23 Например, во «Введении» Хайденхаймера к справочнику «Политическая коррупция» (*Political Corruption: A Handbook* / ed. A. Heidenheimer, M. Johnston, V. T. Le Vine. Edison, NJ, 2001. Р. 3–14) говорится о существующих в различных обществах моральных кодексах, но внимание фокусируется главным образом на кодексах относительно получения взяток. Это кодексы чиновников, и они не касаются поведения людей, предлагающих дары лицам, облеченным властью.
- 24 *Political Corruption: A Handbook*.
- 25 Чарльз Шварц применил цветную схему к советскому случаю. См.: Schwartz C. *Corruption and Political Development in the U.S.S.R.* // *Comparative Politics*. 1979. Vol. 11. No. 4. Р. 425–443. Конечно, надо учитывать, что не все граждане одинаково понимают, что такое коррупционный акт.
- 26 Двум социальным историкам, Моше Левину и Шейле Фицпатрик, принадлежит заслуга первых детальных исследований советского общества сталинских лет. Среди других тем Левин сосредоточился на непредвиденных последствиях действий государства и сталинских репрессий. Его

длительный труд над проблемами сталинской государственной системы с ее противоречиями, зачастую с элементами самопоражения и даже саморазрушения, вдохновил ученых копать глубже в вопросе о том, как работала система. Фицпатрик долго предпочитала рассматривать советских людей как «выживающих» во времена хаоса, с которым они пытались как-то совладать. Оба автора гораздо больше внимания уделяли 1930-м гг., чем послевоенному периоду. Большая часть книги Фицпатрик «Повседневный сталинизм» посвящена городскому потреблению и борьбе за товары в 1930-е гг. О скудости опубликованных источников по послевоенной сталинской правовой системе см.: Solomon P. Understanding the History of Soviet Criminal Justice: The Contribution of Archives and Other Sources // Russian Review. 2015. Vol. 74. No. 3. P. 401–418. Проведение устных интервью перестало быть целесообразным через пятьдесят-шестьдесят лет по завершении изучаемого периода.

27 Стивен Ловелл назвал годы послевоенного сталинизма «нелюбимым» периодом для ученых. См.: Lovell S. The Shadow of War: Russia and the USSR, 1941 to the Present. Chichester, 2010. P. 14.

28 См., напр.: Weiner A. Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, NJ, 2002.

29 Книга Йорама Горлицкого и Олега Хлевнюка – совместная работа, где исчерпывающе анализируется высокая политика, в частности политические шаги и роль Сталина: Gorlizki Y., Khlevniuk O. Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953. Oxford, 2004. Привлекая недоступные прежде архивные документы, авторы проливают новый свет на взаимоотношения Сталина и его ближайших подручных, о которых раньше можно было только строить догадки на основании немногих мемуаров и скупого освещения в печати.

30 Ловелл отметил это в книге «Тень войны» (Lovell S. The Shadow of War). Крис Уорд указал, что до сравнительно недавнего времени нарратив о позднем сталинизме практически исключал социальную историю: Ward C. What Is History? The Case of Late Stalinism // Rethinking History. 2004. No. 8. P. 439–458. Первой крупной работой о позднесталинском обществе стал сборник статей под редакцией Сьюзен Линц: The Impact of World War II on the Soviet Union / ed. S. Linz. Totowa, NJ, 1985. Один из последних интересных сборников, где во главу угла поставлены социальный и культурный подходы: Late Stalinist Russia.

31 Weiner A. Making Sense of War; Edele M. Soviet Veterans of World War II: A Popular Movement in an Authoritarian State. Oxford, 2008. Карл Куоллз написал о создании мифа о «городе-герое» Севастополе, полемизируя о тяготах восстановления советских городов после войны: Qualls K. From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II. Ithaca, NY, 2009. См. также проницательную работу Лизы Киршенбаум: Kirschenbaum L. The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995. Cambridge, 2004. В прекрасном исследовании, посвященном Ростову-на-Дону 1943–1948 гг., Джеффри Джонс посвятил одну главу коррупции в партийных рядах в крупном советском городе. Используя результаты разысканий в архивах и местной печати, Джонс описывает противоре-

чивую манеру партийных элит говорить о коррупции на закрытых партийных собраниях и в газетах. Он предполагает высокую степень терпимости к коррупции внутри партии. См.: Jones J. *Everyday Life and the «Reconstruction» of Soviet Russia during and after the Great Patriotic War, 1943–1948*. Bloomington, IN, 2008. Большой вклад внесли работы Дональда Фильцера о промышленных рабочих и городской жизни при позднем сталинизме: Filtzer D. A. *Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and the Restoration of the Stalinist System after WWII*. Cambridge, 2002; Idem. *The Hazards of Urban Life in the Late Stalinist USSR, 1943–1953*. Cambridge, 2010 (замечательная книга). О жизни в провинции см. также: Levesque J. *Into the Grey Zone: Sham Peasants and the Limits of the Kolkhoz Order in the Post-war Russian Village, 1945–1953* // *Late Stalinist Russia*. P. 163–189; Boterbloem K. *Life and Death under Stalin: Kalinin Province, 1945–1953*. Montreal; Kingston, 1999. О региональных властных сетях в 1930-е гг. см.: Harris J. *The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System*. Ithaca, NY, 1999.

- ³² Например, Дэвид Ширер в последней главе своей книги о репрессиях и социальном строе при сталинизме отмечает ключевой «сдвиг в механике репрессий» после войны. Он пишет, что послевоенный дискурс репрессий «перешел к терминологии социальной дисциплины от риторики по поводу опасности политического мятежа»: Shearer D. *Policing Stalin's Socialism*. P. 423. В качестве еще одного примера см.: Edele M. *Soviet Veterans of World War II. О демографических и социальных последствиях послевоенного голода* см.: Ganson N. *The Soviet Famine of 1946–47 in Global and Historical Perspective*. New York, 2009. Авторитетное исследование российского ученого Е. Ю. Зубковой стало одним из первых, где полностью принимается во внимание воздействие войны на советское общество. Зубкова, в частности, сосредоточилась на отношении ответственности к государству и социальной жизни. Она рассматривает общественный взгляд на волну преступлений против личности, утверждая, что население преувеличивало рост преступности после войны. Не слишком глубоко затрагивая тему преступлений или коррупции среди «белых воротничков», она, тем не менее, указывает, что многих людей возмущало злоупотребление служебным положением со стороны местных должностных лиц. См.: Зубкова Е. Ю. *Послевоенное советское общество: Политика и повседневность, 1945–1953*. М., 2000. С. 89–90. Более раннее издание этой книги было переведено на английский язык под названием: Zubkova E. *Russia after the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957* / trans. and ed. H. Ragsdale. Armonk, NY, 1998. P. 38–39. Увлекательный сборник 2003 г. «Советская жизнь», составленный из широкого круга документов о повседневной жизни того периода из советских архивов, содержит раздел «Послевоенный криминал» (*Советская жизнь, 1945–1953* / сост. Е. Ю. Зубкова и др. М., 2003. С. 189–210). Однако в этом сборнике нет документов, которые упоминали бы о взяточничестве или должностных преступлениях, там идет речь о кражах, хулиганстве, убийствах и нанесении телесных повреждений.

- ³³ Solomon P. H., Jr. Soviet Criminal Justice under Stalin. Chap. 11, 12; Gorlizki Y. Rules, Incentives and Soviet Campaign Justice after World War II // *Europe-Asia Studies*. 1999. Vol. 51. No. 7. P. 1245–1265; Cadiot J. Equal before the Law? Soviet Justice, Criminal Proceedings against Communist Party Members, and the Legal Landscape in the USSR from 1945 to 1953 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2013. Jg. 61. H. 2. S. 249–269; Idem. *Avocat sous Staline: Profession accessoire, profession témoin (1945–1953)* // *Les Annales HSS*. 2016. Vol. 71. No. 1. P. 139–170. См. также, напр.: Hazard J. *Law and Social Change in the USSR*. London, 1953; Berman H. *Justice in the USSR: An Interpretation of Soviet Law*. Cambridge, MA, 1963; Hachten C. *Property Relations and the Economic Organization of Soviet Russia, 1941–1948*: Unpublished PhD diss. University of Chicago, 2005.
- ³⁴ Ряд примечательных недавних примеров см.: Khlevniuk O. *Master of the House: Stalin and His Inner Circle*. New Haven, CT, 2008; Shearer D. *Policing Stalin's Socialism*; Hagenloh P. *Stalin's Police*; Getty J. A. *Yezhov: The Rise of Stalin's «Iron Fist»*. New Haven, CT, 2008; Barnes S. *Death and Redemption: The Gulag and the Shaping of Soviet Society*. Cambridge, MA, 2011; Jansen M., Petrov N. *Stalin's Loyal Executioner: People's Commissar Nikolai Ezhov*. Palo Alto, CA, 2002. Питер Соломон в своем труде о применении юстиции в сталинское время рассматривает вопросы главным образом с точки зрения судебных ведомств и их персонала. Его исследования весьма ценны, потому что (среди прочего) иллюстрируют образование юристов, трения между определенными партийными и государственными органами, процесс выработки и исполнения драконовских постановлений военного и послевоенного времени, степень сопротивления некоторых судей наиболее репрессивным законам режима. Соломон отмечает, что партия старалась бороться с коррупцией, когда какие-то громкие дела привлекали ее внимание. См.: Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Chap. 11, 12. По словам Соломона, взяточничество было широко распространено в московских судах в 1920-е гг. В работе Синтии Хупер идет речь о народном участии в искоренении преступлений среди партийцев и соответствующем противодействии разоблачению прегрешений элиты сверху: Hooper C. V. *Terror from Within: Participation and Coercion in Soviet Power, 1924–1964*: Unpublished PhD diss. Princeton University, 2003. В отдельной статье Хупер показывает, как после войны возрастала снисходительность партийных руководителей к преступлениям партработников, и утверждает, что, в разительном противоречии с более эффективным контролем «снизу» (главным образом посредством доносов) в 1930-е гг., в послевоенное время партийные руководители были способны глушить публичное и внутрипартийное обсуждение – и сдерживать преследование – злоупотреблений высокопоставленной номенклатуры: Hooper C. V. *A Darker «Big Deal»*. P. 142–163. Эдвард Кон исследует чрезвычайно непоследовательное наказание коррумпированных партийцев: Kohn E. *Disciplining the Party: The Expulsion and Censure of Communists in the Post-War Soviet Union, 1945–1961*: Unpublished PhD diss. University of Chicago, 2007. См. также: Duskin E. *Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite, 1945–1953*. Basingstoke, UK, 2001.

- 35 Berliner J. *Factory and Manager in the USSR*. Cambridge, MA, 1957. P. 160–230; Idem. *Blat Is Higher than Stalin! // Problems of Communism*. 1954. Vol. 3. No. 1. P. 22–31. В 1970-х гг. Грегори Гроссман и Владимир Тремль выпустили ряд ключевых работ об отношениях между советской «второй экономикой» и государственной коррупцией в брежневский период. Они описали активную вторую экономику, обеспечивающую потребителей товарами и остро необходимыми услугами, которых плановая экономика не могла предоставить в достаточных объемах. См., напр.: Grossman G. *The «Second Economy» of the USSR // Problems of Communism*. 1977. Vol. 26. P. 25–40; Idem. *Notes on the Illegal Private Economy and Corruption // The Soviet Economy in a Time of Change / Joint Economic Committee*. Washington, 1979. Эмигранты и немногие журналисты рассказывали, по большей части в манере анекдота, о процветающем черном рынке, распространенном блате и должностных злоупотреблениях в 1940–1950-е гг. См., напр.: Dallin D. *The Black Market in Russia // American Mercury*. 1949. Vol. 69. P. 676–689; Alexeiev K. *Russia's Underground Capitalism // Plain Talk*. 1949. December. P. 19–24; Konstantinovskiy B. A. *Soviet Law in Action: The Recollected Cases of a Soviet Lawyer* / ed. H. J. Berman. Cambridge, MA, 1953. Примеры сделок на черном рынке и воровства служащих в 1930-е гг. см.: Осокина Е. Иерархия потребления. Янош Корнай в своем классическом труде о плановой экономике показал, что в системе с «мягкими бюджетными ограничениями», по его выражению, обычай управленцев утаивать ресурсы про запас, как правило, не карался центральными плановыми ведомствами: Kornai J. *Economics of Shortage and the Socialist System*. Amsterdam, 1980.
- 36 Grossman G. *The «Second Economy» of the USSR*. P. 32–33. Как писал Стивен Коткин о Магнитогорске 1930-х гг., почти невозможно отделить официальную экономику от неофициальной; вторая экономика была «логическим следствием официальной экономики; теневая экономика позволяла существовать официальной экономике, и наоборот»: Kotkin S. *Magnetic Mountain*. P. 274. См. также: Belova E. *Economic Crime and Punishment // Behind the Façade of Stalin's Command Economy: Evidence from the Soviet State and Party Archives* / ed. P. Gregory. Stanford, 2001.
- 37 Разумеется, учеными обсуждались некоторые аспекты правовой системы, включая политическую зависимость судей и прокуроров от партии и создававшую эту зависимость номенклатуру. См., напр.: Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*.
- 38 Работа Катрин Вердери о восточноевропейских (включая советское) социалистических обществах закладывает продуктивную основу для изучения коррупции в позднесталинский период. См.: Verdery K. *What Was Socialism, and What Comes Next?* Princeton, NJ, 1996 (особенно с. 20–28). По словам Вердери, социалистические государства и экономики имели особенности, помогавшие формироваться параметрам коррупции. В отсутствие свободных рынков, пишет она, социалистические государства сохраняли легитимность постольку, поскольку могли выполнять обещания «социального распределения и социального обеспечения». Вердери утверждает, что эти государства пытались завоевать лояльность поддан-

ных при помощи «социалистического патернализма», то есть удовлетворения базовых потребностей населения путем сбора и перераспределения плодов общественного производства, включая квартиры, образование, транспорт, работу и социальную помощь нуждающимся. Я бы добавил к списку обещание равного и полного правосудия – наказания системой правонарушителей и, что не менее важно, защиты невинных. Люди в социалистических государствах стали ожидать, что их базовые нужды удовлетворит государство, так как они имеют на это «право». Однако плохо планируемые, сверхцентрализованные и неэффективные системы производства и распределения с обеспечением потребностей не справлялись. Вердери отметила, что людьми, способными извлекать выгоду из нелегальных сделок в экономиках советского типа, зачастую были те, кто занимал ключевые места в сетях распределения, имея власть отпускать ресурсы за противозаконную плату. Взяточничество угрожало монополии государства на распределение, добавляя в цепочку новые (оплачиваемые) звенья. Управленцы поневоле «подыгрывали системе», поскольку не располагали необходимыми ресурсами для выполнения планов; в результате дефицит обострялся. Монополия на распоряжение дефицитными товарами, сосредоточенная в руках работников плановых органов, также толкала администраторов среднего и низшего звена и простых людей на бартерные сделки ради получения того, что им было нужно. В то же время упразднение государством рынков, невнимание к личному потреблению и централизованная плановая система породили гигантскую подпольную экономику в области снабжения дефицитными продукцией и услугами.

³⁹ Вера Данхем (Dunham V. In Stalin's Time) из чтения советской «бульварной» беллетристики поздней сталинской эпохи вынесла наблюдение, что режим, потакая людской жажде потребительских товаров, приручал растущие профессиональные элиты (или верхний средний класс).

⁴⁰ Как показали многие ученые, официально преследуемые по закону формы коррупции продолжали сосуществовать и с официальными процедурами получения товаров и услуг (разрешенными рынками, «нормальными» бюрократическими каналами), и с такими неформальными, но не прямо противозаконными методами, как блат: Grossman G. The «Second Economy» of the USSR; Hessler J. A Social History of Soviet Trade; Kotkin S. Magnetic Mountain. P. 238–279; Ledeneva A. V. Russia's Economy of Favours; Fitzpatrick S. Blat in Stalin's Time.

⁴¹ Хотя «Дело верховных судов» не рассматривалось подробно учеными, пользовавшимися архивными источниками после распада Советского Союза, есть работы, посвященные другим политическим делам на высоком уровне. См., напр.: Gorlizki Y., Khlevniuk O. Cold Peace. Дэвид Бранденбергер и Бенджамин Тромли с помощью архивов изучили «Ленинградское дело»: Tromly B. The Leningrad Affair and Soviet Patronage Politics // Europe-Asia Studies. 2004. Vol. 56. No. 5. P. 707–729; Brandenberger D. Stalin, the Leningrad Affair, and the Limits of Postwar Soviet Russocentrism // Russian Review. 2004. Vol. 63. No. 3. P. 241–255; Bidlack R. Ideological or Political Origins of the Leningrad Affair? A Response to David

Brandenberger // *Russian Review*. 2005. Vol. 64. P. 90–95. См. также: Lovell S. *The Shadow of War*; Kremontsov N. L. *The Cure: A Story of Cancer and Politics from the Annals of the Cold War*. Chicago, 2004; Stalin's Secret Pogrom: The Postwar Inquisition of the Jewish Anti-Fascist Committee / ed. J. Rubenstein, V. Naumov. New Haven, CT, 2001; Lustiger A. *Stalin and the Jews*. New York, 2002. Одно из первых исследований высокой политики позднего сталинизма: Conquest R. *Power and Policy in the USSR: The Study of Soviet Dynasties*. New York, 1951.

Глава 1

- ¹ О голоде и перебоях со снабжением в конце войны см.: Ganson N. *The Soviet Famine of 1946–47 in Global and Historical Perspective*. New York, 2009; Ellman M. *The 1947 Soviet Famine and the Entitlement Approach to Famines* // *Cambridge Journal of Economics*. 2000. Vol. 24. P. 603–630; Зима В. Ф. *Голод в СССР 1946–1947 годов: Происхождение и последствия*. М., 1996; Зубкова Е. *Послевоенное советское общество*. М., 2000. С. 61–77; Zubkova E. *Russia after the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957*. Armonk, NY, 1998. P. 40–50; Filtzer D. A. *Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and the Restoration of the Stalinist System after WWII*. Cambridge, 2002. P. 41–76.
- ² В числе прочих на это обратил внимание Станислав Поморский: Pomorski S. *Perversions of Soviet Administrative Law* // *Soviet Administrative Law: Theory and Policy* / ed. G. Ginsburgs et al. Dordrecht, 1989. P. 114.
- ³ По мнению историков, этот обычай берет начало в XVII в. или даже раньше: Potter C. J. *Payment, Gift or Bribe? Exploring the Boundaries in Pre-Petrine Russia* // *Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from The Middle Ages to the 1990s* / ed. S. Lovell et al. New York, 2000. P. 20; Hartley J. *Bribery and Justice in the Provinces in the Reign of Catherine II* // *Ibid*. P. 52–54. См. также: Kivelson V. *Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century*. Palo Alto, CA, 1996. Chap. 7; Kollmann N. S. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge, 2012. Статья о взяточничестве есть в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: *Взяточничество* // *Энциклопедический словарь*. СПб., 1890–1907. Т. VI. С. 213–216.
- ⁴ Hoch S. *Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov*. Chicago, 1989; Weissman N. *Regular Police in Tsarist Russia, 1900–1914* // *Russian Review*. 1985. Vol. 44. P. 52–59.
- ⁵ Kollmann N. S. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge, 2012. P. 98.
- ⁶ Кэти Поттер и Л. Ф. Писарькова изучали различные культурные и юридические трактовки понятий подарка и вознаграждения, принимаемых чиновниками в XVII в.: Potter C. J. *Payment, Gift or Bribe? Exploring the Boundaries in Pre-Petrine Russia* // *Bribery and Blat in Russia*. P. 20–34; Писарькова Л. Ф. *К истории взяток в России (по материалам секретной канцелярии кн. Голицыных первой половины XIX в.)* // *Отечественная история*. 2002. № 5. С. 33–49.

- ⁷ Писарькова Л. Ф. К истории взяток в России. С. 46–47. Фундуклей был губернатором в 1839–1852 гг.
- ⁸ Писарькова и Голосенко подчеркивают этот момент. См.: Голосенко И. А. Начальство: Очерки по истории российской социологии чиновничества конца XIX – начала XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 1. С. 54–85.
- ⁹ Хартли отмечает, говоря об эпохе Екатерины Великой: «В этом более широком контексте существование и распространенность взяточничества в судебной системе были лишь одним из симптомов общего произвола, низких общественных стандартов и слабости процедур в России» (Hartley J. Bribery and Justice in the Provinces in the Reign of Catherine II. P. 62). То же самое можно сказать о значительной части судебной системы в поздний имперский период.
- ¹⁰ Wortman R. The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago, 1976.
- ¹¹ Kelly C. Self-Interested Giving: Bribery and Etiquette in Late Imperial Russia // Bribery and Blat in Russia. P. 74–75.
- ¹² Писарькова Л. Ф. К истории взяток в России. С. 47.
- ¹³ Herzen A. The Year 1860 // A Herzen Reader / transl. and ed. K. Parthé. Evanston, IL, 2012. P. 107 (см. также с. 268, 323). О дореформенной репутации коррумпированной судебной власти см.: Kazantsev S. The Judicial Reform of 1864 and the Procuracy in Russia // Reforming Justice in Russia, 1864–1996: Power, Culture, and the Limits of Legal Order / ed. P. Solomon. New York, 1997. См. также: Engelstein L. Combined Underdevelopment: Discipline and the Law in Imperial and Soviet Russia // American Historical Review. 1993. April. P. 338–353.
- ¹⁴ Цит. по: Pomorski S. Perversions of Soviet Administrative Law. P. 114. Как отметила Сюзанна Шаттенберг, в XIX в. практически все российское общество было единодушно уверено в коррумпированности бюрократов: Шаттенберг С. Культура коррупции, или К истории российских чиновников // Неприкосновенный запас. 2005. Т. 42. № 4.
- ¹⁵ Ирина Давыдова замечает: «Наше современное представление о царской администрации как о чрезвычайно коррумпированной и склонной ко взяточничеству отчасти представляет собой вынесенный из радикального дискурса стереотип, который сам был продуктом и оружием этой борьбы»: Davydova I. Bureaucracy on Trial: A Malaise in Official Life as Represented in Nineteenth-Century Russian Thought // Bribery and Blat in Russia. P. 108.
- ¹⁶ Сам Ленин желал еще более суровых наказаний. Наркому юстиции Курскому он писал (не позднее 8 мая 1918 г.): «Необходимо *тотчас*, с демонстративной быстротой, внести законопроект, что наказания за взятку... должны быть **не ниже** десяти лет тюрьмы и, сверх того, десяти лет принудительных работ». Об общей антипатии режима к закону в 1920-х гг. см.: Sharlet R. Pashukanis and the Withering Away of the Law in the USSR // Cultural Revolution in Russia, 1928–1931 / ed. S. Fitzpatrick. Bloomington, IN, 1978. P. 176–180.

- 17 Еженедельник советской юстиции. 1922. № 35. Прил. С. 11. С провозглашением 9 октября 1922 г. кампании против взяточничества статью 114 Уголовного кодекса ужесточили, в частности устанавливая минимальные наказания (постановление ВЦИК и СНК от 9 октября 1922 г., цит.: Епихин А. Ю., Мозохин О. Б. ВЧК–ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики. М., 2007. Док. 31. С. 369–370). Тех, кто брал взятки, надлежало приговаривать не менее чем к одному году заключения. Получение взятки с отягчающими обстоятельствами влекло за собой как минимум три года строгого режима. При особо отягчающих обстоятельствах мог быть вынесен смертный приговор. Была добавлена новая статья под номером 114а, объединявшая дачу взяток и пособничество ей.
- 18 Борисова Л. В. Третий враг революции: Борьба со взяточничеством и хозяйственными преступлениями в начале НЭПа // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2003. Vol. 30. No. 3. P. 250–251.
- 19 Выписка из протокола ВЧК № 21 «О борьбе с взяточничеством». Цит. по: Епихин А. Ю., Мозохин О. Б. ВЧК–ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики. С. 315. 15 июля 1922 г. Дзержинский приказал создать в ГПУ специальную комиссию по борьбе со взяточничеством на железных дорогах. См.: Там же. С. 334 (приказ № 1310 «О борьбе с взяточничеством на путях сообщения»).
- 20 См., напр.: McDonald T. *Face to the Village: The Riazan Countryside under Soviet Rule, 1921–1930*. Toronto, 2009. P. 72, 92–98. В частности, о лесниках: P. 173–175.
- 21 Макашвили В. Строго выполнять требования закона об ответственности за взяточничество (Судебная практика Верховного суда СССР) // *Социалистическая законность*. 1953. № 2. С. 40.
- 22 См., напр.: Kelly C. *Self-Interested Giving*. P. 65–90.
- 23 Об одном деле о взятках кулаков председателю местного совета за справки, удостоверяющие личность, см.: Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. New York, 2000. P. 133. Осуждая этот феномен подношения подарков местным должностным лицам, его именовали традиционным словом «магарыч» (или «могарыч»), означавшим дар в ознаменование завершения сделки. (Конечно, не только «кулаки» имели причины подольститься к местным чиновникам, и магарыч не всегда предлагался сельскими жителями добровольно.) Представители власти во всем винили крестьян, приносивших продукты и спиртное, а не служащих, которые частенько их прямо требовали. Тем не менее пленум Верховного суда СССР в апреле 1929 г. издал инструкцию, гласившую, что официальные лица, принимающие магарыч, будут рассматриваться как взяточники. См.: Постановление пленума Верховного суда СССР от 15 апреля 1929 г. // *Сборник разъяснений Верховного суда СССР за 1929 год*. М., 1930. С. 62–63.
- 24 Гарвардский проект интервью содержит много таких примеров, некоторые из них будут приведены в главе 3 данной книги. О магнитогорском процессе по делу снабженца, который украл материалы для строительства собственной дачи и прикрывал свои делишки с помощью взяток под-

чиненным, см.: Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, CA, 1995. P. 261.

- 25 Сафонов высказал подобные упреки в циркулярном письме работникам прокуратуры Советского Союза: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 1023. Л. 17–22 (не датировано, но, вероятно, составлено в мае–июле 1952 г., судя по окружающим документам в деле и служебным материалам). См., например, июльский доклад 1952 г. от начальника отдела по надзору за милицией Прокуратуры СССР Свердлова заместителю генерального прокурора Хохлову: Там же. Д. 941. Л. 305. Как показывает Питер Солломон, обвинять должностных лиц по ст. 109 вместо чего-то более серьезного давно вошло в обычай, и суды приговаривали их к лишению свободы до одного года, минимизируя тем самым эффект судимости: Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge, 1996. P. 437–438.
- 26 ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 49. Л. 275 («Обзор основных данных о судимости в СССР за 1947 год», подписан К. Горшениным). О секретности и планомерных подтасовках см.: Harrison M. *Forging Success: Soviet Managers and Accounting Fraud, 1943–1962* // *Journal of Comparative Economics*. 2011. Vol. 39. No. 1. P. 43–64; Idem. *Secrecy, Fear and Transaction Costs: The Business of Soviet Forced Labour in the Early Cold War* // *Europe-Asia Studies*. 2013. Vol. 65. No. 6. P. 1112–1135.
- 27 Подробнее об указе от 4 июня 1947 г. о хищении социалистической собственности см.: Heinzen J. *Corruption among Officials and Anticorruption Drives in the USSR, 1945–1964* // *Russian Bureaucracy and the State: Officialdom from Alexander III to Putin* / ed. D. K. Rowney, E. Huskey. Basingstoke, UK, 2009. P. 169–188. О мелких кражах и спекуляции среди солдат во время Второй мировой войны см.: Merridale C. *Ivan's War: Life and Death in the Red Army, 1939–1945*. New York, 2006. P. 270–274.
- 28 О кампании 1947–1948 гг. против хищения социалистической собственности см., в частности: Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. P. 410–412; Gorlizki Y. *Rules, Incentives and Soviet Campaign Justice after World War II* // *Europe-Asia Studies*. 1999. Vol. 51. No. 7. P. 1245–1265.
- 29 ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 63. Л. 32–33. По словам Горшенина, «эти сведения отражают только тот материальный ущерб, который был выявлен судами при рассмотрении дел, но и из них видно, какие огромные потери несет народное хозяйство в результате хищений государственного и общественного имущества». Ряд примеров воровства должностных лиц во время и после войны см.: Hooper C. V. *A Darker «Big Deal»: Concealing Party Crimes in the Post-Second World War Era* // *Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention* / ed. J. Fürst. London; New York, 2006. P. 145–146.
- 30 Статистика отдела судебной статистики Верховного суда СССР. Перепеч.: История сталинского Гулага: Конец 1920-х – первая половина 1950-х гг.: В 7 т. М., 2004–2005. Т. 1. С. 613. Военные трибуналы в 1947 г. осудили за хищение государственной собственности 24 372 чел.: Там же. С. 618.

- ³¹ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 25. Л. 2–3.
- ³² Как указывает Дональд Фильцер, только в 1947 г. по указу от 4 июня было арестовано больше колхозников, чем рабочих: Filtzer D. A. *Soviet Workers and Late Stalinism*. P. 28–29.
- ³³ Особая папка Сталина полна поступавших ему в 1944–1947 гг. докладов, свидетельствующих о наличии крупных схем хищения государственной собственности. См.: Особая папка И. В. Сталина / под ред. В. А. Козлова, С. В. Мироненко. М., 1994 (из материалов Секретариата НКВД–МВД, 1944–1953). Режим забил тревогу по поводу коррупции в торгово-распределительных системах отчасти ради того, чтобы сделать их козлом отпущения за недостаточную производительность экономики.
- ³⁴ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 37. Л. 65–66 (письмо Двинского заместителю председателя Совета министров СССР Микояну, 30 сентября 1946 г.). Многие примеры информации от осведомителей касаются функционеров, незаконно извлекающих выгоду в ходе исполнения служебных обязанностей (см. главу 6).
- ³⁵ Там же. Ф. 5446 (Совет министров СССР). Оп. 48а. Д. 1614. Л. 102–198. Перепеч.: История сталинского Гулага. Т. 1. С. 557–559. Число колхозных председателей, осужденных за хищение государственной собственности, например, выросло с 935 чел. в 1948 г. до 1 483 чел. в 1949 г.: Там же. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 63. Л. 37 (доклад Горшенина, присланный Сталину).
- ³⁶ Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. P. 408–414.
- ³⁷ Ibid. P. 124–125. Ученые предпочли сосредоточиться на наказании по указу колхозников за мелкие кражи продовольствия во время голода. См.: Из приговоров районных нарсудов о привлечении к уголовной ответственности колхозников по Указу 1947 г. // Советские архивы. 1990. № 3. С. 55–60. О развитии черного рынка и хищении госсобственности в промышленном городе Магнитогорске в 1930-е гг., в частности в чрезвычайно стратифицированной и работавшей в крайне трудных условиях сети снабжения, см.: Kotkin S. *Magnetic Mountain*. P. 242–260. См. также: Shearer D. *Wheeling and Dealing in Soviet Industry: Syndicates, Trade, and Political Economy at the End of the 1920s* // *Cahiers du monde russe*. 1995. Vol. 36. No. 1–2; Hessler J. *A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953*. Princeton, NJ, 2004. Примеры спекуляции, растрат и мелкого воровства при плохой работе системы продовольственного снабжения в 1930-е гг. см.: Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 1998. На англ. яз.: Osokina E. *Our Daily Bread: Socialist Distribution and the Art of Survival in Stalin's Russia, 1927–1941*. Armonk, NY, 2001.
- ³⁸ Проект секретной инструкции 1952 г., написанный генеральным прокурором СССР Сафоновым для Верховного суда, проливает свет на преследование преступлений, совершаемых должностными лицами, по ст. 109: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 1023. Л. 2–6. В проекте резко критикуются судьи по ряду причин. Слишком часто, указано там, судьи выносят суровые приговоры к лишению свободы, когда целесообразнее был бы исправи-

тельный труд по месту работы. Должностных лиц бесосновательно осуждают за серьезные преступления. Это «политически вредная практика». Правда, в иных случаях (написано дальше в проекте), когда речь шла о «серьезном ущербе государственным и общественным интересам», – например, в некоторых делах о халатности (ст. 111), повлекшей за собой крупный материальный ущерб, – Министерство юстиции жаловалось, что ответственные лица наказаны недостаточно строго. В апреле 1953 г. министерство отметило, что многие осужденные за халатность виновны только в неопытности. В 1952 г. по ст. 111 были осуждены 57 тыс. чел.: Там же. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 93. Л. 62 (замечания Горшенина к проекту уголовного кодекса).

³⁹ Насколько серьезно режим относился к хищениям госсобственности, свидетельствует тот факт, что послевоенная амнистия узников Гулага не коснулась осужденных по указу от 7 августа 1932 г.: Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией, 7 июля 1945 г. // Амнистия и помилование в СССР. М., 1959. С. 71–72.

⁴⁰ Советское законодательство криминализировало многие проступки должностных лиц, которые в данной книге не считаются «коррупцией». К примеру, согласно весьма широким положениям УК, халатность и другие виды преступного бездействия, злостное неисполнение контрактов, дутая отчетность и производство некачественных товаров были «должностными» или «хозяйственными» преступлениями. Поскольку в большинстве случаев они не вели к личному обогащению, я не рассматриваю их как тип коррупции, который исследуется в этой книге.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 299. Л. 11. После денежной реформы 1947 г. и отмены продовольственных карточек роль денег в экономике возросла. До реформы встречается больше дел о взятках в форме продуктов или товаров. В сентябре 1946 г. цены на некоторые нормированные продукты подскочили на 200–300 %. Этот взлет цен сделал подобные товары более желательными в качестве взяток. Указ от 27 сентября 1946 г. лишил продовольственных пайков по карточкам 23 млн чел. в сельской местности. В таких обстоятельствах продукты представляли собой весьма заманчивую взятку. См.: Zubkova E. *Russia after the War*. P. 70–75. О преступлениях, связанных с денежной реформой, среди партийных элит в Молотовской области см.: Лейбович О. В городе «М»: Очерки социальной повседневности советской провинции. М., 2008. С. 72–113.

⁴² ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 6. Д. 14 (статистика осуждений, 1937–1956). Лица, у которых вымогали взятки, могли избежать наказания, если немедленно и добровольно заявляли о таких взятках властям.

⁴³ В докладе от 30 мая 1946 г. о взяточничестве в 1944–1945 гг., написанном консультантом Управления общих судов Министерства юстиции, говорится, что по стране за взяточничество осуждено очень немного людей: Там же. Оп. 1а. Д. 478. Л. 33.

⁴⁴ Rose-Ackerman S. *Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform*. Cambridge, 1999. P. 98.

⁴⁵ Социалистическая законность. 1946. № 9. С. 1.

- 46 Джон Барбер и Марк Харрисон написали всеобъемлющую историю экономических аспектов войны, включая промышленное и сельскохозяйственное производство, распределение и торговлю: Barber J., Harrison M. *The Soviet Home Front, 1941–45: A Social and Economic History of The USSR in World War II*. London, 1991.
- 47 Дональд Фильцер описывает экономический кризис, который сопровождал политический и социальный кризисы послевоенных лет, изображенные Еленой Зубковой и Верой Данхем. См.: Filtzer D. A. *Soviet Workers and Late Stalinism*.
- 48 ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 49. Л. 245 («Сводка о количестве осужденных судами СССР за 1947 г.», 1948; подписана Горшениным).
- 49 Там же. Л. 35–40 (справка Горшенина по данным о преступности за 1947 г.).
- 50 Там же. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 282. Л. 62 (документы о кампании 1946 г. против взяточничества).
- 51 Там же. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 355. Л. 90 (доклад о взяточничестве на Украине от Степко из Верховного суда УССР, 1950).
- 52 Согласно этому исследованию, «на основании изучения дел, материалов, поступающих с мест, основной системой, где взяточничество распространено наиболее широко и где вскрыто наибольшее число преступлений, являются органы жилищного управления» (Там же. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 299. Л. 57). В исследовании говорилось, что в самых распространенных случаях взяточничества, выявленных за два года после окончания войны, участвовали сотрудники органов охраны правопорядка и судов, работники жилищных ведомств, агенты по продовольственным заготовкам – именно в такой очередности. О деле Московского жилищного управления см.: Там же. Оп. 32. Д. 66. Л. 4 (доклад о борьбе со взяточничеством в 1950 г.). Исследование конфликтов между возвращающимися из эвакуации и работниками жилуправлений см.: Manley R. «Where Should We Resettle the Comrades Next?» *The Adjudication of Housing Claims and the Construction of the Postwar Order // Late Stalinist Russia*. P. 233–246. О плачевном состоянии большей части советского жилищного фонда после войны см.: Filtzer D. A. *Standard of Living versus Quality of Life: Struggling with the Urban Environment in Russia during the Early Years of Post-War Construction // Ibid*. P. 84–89.
- 53 Об иерархии в снабжении дефицитными предметами и их распределении в 1930-х гг. см.: Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». Краткие сообщения о нескольких делах о взяточничестве в Ленинграде, почерпнутые из газетных заметок и местных архивов, см.: Говоров И. В. *Преступность и борьба с ней в послевоенном Ленинграде (1945–1953): Опыт исторического анализа*. СПб., 2004.
- 54 О Севастополе см.: Qualls K. *From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II*. Ithaca, NY, 2009. P. 18. См. также: Duskin E. *Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite, 1945–1953*. Basingstoke, UK, 2001. P. 12. О Белорусской ССР см.: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 283. Л. 29 (письмо Рычкову, Горшенину и Голякову, 17 июля 1945 г.).

- 55 ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4216. Л. 191 (письмо К. П. Горшенину от комиссии прокуратуры по расследованию взяточничества среди работников прокуратуры и суда). Письмо от октября 1946 г., написанное председателем Верховного суда Голяковым заместителю начальника Управления кадров ЦК, где говорится о конкуренции за жилплощадь между возвращающимися эвакуированными и государственными учреждениями, см.: Там же. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 294. Л. 27–28. Примеры взяток за возврат квартир см.: Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4216. Л. 191; Ф. 9474. Оп. 16. Д. 294. Л. 27–28 (переписка между Верховным судом СССР и ЦК по правовым и судебным вопросам); Ф. 8131. Оп. 38. Д. 299. Л. 3–3 об. О делах о коррупции в жилищном управлении г. Ростов см.: Jones J. *Everyday Life and the «Reconstruction» of Soviet Russia during and after the Great Patriotic War, 1943–1948*. Bloomington, IN, 2008. P. 252–253, 264. О деле 1946 г. о взяточничестве в жилотделе Даугавпилса (Латвия) см.: Swain G. *Between Stalin and Hitler: Class War and Race War on the Dvina*. London, 2004. P. 193.
- 56 См.: Зубкова Е. Послевоенное советское общество. С. 28–29. О демобилизации см.: Duskin E. *Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite*. P. 17. О тяжелом положении послевоенных ветеранов см.: Edele M. *Soviet Veterans of World War II: A Popular Movement in an Authoritarian State*. Oxford, 2008; Dale R. *Rats and Resentment: The Demobilization of the Red Army in Postwar Leningrad, 1945–50* // *Journal of Contemporary History*. 2010. Vol. 45. No. 1. P. 113–133.
- 57 ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 299. Л. 12.
- 58 Там же. Оп. 23. Д. 11. Л. 138 (газетная статья о деле 1946 г. в Одессе). О деле человека, который прикидывался демобилизованным офицером, чтобы получить преимущество в споре по поводу жилья, см.: РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1609. Л. 114–115.
- 59 Duskin E. *Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite*. P. 12.
- 60 ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 376. Л. 1–4 (письмо К. П. Горшенина В. М. Молотову, 2 ноября 1944 г.).
- 61 Там же. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 294. Л. 27–28 (письмо заместителю начальника Управления кадров В. Д. Никитину, 22 октября 1946 г.).
- 62 Материалы дальнейших процессов свидетельствовали, что по крайней мере один работник Верховного суда имел тесную – и весьма подозрительную – связь с юридическими консультантами жилотдела Московского горисполкома. Согласно показаниям Уманской, сотрудник Военной коллегии Верховного суда Кудрявцев находился в тесном контакте с двумя юрисконсультами Московского горжилотдела Ищенко и Савельевым. Вероятно, они обменивались взятками. Уманская слышала, что Ищенко был «махровым взяточником». См.: Там же. Оп. 7. Д. 824. Л. 22 (показания Уманской).
- 63 Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 171 (Особая папка Сталина). Л. 19–28 (справка органов МВД о взяточничестве и мерах против него в январе–июле 1947 г.).

- 64 ГА РФ. Л. 26. «Правда» сообщала 1 августа 1946 г., что некая Н. Игнатьева приговорена к 10 годам заключения, а один инспектор получил 8 лет за взятки до 3 тыс. руб. за незаконное предоставление комнат.
- 65 Там же. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 4. Л. 86–90 об.
- 66 Там же. Оп. 32. Д. 3. Л. 121–123 (письмо Г. Н. Сафонова о взяточничестве в жилищном управлении Московского горисполкома, 29 января 1951 г.). См. также: Там же. Л. 124–129 (доклад прокурора г. Москвы Васильева генеральному прокурору СССР Г. Н. Сафонову).
- 67 В сводке Московской городской прокуратуры по делам о взяточничестве за 1950 г. об этом деле говорится, но никто из замешанных в нем представителей элит не называется по имени и вообще не упоминается. Речь в сводке идет только о работниках жилищуправления Мосгорисполкома: Там же. Д. 66. Л. 7. См.: Roberts G. Stalin's General: The Life of Georgy Zhukov. New York, 2012. P. 251.
- 68 О культах Василия Чапаева и гражданской войны см.: Brandenberger D. National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian Identity, 1931–1956. Cambridge, MA, 2002; Tumarkin N. Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia. Cambridge, 1983; Hartzok J. Children of Chapaev: The Russian Civil War Cult and the Creation of Soviet Identity: Unpublished PhD diss. University of Iowa, 2009. В 1917 г. Василий Чапаев удочерил двух дочерей своего друга и боевого товарища.
- 69 См. протокол допроса Железникова: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4043. Л. 10–15.
- 70 Duskin E. Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite. P. 12–16.
- 71 Manley R. To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at War. Ithaca, NY, 2009. P. 139–140, 158, 241–244.
- 72 Иногда солдаты отказывались покупать билеты и захватывали места просто так: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 464. Л. 27–28 (доклад КПК Маленкову). О проводнике, требовавшем взятки за билеты на Кировской железной дороге, см.: ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 514. Л. 35. Об этом инциденте сообщала газета «Ленинское знамя» от 18 октября 1946 г.
- 73 Правда. 1946. 1 авг. Ученый Станислав Поморский пишет, что в 1942 г. сам видел, «как отчаявшееся семейство на маленькой захламленной станции в Казахстане, чтобы купить билеты, отдало кассиру одну из своих последних подушек»: Pomorski S. Perversions of Soviet Administrative Law. P. 116.
- 74 ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 38. Л. 119–122. О делах о взяточничестве на железных дорогах см.: Судебная практика Верховного суда СССР. 1947. Вып. 1 (XXXV). С. 3–5. См. также: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 2817. Л. 6 (документы к проекту приказа 1946 г.).
- 75 ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 716. Л. 117. Сводку Верховного суда 1948 г. см.: Там же. Оп. 2. Д. 51. Л. 187. В докладе Министерства юстиции 1952 г. говорилось, что взяточничество – лишь одна из разновидностей преступлений на железных дорогах. Железнодорожники могли получать деньги по фальшивым накладным: Там же. Д. 88. Л. 130–131. Неэффективные процедуры аудита редко выявляли расхождения.

- ⁷⁶ О внутренней миграции после войны см.: Ganson N. The Soviet Famine of 1946–47 in Global and Historical Perspective. Ch. 4.
- ⁷⁷ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 299. Л. 34.
- ⁷⁸ Filtzer D. A. Soviet Workers and Late Stalinism. P. 179.
- ⁷⁹ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 355. Л. 106.
- ⁸⁰ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1590. Л. 51–56 (следственные материалы КПК). Кроме того, многочисленные возможности нелегального приработка для должностных лиц создала денежная реформа 1947 г. Там, где надзор был слаб или от аудиторов откупались, банковские работники брали у граждан взятки за оформление вкладов задним числом, чтобы они не пострадали, когда деньги обесценились: Там же. Оп. 2. Д. 135. Л. 39–50.
- ⁸¹ По-видимому, медиков редко преследовали за взяточничество, если те просто брали деньги или подарки за осмотр пациента или проведение каких-то процедур, а не пользовались своими официальными полномочиями для незаконной выдачи документов. См., напр.: НР. Schedule A. Case 191. P. 12. Недобросовестные врачи служили мишенью сатиры еще при царизме. Писатель Антон Чехов, сам имевший медицинское образование, отпустил язвительный намек на продажность врачей в рассказе «Темнота» (1887): «Доктор-то говорит, а сам все время на кулак мне глядит: не дам ли синенькую?» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: ОГИЗ, 1944–1951. Т. 6. С. 41).
- ⁸² ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 514. Л. 14 (доклад Министерства юстиции о борьбе со взяточничеством). Сведений о том, были ли они осуждены, в деле нет. См. также: Там же. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 299. Л. 66–67.
- ⁸³ О сталинградском дантисте см.: Там же. Л. 67. О Ровно: Там же. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 355. Л. 95. Особенно отмечалась такая деятельность в военизированных секторах экономики, в том числе в тяжелой промышленности и на железных дорогах. В 1946 г., например, одного человека обвинили в даче взятки в виде 14 фунтов мяса за то, чтобы его отца освободили от трудовой повинности на лесозаготовках (Там же. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 299. Л. 65). Подобные дела подчеркивают мысль Дональда Фильцера, что люди договаривались по неформальным каналам, дабы избежать направления на неприятную работу, зачастую при соучастии местных властей. См.: Filtzer D. A. Soviet Workers and Late Stalinism. P. 236–247. О послевоенной медицинской администрации см.: Burton C. Medical Welfare during Late Stalinism: Unpublished PhD diss. University of Chicago, 2000.
- ⁸⁴ О ветеринарах см.: ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 514. Л. 33. О легальных рынках и базарах см.: Hessler J. A Social History of Soviet Trade. Другой ветеринар в Тернопольской области незаконно взимал от 50 до 70 руб. за кастрацию животных в местной ветлечебнице (Там же. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 355. Л. 95). В сентябре 1949 г. его приговорили к 3 годам лишения свободы.
- ⁸⁵ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 58. Л. 133. Следствие установило, что, будучи принята в институт, Хитрова вела себя неподобающе и к занятиям относилась несерьезно. Она плохо успевала на первом курсе и имела

- неприятности с комсомольской организацией, которая пыталась заставить ее учиться как следует. Обвинения, по-видимому, в основном подтвердились, и дело было передано на следующий уровень (РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1594. Л. 65–67). В одном случае, описанном в статье в «Правде», директор Пензенской областной филармонии брал взятки у артистов за устройство их концертов и спектаклей в пензенских театрах: Лавренев Б. Королев и другие // Правда. 1949. 12 нояб. С. 3.
- 86 См., напр.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 449. Л. 8–14 (доклад прокурора Литовской ССР Д. Салина Мокичеву, 14 апреля 1947 г.). Говоря об отражении послевоенной деревни в популярной литературе эпохи позднего сталинизма, Вера Данхем подметила: «Несмотря на налет рококо, непорядок в деревне стал очевиден даже в этих повестях. В военное время взяточничество, спекуляция, черный рынок расцвели пышным цветом. Правда, эти вольности, дарованные по умолчанию, работали на благо системы. Но теперь “закон” обрушился на всевозможные неправильные явления, так же как на крестьянский трибализм. Институциональные мутации, которые помогли крестьянину выжить, отныне рьяно преследовались» (Dunham V. In *Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction*. Cambridge, 1976. P. 226).
- 87 ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 514. Л. 31. Об украинских делах см.: Там же. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 355. Л. 93–94. В. Ф. Зима, писавший о преступности во время голода, сосредоточил внимание на широкомасштабном «воровстве» (от отчаяния) продовольствия и другого колхозного имущества колхозниками, не касаясь должностных преступлений. См., в частности: Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов. С. 96–128. См. также: Gansson N. The Soviet Famine of 1946–47 in Global and Historical Perspective. P. 86–89. Жан Левек показал, как разорены были сельские районы во время войны: Levesque J. Into the Grey Zone: Sham Peasants and the Limits of the Kolkhoz Order in the Post-war Russian Village, 1945–1953 // *Late Stalinist Russia*. P. 103–119. О бедности деревни см. также: Lovell S. *The Shadow of War: Russia and the USSR, 1941 to the Present*. Chichester, 2010. P. 72. О Краснодарском крае см.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 58. Л. 133. Другие примеры взяточничества в заготовительной системе, включая взятки за квитанции на сдачу хлопка: Там же. Оп. 29. Д. 299. Л. 11.
- 88 Для сравнения вспомним дело нью-йоркского инспектора подъемных кранов, который брал взятки за то, что допускал к эксплуатации непроверенные краны: N. Y. Crane Inspector Goes to Prison for Accepting Bribes // *New York Times*. 2010. June 16 (дата онлайн-доступа: 3 августа 2010 г.).
- 89 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 171 (Особая папка Сталина). О привлечшем внимание административного отдела ЦК деле двух инспекторов Министерства государственного контроля РСФСР, которые обвинялись в получении взяток за сокрытие хищений в лесных кооперативах Московской области, см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 190. Л. 26–30. Об одесском деле 1949 г.: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 355. Л. 94.
- 90 ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 514. Л. 16. Некоторые инспектора требовали деньги за молчание, когда выявляли воровство бухгалтеров и других

должностных лиц. См. доклад ОБХСС: Там же. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 98. С. 43. О деле бухгалтера, требовавшего взятки за сокрытие недостатков, см.: Там же. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 58. Л. 133. См. также доклад прокуратуры 1946 г.: Там же. Д. 299. Л. 68.

91 О хищениях и взяточничестве в промысловой кооперации см.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 7. Л. 152–181; Д. 8. Л. 10–31, 196–203.

92 Подобные сделки могли проворачиваться и в колхозах. Комиссия партийного контроля расследовала дело районного агронома И. Я. Вострикова, работавшего на машинно-тракторной станции в Воронеже. Два пастуха обвиняли агронома в том, что он «опозорил имя коммунизма», вымогая у них взятки за молчание о потраве их овцами озимой пшеницы. Боясь ареста, пастухи заплатили агроному по 200 руб. каждый, чтобы тот не подал на них жалобу, а затем тут же пошли к властям с сообщением о шантаже. После разбирательства агронома исключили из партии (в документах не говорится, было ли дело передано в прокуратуру). См.: ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 514. Л. 32. Взятки ради того, чтобы уклониться от уплаты налога, конечно, во всем мире не редкость. См. доклад Института Брукинга за 2010 г., где отмечается, что в Греции около четверти налогов не уплачивается, так как примерно один из семи налогоплательщиков платит взятки налоговым инспекторам (New York Times. 2010. May 1). Еще один уязвимый сегмент экономики, часто пытавшийся прикрыть свою деятельность завесой незаконных платежей, по словам властей, составляли частные торговцы, которые продавали свой товар на городских рынках. В 1946 г., например, налоговые инспекторы и другие работники областного финансового отдела обвинялись в получении взяток от частных торговцев, торговавших на центральном рынке Кишинева. Инспекторы брали взятки деньгами, продуктами, вином, другими ценностями, а взамен снижали налоги на торговые операции. Группа из семи инспекторов «заработала» таким образом в общей сложности 800 тыс. руб. См.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 299. Л. 11–13.

93 ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 87. Л. 241–242 (письмо начальникам республиканских, краевых, областных и городских управлений ОБХСС). Грегори Гроссман писал о подношении ценных подарков начальникам и другим «ближайшим представителям власти» как о постоянном факторе в истории российской бюрократии. См.: Grossman G. The «Second Economy» of the USSR // Problems of Communism. 1977. Vol. 26. No. 5. P. 25–40.

94 ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 2817. Л. 10.

95 Kotkin S. Magnetic Mountain. P. 254.

96 Орган внутренних дел, отвечавший за борьбу с преступлениями против социалистической собственности и социалистического хозяйства (ОБХСС), докладывал, что взяточничество в снабженческих и торговых организациях стало обычным делом. Их работники брали взятки за дефицитные товары. Как сказано в одном февральском докладе 1947 г., «практика и жизнь подтверждают, что в этих системах [торговли и снабжения] взяточничество наиболее распространено, но в то же время и трудно вскрываемо»: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 299. Л. 67. Геннадий Андреев-Хомяков в своих воспоминаниях пишет, что место официан-

- та в популярном, хорошо посещаемом ресторане можно было купить за взятку в 2–3 тыс. руб. директоры: Andreev-Khomiakov G. *Bitter Waters: Life and Work in Stalin's Russia* / trans. A. E. Healy. Boulder, CO, 1997. P. 103.
- ⁹⁷ О Москве см.: ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 81. Л. 335–338 (протест, направленный Волиным пленуму Верховного суда СССР, не датирован, но, вероятно, относится к 1951 г.). О Красноводске см.: Там же. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 58. Л. 13 (доклад Александрова Сафонову, июнь 1952 г.).
- ⁹⁸ Трастовку кампании против коррупции в московских управлениях распределения продовольствия и розничной торговли в 1970–1980-х гг. см.: Duhamel L. *The KGB Campaign against Corruption in Moscow, 1982–1987*. Pittsburgh, 2010. Фельетон о начальнике отдела кадров, который берет взятки с сотрудников за гарантию продвижения или сохранения места, см.: Комсомольская правда. 1952. 19 сент. С. 3.
- ⁹⁹ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 100. Л. 72–79 (расследование КПК по анонимному доносу, 1946).
- ¹⁰⁰ Там же. Оп. 6. Д. 1590. Л. 50. Московский ЦУМ был также популярным местом для спекулянтов. См.: Hessler J. *A Postwar Perestroika? Toward a History of Private Enterprise in the USSR* // *Slavic Review*. 1998. Vol. 57. No. 3. P. 516–542.
- ¹⁰¹ О довоенной розничной торговле см.: Randall A. *The Soviet Dream World of Retail Trade and Consumption in the 1930s*. Basingstoke, 2008.
- ¹⁰² РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1595. Л. 46–47 (расследование КПК, 1952).
- ¹⁰³ Там же. Оп. 2. Д. 158. Л. 114–124 (протокол № 142 заседания бюро КПК, 15, 20, 21 апреля 1950 г.).
- ¹⁰⁴ Lewin M. *Rebuilding the Soviet Nomenklatura, 1945–1948* // *Cahiers du monde russe*. 2003. Vol. 44. No. 2/3. P. 229–230, 237. В статье про кризис партаппарата после войны Левин описывает документы Управления кадров ЦК за 1946–1948 гг. с выражением недовольства по поводу «взятков» партийным работникам подарками или услугами (по словам Кузнецова) со стороны хозяйственных руководителей. Партийная иерархия иногда использовала такую лексику для обозначения тесных отношений в хозяйственном аппарате между парторгами на предприятиях и управленцами вроде заводских директоров, которые «подкупали» людей, поставленных руководить ими политически. Зачастую такое «взятничество» воплощалось в выдаче премий и других материальных поощрений своим партийным надзирателям. Прежде всего это ставило под угрозу власть партийного руководства на местах.
- ¹⁰⁵ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 126. Л. 22–36.
- ¹⁰⁶ 18 апреля 1949 г. начальник Главспирта был исключен из партии, что являлось первым шагом к уголовному преследованию. Как обычно, в деле нет сведений о его дальнейшей судьбе после исключения.
- ¹⁰⁷ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 194. Л. 1–7 (письмо Маленкова Шкирятову, 19 февраля 1951 г.).
- ¹⁰⁸ Позже министр утверждал, что предлагал отдать деньги за подаренное, но грузин от них отказался.

- ¹⁰⁹ Производственно-управленческий бартер (иногда именуемый «блатом») впервые подробно описан Джозефом Берлинером на основе интервью, проведенных в рамках «Гарвардского проекта» и касавшихся по большей части хозяйственного опыта 1930-х гг. Управленцы раздували отчетные показатели, заключали бартерные сделки с руководителями других предприятий, накапливали тайные запасы. См.: Berliner J. *Factory and Manager in the USSR*. Cambridge, MA, 1957. P. 160–230. См. также: Shearer D. *Wheeling and Dealing in Soviet Industry*. Красочный рассказ из первых рук о бартере в лесной промышленности см.: Andreev-Khomiaikov G. *Bitter Waters*. P. 69–79. Автор замечает: «...разобрать, когда мы имели дело с действительными жуликами и подлецами, а когда люди вынуждены были комбинировать из-за злой необходимости, было невозможно» (с. 79).
- ¹¹⁰ См., напр.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 299. Л. 60–61. В этом докладе прокуратуры говорится, что взяточдатели часто в свою защиту уверяют, будто действовали «в интересах производства».
- ¹¹¹ Там же. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 514. Л. 15.
- ¹¹² РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 220. Л. 62–66. Дело директора саратовской МТС, в 1944 г. сдавшего напрокат автомобиль МТС за 45 литров водки, которую его жена продала на черном рынке, см.: Там же. Д. 1587. Л. 48–49.
- ¹¹³ Однако его просьбу о снятии выговора в ноябре 1951 г. отклонили (ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 355. Л. 92). Один сотрудник промышленной артели в Одесской области был приговорен к 10 годам заключения за то, что брал взятки за распределение колхозам бочек. Зная, что бочки им очень нужны, он взимал по 2 тыс. руб. сверху за каждые 20 штук. В других случаях руководители давали взятки, чтобы получить для своих предприятий или магазинов материалы лучшего качества или продукцию в лучшем ассортименте. Примеры см.: РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1887. Л. 60–60 об.; ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 299. Л. 68.
- ¹¹⁴ Вера Данхем утверждает, что не уверенное в прочности своего положения послевоенное сталинское руководство, зная о сильном недовольстве в широких слоях населения и опасаясь возможной оппозиции, шло на уступки нарождающемуся среднему классу, дабы укрепить таким образом свою социальную базу. Во второй половине эпохи позднего сталинизма заметна растущая консолидация элит. См.: Dunham V. *In Stalin's Time*. Юлиана Фюрст подметила, что для части молодежи в последние сталинские годы потребительство стало не менее характерно, чем идеология. См.: First J. *Stalin's Last Generation: Soviet Postwar Youth and the Emergence of Mature Socialism*. Oxford, 2010. См. также: Lewin M. *Rebuilding the Soviet Nomenklatura*. P. 219–252; Ruthers M. *The Moscow Gorkii Street in Late Stalinism: Space, History, and Lebenswelten // Late Stalinist Russia*. Так же как режим отказал сиротам, ветеранам и жертвам военных травм в роскоши отнести свои страдания на счет самой войны как таковой (First J. *Introduction // Late Stalinist Russia*. P. 5–6; Brooks J. «Thank You, Comrade Stalin»: *Soviet Public Culture from Revolution to Civil War*. Princeton, NJ, 2000. P. 195–232), в официальном послевоенном нарративе никогда не признавалось, что война заставила

многих людей идти на преступления, чтобы выжить. Тем, кто участвовал в даче взяток, не давали поблажки, да и те, кто воровал продукты из колхозов, были, согласно официальному нарративу, отнюдь не «жертвами» катастрофической нехватки продовольствия, а просто ворами.

- ¹¹⁵ Verdery K. What Was Socialism, and What Comes Next? Princeton, NJ, 1996.

Глава 2

- ¹ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 855. Л. 320 (процесс Васнева и др., 24 мая – 11 июня 1949 г., показания Праушкиной).
- ² Наиболее полное исследование прокуратуры и судов за весь сталинский период см.: Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge, 1996.
- ³ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 95. С. 16 (сводка ОБХСС за 1946 г., 2 апреля 1947 г.). О «неформальном», но легальном частном секторе в тот период см.: Hessler J. *A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953*. Princeton, NJ, 2004. Правда, в работе Хесслер не слишком много внимания уделяется тому, как различная продукция находила дорогу на рынки (зачастую в результате воровства на рабочем месте и незаконной транспортировки при помощи раздаваемых направо и налево взяток), и участию в этой деятельности должностных лиц.
- ⁴ Власти метили в тех, кто использовал закрытую служебную информацию о денежной реформе. О деле человека, закупившего большое количество сигарет и водки для перепродажи после объявления реформы, см.: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 958. Л. 124 (процесс Мурзаханова и др., ноябрь–декабрь 1949 г.).
- ⁵ Если в 1937–1940 гг. 15,5 % спекулянтов получили приговоры к 6 и более годам лишения свободы, то в 1946–1952 гг. эта цифра почти удвоилась до 30,1 %. Число осужденных за спекуляцию практически утроилось между 1939 г. (12 547 чел.) и 1948 г., когда оно достигло своего пика (36 396 чел.). См.: Там же. Ф. 9492. Оп. 6с. Д. 14. Л. 14–15, 30 (статистика Министерства юстиции по осужденным). О спекуляции на базарах и других нарушениях, связанных с продовольственной карточной системой, см.: Hessler J. *A Social History of Soviet Trade*. P. 271–273.
- ⁶ См.: Weiner A. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, NJ, 2002. Эрик Даскин замечает, что после войны техническая интеллигенция в основном была свободна от боязни ареста: Duskin E. *Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite, 1945–1953*. Basingstoke, UK, 2001. P. 130.
- ⁷ Filtzer D. A. *Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and the Restoration of the Stalinist System after WWII*. Cambridge, 2002. P. 28–29. Разумеется, это все равно много. Важные последствия преследования «контрреволюционеров» и политических преступников – а также их ходатайства о пересмотре приговоров – будут показаны в главе 7 данной книги.

- ⁸ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 6. Д. 14. Л. 14–15. Также перепеч.: История сталинского Гулага: Конец 1920-х – первая половина 1950-х гг.: В 7 т. М., 2004–2005. Т. 1. С. 632, 635. В это число входят осужденные по ст. 162 УК РСФСР. См. также: Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. P. 435–438, п. 70. О разработке указов от 4 июня 1947 г. см. особенно: Ibid. Chapter 12.
- ⁹ По 1940 г. см.: Getty J. A., Rittersporn G. T., Zemskov V. N. *Victims of the Soviet Penal System in the Pre-War Years* // *American Historical Review*. 1993. Vol. 98. No. 4. P. 1031. По 1953 г.: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 118. Л. 96 (материалы переписки с ЦК КПСС). Данные на 1 января каждого года.
- ¹⁰ Наказания за хищение государственности с 1946 г. резко ужесточились: в 1937–1940 гг. срок лишения свободы за это в среднем составлял 2,3 года, с января 1946 г. по июнь 1947 г. – 3,2 года, а с июня 1947 г. по декабрь 1952 г. – 8,7 года.
- ¹¹ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 6. Д. 14. Л. 30. Председатель Верховного суда Волин в 1949 г. отметил нелепость того факта, что после отмены смертной казни в мае 1947 г. человек мог получить за хищение государственной собственности 20 лет лишения свободы, а за убийство – всего 10. См.: Там же. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 337. Л. 84–85.
- ¹² Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. P. 443.
- ¹³ Filtzer D. A. *Soviet Workers and Late Stalinism*. P. 28.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 330. Л. 209 (справка о делах работников милиции, обвиняемых во взяточничестве, рассмотренных Военной коллегией Верховного суда СССР, 3 мая 1948 г.).
- ¹⁵ РГАН. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1590. Л. 94 (следственные материалы КПК).
- ¹⁶ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 355. Л. 106 (доклад Верховного суда УССР о взяточничестве на Украине).
- ¹⁷ Несколько респондентов Гарвардского проекта интервью отмечали расцвет взяточничества во время войны. Один утверждал, что в Москве милиция за взятки закрывала глаза на нелегальную деятельность: «В феврале или марте 1942 г. в городе на колхозном рынке были тысячи покупателей. Часто было всего один-два колхозных продавца с мешком моркови или свеклы. Поодаль стояли милиционеры, взяв деньги за то, чтобы люди купили, что смогут» (HIP. Schedule B. Case no. 144. P. 3). На оккупированных территориях немецкая полиция и солдаты точно так же брали взятки за невмешательство в стихийную рыночную деятельность на улицах: «Порой немцы пытались контролировать рынки и пр., но их подкупали взятками, и они оставляли людей в покое» (HIP. Schedule B. Case no. 59. P. 5). По словам одного человека, взяточничество было распространено в оккупированном немцами белорусском городе Полоток, где он жил. Полиция часто взимала незаконную плату за доступ в квартиры; немцы множество их захватили для себя: «[Немецкая] полиция брала взятки все время: за комнаты, землю, пропуска, билеты на поезд и [рабочие] места» (HIP. Schedule B. Case no. 488. P. 5–6).
- ¹⁸ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 814. Л. 2–40 (доклад Сафонову о милицеском взяточничестве в Ивановской области, май 1952 г.).

- ¹⁹ Там же. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 330. Л. 209.
- ²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 135. Д. 88. Л. 24–26 (доклад Мехлиса из Госконтроля, 12 июля 1949 г.). Кеес Ботерблум приводит доклад МВД, порицающий многочисленные случаи взяточничества среди сотрудников МВД в Калининской области в 1946 г. См.: Boterbloem K. Life and Death under Stalin: Kalinin Province, 1945–1953. Montreal, 1999. P. 162.
- ²¹ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1595. Л. 33–34. Например, о бравших взятки начальнике Бакинского управления ОБХСС и двух заведующих его отделами см.: ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 820. Л. 203–206 (справка по делу о взяточничестве в ОБХСС, 9 мая 1951 г.).
- ²² Интересно, что следствие прокуратуры не выявило никаких нитей, ведущих к их начальникам. П. В. Субботин, работавший в Ново-Кубанском районном отделе МГБ в Краснодаре, обвинялся в получении взятки от некоего Трутня, который совершил преступление во время войны. Боясь разоблачения, Трутня предложил Субботину 4 300 руб. и пуд муки. Субботин говорил, что принял взятку, чтобы Трутня не сбежал, и намеревался вернуть деньги, но не смог из-за своего тяжелого материального положения. Вместо этого он завербовал Трутню в осведомители МГБ. Субботина за указанный проступок исключили из партии. Его ходатайство о восстановлении рассматривалось в январе 1957 г., но было отклонено: РГАНИ. Ф. 6. Оп. 4. Д. 580. Л. 30–30 об.
- ²³ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 27. Л. 143 (доклад Сафонову о борьбе со взяточничеством в Москве, 18 августа 1950 г.).
- ²⁴ Там же. Оп. 38. Д. 299. Л. 33–34. Сейчас российская ГАИ переименована в ДПС (Дорожно-патрульную службу).
- ²⁵ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1587. Л. 106–112 (письмо Шкирятову от Алексеевой, не датировано, но рассматривалось на заседании КПК в 1947 г.).
- ²⁶ Там же. Л. 110. Дело инспектора, бравшего от шоферов взятки продуктами и обувью за возвращение им водительских прав, см.: Там же. Оп. 2. Д. 1398. Л. 128–129.
- ²⁷ Три судебных секретаря также обвинялись в посреднической деятельности. В 1944 г. некая Голубева дала судье Московского городского суда взятку за помощь своему сыну, который за год до этого получил приговор к трем годам заключения. (В протоколах судебного заседания не говорится, за какое преступление был осужден сын.) Взятка состояла из денег, двух пар брюк, платья и халата (ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 855. Л. 86–89, 300). В значительной части дел, описанных в этой главе, фигурировали судьи-женщины, что отражает сложившуюся ситуацию, когда после гибели стольких судей-мужчин на войне влиятельные должности в судах занимало много женщин.
- ²⁸ Там же. Оп. 16. Д. 271. Л. 47–50; РГАСПИ. Ф. 82 (фонд Молотова). Оп. 2. Д. 418. Л. 382.
- ²⁹ Дело Спримон см.: ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 15. Л. 289 об. – 290; Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3024. Л. 2. Пример начальника, подкупавшего судей, чтобы уберечь своих сотрудников от тюрьмы, см.: РГАНИ. Ф. 6. Оп. 4. Д. 585. Л. 21–22.
- ³⁰ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 515. Л. 288 об.

- ³¹ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1. Л. 28 (протоколы заседаний КПК и дополнительные материалы, 1952–1956; заседание 15 октября 1952 г.).
- ³² Питер Соломон показал, как некоторые судьи искали различные легальные способы смягчения строго обязательных приговоров за хищения. См.: Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Chap. 12.
- ³³ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 553. Л. 132–133, 135.
- ³⁴ В начале 1947 г. КПК так же давила на Верховный суд Грузинской ССР, который, по ее мнению, выносил слишком умеренные приговоры по делам о хищениях: РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1587. Л. 21–24.
- ³⁵ См. дело Н. Я. Анисимовой, чей муж в 1945 г. был приговорен к 10 годам за нарушение указа от 7 августа 1932 г., и ряд дел, о которых речь пойдет ниже: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 984 (процесс Анисимовой и др.).
- ³⁶ Питер Соломон пишет главным образом о разработке закона и степени недовольства его наиболее вопиющими элементами среди некоторых судей. Дональд Фильцер обращает внимание на его последствия для рабочих: Filtzer D. A. *Soviet Workers and Late Stalinism*. P. 28–29. Об указах от 4 июня см. также: Werth N. *La terreur et le desarroi: Staline et son système*. Paris, 2007.
- ³⁷ Осужденные за спекуляцию и хищение государственной собственности (или их родственники) составляли большинство среди 18 чел., арестованных за дачу взятки в 1948 г. по скандальному делу Московского городского суда: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 133.
- ³⁸ В качестве примера альтернативы взятке см. дело Е. В. Кочетового и Е. И. Чистилиной, которые устроили пожар в здании местного суда в Путиловском районе Сумской области, чтобы уничтожить материалы по делу своего родственника: ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 535. Л. 14.
- ³⁹ Автор анонимного письма, полученного КПК в 1952 г., утверждал, будто подслушал, как один человек в пивной рассказывал, что дал взятку председателю судебной коллегии Верховного суда СССР, чтобы вытащить из тюрьмы 18-летнюю дочь. Обвиняемую, работавшую кассиром в банке, приговорили к 10 годам по указу от 4 июня 1947 г. за незаконное оформление банковского вклада задним числом во время декабрьской денежной реформы. Ее отец был бывшим директором Соликамского комбината. Расследование КПК не подтвердило изложенных в письме обвинений. Тем не менее это письмо показывает, что слухи о взяточничестве в судах в обществе ходили. Такие слухи подпитывали широко распространенное мнение, что обычные каналы не работают и необходимы сделки «с заднего крыльца». См.: РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1594. Л. 61–62.
- ⁴⁰ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 912. Л. 340 (процесс Шевченко и др., протокол закрытого заседания Верховного суда СССР, июль 1949 г.). См. также: Там же. Л. 281.
- ⁴¹ Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4041. Л. 372–375.
- ⁴² Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 1045. Л. 13. Он заявил, что не знал даже, за какое преступление осуждена его сестра. Та получила 10 лет за нарушение указа от 4 июня о хищении государственного имущества. См.: Там же. Л. 15 (процесс Чичуа и др.).
- ⁴³ Там же. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 542. Л. 201–202.

- ⁴⁴ Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4666. Л. 81–88 (письмо Т. З. Сараева заместителю председателя Совета министров Л. П. Берии, 18 ноября 1948 г.).
- ⁴⁵ После победы в войне, пишет он, Советский Союз стал сильнее, а «силы демократии и коммунизма» – «непобедимы». Однако «война имеет и свои теневые стороны». Очень небольшая часть советского населения – те, кто побывал за границей, – «поддалась капиталистическому влиянию». Многие из таких ненадежных «элементов» продались иностранной разведке. Государство устанавливало, арестовывало и сурово карало этих контрреволюционеров за их преступления. Автор особо выделяет меньшинство подлинно контрреволюционных типов, которые заслуживают беспощадного обращения за свое предательство.
- ⁴⁶ Сараев также с гневом пишет о действиях следователей прокуратуры. Их ошибки, по его словам, граничат с преступлениями против государства. Во время следствия они грубо обращаются с обвиняемыми и вынуждают их признаваться в несовершенных преступлениях. Сараева следователи грозили пристрелить, если он не подпишет ложные показания. Подписывая, он получал 10 лет за нарушение указа о хищении госсобственности от 7 августа 1932 г. Он рекомендует генеральному прокурору Сафонову в целях самообразования провести год-другой в лагере: «Тогда он бы имел реальное, а не отвлеченное понятие о 10–25 годах в заключении. Он бы по-другому, правильно смотрел на вещи. За бумагами следователей и приговорами судов видел живых людей. Тогда Сафонов повел бы на деле решительную борьбу с теми, кто формально-бюрократически относится к судьбе человека».
- ⁴⁷ Один грузинский судья отказался взять 10 000 руб., потому что «преступление» (квалифицировавшееся по ст. 58 п. б) повлекло за собой смерть многих людей и он боялся сократить максимальный приговор: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 355. Л. 14 об. (приговоры на процессах членов Верховного суда Грузинской ССР, декабрь 1949 г.).
- ⁴⁸ Там же. Оп. 7. Д. 912. Л. 193–194. Есть также свидетельства подобной тенденции в 1930-е гг. В качестве примера, относящегося к концу 1930-х гг., см. высказывание респондента Гарвардского проекта интервью, 50-летнего бывшего армейского офицера, который заявил, что знал методы НКВД, и заметил: «Если ты политический, никакая взятка не поможет. Того, кто тебя освободит, самого могут арестовать» (HPI. Schedule A. Case no. 175. P. 28). В конце 1940-х гг. Дэвид Даллин полагал, что блат не помог бы обвиняемым по ст. 58, потому что работники правоохранительных органов боялись последствий ненадлежащего поведения в политическом деле. См.: Dallin D. The Black Market in Russia // American Mercury. 1949. Vol. 69. P. 678–682.
- ⁴⁹ Судье Верховного суда Армянской ССР Арутюняну вменяли в вину получение в 1947 г. взятки от знакомого, чей сын обвинялся в изнасиловании (ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 4. Л. 208–211). Отец был дантистом; по его показаниям, он, заметив, что у Арутюняна нет двух зубов, предложил по знакомству вставить их. Генеральный прокурор Сафонов писал в ЦК в марте 1950 г., что Арутюнян «грубо нарушил свой служебный долг» (письмо Сафонова Пономаренко, 28 марта 1950 г.).

- ⁵⁰ Нарушение указа от 7 августа 1932 г. квалифицировалось как преступление по ст. 58; указы от 4 июня, при всей их суровости, не приравнивались к ст. 58. Поэтому для судей было не столь рискованно брать взятки в делах по указам от 4 июня или в делах о кражах, преследовавшихся по другим статьям УК.
- ⁵¹ В 1939 г. Министерство юстиции ликвидировало возможность частной практики для адвокатов (за немногими исключениями). Адвокаты вошли в состав юридических консультаций при судах. Были установлены тарифные сетки, определявшие, сколько следует платить адвокату за ту или иную услугу. См.: Huskey E. *Russian Lawyers and the Soviet State*. Princeton, NJ, 1986. P. 216–217. Есть все основания предположить, что это официальное ограничение адвокатских гонораров послужило мощным стимулом для «микста».
- ⁵² В замечательной работе Юджина Хаски об адвокатах двух первых десятилетий советской власти (Huskey E. *Russian Lawyers and the Soviet State*) говорится об адвокатских гонорарах и упоминается феномен «микст» как вероятный побочный продукт более строгого регулирования платы, которую адвокаты могли взимать. Я нашел десятки примеров «микста» в военное время, но в целом, кажется, эта практика стала гораздо шире распространена после войны. Первой из западных ученых на «микст» обратила внимание, видимо, Дина Каминская, эмигрантка-адвокат, участвовавшая в ряде громких дел, включая дело Синявского и Даниэля. В своих мемуарах 1982 г. она писала о периоде 1960–1970-х гг.: «...за многие годы моей работы [адвокатом] я знала лишь нескольких [коллег], кто не брал “микст” вообще». Ее это несколько смущало: «Я пишу об этом, хотя и понимаю, что мой рассказ не украшает коллегия [адвокатов]...» (Kaminskaia D. *Final Judgment: My Life as a Soviet Defense Lawyer*. New York, 1983. P. 29–31). См. также: Luryi Yu. *The Right to Counsel in Ordinary Criminal Cases in the USSR // Soviet Law after Stalin. Part I: The Citizen and the State in Contemporary Soviet Law* / ed. D. Barry, G. Ginsburgs, P. Maggs. Alphen aan den Rijn, 1977. P. 105–115. Первые упоминания о «миксте», которые я смог найти в опубликованных источниках, содержатся в нескольких советских газетных статьях 1961–1963 гг. и немногих сообщениях западных журналистов и ученых, опирающихся на те же статьи в советской печати. См., например, статью Юрия Класова (Известия. 1961. 24 февр. С. 4), где говорится об адвокате, требовавшем по 5 тыс. руб. за каждый год, на который он сумеет скостить приговор своему клиенту. Согласно этой статье, чем выше размер «микста», тем усерднее адвокат трудился ради клиента. В печати сталинской эпохи я ни слова о «миксте» не обнаружил.
- ⁵³ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 1025. Л. 108 (процесс Пашутиной и др., май–июнь 1951 г.).
- ⁵⁴ Там же. Л. 89.
- ⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 168. Л. 143.
- ⁵⁶ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1587. Л. 85–86 (расследование КПК по поводу «микста» в московской адвокатуре, письмо И. Кузьмина Жданову, август–сентябрь 1946 г.).

- 57 ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 858. Л. 13–15. В наказание за взимание «микста» с клиентов Луговской лишился партбилета, но к уголовной ответственности его не привлекли (письмо Рубичеву, 4 июня 1956 г.).
- 58 См., напр.: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 936. Л. 82 об. (дело Сусло).
- 59 См. дело адвоката, потребовавшего дополнительную плату от сотрудника МВД, у которого арестовали жену: Там же. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 169. Л. 35–40. Иногда «микст» отдавали лично адвокату, а не через кассу юридической консультации, как полагалось по правилам: Там же. Оп. 2. Д. 50. Л. 113–117 (письмо Горшенина секретарю Московского горкома партии Попову, 23 мая 1948 г.).
- 60 Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 1025. Л. 219.
- 61 Там же. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 88. Л. 7–9.
- 62 Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 912. Л. 274.
- 63 Эти три высказывания см.: Там же. Л. 279; Д. 961. Л. 232; Д. 824. Л. 279–280.
- 64 Там же. Д. 912. Л. 229.
- 65 Там же. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 7. Л. 302–303 (письмо Сафонова заместителю председателя Совета министров Берии, 29 сентября 1950 г.).
- 66 Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 958. Л. 82–83.
- 67 Там же. Д. 824. Л. 105–107.
- 68 А адвокат Н. В. Парамонов, инвалид войны, исключенный из Коллегии адвокатов, написал горестную жалобу Сталину, заявляя, что его оклеветали «провокаторы» в лице министра юстиции СССР Горшенина и его заместителя Кудрявцева: Там же. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 58. Л. 441–446 (Н. В. Парамонов – Сталину, 7 июня 1949 г.; письменные показания, 17 октября 1949 г.).
- 69 Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 982. Л. 158. Дело военного времени о «миксте» в Грузии см.: Там же. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 415. Л. 6–12.
- 70 Председатель Верховного суда СССР А. А. Волин гораздо резче судил о феномене «микста», рассматривая его не как жест доброй воли клиента или разумную плату за дополнительную работу, а как форму взяточничества. Вину он прямо возлагал на бесчестных адвокатов. В июле 1949 г. Волин заявил, что требование «микста» нечистоплотными адвокатами развращает добропорядочных советских просителей. Много есть «подпольных адвокатов и разных авантюристов», язвительно писал он, которые наживаются, «обманывая осужденных и их родственников, извращая в подставных жалобах содержание судебных дел»: Там же. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 337. Л. 79–80 (ответ Волина на справку КПК, июль 1949 г.).
- 71 Там же. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 542. Л. 565–566. На том же совещании некий Луков заметил: «В адвокатуре есть такие выдающиеся адвокаты, что для них ничего не стоит взять 20–30 тыс. руб. Я не буду называть фамилии, все их знают». И добавил: «Если мы объявим борьбу взяточникам, то их у нас не будет, но борьбы у нас нет» (Там же. Л. 576). Другие дела о «миксте» см.: Там же. Оп. 2. Д. 542. Л. 576 и сл. Резкий доклад Сафонова в ЦК, обличающий широкое распространение «микста» и передачи взяток

в Московской коллегии адвокатов, см.: Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3410. Л. 137–142.

⁷² О письме 1953 г., где выпущенные из Гулага «бандиты» сравниваются с немцами, см.: Dobson M. Khrushchev's Cold Summer: Gulag Returnees, Crime, and the Fate of Reform after Stalin. Ithaca, NY, 2009. P. 41.

⁷³ Секретарь ЦК Кузнецов, ведавший идейным воспитанием членов партии, в 1949 г. выразил Голякову беспокойство по поводу падения нравственности советских адвокатов (ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 50. Л. 239–241). Возможно, судьи питали классовую зависть к дополнительным гонорарам «буржуев»-адвокатов. Собственные оклады они считали чересчур маленькими, и это могло сыграть свою роль в усилившихся атаках на «микст». Как выразился Юджин Хаски, говоря о 1930-х гг.: «Для большинства судей адвокаты олицетворяли загнивающий буржуазный мир, с которым советское государство призвано было покончить» (Huskey E. Russian Lawyers and the Soviet State. P. 177–178). Кроме того, к наступлению партии на «микст», вероятно, примешивалась доля антисемитизма, так как в течение всего сталинского периода значительную часть адвокатуры составляли евреи (судей-евреев, напротив, было очень мало). Явно антисемитская брошюра 1931 г., выпущенная издательством Министерства юстиции РСФСР, представляет собой выпад против адвокатов-евреев: Валерин В. Волчья стая: Записки члена коллегии защитников. М., 1931.

⁷⁴ Ленин В. И. О «двойном» подчинении и законности // Советская прокуратура: Сборник важнейших документов. М., 1972. С. 100–102.

⁷⁵ Nove A. Some Aspects of Soviet Constitutional Theory // Modern Law Review. 1949. Vol. 12. No. 1. P. 32.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 282. Л. 62. В 1946 г. в РСФСР были отстранены от работы за взяточничество или злоупотребление служебным положением 210 народных судей; 120 обвинялись в преступлениях. В том же году были арестованы за взяточничество 87 работников прокуратуры: Там же. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 44. Л. 116 (письмо Бакакина Кузнецову, 20 февраля 1947 г.).

⁷⁷ Там же. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 282. Л. 63.

⁷⁸ Там же. Д. 449. Л. 94. Дела о взяточничестве в судах и среди работников прокуратуры в Татарской АССР см.: РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 160. Л. 1–35.

⁷⁹ В другом случае главный бухгалтер ссыпного пункта в Барнауле предложил взятку прокурору, чтобы смягчить себе приговор, когда дело было передано в областной суд: РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1888. Л. 140–140 об.

⁸⁰ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 449. Л. 96 (доклад прокуратуры о борьбе со взяточничеством, 1946–1947). Один человек дал взятку, чтобы его жену перевели в лагерь поближе к родному городу. Она отбывала 10-летний срок: Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 912. Л. 246.

⁸¹ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 573. Л. 36 об. (сводка КПК).

⁸² Еще одним типом обогащения работников правоохранительных органов являлись «постыдное» воровство конфискованного у арестованных имущества или похищение материалов из дела. Примеры см.: ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 88. Л. 55.

- ⁸³ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 129. Л. 55.
- ⁸⁴ Там же. Д. 158. Л. 93–109.
- ⁸⁵ Бывшему начальнику управления МГБ по Красноярскому краю Ковшуку-Бекману дали выговор (РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 158. Л. 93). Ходатайство Бабенко о снятии выговора КПК в феврале 1952 г. отклонила: Там же. Д. 227. Л. 62.
- ⁸⁶ Другие примеры дел о широкомасштабном взяточничестве во время войны см.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3024. Л. 1–3.
- ⁸⁷ Там же. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 355. Л. 105–106. Согласно источникам из правоохранительных органов, взятки натурой были наиболее распространенной практикой в сельских районах СССР. В 1948 г., например, судью из Челябинской области обвиняли в получении взятки в виде гуся и 10 кг муки: Там же. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 58. Л. 144.
- ⁸⁸ При Екатерине Великой правовая система предоставляла особенно плодотворную почву для сделок. Судьям платили дополнительную мзду за решение дела в свою пользу. Деньги в системе множество раз переходили из рук в руки, как по закону, так и из-под полы. «Хотя в такой практике самой по себе не было ничего неуместного, это означало, что “плата” за правосудие являлась неотъемлемой частью судебной процедуры», — указывает Хартли (Hartley J. Bribery and Justice in the Provinces in the Reign of Catherine II // *Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from The Middle Ages to the 1990s* / ed. S. Lovell et al. New York, 2000. P. 48–64).
- ⁸⁹ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1. Л. 28 (протоколы заседаний КПК и дополнительные материалы, 1952–1956; заседание 15 октября 1952 г.).
- ⁹⁰ Gorlizki Y. Rules, Incentives and Soviet Campaign Justice after World War II // *Europe-Asia Studies*. 1999. Vol. 51. No. 7. P. 1252; Solomon P. H., Jr. Soviet Criminal Justice under Stalin. P. 428–445.
- ⁹¹ Davis N. *The Gift in Sixteenth Century France*. Madison, WI, 2000. P. 86–87.
- ⁹² Уильям Кларк утверждает, что коррупция была абсолютно резонным ответом на структурные стимулы, наличествующие внутри советской бюрократии. См.: Clark W. *Crime and Punishment in Soviet Officialdom: Combating Corruption in the Political Elite, 1965–1990*. Armonk, NY, 1993. P. 64–65.
- ⁹³ Доводы, подчеркивающие весьма сильную преемственность между культурами правления и кормления от времен Московской Руси до советского периода, см.: Кондрагьева Т. Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. М., 2006. Исследование партийного вмешательства в преследование членов партии за хищение государственной собственности в период позднего сталинизма см.: Cadot J. Equal before the Law? Soviet Justice, Criminal Proceedings against Communist Party Members, and the Legal Landscape in the USSR from 1945 to 1953 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2013. Jg. 61. H. 2. S. 249–269.
- ⁹⁴ О метафорах теневой экономики, служащей «смазкой», см.: Grossman G. The «Second Economy» of the USSR // *Problems of Communism*. 1977. Vol. 26. No. 5. P. 40; Schwartz C. Corruption and Political Development in the U.S.S.R. // *Comparative Politics*. 1979. Vol. 11. No. 4. P. 425–443.

- ¹ Ledeneva A. V. *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange*. Cambridge, UK, 1998. Леденева кратко говорит об «экономических преступлениях» и блатных отношениях в 1940–1950-х гг. как предстории более позднего периода. Работа Леденовой продемонстрировала значение блата как неизменной черты советской жизни, и она очень тщательно отделяет блат от взяточничества.
- ² О таких традициях в поздний имперский и ранний советский периоды см.: Kelly C. *Self-Interested Giving: Bribery and Etiquette in Late Imperial Russia* // *Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from The Middle Ages to the 1990s* / ed. S. Lovell et al. New York, 2000. P. 79–80, 86.
- ³ Зубкова Е. *Послевоенное советское общество*. М., 2000. С. 118–124; Zubkova E. *Russia after the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957*. Armonk, NY, 1998. P. 76–82.
- ⁴ См., напр.: Weiner A. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, NJ, 2002; Edele M. *Soviet Veterans as an Entitlement Group, 1945–1955* // *Slavic Review*. 2006. Vol. 65. No. 1. P. 111–137.
- ⁵ Можно усмотреть некую параллель с отношением во время войны к преступлению. Джули Хесслер написала о «выживательной» этике военных лет. Ее работа посвящена спекуляции дефицитными товарами и нарушению ограничений передвижения людьми, обвиняемыми в спекуляции. «Нельзя утверждать наверняка, что такое отношение превалировало, но, должно быть, оно находило отклик у многих людей, выброшенных или заброшенных системой, особенно в деревнях и мелких городках. Война вернула его в крупные города... С 1942 г. (на оккупированной территории – с 1941-го) они тоже сделали моральной нормой стремление к выживанию...» См. также: Bidlack R., Lomagin N. *The Leningrad Blockade, 1941–1944*. New Haven, CT, 2012. P. 262–328.
- ⁶ Раненый фронтовик Соловьев на судебном разбирательстве в 1949 г. называл судью-взяточника Шевченко «кровососом»: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 912. Л. 245.
- ⁷ Humphrey C. *Rethinking Bribery in Contemporary Russia* // *Bribery and Blat in Russia*. P. 218.
- ⁸ Такое же отношение, по-видимому, существовало и в царской России. По словам Катрионы Келли, «отказ давать со стороны индивида равнялся бы социально-экономическому самоубийству». Келли также указывает: «Многие русские, как до, так и после революции, соглашались с тем, что взяточничество есть жизненная данность и в нем нет ничего особо аморального, а тем более в даче взятки... Вообще главный вопрос для русских в конце эпохи царизма заключался не в том, давать ли взятки, а в том, как их давать» (Kelly C. *Self-Interested Giving*. P. 79–81, 86). Арнольд Хайденахеймер, используя цветную схему коррупции, замечает, что власти и население не всегда определяют «корруптированное» поведение одинаково

- во: Heidenheimer A. Political Corruption: Readings in Comparative Analysis. New York, 1970. P. 26–28.
- 9 ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 1006. Л. 175 (заключение прокуратуры по делу А. В. Вольского, 15 июля 1950 г.). Его приговор см.: Там же. Л. 222 об. Шейла Фицпатрик и Гольфо Алексопулос замечают, что просители в 1930-е гг. часто отводили себе роль «жертв» того или иного ведомства или должностного лица. См.: Fitzpatrick S. Supplicants and Citizens: Public Letter-Writing in Soviet Russia in the 1930s // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55. No. 1. P. 78–105; Alexopoulos G. Victim Talk: Defense Testimony and Denunciation under Stalin // *Law and Social Inquiry*. 1999. Vol. 24. No. 3. P. 637–654.
- 10 См., напр.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 26. Д. 10. Л. 36–38. Параллельно Питер Соломон пишет о заявлениях партийного руководства, что некоторые судьи открыто симпатизируют судимым за хищение государственной собственности и подыскивают способы смягчить чрезмерно суровые приговоры за мелкое воровство по июньскому указу 1947 г.: Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge, 1996. P. 428–444.
- 11 ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 491. Л. 153.
- 12 Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 958. Л. 45.
- 13 Там же. Д. 824. Л. 288.
- 14 Социалистическая законность. 1953. № 2. С. 40–41.
- 15 Неправильный глагол // Крокодил. 1945. 10 нояб.; Жестокий романс // Крокодил. 1945. 30 нояб.; Дали. Взяли. Взяли. Дали // Крокодил. 1946. 20 авг.
- 16 Сводку о выполнении распоряжения Верховного суда, объявляющего подарок «постфактум» тоже взяткой, см.: Макашвили В. Строго выполнять требования закона об ответственности за взяточничество (Судебная практика Верховного суда СССР) // Социалистическая законность. 1953. № 2. С. 40–49.
- 17 Правда Украины. 1950. 26 июля. С. 3.
- 18 Два первых изречения упомянуты в кн.: Карпушин М. П., Дмитриев П. С. Взяточничество – позорный пережиток прошлого. М., 1964. С. 4. Респондент Гарвардского проекта интервью припомнил, как слышал третью поговорку из уст одного чиновника: HIR. Schedule A. Case no. 5. P. 16. Четвертое и пятое выражения обнаружены в приложении к материалам Гарвардского проекта с перечнем общеупотребительных фраз. См. также: Ibid. No. 108. P. 110.
- 19 Можно предположить, что это упорное нежелание квалифицировать собственные действия как взяточничество (или вообще признаваться в каких-либо криминальных поступках) объясняет, почему респонденты Гарвардского проекта редко говорили о взяточничестве, хотя зачастую открыто и много рассказывали о блате. Благодаря такой ситуации, на мой взгляд, в проекте подробно, со всех сторон обсуждается блат, но недооценивается роль взяточничества в советском обществе. Для сравнения с текущим положением вещей см. работу Якоба Риги, в 1995–1996 гг. занимавшегося изучением коррупции в Казахстане и за 18 месяцев поле-

- вых исследований не нашедшего ни одного человека, который признался бы, что берет взятки: Rigi J. *Corruption in Post-Soviet Kazakhstan // Between Morality and the Law: Corruption, Anthropology and Comparative Society* / ed. I. Pardo. Aldershot, 2004. P. 109–110. См. также: Humphrey C. *Rethinking Bribery in Contemporary Russia*. P. 221–222.
- 20 ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 912. Л. 239.
- 21 См., напр.: Там же. Д. 1006. Л. 175 (показания Вольского, объявляющего деньги, уплаченные им адвокату в юридической консультации, «знаком благодарности»). Прокуратура в делах о взяточничестве старалась установить не только обмен деньгами или товарами между сторонами, но и отсутствие у них личных отношений ранее, дабы продемонстрировать, что те или иные услуги неправомерно «куплены». Обвиняемым тогда приходилось объяснять, с какой стати они простодушно вручили значительную сумму денег совершенно постороннему лицу. Некий Нинидзе сознавался: «Это противоречие я объяснить не могу, т. к. выходит, что деньги я посылаю неизвестному человеку и в доме у меня живет также неизвестный человек» (Там же. Д. 912. Л. 241).
- 22 Там же. Д. 935. Л. 35 (показания Силаева).
- 23 Там же. Д. 855. Л. 301.
- 24 См. также, напр.: Там же. Д. 855. Л. 32.
- 25 Анонимное письмо в редакцию газеты «Заря Востока», озаглавленное «Гобсек в юбке»: Там же. Ф. 8131. Оп. 26. Д. 82. Л. 2–5 (1949).
- 26 Там же. Оп. 37. Д. 4666. Л. 179 (показания Обухова).
- 27 Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 801. Л. 33–34. Анонимный донос на торговых работников, берущих взятки, см.: РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 100. Л. 72–79.
- 28 ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 960. Л. 232.
- 29 Там же. Д. 802. Л. 105.
- 30 Там же. Д. 912. Л. 319.
- 31 Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4667. Л. 255 (справка следователя по особо важным делам Голинкова, апрель 1949 г.).
- 32 Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 958. Л. 72, 74. Об угощении с выпивкой как форме взятки шла речь на коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР 17 июля 1950 г. по делу Радзивиличуса: Судебная практика Верховного суда. 1950. № 8. С. 11.
- 33 См.: Макашвили В. Строго выполнять требования закона об ответственности за взяточничество. С. 42–43.
- 34 Показания о том, как судья и посредник учили просителя давать взятку, замаскированную под подарок постфактум, см.: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 855. Л. 86–89.
- 35 Там же. Д. 958. Л. 76.
- 36 Hartley J. *Bribery and Justice in the Provinces in the Reign of Catherine II // Bribery and Blat in Russia*. P. 48–49.
- 37 Timasheff N. S. *The Impact of the Penal Law of Imperial Russia on Soviet Penal Law // American Slavic and East European Review*. 1953. Vol. 12. No. 4. P. 460–461 (цитируется временный закон от 31 января 1916 г.).

- 38 Статья называлась «О мздоимстве и лихоимстве» и входила в раздел, касающийся преступлений и нарушений на государственной службе. См.: Взяточничество // Энциклопедический словарь. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890–1907. Т. 6. С. 213–216.
- 39 См.: Социалистическая законность. 1948. № 9.
- 40 В условиях нэпа «скрытая» взятка представляла собой плату или вознаграждение для государственного служащего, маскируемые под «комиссию» при обмене либо между частным и общественным секторами, либо внутри самого общественного сектора. О скрытых взятках см. циркуляр Ф. Э. Дзержинского: Известия ВЦИК. 1922. 6 окт. По словам Л. В. Борисовой, взятки стали «составной частью хозяйственного механизма» нэпа (Борисова Л. В. Третий враг революции: Борьба со взяточничеством и хозяйственными преступлениями в начале НЭПа // The Soviet and Post-Soviet Review. 2003. Vol. 30. No. 3. P. 253–254). Джули Хесслер, говоря о советских торговых сетях во время нэпа, заметила: «Не может быть сомнения в том, что взяточничество существовало отнюдь не только в воображении большевиков; оно играло важнейшую роль в среде коммерческих представителей» (Hessler J. A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953. Princeton, NJ, 2004. P. 85).
- 41 ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 449. Л. 91.
- 42 Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 1025. Л. 90 (показания Кудряшовой).
- 43 Там же. Д. 912. Л. 277.
- 44 Ленч Л. Точное доказательство // Крокодил. 1946. № 15. С. 4.
- 45 НIP. Schedule B. Case no. 441. P. 22.
- 46 ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 802. Л. 111.
- 47 Показания Морозова, 9 февраля 1949 г. (Там же. Д. 879. Л. 38). Некто Гомзина рассказала суду: «Я встала на преступный путь потому, что у меня было тяжелое положение, т. е. ребенку было полтора года, я была на 8-м месяце беременности, и в это время был осужден мой муж» (Там же. Д. 882. Л. 220).
- 48 О законе от 27 сентября 1946 г. см.: Filtzer D. A. The Standard of Living of Soviet Industrial Workers in the Immediate Postwar Period, 1945–48 // Europe-Asia Studies. 1999. Vol. 51. No. 6. P. 1020–1026.
- 49 ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 449. Л. 96.
- 50 Московский судья намекнул истцу, что у него туго с финансами; истец тут же предложил ему деньги: Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 958. Л. 80 (показания Дигилова).
- 51 Там же. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 449. Л. 99–103.
- 52 Там же. Л. 97.
- 53 Разумеется, это всегда следовало делать без свидетелей. Как признался один взяточдатель: «Никому не секрет, что никакая взятка не дается в присутствии третьего лица» (Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 958. Л. 71).
- 54 Один судья сказал, что счел невозможным отказать в просьбе о незаконном вмешательстве в дело, после того как выпивал и закусывал на квартире у просителя: Там же. Д. 912. Л. 311.
- 55 Там же. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 449. Л. 99.

- 56 Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 882. Л. 118–119 (закрытое заседание Верховного суда, май 1949 г.). Протоколы судебных заседаний представляют собой такой богатый источник для нас отчасти потому, что советским судьям и прокурорам разрешалось задавать обвиняемым весьма прямые вопросы, например: «Где вы оступились?»; «Что привело вас на преступный путь?»
- 57 Там же. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 449. Л. 99–100. В документе не указано, в каком преступлении обвинялся Шестопалов.
- 58 Следователя приговорили к 5 годам заключения, взяткодателя – к 2: Там же. Л. 94, 99 (показания Шевченко).
- 59 Наиболее полезны ответы беженцев, которые стали взрослыми до войны, имели какое-то формальное образование, основывались на собственном опыте и не делали упрощенных общих заявлений по поводу вещей, им лично неизвестных или малоизвестных.
- 60 HIP. Schedule A. Case no. 124. P. 8.
- 61 HIP. Schedule B. Case no. 1758. P. 38.
- 62 Ibid. P. 31–32, 36–37.
- 63 Ibid. P. 36–37.
- 64 Ibid. Case no. 1800. P. 17. «В крупной городской поликлинике принять подарок невозможно, а если сделать это, будет большой скандал».
- 65 Ibid. Case no. 1158. P. 38.
- 66 Ibid. Case no. 26. P. 56–57.
- 67 О судебной практике в отношении посредников см.: Макашвили В. Строго выполнять требования закона об ответственности за взяточничество. С. 45–48. Один человек, обвиняемый в посредничестве, пожаловался, что следователи не предъявили обвинений ни «подателю», ни «получателю» предполагаемой взятки, только ему. Поэтому, заявил он, обвинения с него должны быть сняты: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 855. Л. 324 (показания Железникова). По меньшей мере в материалах одного расследования прокуратуры подчеркивалось, что взяткодатели, как правило, искали посредника в кругу своих знакомых: Там же. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 449. Л. 97.
- 68 Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 984. Л. 55, 162 (показания П. И. Кисляковой, снятые в Бутырской тюрьме, 9 сентября 1949 г.). Кислякова подслушала разговоры Анисимовой с Мушаиловым у нее на квартире. Что стало с мужем Анисимовой, неизвестно.
- 69 О возврате аванса см.: Там же. Д. 1006. Л. 5, 8. Дело посредника, потребовавшего 25 тыс. руб. аванса со взятки в 50 тыс. руб., см.: Там же. Д. 984. Л. 162–163. Интересные наблюдения по поводу института «маклерства» при коррупционных обменах в современной Венгрии см.: Jancsics D. «A Friend Gave Me a Phone Number» – Brokerage in Low-level Corruption // International Journal of Law, Crime, and Justice. 2015. Vol. 43. P. 68–87.
- 70 ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 1006. Л. 5–9, 169–170.
- 71 Там же. Д. 984. Л. 163.
- 72 Alexopoulos G. Portrait of a Con Artist as a Soviet Man // Slavic Review. 1998. Vol. 57. No. 4. P. 774–790; Fitzpatrick S. The World of Ostap Bender:

⁷³ Fitzpatrick S. The World of Ostap Bender. P. 550.

Глава 4

- ¹ Интереснейшее исследование проделанного Сталиным пути от грузинской к русской идентичности см.: Rieber A. J. Stalin, Man of the Borderlands // *American Historical Review*. 2001. Vol. 106. P. 1651–1691.
- ² Davis N. The Gift in Sixteenth Century France. Madison, WI, 2000.
- ³ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 1045. Л. 34 (стенограмма процесса Л. К. Чичуа и др., 22 февраля – 5 марта 1952 г.).
- ⁴ Ввиду необходимости справляться со столь гигантской задачей Верховный суд был довольно велик, в 1946 г. в нем насчитывалось 70 судей. В гл. 8 будет подробно рассмотрен ряд дел о взяточничестве, проходивших через Верховный суд СССР.
- ⁵ См. письмо председателя Верховного суда СССР Волина секретарю ЦК КП Грузинской ССР от 17 декабря 1949 г. с просьбой рекомендовать грузинского юриста, хорошо говорящего по-русски, для рассмотрения дел из судов Грузинской ССР «с учетом местных условий и всех особенностей дела»: Там же. Оп. 16. Д. 337. Л. 63. О назначении Чичуа в Верховный суд см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 612. Л. 60.
- ⁶ О рекомендации Волина освободить Чичуа от должности в Верховном суде см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 22. Л. 58–59 (письмо Бакакина Молотову, 22 ноября 1949 г.). Будучи уволен из Верховного суда 14 декабря 1948 г., Чичуа не имел возможности вмешаться в дело сестры Букии (см. ниже), даже если бы захотел. Заметим, что это дело не связано с «Мингрельским делом» – атакой Сталина на предполагаемую патронажную сеть Л. П. Берии, закончившейся арестом сотен людей мингрельского происхождения из Западной Грузии. События, которые привели к тому скандалу, начали развиваться с сентября 1951 г. и достигли кульминации годом позже. О «Мингрельском деле» см.: Хлевнюк О. Кремль – Тбилиси: Чистки, контроль и проблемы грузинского национализма в первой половине 1950-х годов: Доклад на семинаре «Грузинский национализм и советская власть». Йоэнсуу, Финляндия, 27 августа 2012 г.
- ⁷ О спекуляции см.: Hessler J. A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953. Princeton, NJ, 2004. P. 271–273.
- ⁸ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 1045. Л. 28. Когда Чичуа был в первый раз назначен в Верховный суд СССР в марте 1946 г., он направил возражения в отдел ЦК, надзиравший за судами, объясняя, что не готов к такой важной работе, поскольку окончил юридический институт всего пять лет назад, в 1941 г.: Там же. Л. 26.
- ⁹ Там же. Л. 35.
- ¹⁰ Там же. Л. 97.

- ¹¹ Там же. Л. 12. Заявления о взяточничестве среди юристов Верховного суда Грузинской ССР см.: Там же. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 58. Л. 412–414 (письмо Кудрявцева Бакакину в ЦК, 15 декабря 1949 г.).
- ¹² Например, североосетинского адвоката Тавгазова обвиняли в противозаконной работе с судьями Верховного суда РСФСР Кумеховым и Мурзахановым (тоже выходцами с Северного Кавказа) с целью изменения приговоров многим его клиентам из Северной Осетии. См.: Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 958. Л. 128–153 (процесс Мурзаханова и др.). На суде была представлена масса материалов о том, что Тавгазов агрессивно вербовал клиентов-осетин, рассказывая о своих близких отношениях с судьями Кумеховым и Мурзахановым на почве национальной общности. Этнические русские, по-видимому, по аналогичному принципу, как правило, искали русских посредников. См. материалы большого процесса по делу о взяточничестве судебных работников в Краснодаре: Там же. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 60. Л. 42–57.
- ¹³ Scott E. R. *Familiar Strangers: The Georgian Diaspora in the Soviet Union*: PhD diss. University of California, 2011. P. 124.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 824. Л. 25 (процесс Сафроновой и др., июль 1949 г.). У Мелик-Нубарова были в 1944 г. неприятности из-за предложения взятки в Грузии. Возможно, поэтому он уехал в Москву, чтобы зарабатывать на жизнь в качестве полуполюгального адвоката. См.: Там же. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 415. Л. 6–12.
- ¹⁵ Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 984. Л. 8 (допрос А. С. Мазура следователем Гольстом, 1 июля 1949 г.; Мазур был заместителем заведующего канцелярией Военной коллегии).
- ¹⁶ Scott E. R. *Familiar Strangers*. P. 125.
- ¹⁷ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 982. Л. 147–148. Месарков родился в Грузии, хотя носил фамилию на русский лад. Мушаилов представлялся как Мурадашвили судебным работникам и клиентам: Там же. Д. 958. Л. 96.
- ¹⁸ Там же. Д. 984. Л. 8.
- ¹⁹ Там же. Л. 15.
- ²⁰ Там же. Д. 958. Л. 97. Исследование многих аспектов «самозванства» в советской истории см.: Fitzpatrick S. *Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia*. Princeton, NJ, 2005.
- ²¹ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 1045. Л. 18.
- ²² Там же. Л. 34. Работник прокуратуры или суда, читавший позднее протокол судебного заседания, подчеркнул фразы: «Я, как грузин, не мог отказать ему в этом. В этом моя слабость и в этом также наша грузинская традиция».
- ²³ Mauss M. *The Gift: The Form and Reason for Exchange in Archaic Societies* / transl. W. D. Halls. New York, 1990. P. 13.
- ²⁴ Способ, каким судья справлялся с этой очень трудной ситуацией, был довольно разумен. Чичуа сказал, что принимал в подарок спиртные напитки, но сам никогда их не пил, а предлагал другим гостям, которые приходили с ним повидаться: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 1045. Л. 26.

- 25 Даже яблоки были такой редкостью, что осенью 1945 г. некоторые члены Верховного суда оказались замешаны в незаконной сделке с этими фруктами. По материалам расследования КПК, судебные работники, включая председателя Верховного суда РСФСР Нестерова, заплатили грузинским знакомым, чтобы те привезли фрукты с Кавказа в Москву, и продавали их с наценкой прямо у здания суда (подробнее об этом будет рассказано в гл. 8): РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 132. Л. 37–48; Д. 199. Л. 18–23.
- 26 Scott J. C. *Comparative Political Corruption*. Englewood Cliffs, NJ, 1972. P. 11.
- 27 ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 355. Л. 102–103. В материалах не говорится, что стало дальше с этим делом или с обвиняемой.
- 28 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 612. Л. 59–61. В декабре 1944 г. Голяков направил Молотову похожее письмо с просьбой о деньгах на одежду и обувь для судей Верховного суда, даже на нижнее белье. В письме говорится, что 15 членов Верховного суда, прибывшие из союзных республик, много лет живут с семьями в гостиницах и некоторые из них подумывают уволиться и покинуть Москву. Члены Верховного суда, в отличие от большинства представителей государственной элиты (так называемой номенклатуры), не могли пользоваться кремлевской столовой. См.: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 271.
- 29 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 612. Л. 59–61. На первой сессии Верховного Совета СССР в марте 1946 г. были избраны новые члены Верховного суда СССР, в том числе несколько из союзных республик.
- 30 ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 1045. Л. 29. «Я прилично получал, – показал Чичуа на суде, – я обращался к председателю Верховного суда Голякову и просил создать нормальные условия жизни, но мне не шли навстречу» (Там же. Л. 72). К другим судьям тоже ходило много просителей.
- 31 Там же. Л. 73.
- 32 Там же. Л. 72. О «сильном чувстве землячества» у грузин за пределами родного сообщества см.: Rieber A. J. *Stalin, Man of the Borderlands*. P. 1661.
- 33 ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 1045. Л. 23. По данному эпизоду суд признал и Чичуа, и врача Е. Г. Михелашвили невиновными.
- 34 Выражение «культ гостеприимства» применительно к грузинским традициям см., напр.: Nasmyth P. *Walking in the Caucasus*. New York, 2006.
- 35 ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 1045. Л. 72.
- 36 Там же. Л. 26.
- 37 Там же. Д. 912. Л. 279 (процесс Шевченко и др., июль 1949 г.).
- 38 Там же. Д. 1045. Л. 21.
- 39 Там же. Л. 32–33, 72.
- 40 Там же. Л. 72. Причина визита в деле не указана. Геловани также присутствовал на одной встрече, куда был приглашен судья Верховного суда РСФСР Шевченко: Там же. Д. 912. Л. 288.
- 41 Там же. Д. 912. Л. 303–304. Североосетинский адвокат Тавгазов, бывший член Верховного суда РСФСР, в 1949 г. тоже навлек на себя обвинения во взяточничестве. Его обвиняли в получении взяток во время встреч с клиентами на своей квартире. Тавгазов защищался примерно так же, как

Чичуа, – сказал суду, что таковы традиции его народа: «Я понимаю, что был неправ, принимая клиентов у себя дома... понимал также и то, что не все кавказские традиции хороши вне Кавказа, но все же принимал у себя дома земляков. Все это в конечном итоге привело меня на скамью подсудимых» (Там же. Д. 958. Л. 44).

42 Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.; М., 1880–1882. Т. 2. С. 92. Цит. по: Kelly C. Self-Interested Giving: Bribery and Etiquette in Late Imperial Russia // Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from The Middle Ages to the 1990s / ed. S. Lovell et al. New York, 2000. P. 65. Перевод сатирического, но весьма меткого памфлета 1980-х гг. «Краткий справочник взяточдателя: Знаки благодарности», выпущенного самиздатом в Польше, см.: Survey. 1986. Vol. 29. No. 3. P. 195–198.

43 ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 1045. Л. 44.

44 Примеры подарков в виде фруктов и угощений, привлечших внимание прокуратуры в Грузии, см. также в приговоре десяти подсудимым в апреле 1951 г.: Там же. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 81. Л. 265–277.

45 Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 912. Л. 217.

46 Говоря о коррупции и второй экономике в брежневскую эпоху, Гроссман писал: «Грузия слывет обладательницей пальмы первенства... По форме эта деятельность, возможно, не слишком отличается от того, что имеет место в других регионах, но в Грузии она, кажется, осуществляется в беспрецедентных масштабах, с беспрецедентными размахом и дерзостью» (Grossman G. The «Second Economy» of the USSR // Problems of Communism. 1977. Vol. 26. No. 5. P. 35).

47 Mars G., Altman Y. How a Soviet Economy Really Works: Cases and Implications // Corruption: Causes, Consequences and Control / ed. M. Clarke. New York, 1983. P. 260–261.

48 ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 912. Л. 311. Резюмируя общие настроения, один грузинский генерал с грустью сказал судье Верховного суда Шевченко: «Как рюмка водки, так новая обязанность». Сам генерал хотел, чтобы Шевченко, после того как они вместе выпивали, оказал ему услугу. Шевченко понимал, что это значит: примешь от кого-то хоть рюмку водки (или что-нибудь другое) – будешь у этого человека в долгу.

49 Там же. Д. 1045. Л. 73.

50 Там же. Л. 44.

51 Подхватывая тему позора, ассоциирующегося со взяточничеством, судья Верховного суда Буканов заявил: знай он, что его хороший друг в Верховном суде РСФСР, судья Шевченко, берет взятки, «собственными руками задушил бы»: Там же. Д. 960. Л. 317 (процесс Буканова, сентябрь 1951 г.).

52 «Я готов пожертвовать собой ради партии», – заключил он: Там же. Д. 1045. Л. 72–74.

53 Там же. Д. 1046. Л. 222–251 (материалы проверки прокуратуры по делу осужденного Чичуа). После освобождения из тюрьмы Еремадзе отказался от своих показаний, что он передал взятку Чичуа. Он сказал, что оговорить Чичуа его заставили грузинские следователи. На основании этого

Чичуа несколько раз подавал жалобы, добиваясь пересмотра приговора. Его жалобы были отклонены; последняя официальная отписка с отказом в его деле датирована 1966 г. (Там же. Л. 251).

- ⁵⁴ О сталинском идеале «нового советского человека» см.: Hoffman D. L. *Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity*. Ithaca, 2003.

Глава 5

- ¹ Heyman J., Smart A. *States and Illegal Practices: An Overview* // *States and Illegal Practices* / ed. J. Heyman. Oxford, 1999. P. 5.
- ² Реймонд Бауэр, Алекс Инкелес и Клайд Клакхон отметили в 1956 г. живучесть определенных типов «неформальных регулирующих механизмов», включая воровство и взяточничество, и явную готовность государства терпеть их: Bauer R. A., Inkeles A., Kluckhohn C. *How the Soviet System Works: Cultural, Psychological and Social Themes*. Cambridge, MA, 1956. P. 89–93. О. В. Хлевнюк утверждает, что, пока «злоупотребления и неэффективность» госаппарата не представляли угрозы для режима, Сталин не видел необходимости принимать против них серьезные меры: ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945–1953 / сост. В. В. Денисов и др. М., 2004. С. 8. Джули Хесслер в исследовании рынков и базаров указывает, что сталинский режим достаточно охотно мирился с полуофициальными каналами распределения дефицитной продукции. Взяточничество можно считать сходным механизмом или институтом распределения услуг и товаров: Hessler J. *A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953*. Princeton, NJ, 2004.
- ³ См., напр.: Голосенко И. А. Начальство: Очерки по истории российской социологии чиновничества конца XIX – начала XX вв. // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2005. Т. 8. № 1. С. 54–85.
- ⁴ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 44. Л. 227–229 (письмо Минина Сталину, 3 мая 1946 г.).
- ⁵ Письмо от гражданина, жалующегося на «эпидемию» бандитизма, см.: Dobson M. *Khrushchev's Cold Summer: Gulag Returnees, Crime, and the Fate of Reform after Stalin*. Ithaca, NY, 2009. P. 41. О похожем беспокойстве по поводу «заразы» хулиганства во время нэпа см.: McDonald T. *Face to the Village: The Riazan Countryside under Soviet Rule, 1921–1930*. Toronto, 2009. P. 208–209. Некоторые утверждают, что легитимность правительства подрывает не столько существование взяточничества, сколько видимая терпимость этого правительства ко взяточничеству. См., напр.: Lawal G. *Corruption and Development in Africa: Challenges for Political and Economic Change* // *Humanity and Social Sciences Journal*. 2007. Vol. 2. No. 1. P. 1–7. И действительно, можно предположить, что решительная публичная кампания борьбы со взяточничеством в Советском Союзе помогала укрепить легитимность режима в некоторых слоях населения.

- ⁶ См., напр., доклад от 20 мая 1946 г. о взяточничестве в 1944–1945 гг., написанный работником Министерства юстиции Бельдюгиным: ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 478. Л. 33.
- ⁷ Статистику см.: Там же. Оп. 6с. Д. 14. Недавно эти документы были опубл.: История сталинского Гулага: Конец 1920-х – первая половина 1950-х гг.: В 7 т. М., 2004–2005. Т. 1. С. 633, 636.
- ⁸ Чем дело кончилось для Минина, неизвестно, но в документах нет свидетельств, что письмо имело для него какие-либо негативные последствия. Министерство юстиции характеризовало взяточничество судей и как преступление, и как «моральное прегрешение». См., напр.: ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 376, 465, 491, 525–527.
- ⁹ Жданов, отвечая в ЦК за идеологию, выражал глубокую озабоченность по поводу нравственности партийных кадров. В середине июля 1946 г., спустя два месяца после письма Минина, он писал в одной журнальной передовице, что хозяйственные руководители (например, директора заводов) дают взятки партийным работникам, чтобы последние закрывали глаза на коррупцию: *Партийное строительство*. 1946. № 11. С. 1–4. Цит. по: Harris J. *The Split in Stalin's Secretariat*. Lanham, MD, 2010. P. 95.
- ¹⁰ Kozlov V. A. Denunciation and Its Functions in Soviet Governance: A Study of Denunciations and Their Bureaucratic Handling from Soviet Police Archives, 1944–1953 // *Journal of Modern History*. 1996. Vol. 68. No. 4. P. 867–898; Fitzpatrick S. Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930s // *Ibid*. P. 831–866.
- ¹¹ Как пишут Йорам Горлицкий и Олег Хлевнюк, судя по архивным документам, Жданов не мог ничего делать, в том числе начинать какие-либо кампании, без разрешения Сталина. По их словам, «архивы доказывают, что Жданов был не инициатором этих кампаний, как полагали ранее некоторые ученые, а послушным исполнителем воли Сталина, находившимся под жестким давлением и в конечном счете загнанным в тупик» (Gorlizki Y., Khlevniuk O. *Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953*. Oxford, 2004. P. 31).
- ¹² Гордон Смит, говоря о более позднем периоде, характеризует советские кампании против преступности как «скоординированные усилия смежных правоохранительных ведомств и учреждений по сокращению процента преступлений определенного типа». «В идеале, – пишет он, – кампании представляют собой интегрированный, тотальный подход к борьбе с преступностью, включающий следствие, судебное преследование, последующий надзор и превентивные меры... Кампании против преступности занимают центральное место в советской системе уголовной юстиции» (Smith G. B. *Procuratorial Campaigns against Crime in the USSR // Soviet Law since Stalin* / ed. D. Barry et al. Leiden, 1979. P. 146). Кампания против взяточничества, при всех ее изъянах, данному определению соответствовала. «В действительности, – продолжает Смит, – кампании выполняют четыре отдельные функции: 1) выявляют, карают и наглядным примером предотвращают нарушения; 2) доводят новую политику или новые законы до сведения государственных служащих и общественности; 3) информируют работников партийного и государственного аппарата о

- состоянии законности в том или ином регионе; 4) дают возможность ритуального участия в управлении государством».
- ¹³ Проект приказа по уголовному розыску республики, датированный 1922 г.: Епихин А. Ю., Мозохин О. Б. ВЧК–ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики. М., 2007. Док. 58. С. 415. Этот сборник документов (явно спонсированный ФСБ) содержит по большей части хвалебные комментарии авторов относительно кампании тайной полиции против коррупции во время нэпа. Коррупцией, говорят авторы, часто пользовались «террористы».
- ¹⁴ Речь от 17 октября 1921 г.: Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 173–174.
- ¹⁵ Борисова Л. В. НЭП в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям // Отечественная история. 2006. № 1. С. 84. Более глубокий анализ конфликта между традиционными нормами и новыми революционными ценностями, отраженного в упоминаниях взяточничества в литературе эпохи нэпа и раннего сталинизма, см.: Lovell S. Reciprocity and the Soviet Cultural Revolution: The Literary Perspective // Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from The Middle Ages to the 1990s / ed. S. Lovell et al. New York, 2000. P. 141–165.
- ¹⁶ Приказ ГПУ № 255, 12 октября 1922 г.: Епихин А. Ю., Мозохин О. Б. ВЧК–ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики. Док. 33. С. 374.
- ¹⁷ В своих усилиях по борьбе со взяточничеством большевики полностью отвергли опыт царского правительства, которое десятилетиями работало над административными реформами, усиливая внутренний аудит и повышая профессиональную этику. Большевики вместо этого взяли на вооружение принцип «народного контроля», пытаются стимулировать участие населения в разоблачении коррумпированных чиновников. См. протокол коллегии ГПУ, 31 августа 1922 г.: Там же. Док. 1. С. 340. Секретным постановлением от 1 сентября 1922 г. СТО в тесном сотрудничестве с ГПУ создал новый орган – Центральную комиссию по борьбе со взяточничеством, которая координировала соответствующие меры. Возглавил ее Дзержинский.
- ¹⁸ Выписки из протокола № 23 заседания Политбюро ЦК РКП(б), 24 августа 1922 г.: Там же. Док. 10. С. 336.
- ¹⁹ Протокол коллегии ГПУ, 31 августа 1922 г.: Там же. Док. 14. С. 341. Экономическое управление (ЭКУ) ГПУ играло главную роль в процессе очистки учреждений от взяточников.
- ²⁰ Недатированная инструкция НКВД, октябрь или ноябрь 1922 г.: Там же. Док. 45. С. 394.
- ²¹ Комиссия по борьбе со взяточничеством при НКВД обещала в письме работникам наркомата: «Какое бы место ни занимал, взяточника или мошенника ждет суровая кара» (Там же. Док. 46. С. 396).
- ²² Борисова Л. В. НЭП в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям. С. 84–85. Ленин еще в феврале 1922 г. требовал от Наркомата юстиции устроить публичные показательные процессы против взяточников. Примеры статей в юридической печат-

ти с упоминанием кампании см.: Еженедельник советской юстиции. 1923. № 10. С. 219–220; № 21. С. 492.

23 Трейси Макдональд пишет, что в Рязанской области местные судьи во времена нэпа были весьма падки на «барашков и самогон» и прочие презенты натурой: McDonald T. Face to the Village. P. 94.

24 Борисова Л. В. Третий враг революции: Борьба со взяточничеством и хозяйственными преступлениями в начале НЭПа // The Soviet and Post-Soviet Review. 2003. Vol. 30. No. 3. P. 264. Сохраняющаяся социальная терпимость к разным формам взаимобмена между должностными лицами и населением вызывала досаду у руководства. В 1923 г. глава торговой комиссии А. М. Лежава написал ходатайство, призывающее прекратить процессы против торговых работников за мелкое взяточничество и не применять к осужденным взяточникам смертную казнь. Ходатайство свидетельствует как об ужасе, в который процессы повергли честных торговых работников, так и об избыточной жестокости атаки на взяточничество: «Наши суды не разоблачают с ослепительной ясностью самые темные формы хищений и взяточничества, которые одни оправдывали бы применение высшей меры наказания. От последних процессов остается общее впечатление, что мы используем смертную казнь, чтобы вести борьбу с вековым, рутинным свойством русской жизни». Цит. по: Hessler J. A Social History of Soviet Trade. P. 85–86.

25 ГА РФ. Ф. 9550. Оп. 4. Д. 5988. Л. 1.

26 Епихин А. Ю., Мозохин О. Б. ВЧК–ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики. С. 114 (цитируются источники тех лет). По данным официальной статистики, по завершении кампании в марте было осуждено свыше 3 300 чел. Почти половина осужденных получила приговоры не более чем к двум годам заключения. С другой стороны, опубликованная статистика 1920-х гг. показывает картину уменьшения числа осужденных в течение десятилетия. Согласно неполным данным, в 1923 г. за взяточничество осуждены 9 258 чел.; в 1927 г. – только 4 623 чел. См.: Статистика осужденных в СССР, 1923–1924. М., 1927. С. 15, 94; Статистика осужденных в СССР, 1925, 1926 и 1927. М., 1930. С. 10–11.

27 См., напр.: Еженедельник советской юстиции. 1927. № 16. С. 475.

28 Епихин А. Ю., Мозохин О. Б. ВЧК–ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики. С. 114.

29 Число осужденных за взяточничество, 1943–1945

	1943	1944	1945
Взятополучателей	528	685	981
Взятодателей	992	1 404	1 858

Источники: ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 38. Л. 119–122; Д. 49. Л. 277; Ф. 8131. Оп. 37. Д. 2817. Л. 3.

30 Это выражение употребляется в кн.: Кучерявый Н. Л. Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву. М., 1957. С. 3.

31 В июне 1949 г. Верховный суд заявил, что взяточничество – неотъемлемая черта капитализма. Опубликовано в 1949 г. постановление Верхов-

- ного суда «О судебной практике по делам о взяточничестве» см.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 26. Д. 10. Л. 36–39 (переписка Прокуратуры СССР с Верховным судом СССР). Учебники по советскому праву, которые проводили ту же линию, сосредоточившись на должностных преступлениях и преступлениях против госсобственности, см.: Сергеева Т. Л. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М., 1954; Куринов Б. А. Уголовная ответственность за хищение государственного и общественного имущества. М., 1954. С. 12–13; Смолицкий Г. Р. Должностные преступления. М., 1947. См. также: Горшенин К. П. Социалистическая законность на современном этапе: Стенограмма публичной лекции, прочитанной 17 августа 1948 года в Центральной лектории общества «Знание» в Москве. М., 1948.
- 32 Председатель Верховного суда СССР выразил общее отношение к проблеме преступности, заявляя, что при советском социализме она в конце концов исчезнет, даже если небольшой процент населения будет задерживать процесс: «В советском государстве преступность в противоположность капиталистическим странам из года в год весьма заметно сокращается, как чуждая по своей природе социалистическому обществу. В нашем государстве созданы все социально-экономические условия для полной ликвидации преступности. Вместе с тем не следует преуменьшать еще существующей опасности преступлений. Если у нас ликвидированы социально-экономические корни преступности, то еще не ликвидированы полностью пережитки капитализма в сознании некоторой части людей» (Волин А. Строго соблюдать законность в работе судов // Социалистическая законность. 1950. № 1. С. 5). См. также письмо Маленкову от 3 августа 1953 г., подписанное Ворошиловым, Шверником, Горшениным и др.: ГА РФ. Ф. 7523 (Верховный Совет СССР). Оп. 85. Д. 34. Л. 19.
- 33 Nekrich A. Forsake Fear: Memoirs of a Historian. Boston, 1991. P. 9.
- 34 Джон Хазард указал на это: Hazard J. Socialism, Abuse of Power, and Soviet Law // Columbia Law Review. 1950. Vol. 50. No. 4. P. 452–453.
- 35 Пример заботы о сохранении видимости «патерналистского государства» при снабжении послевоенного Севастополя см.: Qualls K. From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II. Ithaca, NY, 2009. Chap. 3.
- 36 См., напр.: Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front, 1941–45: A Social and Economic History of The USSR in World War II. London, 1991. P. 49.
- 37 Gorlizki Y., Khlevniuk O. Cold Peace.
- 38 ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 282. Л. 76.
- 39 Там же. Д. 449. Л. 31. Стоит отметить: Минин в письме жаловался, что некоторые члены партии во время войны начали ходить в церковь. Рядовые партийцы, по его словам, под гнетом войны впали в два идеологических греха – религиозность и взяточничество.
- 40 См., напр.: Там же. Д. 282. Л. 33.
- 41 Там же. Оп. 37. Д. 4041. Л. 27–28.
- 42 См., напр.: Собрание партийного актива Тбилисской (Тифлисской) городской партийной организации // Заря Востока. 1952. 27 янв. С. 2.

- 43 Выражая фундаментальный принцип советской правовой теории, генеральный прокурор А. Я. Вышинский писал в памфлете 1939 г., что массовое беззаконие в капиталистических обществах обусловлено несколькими факторами: алчностью капиталистических элит, эксплуатацией ими трудящихся масс и следующей отсюда бедностью. Октябрьская революция уничтожила корни этих зол, сокрушив одряхлевшие государственные структуры старого режима, обобществив экономику и создав общество, проникнутое новой моралью. См.: Vyshinskii A. Ia. Crime Recedes in the USSR. Moscow, 1939.
- 44 ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 31. Л. 27–28 (письмо заместителя начальника Управления кадров ЦК Бутова Маленкову, май 1944 г.).
- 45 Там же. Д. 49. Л. 17. Партийное руководство выражало такую же озабоченность по поводу неопытных, неподготовленных партийных кадров. См.: Rittersporn G. Simplifications staliniennes et complications soviétiques: Tensions sociales et conflits politiques en U.R.S.S. Paris, 1988; Kaplan C. S. The Party and Agricultural Crisis Management in the USSR. Ithaca, NY, 1987.
- 46 ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 49. Л. 206, 234–235.
- 47 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 71. Л. 1–3 (письмо Сафонова Андрееву в ЦК, 29 января 1949 г.).
- 48 ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 50. Л. 144–146.
- 49 В 1946 г. Рычков писал Молотову в Совет министров, запрашивая 100 тыс. руб. на улучшение материального положения судебных работников: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 420. Л. 102. См. также: ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 58. Л. 3–38.
- 50 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 29. Л. 144 (доклад Дукельского).
- 51 ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 49. Л. 234 (письмо Горшенина Сталину, б. д., судя по другим документам в деле, вероятно – декабрь 1948 г.).
- 52 См.: Там же. Д. 41. Л. 92–110 (переписка 1945 г. о рангах и форме работников прокуратуры и суда).
- 53 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 612. Л. 72–73. Шверник поддержал предложение в письме от 13 мая 1947 г. На 1 января 1947 г. 3 097 сотрудников проработали в органах прокуратуры не менее 10 лет без перерыва. Сафонов отметил, что такими медалями обычно награждались сотрудники милиции, инженеры на железнодорожном транспорте и др.
- 54 ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 41. Л. 92–94. Голяков и Горшенин поддержали предложение Министерства юстиции: Там же. Л. 102–103, 109–110. См. также: Там же. Д. 49. Л. 206 (просьба Горшенина о награждениях за долгую службу, 1948 г.). Через несколько лет (в 1952 г.) министр юстиции стал добиваться от Президиума Совета министров СССР повышения статуса судебных исполнителей. «Судебные исполнители не имеют одежды, одеты разношерстно, иногда плохо, что не обеспечивает им необходимого авторитета как должностным лицам, осуществляющим такие функции, как приведение в исполнение приговоров и решений суда о конфискации имущества, взыскании денежных сумм, выселении граждан и т. п. Необходимо ввести для судебных исполнителей форменную одежду», – пи-

- сал он. См.: Там же. Д. 88. Л. 56 (письмо Горшенина в Совет министров, 28 марта 1952 г.).
- 55 В докладе комиссии прокуратуры по изучению причин взяточничества вышеуказанные причины также названы одними из важнейших: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4216. Л. 188–191.
- 56 Там же (доклад направлен Горшенину). Учитывая особую сложность дел о взяточничестве, их расследование должно было поручаться только следователям, имевшим должную квалификацию и опыт. О следователях прокуратуры, не желавших идти против одного из своих, см. письмо Мокичева генеральному прокурору Литовской ССР по делу Кондратьевой от 10 ноября 1947 г.: Там же. Оп. 38. Д. 449. Л. 15. (Горшенин сменил Рычкова на посту министра юстиции СССР в январе 1948 г.) Жалобу на вмешательство партийных работников в одно дело железнодорожного военного трибунала см.: Там же. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 44. Л. 51–52 (письмо Рычкова Жданову, 13 августа 1947 г.).
- 57 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 167. Л. 3. Комиссия отметила в докладе, что в дореволюционной России юристы и судебные работники вознаграждались очень хорошо. Кроме того, в Великобритании, Франции и США прокурорам платят намного больше, чем другим специалистам.
- 58 ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4216. Л. 188–191.
- 59 Такое признание прокуратуры см.: Там же. Оп. 38. Д. 299. Л. 42.
- 60 Там же. Д. 449. Л. 91. В докладе ОБХСС 1949 г. похоже описывается, как трудно было раскрыть крупные дела о взяточничестве: Там же. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 820. Л. 21.
- 61 Там же. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 44. Л. 227.
- 62 Жданов думал в то время и о коррупции среди работников партийного аппарата; всего через три дня, 18 мая, Секретариат ЦК выпустил инструкцию, запрещающую им принимать «подарки» или иного рода премии от директоров заводов, сотрудников предприятий и любых представителей государства. См.: Boterbloem K. *The Life and Times of Andrei Zhdanov, 1896–1948*. Montreal, 2004. P. 478, n. 170.
- 63 ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 38. Л. 119–122.
- 64 Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 2817. Л. 2.
- 65 Там же. Л. 6.
- 66 Партийные органы иногда агрессивно давили на прокуратуру и суд, добиваясь оправдания или как можно более мягкого наказания работников партаппарата, обвиняемых в злоупотреблении служебным положением, особенно тех, кто занимал высокий пост или имел хорошие связи. О периоде позднего сталинизма см.: Hooper C. V. *A Darker «Big Deal»: Concealing Party Crimes in the Post-Second World War Era // Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention* / ed. J. Fürst. London; New York, 2006. О том, как региональные партийные органы оказывали давление на прокуроров и судей с целью отмены или смягчения приговоров партработникам, осужденным за хищения, см.: Cadot J. *Equal before the Law? Soviet Justice, Criminal Proceedings against Communist Party Members, and the Legal Landscape in the USSR from 1945 to 1953* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2013. Jg. 61. H. 2. S. 249–269.

О трениях между прокуратурой и работниками партийного контроля см.: Cohn E. *Disciplining the Party: The Expulsion and Censure of Communists in the Post-War Soviet Union, 1945–1961*: Unpublished PhD diss. University of Chicago, 2007 (особенно с. 190–199). Правоохранительные органы жаловались, что партийные организации вмешиваются в судебное преследование представителей партаппарата. Документы из архивов прокуратуры свидетельствуют о вмешательстве местных партийных руководителей в расследование уголовных дел, в том числе дел должностных лиц, арестованных за хищение государственной собственности и другие типы коррупции. Сотрудники прокуратуры жаловались, что секретари обкомов и горкомов заставляют прокуроров не передавать дела в суд, снимать обвинения или рекомендовать мягкие приговоры. Один доклад прокуратуры 1949 г., например, посвящен попыткам партийных работников повлиять на следствие. В докладе, занимающем 97 страниц, перечислены десятки случаев такого вмешательства за один лишь 1948 г. (ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 11. Л. 133–219). И это речь идет только о делах, связанных с железными дорогами. Иногда партийные боссы, вероятно, вступались за друзей и коллег. Однако в других случаях они, скорее, добивались, чтобы руководителям, повинным в мелких нарушениях, не выносили приговоры, которые надолго отстранят их от работы. «Мало кто из местных политиков радовался снятию с постов ключевых администраторов», – указывает Питер Соломон (Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge, 1996. P. 429). Должностные лица часто защищали друг друга от преследования, и в результате, видимо, многие партийные работники обрели чувство безнаказанности, которое толкало их к еще более безудержному обогащению. О способности коммунистической партии защищать своих представителей от уголовного преследования в 1960–1970-е гг. см.: Sharlet R. *The Communist Party and the Administration of Justice in the USSR // Soviet Law after Stalin* / ed. D. Barry et al. Alphen aan den Rijn, 1979. P. 321–392.

⁶⁷ В 1944–1945 гг. Рычков обвинял судей на местах в «либерализме» из-за мягких приговоров за это «особо опасное преступление». Он намекал, что некоторые коррумпированные юристы берут за мягкие приговоры взятки. Министерство юстиции, по словам Рыčkова, отреагировало на подобную небрежность, велел судам усилить борьбу и подчеркивая, что в делах о взяточничестве снисходительность недопустима. В директивном письме для служебного пользования, выпущенном Наркоматом юстиции в декабре 1944 г., говорилось, что многие судьи «ослабили борьбу со взяточничеством», вынося чересчур снисходительные приговоры. См.: ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 314. Л. 32 (директивное письмо, 26 декабря 1944 г.). См. также упоминание о соответствующем постановлении (Там же. Д. 542. Л. 14) и телеграмму Рыčkова от 7 июня 1946 г. с требованием к местным органам правосудия выполнить директиву и доложить в Москву о результатах (Там же. Оп. 1. Д. 148. Л. 1).

⁶⁸ В 1941 г. 71,7 % лиц, осужденных за дачу взятки, были приговорены к заключению. К 1945 г. эта цифра сократилась почти наполовину (48,6 %). Из осужденных взяточполучателей и посредников около двух третей

- (64,8 %) в 1945 г. получили от судей тюремные сроки: ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 478. Л. 30–33. См. также: Там же. Д. 514. Л. 7.
- 69 Тенденция наказывать взяточдателей менее сурово отражена во многих документах, включая справку Министерства юстиции о взяточничестве за 1945 г. от 20 мая 1946 г.: Там же. Оп. 1а. Д. 478. Л. 30–33.
- 70 Прокуратура сама на это указывала. См., напр.: Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4216. Л. 188–191.
- 71 В декабре 1946 г. Рычков писал в частном письме, что число людей, обвиняемых милицией и прокуратурой, «остается крайне незначительным» (Там же. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 38. Л. 117). Он винил сотрудников милиции и прокуратуры в плохой работе: «О неудовлетворительной работе органов милиции и прокуратуры по разоблачению взяточников мною сообщено Генеральному Прокурору тов. Горшенину». Горшенина назначили генеральным прокурором СССР 13 ноября 1943 г. В феврале 1948 г. он ушел из прокуратуры, а 29 мая 1948 г. была утверждена его кандидатура на пост министра юстиции. В этой должности Горшенин проработал до 31 мая 1956 г., скончался в Москве 27 мая 1978 г.
- 72 Историки подметили институциональный конфликт в эпоху позднего сталинизма. Дональд Филцер, к примеру, говорит о напряженных отношениях между прокуратурой, милицией, хозяйственным и партийным аппаратом на местах: Filtzer D. A. *Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and the Restoration of the Stalinist System after WWII*. Cambridge, 2002. P. 177. Об институциональном конфликте между хозяйственными ведомствами в 1920-х гг. см.: Heinzen J. *Inventing a Soviet Countryside: State Power and the Transformation of Rural Russia, 1917–1929*. Pittsburgh, PA, 2004.
- 73 ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 2817. Л. 10.
- 74 Там же. Л. 2, 10–11.
- 75 Хотя свидетельств недостаточно, но, возможно, на издании специального указа о взяточничестве сильнее всего настаивало Министерство внутренних дел во главе с С. Н. Кругловым.
- 76 Указ должен был издать Президиум Верховного Совета СССР. Министерство юстиции составило как минимум два проекта указа. Первый датирован 25 июня, второй – 4 июля 1946 г.: ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 148. Л. 2; Ф. 8131. Оп. 37. Д. 2817. Л. 17. Первый проект устанавливал в качестве минимального наказания для должностного лица, виновного в получении взятки, 3 года лишения свободы. Если обвиняемый занимал «ответственную должность», брал взятки «систематически» или вымогал их, предписывался минимальный пятилетний срок с конфискацией имущества. При особо отягчающих обстоятельствах проект требовал высшей меры с конфискацией имущества. За дачу взятки или посредничество в даче взятки надлежало давать не менее 3 лет. Во втором проекте минимальные сроки были повышены. Кроме того, проект указа запрещал лицам, осужденным за взяточничество, впредь занимать какие-либо административно-хозяйственные должности в государственных, кооперативных или общественных организациях и на предприятиях: Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 2817. Л. 17.

- 77 Там же. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 38. Л. 122 (письмо Рычкова Жданову, 23 мая 1946 г.).
- 78 Хотя прямых консультаций по этому вопросу в архивах не обнаружено, прокуратура, видимо, тоже выступила против специального указа, как свидетельствует тот факт, что ее редакторы вычеркнули пункт с требованием издать такой указ из проекта постановления ЦК. См.: Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 2817. Л. 14.
- 79 Там же. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 294. Л. 30 (17 мая 1946 г.).
- 80 Синтия Хупер также отмечает, что режим не хотел показывать общест-венности всю величину проблемы коррупции: Hooper C. V. A Darker «Big Deal». P. 142–163.
- 81 ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 284. Л. 19.
- 82 Alexopoulos G. *Amnesty 1945: The Revolving Door of Stalin's Gulag* // *Slavic Review*. 2005. Vol. 64. No. 2. P. 274–306; Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. P. 406.
- 83 Окончательный вариант секретного приказа № 036/0210/126с «Об уси-лении борьбы со взяточничеством» от 15 июля 1946 г. см.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 299. Л. 1–2. Подробнее о внутриведомственных дискуссиях по поводу послевоенной кампании против взяточничества см.: Heinzen J. A Campaign Spasm: Graft and the Limits of the «Campaign» against Bribery after the Great Patriotic War // *Late Stalinist Russia*. P. 123–141. О па-стущем использовании установлений и законов, квалифицируемых как секретные, для выражения правовых норм см.: Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. P. 418–426.
- 84 Рычков требовал помещать статьи о ходе процессов против взяточни-ков во всесоюзных газетах «Правда» и «Известия» и в местной печати: ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 38. Л. 119–122. Западные газеты в редких случа-ях упоминали информацию о взяточничестве, появлявшуюся в советской печати во второй половине 1946 г. См., напр.: Six Moscow Officials Jailed in Campaign to End Bribery and Corruption in Nation // *New York Times*. 1946. July 8.
- 85 В 1957 г. Н. П. Кучерявый отметил, что в советских юридических жур-налах с 1937 по 1957 г. не было статей, посвященных вопросу взяточ-ничества, за исключением одной, вышедшей в 1953 г.: Кучерявый Н. Л. Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву. С. 6. Он упустил из виду несколько статей, напечатанных в 1946 г., и одну – в 1947 г., но сама его мысль, что юридические журналы по сути игнориро-вали тему взяточничества, верна.
- 86 Синтия Хупер пишет, что милицейским газетам в послевоенные годы не разрешали печатать карикатуры и фельетоны, высмеивающие милицио-неров: Hooper C. V. A Darker «Big Deal». P. 148–150.
- 87 ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 5339. Л. 4–5 (письмо Сафонова Сталину, 14 мая 1948 г.). В то время были ужесточены наказания за ряд других преступлений, например изнасилование и самогоноварение. См.: Solo-mon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. P. 427–428.
- 88 ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 5339. Л. 43–44 (письмо Горшенина Сталину, 19 мая 1948 г.).

- ⁸⁹ О первом проекте нового уголовного кодекса, направленном Сталину 1 июля 1948 г., см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 19. Л. 50 (письмо Сталину, подписанное Горшениным, Волиным, Сафоновым, Абакумовым и др.). Проект уголовного кодекса рассматривался Верховным Советом 19 октября 1949 г. (Там же. Л. 65). Юридический консультант Совета министров писал, что одной из причин столь широкой распространенности взяточничества является его «крайне низкая раскрываемость»: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 5339. Л. 23.
- ⁹⁰ В одной записке от 8 сентября 1951 г. снова говорилось, что идея ужесточения наказаний за взяточничество была отложена в 1949 г.: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 5339. Л. 60.
- ⁹¹ Обсуждения см., напр.: Там же. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 77. Л. 7–27.
- ⁹² Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4668. Л. 2–3 об. (письмо без подписи, переданное Сафонову Бакакиным 19 июня 1949 г.). Хуже всего, жалуется автор, что в прокуратуре люди по большей части образованные, тогда как «начальники МВД и МГБ в сельских районах, как правило, сидят безграмотные, их образование от 4–7 классов». У него самого высшее образование и десятилетний опыт, но получает он в три раза меньше начальника райотдела МВД, которому платят 2 990 руб. в месяц. Даже технический секретарь райотдела МГБ, «девчонка» с 5 классами школы, работающая три-четыре часа в день, зарабатывает больше, чем он.
- ⁹³ Там же. Ф. 5446. Оп. 80а. Д. 9701. Л. 131–134.
- ⁹⁴ Сафонов жаловался, что районный прокурор получает от 900 до 1 100 руб. в месяц, а инспектор – 600–800 руб.
- ⁹⁵ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 80а. Д. 9701. Л. 124. Ту же записку Сафонов послал и Маленкову: Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4669. Л. 193.
- ⁹⁶ Там же. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 269. Л. 96–97.
- ⁹⁷ В письме Сафонова председателю Госплана М. З. Сабурову от 23 октября 1951 г. отмечается недофинансирование местных прокуратур (Там же. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 6. Л. 87–88). Из 5 670 прокуратур только 966 располагали собственными зданиями. Остальные размещались в подвалах, школах, колхозных домах или гостиницах. Более 3 000 прокуратур не имели сейфов для важных документов, 2 430 – машинисток, 2 125 районных прокуратур – транспорта. Сафонов просил денег на все это. Судьи и прокуроры, по сути, утверждали, что «объективными условиями» вынуждены нарушать закон. Сафонов, кроме того, жаловался, что у Прокуратуры СССР нет своей дачи или санатория. Вдобавок судьи оставались относительно неопытными. К началу 1952 г. 40 % народных судей в стране проработали меньше трех лет, и это считалось крупным достижением. За два предыдущих года доля судей с высшим юридическим образованием повысилась от 13,5 % в 1949 г. до 21 % в 1951 г.; со средним специальным образованием – от 48,5 % до 60,8 %, а доля тех, кто не получил никакого юридического образования, упала с 17,9 % до 8,3 % (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 167. Л. 23–24). О некоторых организационных последствиях плохой, хоть и постепенно улучшавшейся, подготовки судей в 1945–1956 гг. см.: Gorlizki Y. Anti-Ministerialism and the USSR Ministry of

Justice, 1953–56: A Study in Organisational Decline // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. No. 8. P. 1279–1318.

- ⁹⁸ Кампания также намекает на то, как обвинения в коррупции начали превращаться в мощное оружие в послевоенный период, когда обвинения в контрреволюции против должностных лиц стали сходить на нет. Эта тема будет рассмотрена подробнее в главах 7 и 8.
- ⁹⁹ Генеральная прокуратура указывала, что взяточничество в разных уголках Советского Союза преследуется весьма неравномерно; наиболее «бдительно» работали прокуроры в РСФСР и УССР, а в других республиках делали очень мало (ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 514. Л. 36). За три квартала 1946 г. в Армянской ССР предстали перед судом за взяточничество всего 4 чел.; в Казахской ССР судили пятерых; в Туркменской ССР за те же 9 месяцев нашли 13 чел., бравших взятки.
- ¹⁰⁰ Там же. Оп. 2. Д. 49. Л. 277.
- ¹⁰¹ Так, за первые три квартала 1946 г. 322 работника были уволены из органов юстиции и прокуратуры за «аморальные проступки, среди которых значительное место занимает взяточничество». В тот же период 210 судей в РСФСР уволены за взяточничество и злоупотребление служебным положением. Однако лишь 120 из них (57 %) обвинялись в каком-либо преступлении. В органах прокуратуры 249 сотрудников были обвинены в различных преступлениях, в том числе 87 – во взяточничестве. См.: Там же. Д. 44. Л. 116.
- ¹⁰² По данным прокуратуры, число обвиняемых в получении взяток по СССР снижалось каждый год: от 3 291 чел. в 1948 г. до 2 499 в 1949 г., 1 903 чел. в 1950 г., 1 298 чел. в 1951 г. В 1951 г. оно составило меньше половины от показателя 1948 г. Количество обвиняемых в даче взяток также уменьшалось: от 3 080 чел. в 1948 г. до 2 716 чел. в 1949 г., 2 003 чел. в 1950 г., 1 863 чел. в 1951 г. См.: Там же. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 58. Л. 115 («Докладная записка о работе органов прокуратуры по делам о взяточничестве за 1951 г.», 7 апреля 1952 г.).
- ¹⁰³ Там же. Оп. 29. Д. 27. Л. 2.
- ¹⁰⁴ Там же. Оп. 32. Д. 66. Л. 2 (докладная записка Г. Н. Александрову от прокурора следственного отдела Хивцова, 17 апреля 1951 г.).
- ¹⁰⁵ Там же. Д. 58. Л. 19 («Доклад о работе прокуратуры Московской области по борьбе со взяточничеством во втором полугодии 1951 года», направленный генеральному прокурору Сафонову, февраль 1952 г.). По словам Тимоти Колтона (Colton T. Moscow: Governing the Socialist Metropolis. Cambridge, MA, 1995. P. 758), население Москвы в 1947 г. составляло приблизительно 4 млн чел.
- ¹⁰⁶ Большинство этих дел касалось жилищных проблем – как правило, получения фальшивой прописки.
- ¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 58. Л. 116 («Докладная записка о работе органов прокуратуры по делам о взяточничестве за 1951 г.», 7 апреля 1952 г.).
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 132–134 (докладная записка, июнь 1952 г.).
- ¹¹⁰ Там же. Л. 134.

- ¹ ГА РФ. Ф. 9415 (ОБХСС). Оп. 5. Д. 87. Л. 241–242 (письмо Д. Лебина начальникам республиканских, краевых, областных и городских управлений БХСС).
- ² По словам респондентов Гарвардского проекта интервью, кто-то мог предложить бутылку водки или другой существенный подарок начальнику или инженеру стройки за звание стахановца или ударника: НРР. Schedule A. Case no. 119. P. 5. Стахановцам полагались лучшие пайки по карточкам и ценные премии. О взятках, замаскированных под предоставление должностным лицам денег «в долг», предупреждал Вышинский. См.: Вышинский А. Я. Судебные речи. М., 1948. С. 27.
- ³ Gellately R. Denunciations in Twentieth-Century Germany: Aspects of Self-Policing in the Third Reich and the German Democratic Republic // *Journal of Modern History*. 1996. Vol. 68. P. 966. В данной главе под осведомителем понимается лицо, которое сообщает о нарушениях закона или плохом исполнении обязанностей государственному агенту или должностному лицу. Термины «осведомитель» и «информатор» употребляются как взаимозаменяемые. Подробнее см. более пространный вариант этой главы: Heinzen J. Informers and the State under Late Stalinism: Informant Networks and Crimes against «Socialist Property», 1940–1953 // *Kritika: Explorations in Russian History*. 2007. Vol. 8. No. 4. P. 789–815.
- ⁴ О 1930-х гг. см.: Shearer D. Policing Stalin's Socialism: Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953. New Haven, CT, 2009; Hagenloh P. Stalin's Police: Public Order and Mass Repression in the USSR, 1924–1941. Baltimore, MD, 2009. Обзор административной истории политических преследований в 1920-х гг. см.: Finkel S. An Intensification of Vigilance: Recent Perspectives on the Institutional History of the Soviet Security Apparatus in the 1920s // *Kritika*. 2004. Vol. 5. No. 2. P. 299–320. Пример тайного милицейского надзора за одним видным украинским академиком см.: Shapoval Iu. The Mechanisms of the Informational Activity of the GPU-NKVD: The Surveillance File of Mykhailo Hrushevsky // *Cahiers du monde russe*. 2001. Vol. 42. No. 2/4. P. 207–230. О государственных практиках надзора и сбора информации в первые годы советской власти в сравнительном ключе см.: Holquist P. «Information Is the Alpha and Omega of Our Work»: Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Perspective // *Journal of Modern History*. 1997. Vol. 69. No. 3. P. 415–450.
- ⁵ Глубокое исследование вопроса, насколько те или иные люди считали хищение государственной собственности «политическим» или контрреволюционным преступлением, не входит в задачи данной главы. Разумеется, некоторые партийные руководители в 1947–1948 гг. оказывали экстраординарное давление на Министерство юстиции, прокуратуру и Верховный суд, требуя карать обвиняемых как можно строже. Риторика, трубившая о необходимости защищать государственную собственность и тем самым не допускать ущерба интересам социалистического государства, сопровождала эту кампанию. В конце 1952 – начале 1953 г. внимание с новой силой стало уделяться в особенности политизации «организованных» и

«крупных» хищений государственной собственности. Как указывают Питер Соломон и другие, характеристики «политического преступления» в УК РСФСР 1926 г. столь расплывчаты, что чуть ли не все преступления можно было считать «контрреволюционными». Статья 58 определяла «контрреволюционное» преступление как «всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов... или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции». В любой момент и по любой причине власти могли на время политизировать почти любое преступление (Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge, 1996. P. 28). «Временная политизация» хищения государственной собственности происходила в связи с выходом августовского указа 1932 г. (преследование по которому практически прекратилось в 1933 г.) и указа от 4 июня 1947 г., который оставался чрезвычайно политизированным около года. Тем не менее между указом от 4 июня 1947 г. и политическими преступлениями существовал ряд различий. В послевоенный сталинский период хищениями государственной собственности занималась обычная милиция, к ответственности за них привлекали обычные прокуроры в обычных судах. Преследование имущественных преступлений не носило характера «политических» дел и процессов. Отношение общественности к государственной собственности и ее хищению в сталинскую эпоху – важная тема, которая еще ждет исследования.

⁶ Статистика, собранная Верховным Советом за 1940–1955 гг., опубли.: История сталинского ГУЛАГа: Конец 1920-х – первая половина 1950-х гг.: В 7 т. М., 2004–2005. Т. 1. С. 611–612.

⁷ Fitzpatrick S. Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930s // *Journal of Modern History*. 1996. Vol. 68. No. 4. P. 831–866; Kozlov V. A. Denunciation and Its Functions in Soviet Governance: A Study of Denunciations and Their Bureaucratic Handling from Soviet Police Archives, 1944–1953 // *Ibid.* P. 867–898. Эти статьи помещены в специальном выпуске «Журнала современной истории», посвященном практикам доноительства. В предисловии к выпуску, написанном Фицпатрик и Геллатли, доносы определяются как «стихийные обращения отдельных граждан к государству (или другим властям, например церковным), содержащие обвинения других граждан или должностных лиц в злоупотреблениях и косвенно или прямо призывающие к их наказанию» (*Journal of Modern History*. 1996. Vol. 68. No. 4. P. 747).

⁸ В двух важных статьях Дэвид Ширер утверждает, что в советском случае индивидуальное доноительство и агентурные сети были не столь значимы в милицейской работе 1930-х гг., как полагают ученые: Shearer D. Social Disorder, Mass Repression, and the NKVD during the 1930s // *Cahiers du monde russe*. 2001. Vol. 42. No. 3. P. 505–534; Idem. Elements Near and Alien: Passportization, Policing, and Identity in the Stalinist State, 1932–1952 // *Journal of Modern History*. 2004. Vol. 76. No. 4. P. 835–881. По окончании «большого террора» и массовых операций в 1938 г. и далее во время войны на первый план снова вышел прямой надзор, органы внутренних

дел и партия в своей политике отошли от метода облав на определенные категории населения путем массовых чисток, сосредоточившись на упорядочивании милицейских процедур и операций. Милицейская работа опять начала строиться на классической опоре на следствие и сети осведомителей. Хозяйственные и имущественные преступления снова стали главной мишенью милицкого следствия, а информаторы ОБХСС и следственный аппарат – важнейшими элементами стратегий борьбы с имущественными и должностными преступлениями и спекуляцией.

- ⁹ В отличие от доносов, анализируемых Шейлой Фицпатрик, Владимиром Козловым или Синтией Хупер (Hooper C. V. *Terror from Within: Participation and Coercion in Soviet Power, 1924–1964*: Unpublished PhD diss. Princeton University, 2003).
- ¹⁰ Эта осведомительная сеть обычно требовала длительных личных отношений между милицким куратором и осведомителем. В доступных архивах нет никаких писем с доносами от осведомителей. Имеются только сохранившиеся служебные материалы органов внутренних дел: доклады, приказы, ведомственная корреспонденция.
- ¹¹ Постановление, подписанное Сталиным и Молотовым, опубл.: История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. С. 305–308.
- ¹² ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 49. Л. 275. Закон признавал «должностными лицами» всех, кто постоянно или временно занимал какую-либо должность в любых политических, общественных и хозяйственных организациях государства, включая администрацию заводов и фабрик, председателей колхозов и совхозов, профсоюзных работников.
- ¹³ Там же. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 95. Л. 1–2.
- ¹⁴ О кампании 1947 г. против расхищения социалистической собственности см., в частности: Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. P. 410–412; Gorlizki Y. *Rules, Incentives and Soviet Campaign Justice after World War II* // *Europe-Asia Studies*. 1999. Vol. 51. No. 7. P. 1245–1265; Idem. *De-Stalinization and the Politics of Russian Criminal Justice, 1953–64*: Unpublished PhD thesis. University of Oxford, 1992.
- ¹⁵ См.: Александров Г. Ответственность доносителей по указам Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. // Социалистическая законность. 1950. № 7. С. 26–33. «Правда» 15 декабря 1952 г. писала о людях, которые не информировали власти о хищениях и растратах, совершаемых их родными, и утверждала, что членов семей преступников самих нужно наказывать за недонесение.
- ¹⁶ Куринов Б. А. Уголовная ответственность за хищение государственного и общественного имущества. М., 1954. С. 111–112.
- ¹⁷ Горшенин К. П. Социалистическая законность на современном этапе: Стенограмма публичной лекции, прочитанной 17 августа 1948 года в Центральной лектории общества «Знание» в Москве. М., 1948. С. 16–18. Это выступление перекликалось со сталинской речью 1926 г. Геллатли в исследовании Восточной Германии и «третьего рейха» подчеркивает «атмосферу доносительства», существовавшую «в культурно-социальном контексте интервенционистской системы, которая культивировала

инструменталистские отношения между гражданами и режимом»: Gellately R. *Denunciations in Twentieth-Century Germany*. P. 949.

- 18 По данным Министерства юстиции, в 1948 г. по ст. 5 указа от 4 июня 1947 г. об ответственности за хищение государственной собственности были осуждены за недонесение 3 688 чел. В 1949 г. это число немного уменьшилось до 3 483. В первом квартале 1950 г. оно упало до 708 чел. См.: ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 63. Л. 34. Понятие «недонесение» лучше всего рассматривать в контексте советской правовой теории, которая считала, что пассивность или бездействие, в том числе в форме сознательного недонесения соответствующим властям (милиции или непосредственному начальнику), преступны сами по себе. Родственники преступника не освобождались от обязанности доносить. До публикации указа от 4 июня 1947 г. недонесение о хищении государственной собственности еще не имело особого правового положения. См. также: Александров Г. Ответственность недовосителей по указам Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. С. 26–33.
- 19 Политические преступления оставили ОГПУ/ГУГБ, которое, в свою очередь, упразднило свое экономическое управление и перестало преследовать хозяйственные преступления. О создании ОБХСС см.: Shearer D. *Social Disorder, Mass Repression, and the NKVD during the 1930s*. P. 527–528; Hagenloh P. *Policing Speculation after the Great Terror*: Unpublished paper presented at the Southern Conference for Slavic Studies, March 2004. Амир Вейнер и Айги Рахи-Тамм исследовали агентурные сети МГБ на западных границах СССР: Weiner A., Rahi-Tamm A. *Getting to Know You: The Soviet Surveillance System, 1939–57* // *Kritika*. 2012. Vol. 13. No. 1. P. 5–45. В городах и сельских районах страны в местных управлениях НКВД были свои отделы БХСС.
- 20 Это описание осведомительной сети взято из нескольких документов ОБХСС, приведенных ниже, а также из письма Ежова Сталину (1935), в котором говорилось о сети информаторов органов безопасности: РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 118. Л. 3–10.
- 21 ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 98. Л. 7; Д. 95. Л. 5; Д. 100. Л. 4.
- 22 Там же. Д. 87. Л. 223–226 («Ориентировка»).
- 23 См., напр., письмо начальника ГУРКМ НКВД СССР Галкина, октябрь 1940 г.: Там же. Л. 65.
- 24 Там же. Д. 91. Л. 6–8.
- 25 Там же. Л. 2 и сл. Обзор военной экономики, включая промышленное и сельскохозяйственное производство, снабжение и распределение, см.: Barber J., Harrison M. *The Soviet Home Front, 1941–45: A Social and Economic History of The USSR in World War II*. London, 1991.
- 26 ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 93. Л. 7 (приказы НКВД № 00316 от 13 февраля 1943 г. и № 001020 от 22 июля 1943 г.).
- 27 Там же. Оп. 3. Д. 820. Л. 23.
- 28 Там же. Оп. 5. Д. 91. Л. 12. В одном докладе ОБХСС отмечено, что, даже когда осведомительная сеть в 1942–1943 гг. выросла, раскрытых преступлений больше практически не стало. Автор доклада объяснял это тем, что основная часть «преступного элемента» уже призвана в армию или

- посажена. Кроме того, говорится далее, оставшиеся в тылу женщины меньше мужчин склонны к участию в широкомасштабной или организованной преступной деятельности: Там же. Л. 23.
- 29 Хайнцен Дж. Коррупция в Гулаге: Дилеммы чиновников и узников // Гулаг: Экономика принудительного труда / под ред. Л. И. Бородинки, П. Грегори, О. В. Хлевнюка. М., 2005. На англ. яз.: Heinzen J. Corruption in the Gulag: Dilemmas of Officials and Prisoners // Comparative Economic Studies. 2005. Vol. 47. No. 2. P. 456–475.
- 30 ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 93. Л. 8, 10.
- 31 Там же. Оп. 3. Д. 820. Л. 23. В одном докладе 1950 г. говорилось, что на тех предприятиях, где потенциал для хозяйственных преступлений особенно велик, количество осведомителей следует увеличить в два-три раза.
- 32 Там же. Л. 21.
- 33 Там же. Оп. 5. Д. 95. Л. 10. Эта доля варьировала от 0,4 % дел в Литовской ССР и 8 % в Орловской области до 56,3 % в Азербайджанской ССР и 41,7 % в Горьковской области.
- 34 Данные взяты из ежегодных отчетов ОБХСС. За 1945–1946 гг.: Там же. За 1947 г.: Там же. Д. 98. Л. 13. За 1948 г.: Там же. Д. 100. Л. 13. Здесь уместно небольшое сравнение с двумя крупными немецкими осведомительными сетями XX в., которыми руководили гестапо и штази. В отличие от гестапо, для ОБХСС не составляло труда разыскивать преступников самостоятельно, даже без осведомителей. При оценке сравнительной эффективности агентурной сети ОБХСС такая способность выглядит одним из признаков успешности. ОБХСС не столь зависел от информаторов, как, видимо, зависели нацисты. Примерно две трети дел ОБХСС опирались на другие источники, тогда как среди дел гестапо – только 25–40 %. Информация, собираемая гестапо, как правило, предлагалась населением добровольно. Собственно, гестапо жаловалась, что тонет в добровольных доносах, многие из которых – ложные. См.: Gellately R. Denunciations in Twentieth-Century Germany. P. 951. Правда, все дела, которые анализирует Геллатли, – откровенно политические, касаются ли они нарушений расовых законов или прослушивания зарубежных радиопередач. Дела же, о которых идет речь в данном исследовании, не имеют отношения к политическим преступлениям, и ОБХСС не рассматривал их как таковые. ОБХСС сам активно разыскивал информацию об имущественных и должностных преступлениях, походя в этом на штази, которая фактически относилась к непрошеному осведомительству с изрядным подозрением. Подобно сетям штази, каналы сбора информации у ОБХСС были институционализированы и строго регулировались, даже бюрократизировались. Поражает, насколько характеристики сотрудниками ОБХСС собственной агентуры напоминают типичный советский дискурс о бюрократии, в том числе упором на необходимость эффективности, своевременности и рациональности наряду с сетованиями на текучку кадров и нарушения коммуникации.
- 35 Замечание 1948 г. о крайне неудовлетворительном качестве осведомительной сети в течение нескольких лет см.: ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 98. Л. 5–6.

- 36 Там же. Д. 87. Л. 65–66.
- 37 Там же. Д. 98. Л. 9.
- 38 Там же. Д. 100. Л. 7.
- 39 Эту цифру можно сравнить с показателями штази, которая ежегодно убирала из списков примерно 10 % информаторов. См.: Gellately R. *Denunciations in Twentieth-Century Germany*. P. 955. 30 декабря 1945 г. НКВД приказом распорядился заменять некомпетентных агентов и осведомителей новыми: ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 95. Л. 5 (приказ НКВД СССР № 001558).
- 40 ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 88. Л. 4.
- 41 Там же. Д. 100. Л. 7. По словам Дэвида Ширера, некоторые из этих жалоб – в том числе на сильную текучку и низкое качество осведомителей – вторят критике агентуры НКВД со стороны Ежова и Ягоды в 1935–1939 гг. См.: Shearer D. *Policing Stalin's Socialism*.
- 42 ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 100. Л. 7.
- 43 Там же. Л. 6.
- 44 Исследователи штази приходят к такому же выводу. См.: Epstein C. *The Stasi: New Research on the East German Ministry of State Security* // *Kritika*. 2004. Vol. 5. No. 2. P. 321–348.
- 45 Жалобы см.: ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 95. Л. 11–12; Оп. 3. Д. 820. Л. 21.
- 46 Там же. Оп. 3. Д. 820. Л. 22, 110.
- 47 Там же. Л. 22.
- 48 Там же. Оп. 5. Д. 100. Л. 2. Сотрудники ОБХСС проявляли те же настроения в 1951 г., жалуясь, что воры, взяточники и спекулянты стали более осторожными и хитроумными: Там же. Оп. 3. Д. 820. Л. 22.
- 49 Там же. Оп. 3. Д. 820. Л. 144. В октябре 1949 г. милицию из МВД передали в подчинение МГБ. НКВД в апреле 1943 г. был разделен на два самостоятельных наркомата: уменьшившийся НКВД, ведавший борьбой с неполитической преступностью, руководством и управлением тюрьмами и лагерями, паспортной системой и т. д., и новый Наркомат государственной безопасности (НКГБ), отвечавший за расследование «политических преступлений». В 1946 г. оба были переименованы в министерства, получив новые названия МВД и МГБ. 10 марта 1953 г. два министерства снова слили в одно.
- 50 Из литературы о народном участии в действиях коммунистических режимов, в том числе осведомительстве и доносительстве, см., напр.: Gross J. T. *A Note on the Nature of Soviet Totalitarianism* // *Soviet Studies*. 1982. Vol. 34. No. 3. P. 367–376; Idem. *Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia*. Princeton, NJ, 1988; Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, CA, 1995; Idem. *The State – Is It Us?: Memoirs, Archives, and Kremlinologists* // *Russian Review*. 2002. Vol. 61. P. 35–51; Hooper C. V. *Terror from Within; Fitzpatrick S. Signals from Below; Kozlov V. A. Denunciation and Its Functions in Soviet Governance*. Во всех этих работах на основании многочисленных писем с доносами обсуждается мотивация их авторов. Непонятно, не становились ли некоторые осведомителями, потому что считали хищение государственной собственности «политическим» пре-

ступлением, которое подрывало фундамент советского общества и имело «политические» последствия. Этот вопрос заслуживает дальнейших исследований.

- 51 Подобно гестапо (в описании Геллатли), ОБХСС, видимо, не слишком интересовался мотивами людей, доносивших на других, пока ему поставляли верную информацию. Для него главным было получить материал, который приведет к аресту и осуждению, а как и почему этот материал к нему попадает, его мало волновало. Примеры, приводимые Геллатли, свидетельствуют, что в «третьем рейхе» лишь примерно 25–30 % отдельных доносчиков демонстрировали какую-либо политическую или идейную («системно-лояльную») мотивацию. См.: Gellately R. *Denunciations in Twentieth-Century Germany*. P. 944.
- 52 См., напр.: ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 127. Л. 50. Это был также основной метод вербовки осведомителей органами безопасности в тот период. См., напр., архив Литовского КГБ: Там же. Оп. 3. Д. 1433. Л. 61 (доклад начальника уездного отдела МГБ Кобелева министру государственной безопасности Литовской ССР генерал-майору Ефимову о работе за февраль 1948 г.). По словам Синтии Хупер, МВД в послевоенные годы разработал «настоящую науку шантажа»: Hooper C. V. *A Darker «Big Deal»: Concealing Party Crimes in the Post-Second World War Era // Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention* / ed. J. Fürst. London; New York, 2006. P. 153.
- 53 ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 93. Л. 10–11.
- 54 Там же. Д. 87. Л. 67.
- 55 Там же. Д. 95. Л. 8.
- 56 Сотрудники ОБХСС сами могли «срашиваться» с преступниками, как произошло в 1952 г. в Рязанской области: Там же. Д. 124. Л. 11–13.
- 57 См., напр.: Там же. Д. 100. Л. 6.
- 58 Там же. Д. 127. Л. 218 («Обзор недостатков и ошибок, допускаемых некоторыми органами милиции в работе с агентурой»).
- 59 Там же. Л. 219.
- 60 Там же. Л. 52. В этом документе приведено несколько похожих примеров.
- 61 См., напр.: Там же. Л. 219–220.
- 62 Примеры значительных рисков такого рода в особой обстановке см.: Хайнцен Дж. Коррупция в Гулаге.
- 63 Montias J. M., Rose-Ackerman S. *Corruption in a Soviet-Type Economy: Theoretical Considerations // Economic Welfare and the Economics of Soviet Socialism* / ed. S. Rosefielde. Cambridge, 1981. P. 62.
- 64 Berliner J. *Factory and Manager in the USSR*. Cambridge, MA, 1957. P. 182–206.
- 65 ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 820. Л. 123 («Перечень уголовных дел» Лебина, сентябрь 1951 г.).
- 66 В одном случае ОБХСС жаловался, что руководители торговых организаций ради сокрытия хищений вступают в сговор с инспекторами и работниками низшего звена: Там же. Оп. 5. Д. 100. Л. 26–27.
- 67 РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 6. Л. 8 («Отчет о работе партколлегии КПК при ЦК ВКП[б] за период после XVIII съезда ВКП[б]»).

- ⁶⁸ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 299. Л. 65. Еще об одном подобном деле в Кировском областном жилуправлении см.: Там же. Оп. 29. Д. 27. Л. 144.
- ⁶⁹ См., напр.: Rose-Ackerman S. *Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform*. Cambridge, 1999. P. 92–102; Ledeneva A. V. *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange*. Cambridge, UK, 1998. См. также о блате в 1930-х гг.: Fitzpatrick S. *Blat in Stalin's Time // Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from The Middle Ages to the 1990s* / ed. S. Lovell et al. New York, 2000.
- ⁷⁰ Бауэр, Инкелес и Клакхон отметили в 1956 г. живучесть определенных типов «неформальных регулирующих механизмов», включая воровство и взяточничество, и явную готовность государства терпеть их: Bauer R. A., Inkeles A., Kluckhohn C. *How the Soviet System Works: Cultural, Psychological and Social Themes*. Cambridge, MA, 1956. P. 91–93.
- ⁷¹ Davies R. W. *Soviet History in the Yeltsin Era*. London, 1997. P. 185.
- ⁷² Терпимое отношение к хищениям государственной собственности среди рабочих отмечено адвокатом-эмигрантом Б. А. Константиновским в 1953 г.: Konstantinovskiy B. A. *Soviet Law in Action: The Recollected Cases of a Soviet Lawyer* / ed. H. J. Berman. Cambridge, MA, 1953. P. 19. Показательно, что режим издал в один день два указа: один об ответственности за хищение социалистической собственности, другой об ответственности за хищение личной собственности. Вероятно, наличие двух указов должно было упрочить различие между двумя видами собственности в народном сознании.
- ⁷³ Kozlov V. A. *Denunciation and Its Functions in Soviet Governance*.
- ⁷⁴ Fitzpatrick S., Gellately R. *Introduction // Journal of Modern History*. 1996. Vol. 68. No. 4. P. 751.
- ⁷⁵ Наиболее развитая историческая литература, посвященная осведомительным сетям европейских диктатур, изучает примеры гестапо и, еще чаще, Министерства государственной безопасности ГДР, широко известного под наименованием «штази». Работа Роберта Геллатли о доносителе в «третьем рейхе» и Восточной Германии задает полезные сравнительные рамки. Геллатли, однако, не делает различия между доносами властям о политических преступлениях и сообщениями о неpolitических действиях. Фактически все расовые дела и истории с иностранным радио касались прямо «политических» нарушений. Благодаря законам, предоставляющим экстраординарный доступ к документам как информаторов, так и тех, кого они информировали, пример штази на сегодняшний день позволяет составить наилучшее представление об осведомительной сети в коммунистическом государстве. Советская и восточногерманская сети не были идентичны: штази главным образом старалась подсылать осведомителей к интеллигенции, потенциальным эмигрантам и прочим лицам, в которых полиция видела политическую (а не экономическую) опасность для режима. В данном же исследовании внимание сосредоточено на осведомителях, призванных разоблачать тех, кто извлекал материальную выгоду, независимо от своей реальной или предполагаемой политической ориентации. Параллели, тем не менее, существовали. По словам Кэтрин Эпштейн, несмотря на репутацию восточногерманского

министерства как всеведущего и всемогущего, «штази, оказывается, часто работала на удивление неумело, неэффективно, даже контрпродуктивно»: «Как узнали ученые, она выполняла множество государственных функций, но власть ее оставалась ограниченной. Она рассылала легионы шпииков, но зачастую с большим трудом контролировала своих осведомителей» (Epstein C. *The Stasi*. P. 322).

Глава 7

- ¹ Lyons E. *Assignment in Utopia*. New York, 1937. P. 568. В 1930-х гг. Ульрих завел особую папку с донесениями НКВД о судьях военных трибуналов, которые оправдывали осужденных НКВД людей или изменяли им приговоры. См.: Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge, 1996. P. 248. Документы, подтверждающие роль Ульриха в карательных мерах против судей военных трибуналов в 1930–1940-е гг., см.: Муранов А. И., Звягинцев В. Е. *Суд над судьями: Особая папка Ульриха*. Казань, 1993.
- ² Jansen M., Petrov N. *Mass Terror and the Court: The Military Collegium of the USSR* // *Europe-Asia Studies*. 2006. Vol. 58. No. 4. P. 589–602; Parrish M. *The Lesser Terror: Soviet State Security, 1939–1953*. Westport, CT, 1996. P. 207. Ульрих также, очевидно, председательствовал на суде над генералом А. А. Власовым, бывшим советским военачальником, который попал в плен к немцам и возглавил армию перебежчиков, сражавшуюся с Красной армией в 1944 г.
- ³ Jansen M., Petrov N. *Mass Terror and the Court*. P. 591–592.
- ⁴ Ibid. P. 600–601.
- ⁵ См. приказ ЦИК СССР 1934 г.: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 326. Л. 179–180. После террора Сталин назначил многих судей Военной коллегии на ведущие посты в судебной системе страны. И. Т. Голяков, назначенный в 1938 г. председателем Верховного суда СССР, работал в Военной коллегии в годы войны. Из судей Военной коллегии времен террора в ее составе к 1939 г. остались только Матулевич, Орлов и Ульрих. См.: Сувениров О. Ф. *Военная коллегия Верховного суда СССР (1937–1939)* // *Вопросы истории*. 1995. № 4. С. 143. А. П. Солодилов, побыв членом Военной коллегии, в октябре 1937 г. стал председателем Верховного суда РСФСР, а в сентябре 1938 г. – заместителем председателя Верховного суда СССР. И. Т. Никитченко получил пост второго заместителя председателя Верховного суда СССР, Н. М. Рычков – министра юстиции СССР, Я. П. Дмитриев – министра юстиции РСФСР. Рычков входил в число трех представителей Военной коллегии Верховного суда СССР (вместе с Ульрихом и заместителем председателя Военной коллегии И. О. Матулевичем), которые слушали дело старых большевиков Пятакова, Радека, Сокольников и пр. на втором показательном процессе 23–30 января 1937 г. Матулевич и Ульрих председательствовали на третьем показательном процессе (по делу Бухарина, Рыкова, Ягоды и пр.). Считал ли Сталин этих судей особенно преданными, поскольку те быстро вынесли смертные приговоры осужденным партийным деятелям, видным старым

большевикам и военачальникам, неизвестно. Конечно, Сталин любил испытывать людей, делая их подручными в репрессиях против их же товарищей; эти люди, видимо, прошли испытание с блеском.

- 6 Наиболее полное, основанное на архивных источниках исследование послевоенной сталинской высокой политики, в том числе отношений Сталина с ближайшими подручными, см.: Gorlizki Y., Khlevniuk O. *Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953*. Oxford, 2004.
- 7 Некоторые яркие примеры см.: Krastev I. *Shifting Obsessions: Three Essays on the Politics of Anticorruption*. Budapest, 2004; Clark W. *Crime and Punishment in Soviet Officialdom: Combating Corruption in the Political Elite, 1965–1990*. Armonk, NY, 1993; Coulloudon V. *Russia's Distorted Anticorruption Campaigns // Political Corruption in Transition: A Sceptic's Handbook* / ed. S. Kotkin, A. Sajó. Budapest, 2002; Kotkin S., Sajó A. *Introduction // Ibid*.
- 8 О наказании коллаборационистов на Украине см.: Weiner A. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, NJ, 2002. О советской военной юстиции см.: Berman H., Kerner M. *Soviet Military Law and Administration*. Cambridge, MA, 1955; *Documents on Soviet Military Law and Administration* / ed. H. Berman, M. Kerner. Cambridge, MA, 1955; Епифанов А. Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). Волгоград, 1997; Voisin V. *Law and the Soviet Purge: Domestic Renewal and International Convergences // Dealing with Wars and Dictatorships: Legal Concepts and Categories in Action* / ed. L. Israël, G. Mouralis. The Hague, 2014.
- 9 ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 44. Л. 113–118 (письмо Никитина, Баакина и Лопухова из Управления кадров ЦК Кузнецову, 14 февраля 1947 г., находится в архивах Министерства юстиции). Кузнецову поручили руководство Управлением кадров 13 апреля 1946 г. (Политбюро ЦК ВКП[б] и Совет министров СССР, 1945–1953 / сост. О. В. Хлевнюк и др. М., 2002. С. 32). Упомянутое письмо-справка, вероятно, написано по докладу о деле, присланному в ЦК Прокуратурой СССР или Главной военной прокуратурой, хотя я не обнаружил такого доклада в архивах. Документы Главной военной прокуратуры и военных судов хранятся в Министерстве обороны Российской Федерации, и на момент написания книги были недоступны исследователям.
- 10 Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. С. 36.
- 11 ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 319. Л. 113. Поначалу делом занималась военная прокуратура Московского гарнизона.
- 12 Там же. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 44. Л. 113–116.
- 13 Там же. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 319. Л. 116.
- 14 В январе 1946 г. Баканова перевели в суд более высокого звена (военный трибунал Московского военного округа), благодаря чему ему стало еще легче давать обещания помочь с пересмотром приговоров.
- 15 ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 319. Л. 119–125. По словам Муранова и Звягинцева, с 1943 по 1993 г. за получение взяток было осуждено всего двое военных судей (Муранов А. И., Звягинцев В. Е. Суд над судьями. С. 82).

- Хотя этот факт трудно подтвердить, но он подкрепляет мысль, что военные суды славились величайшей честностью.
- ¹⁶ Диссидент Лев Копелев был оправдан трибуналом Московского военного округа в ноябре 1946 г., но вновь арестован и осужден в марте 1947 г. Тогда его приговорили к трем годам лагерей, в конечном итоге он отбыл десять лет. Копелев писал в воспоминаниях, что его арестовали в апреле 1945 г. и обвинили в «буржуазном гуманизме» за попытку удержать солдат от разграбления домов мирных жителей и насилия над женщинами в Восточной Пруссии.
- ¹⁷ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 304. Л. 44 (письмо Рычкова Щербакову, 6 января 1944 г.). Право обжалования приговора в годы войны было временно отменено. См.: Berman H., Kerner M. *Soviet Military Law and Administration*. P. 113; Маслов В. П., Чистяков Н. Ф. Вопреки закону и справедливости. М., 1990. К концу 1943 г. Московский военный трибунал уже слушал очень мало дел. Несколько городов сформировали свои военные трибуналы – Ленинград, Горький, Воронеж и др. Как правило, трибуналы давали подсудимым всего один день на подготовку защиты.
- ¹⁸ Органы НКВД также имели трибуналы, которые рассматривали большинство дел о пособничестве врагу. В 1943 г. трибуналы получили право судить иностранцев. Во время войны число приговоров резко выросло. Об обращении с советскими коллаборационистами и изменниками см.: Jones J. Every Family Has Its Freak: Perceptions of Collaboration in Occupied Soviet Russia, 1943–1948 // *Slavic Review*. 2005. Vol. 64. No. 4. P. 747–770.
- ¹⁹ Bourtnan I. «Blood for Blood, Death for Death»: The Soviet Military Tribunal in Krasnodar, 1943 // *Holocaust and Genocide Studies*. 2008. Vol. 22. P. 248. Краснодарский военный трибунал, подробно описываемый Буртманом, был создан НКВД. Одиннадцать подсудимых являлись советскими гражданами, обвиняемыми в сотрудничестве с нацистами. Еще один знаменитый случай – суд над немецкими военными преступниками в декабре 1943 г. в Харькове, который завершился публичным повешением четырех подсудимых в центре города. Трое из них были немцами.
- ²⁰ Penter T. Collaboration on Trial: New Source Material on Soviet Post-war Trials against Collaborators // *Slavic Review*. 2005. Vol. 64. No. 4. P. 783. Автор цитирует публикацию ФСБ.
- ²¹ Епифанов А. Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в период Великой Отечественной войны: 1941–1956. Вологда, 2005. Статистику осужденных военными трибуналами в 1940–1955 гг. см.: История сталинского Гулага: Конец 1920-х – первая половина 1950-х гг.: В 7 т. М., 2004–2005. Т. 1. С. 618. Смертная казнь была восстановлена 13 января 1950 г. в делах о серьезных политических преступлениях.
- ²² Solomon P. H., Jr. The USSR Supreme Court: History, Role, and Future Prospects // *American Journal of Contemporary Law*. 1990. Vol. 38. P. 129. Эта структура напоминала Сенат Российской империи – дореволюцион-

ный орган, который также действовал как высшая судебная инстанция страны.

23 В статье 58 довольно много неточностей и совпадений между различными пунктами. См.: Kudryashov S., Voisin V. The Early Stages of «Legal Purges» in Soviet Russia (1941–1945) // *Cahiers du monde russe*. 2008. Vol. 43. No. 2/3. P. 263–296. Наказание понесли, вероятно, около полу-миллиона гражданских коллаборационистов. Во время войны некоторых на месте расстреливали солдаты: Ibid. P. 267.

24 Penter T. Collaboration on Trial. P. 784; Jones J. Every Family Has Its Freak.

25 Weiner A. Making Sense of War. P. 108–111, 160–162, 183–187.

26 ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 44. Л. 117–118.

27 Никто из военной прокуратуры не был осужден по этому делу.

28 ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 44. Л. 113–116; Ф. 9474. Оп. 16. Д. 319. Л. 112.

29 Там же. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 319. Л. 100.

30 Там же. Л. 101.

31 Там же. Л. 100–113 (докладная записка Каравайкова Ульриху, 2 августа 1947 г.).

32 Там же. Л. 98–99.

33 Там же.

34 Там же. Л. 116.

35 Там же. Л. 101–102. Каравайков начал работать в Военной коллегии только 15 апреля 1946 г. (Там же. Д. 307. Л. 48). В качестве члена военного трибунала Московского военного округа он еще в октябре–ноябре 1939 г. жаловался на грубые нарушения в работе прокуратуры по контрреволюционным делам. Писал Каравайков о «перегибах», допускаемых военной прокуратурой в делах о контрреволюционных преступлениях, в том числе о принуждении к признаниям, и в 1940 г.: Там же. Д. 162. Л. 36–37 об. (письмо Голякова Маленкову, 21 января 1940 г.). В 1940 г. отдел судебно-прокурорских органов ЦК запрашивал у Верховного суда регулярные справки о рассмотренных им контрреволюционных делах: Там же. Д. 326. Л. 61.

36 Там же. Д. 319. Л. 103–104.

37 Там же. Л. 104–105.

38 Секретариат также возлагал вину за подобные недоработки на Министерство юстиции, отвечавшее за общий надзор за всеми судами страны, и на Верховный суд СССР: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 131. Л. 162–163 («О положении дел в Верховном суде СССР», 20 августа 1948 г.; постановление секретариата ЦК, направленное Маленкову).

39 Подоплекой разговоров о снисходительности служило подозрение, что некоторые судьи получают взятки за вынесение сравнительно мягких приговоров или за отмену приговоров в порядке надзора. П. Соломон утверждает, что борьба со взяточничеством имела целью заставить судей отказаться от проявления снисходительности: Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. P. 381–383. Судьи, назначавшие наказание ниже максимального предела, могли быть обвинены в «материальной заинтересованности».

- ⁴⁰ Замечания Ульриха об этом в 1946 г. см.: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 307. Л. 79.
- ⁴¹ Kudryashov S., Voisin V. The Early Stages of «Legal Purges» in Soviet Russia. P. 283–286, 292. См. также: Муранов А. И., Звягинцев В. Е. Суд над судьями. С. 77–81. Однако начиная с 1946 г. ЦК стал нападать на Военную коллегию за практику смягчения приговоров, заклеив последнюю как «либерализм».
- ⁴² Как отметил также Амир Вейнер, вышестоящие военные трибуналы часто отменяли вердикты нижестоящих судов: Weiner A. Making Sense of War. P. 186.
- ⁴³ Ibid. P. 187.
- ⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 96. Л. 135 (доклад Кузнецова, направленный Маленкову, 8 июля 1948 г.). «Акт» от 24 сентября 1948 г., составленный при смене руководства Верховного суда, также на это указывал. Данные о длительности сроков наказаний, налагаемых военными трибуналами, за 1939–1953 гг. см.: История сталинского Гулага. Т. 1. С. 608. Под «явным смягчением меры», по-видимому, имелись в виду сроки менее 6 лет (ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 322. Л. 32–76). О военных трибуналах см.: Pentter T. Collaboration on Trial. P. 782–790. Эта статья основана на материалах собраний Мемориального музея Холокоста в США. Министерство юстиции также издавало множество приказов, порицавших военные трибуналы за «мягкие» приговоры изменникам родины. См.: Муранов А. И., Звягинцев В. Е. Суд над судьями. С. 83–84.
- ⁴⁵ До августа 1948 г. судьи Военной коллегии проявляли либеральное отношение к «врагам», как заявил в феврале 1950 г. новый председатель коллегии А. А. Чепцов: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 171. Л. 84 (протокол собрания партийной ячейки Военной коллегии). О положении дел во втором и третьем кварталах 1947 г. см.: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 319. Л. 145–172.
- ⁴⁶ «Военная коллегия в 1947 году снизила наказания против приговоров военных трибуналов армии в отношении 1 328 осужденных за измену Родине, 1 066 осужденных за антисоветскую агитацию, что составляет 44,4 % к числу, в отношении которых Военная коллегия рассмотрела дела об антисоветской агитации»: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 322. Л. 88 (письмо Волина Сталину, ноябрь 1948 г.). Верховный суд РСФСР также подвергся критике в приказе коллегии Министерства юстиции за то, что не следит, как обращаются с делами о контрреволюционных преступлениях нижестоящие суды. В приказе от 9 сентября 1948 г. отмечено, что многие низовые суды выносят мягкие приговоры активным пособникам немецко-фашистских агрессоров, а Верховный суд РСФСР эти приговоры не оспаривает. То же самое касалось и государственных преступлений. См.: Там же. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 516. Л. 177. В архивах административного отдела ЦК хранится написанная от руки Кузнецовым записка, вызывающая Горшенина в ЦК для беседы. Записка лежит в папке прямо перед приказом Министерства юстиции СССР от 9 сентября. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 19. Л. 81.

- ⁴⁷ По словам Голякова, трибуналы чересчур вольно применяли статью 51 УК РСФСР. Статья 51 позволяла снижать меру наказания военнослужащим в делах об измене родине (ст. 58-1а, 58-1б, 58-3). Голяков напоминал Ульриху, что ее следует использовать в исключительных случаях при наличии особо смягчающих обстоятельств: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 355. Л. 134–134 об. (письмо Голякова В. В. Ульриху, 27 ноября 1947 г.). По данным Волина, в 1947 г. Военная коллегия после пересмотра смягчила приговоры 554 лицам, осужденным военными трибуналами за измену родине по статьям 58-1а и 58-1б. Эта цифра составила 8,7 % от общего количества апелляций, рассмотренных Военной коллегией (за исключением апелляций на смертные приговоры). Никитченко представил в ЦК таблицу, показывающую, что за 1946–1947 гг. и первое полугодие 1948 г. Военная коллегия отменила приговоры 2 742 чел.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 22. Л. 9.
- ⁴⁸ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 322. Л. 53–56. Были также жалобы, что военные трибуналы неадекватно наказывают за хищение государственной собственности. См., напр.: Там же. Д. 319. Л. 146. Что интересно, обвинения в проявлении слабости в адрес военных судов вторили претензиям Сталина к советским представителям на Нюрнбергских процессах, которые, по его словам, разочаровали страну, не добившись самых суровых приговоров для всех подсудимых.
- ⁴⁹ В июле 1948 г. Сафонов представил секретарю ЦК Попову выдержку из показаний одного адвоката о передаче инспектором Военной коллегии взятки не названному по имени судье коллегии в 1947 г.: Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4042. Л. 187–188. Этот адвокат рассказал следователям, что его коллега представлял некоего полковника, которого обвиняли в том, что он привез домой в Советский Союз похищенные в Германии ценности. Жена полковника предлагала от 60 до 70 тыс. руб. за благоприятное решение по делу. Проверить обвинение невозможно, как и выяснить, дошли ли деньги до судьи, если оно правдиво. См. также материалы к делу Анисимовой и ее адвоката: Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 984. Л. 1–76.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3. Л. 54–55 (доклад Булаева о предполагаемых преступлениях Голякова, 19 января 1951 г., вероятно, направленный Сафонову).
- ⁵¹ Там же. Оп. 37. Д. 4940. Л. 101–117 (материалы прокуратуры по делу Л. Н. Кудрявцева). Кудрявцев признал, что, возможно, «поступил неэтично»: протолкнул на пересмотр два дела по жалобам, переданным ему двумя приятелями-адвокатами (Там же. Д. 4938. Л. 153). Подробнее о деле Кудрявцева см.: Там же. Д. 4924. Процесс судей Верховного суда РСФСР в конце 1949 г. также свидетельствует, что прокуратура все еще копала под Военную коллегия. Следует обратить внимание на показания посредника/адвоката Мушаилова, которого председатель суда неоднократно спрашивал о коррупционных связях с работниками Военной коллегии, в том числе Мазуром, Сердюком и Хохловым (Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 984).
- ⁵² Наиболее надежные свидетельства говорят о невиновности Кудрявцева в том, что ему инкриминировали. Тех, кто давал показания против него,

обвинили в клевете несколько других подсудимых и свидетелей. Жалобы Кудрявцева и другую имеющую отношение к нему информацию см.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4938. В жалобе, адресованной генеральному прокурору Руденко в октябре 1953 г., Кудрявцев сравнивал свою главную обвинительницу, женщину-адвоката, с женщиной-врачом, которая обвинила кремлевских врачей в заговоре с целью убийства Сталина («Дело врачей»): Там же. Л. 173.

53 Эту большую «политическую ошибку» Каравайкова Управление кадров ЦК особо отметило в разгромном докладе от 8 июля 1948 г., посвященном политической благонадежности кадров Верховного суда СССР (пленум Верховного суда отменил смягчение приговора): РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 96. Л. 136. В июле 1948 г. Управление кадров ЦК добавило новое обвинение против Копелева – некто Сучков, «американский шпион», оговорил его, защищая себя: Там же. По делу Копелева см. также письмо Голякова в Комиссию партийного контроля ЦК, 5 января 1948 г.: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 322. Л. 1. В состав тройки судей, рассматривавшей это дело, входил и судья Орлов.

54 Неясно, рассматривало ли тогда Политбюро этот вопрос официально. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 348. Пт. 79 (протоколы Оргбюро/Секретариата от 24 апреля 1948 г.). Во всяком случае, ареста Каравайков, по-видимому, избежал, по крайней мере на тот момент. 19 декабря 1946 г. Каравайков получил от КПК строгий выговор за участие в приобретении трофейных товаров в бытность председателем военного трибунала оккупационной группы войск в Германии. Он «заключил сделку с немцем – купил у него пианино, домашнюю мебель и 2 электрохолодильника, получив от него счет на приобретенное имущество» (ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 294. Л. 51). Разумеется, многие офицеры разживались в Германии трофеями; большинство из них никакой ответственности за это не понесли. Подобные обвинения характерны для послевоенных дисциплинарных дел против членов партии, работавших некоторое время за границей.

55 Пт. 109 повестки дня (подготовлен Секретариатом 30 апреля 1948 г., протокол № 348, п. 79-гс).

56 К делу мнимого троцкиста Копелева Управление кадров ЦК помимо Каравайкова притянуло генерал-майора юстиции Орлова: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 96. Л. 136.

57 Там же.

58 Роль советской делегации в формулировании обвинительного акта Нюрнбергского трибунала рассматривает Франсин Хирш: Hirsch F. The Soviets at Nuremberg: International Law, Propaganda, and the Making of the Postwar Order // American Historical Review. 2008. Vol. 113. P. 701–730. Никитченко, родившийся в 1895 г., умер в 1967 г.

59 ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4938. Л. 168. Заведующую отделом судебного надзора Верховного суда СССР Уманскую на ее процессе в июле 1949 г. спросили, не знает ли она о Никитченко чего-нибудь «дурного». Бывшая судья Верховного суда СССР Чурсина (весьма ненадежный источник) на закрытом процессе показала, что помощник Никитченко ей сообщил,

будто Никитченко незаконно «устраивал» некоторые дела. См.: Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 824. Л. 23, 183.

60 Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4938. Л. 152–153, 168 (жалоба Л. Н. Кудрявцева генеральному прокурору СССР Руденко, 12 сентября 1953 г.).

61 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 96. Л. 135. Чурсина заявила, что Никитченко состоял в любовной связи с адвокатом Орловой, когда оба были в Нюрнберге, и поэтому не отказывался принимать взятки, передаваемые через Орлову: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 824. Л. 183. Такое заявление именно от Чурсиной, которую не раз уличали во лжи о высокопоставленных судьях, лишний раз подтверждает, что следователи заставляли свидетелей давать показания против Никитченко, Ульриха, Добровольского и других членов Военной коллегии. Никитченко входил в число судей, председательствовавших на одном из показательных процессов (Зиновьева, Каменева и др., 19–24 августа 1936 г.). Чурсина также утверждала на суде, что сотрудник Военной коллегии рассказывал ей, будто Ульрих берет взятки, наряду со многими прочими не названными поименно работниками коллегии: Там же.

62 ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 322. Л. 94 (письмо Волина Сталину «О мерах по улучшению работы Верховного суда СССР», 26 октября 1948 г.).

63 На момент снятия Никитченко был председателем Железнодорожной коллегии Верховного суда СССР: Там же. Д. 337. Л. 31. Политбюро обсуждало судьбу Никитченко 14 июня 1949 г. (протокол заседания Секретариата ЦК № 437 от 10 июня 1949 г., п. 267-с).

64 Подробности биографии Буканова взяты из его показаний на процессе 19 сентября 1951 г., протокол можно найти в ГА РФ: Там же. Оп. 7. Д. 960. Л. 314–315. См. также: Там же. Оп. 16. Д. 144. Л. 29 (письмо Голякова в ЦК Андрееву, 7 февраля 1939 г.).

65 Компрометирующая информация поступила от Шевченко, бывшего судьи Верховного суда РСФСР, после его ареста за взяточничество раньше в том же году. Шевченко, старого друга и собутыльника Буканова, допрашивали в тюрьме: Там же. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 50. Л. 359–360 (письмо Сафонова и Горшенина заведующему административным отделом ЦК, 4 ноября 1948 г.); Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4044. Л. 145–146 (письмо Кузнецову, 6 октября 1948 г.).

66 Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 960. Л. 195–200.

67 О первом процессе Буканова (протокол не обнаружен) см.: Там же. Оп. 16. Д. 960. Л. 195.

68 Там же. Оп. 7. Д. 960. Л. 332.

69 Там же. Д. 912. Л. 181 и сл. Председатель Московского городского суда Васнев тоже с возмущением жаловался на физическое принуждение: Там же. Д. 800. Л. 94–99 (письмо Васнева председателю Верховного суда СССР А. Ф. Горкину, 26 ноября 1959 г.). Караханов на суде показал, что следователь Дворкин говорил ему: «Вы попали к нам в руки и не вырветесь. Я, Дворкин, один в СССР, и как Дворкин скажет, так и суд будет делать». По словам Караханова, «Дворкин грозил арестовать семью, детей». См.: Там же. Д. 855. Л. 165 (процесс Васнева и др.).

70 Там же. Д. 960. Л. 336.

- ⁷¹ Подследственные судьи понимали, что прокуратура может арестовать их родных. О такой же угрозе судье Верховного суда РСФСР Мурзаханову см.: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 958. Л. 90.
- ⁷² Там же. Д. 960. Л. 337. Судья Военной коллегии Буканов сделал на своем процессе почти тот же вывод: «Таким образом, этому следователю хотелось найти фигуру человека, который занимал большой пост, и поставить его во главе взяточничества». Позже он сказал: «Следователям хотелось поставить во главе мелких взяточников крупных фигур, и они “рыли яму” мне, добавились все меры воздействия на допрашиваемых». См.: Там же. Л. 319, 355.
- ⁷³ Там же. Д. 912. Л. 237.
- ⁷⁴ Там же. Д. 960. Л. 356.
- ⁷⁵ Вопрос, конечно, вполне уместный. Можно представить, как хорошо Буканов, бывший членом Военной коллегии, понимал роль некоторых партийных деятелей в суде над высокопоставленными судьями.
- ⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 96. Л. 134 (доклад Кузнецова, направленный Маленкову, 8 июля 1948 г.).
- ⁷⁷ Там же. Кассель говорила, что работала в ленинском секретариате.
- ⁷⁸ Там же. Л. 133–134.
- ⁷⁹ Еще 9 апреля 1945 г. Бакакин, заместитель заведующего отделом Управления кадров ЦК, докладывал секретарю ЦК Маленкову о личных тренингах между членами Военной коллегии, делая вывод, что «в Военной коллегии Верховного Суда СССР создалась явно нездоровая обстановка». Ульрих, рассказывая он, однажды напился у себя на даче в присутствии многих членов коллегии с женами и поругался с одним из них, Орловым. Когда Орлов выходил из комнаты, он обозвал его идиотом и «жидовской мордой», а потом повернулся к остальным и заявил: «Я здесь хозяин, захочу – выгоню всех». Выражение «жидовская морда» он снова употребил, говоря о некоторых жертвах проходивших под его председательством процессов 1930-х гг., в том числе Ежове. Никитченко и несколько членов Военной коллегии, включая Буканова, Орлова и Климина, ранее уже жаловались в Управление кадров ЦК, что отношения между членами коллегии плохие, а Ульрих еще больше их портит, что он горький пьяница и сожительствует с двумя женщинами. Бакакин констатировал, что ситуация приняла «уродливую непартийную форму» и «все это подрывает авторитет т. Ульриха как руководителя коллегии в глазах подчиненных». Маленков направил доклад Бакакина Молотову, рекомендуя создать комиссию для решения проблемы. Молотов согласился, но о том, что происходило дальше, в документах нет сведений. Ульрих оставался на своем посту еще больше трех лет. См.: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 283. Л. 48–49.
- ⁸⁰ Gorlizki Y., Khlevniuk O. Cold Peace. P. 114–116.
- ⁸¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 22. Л. 19. Ульрих давно добивался от Добровольского этих сведений и в конце концов нашел их сам. Он добавляет, что министр юстиции Рычков не посоветовался с ним, назначая Добровольского в коллегию в мае 1946 г., и просит освободить последнего от должности. У Ульриха были конфликты с Добровольским в прошлом. См.: Там же. Л. 1–3.

- ⁸² Там же. Л. 14–18. Сопроводительная записка, приложенная к письму при его передаче в архив ЦК 5 ноября 1948 г., свидетельствует, что покаянное послание Ульриха было сочтено недостаточно самокритичным.
- ⁸³ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 824. Л. 183. Главного военного прокурора Советской армии Афанасьева сняли в 1950 г., поставив ему в вину много аналогичных прегрешений – в частности, проявление слабости при преследовании изменников и контрреволюционеров. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 175. Л. 11.
- ⁸⁴ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 960. Л. 202–203. Процесс Буканова проходил за закрытыми дверями в ноябре 1950 г. Прокуратура также не оставляла попыток найти компрометирующий материал на судью Военной коллегии Добровольского. На процессе по делу о взяточничестве коллег судьи Верховного суда СССР Солодилова в июле 1949 г. одного из подсудимых спросили, брал ли Добровольский взятки. См.: Там же. Д. 824. Л. 27.
- ⁸⁵ Gorlizki Y., Khlevniuk O. Cold Peace. P. 110–111. См. также: Хлевнюк О. Кремль – Тбилиси: Чистки, контроль и проблемы грузинского национализма в первой половине 1950-х годов: Доклад на семинаре «Грузинский национализм и советская власть». Йёнссу, Финляндия, 27 августа 2012 г.; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. С. 167–168, 354–355.
- ⁸⁶ О брежневской эпохе см.: Clark W. Crime and Punishment in Soviet Officialdom; Coulloudon V. Russia's Distorted Anticorruption Campaigns.
- ⁸⁷ Shearer D. Crime and Social Disorder in Stalin's Russia: A Reassessment of the Great Retreat and the Origins of Mass Repression // Cahiers du monde russe et soviétique. 1998. Vol. 39. No. 1–2; Hoffman D. L. Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity. Ithaca, 2003. P. 176–179. Об одном деле эпохи террора, когда партийные следователи связали расточительные траты ответственных работников на банкеты со взятками для «троцкистской» деятельности, см.: Hoffman D. L. Stalinist Values. P. 76.
- ⁸⁸ Во время партийных чисток 1930-х гг. Военная коллегия приговорила к смерти как изменников ряд собственных бывших членов, включая предшественника Ульриха на посту ее председателя, В. А. Трифонова. См.: Jansen M., Petrov N. Mass Terror and the Court. P. 599.

Глава 8

- ¹ День самоубийства Солодилова случайно совпал с первой годовщиной выхода экстраординарного указа от 4 июня 1947 г. об ответственности за хищение государственного имущества, который создал условия для чудовищного давления на правовую систему, игравшую главную роль в этом скандале.
- ² Солодилов А. П., Амфитеатров Г. Н. Право наследования в СССР. М., 1946.
- ³ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 283. Л. 17–17 об. (письмо Голякова Маленкову, 11 июня 1945 г.).
- ⁴ Там же. Оп. 7. Д. 797. Л. 97.

- ⁵ Цифры подсчитаны по вспомогательным материалам к процессам, за которыми наблюдала Военная коллегия Верховного суда (ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7).
- ⁶ К. М. Симис в воспоминаниях 1982 г. мельком замечает, что, работая молодым адвокатом в Москве, годами слушал легенды о судьях-взяточниках в Верховном суде РСФСР в конце 1940-х и в 1950-х гг. (даты он не уточняет). Такие слухи ходили в юридических кругах. Разумеется, он не мог знать о виновности или невиновности всех обвиняемых. Тем не менее он с большой долей преувеличения полагает: «Установка была такая: все работники судебной системы заражены коррупцией» (Simis K. USSR: The Corrupt Society. New York, 1982. P. 117). Симис первым упомянул об этих делах в печати. Он не знал никаких деталей, не называл имен и вообще коснулся данной истории мимоходом. Соответствующие слухи он приводит как пример устных свидетельств, что коррупция в советских судах существовала со времен послевоенного сталинизма, во всяком случае об этом шептались между собой юристы в конце 1950-х и в 1960-х гг. Питер Соломон в магистерской работе о сталинской правовой системе кратко пишет, что несколько судей верховных судов действительно обвинялись во взяточничестве и были арестованы в 1948 г. Он отмечает, что скандал вызвал перетряску руководства Верховного суда СССР и его Военной коллегии. См.: Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge, 1996. P. 381–382. Соломон упоминает эти обвинения в связи с более широкой темой давления прокуратуры и партии на суды после войны с целью заставить судей выносить максимально допустимые приговоры. Таким образом, он помещает их в контекст партийной кампании против оправдательных приговоров и контрпродуктивной тяги партии к секретности. См.: Solomon P. H., Jr. *The Case of the Vanishing Acquittal: Informal Norms and the Practice of Soviet Criminal Justice* // *Soviet Studies*. 1987. Vol. 39. No. 4. P. 531–555; Idem. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Chap. 11.
- ⁷ Основные документы по этим делам разбросаны по нескольким архивам и фондам, в том числе Прокуратуры СССР, Министерства юстиции, верховных судов РСФСР и СССР. В РГАСПИ также содержится важная документация, направлявшаяся в партийные органы и исходившая от них. Прокуратура посылала доклады о расследованиях в Политбюро, Секретариат и Оргбюро ЦК, те, в свою очередь, составляли собственные доклады о скандале для Сталина и/или заседаний Политбюро, которое вносило обсуждение ситуации в повестку дня несколько раз. Кое-какой наиболее щекотливый материал хранится в секретной «Особой папке» Политбюро. Документы административного отдела ЦК (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136) были ненадолго открыты после распада Советского Союза, а потом опять закрыты до 2009 г., когда мне удалось получить к ним доступ, хоть и ограниченный, но принесший пользу. Слово «взяточничество» фигурирует в опубликованных повестках заседаний Политбюро за период 1930–1952 гг. только во время расследования этих дел. См.: Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний, 1919–1952: Каталог: В 3 т. М., 2000–2001. Т. 3.

- ⁸ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР, 1945–1953 / сост. О. В. Хлевнюк и др. М., 2002. С. 59–60.
- ⁹ Структура аппарата ЦК была реорганизована постановлением ЦК от 10 июля 1948 г.: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. С. 60–61.
- ¹⁰ Мосгорсуд рассматривал и надзорные, и кассационные жалобы.
- ¹¹ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 855. Л. 53–55 (процесс Васнева, Чурсиной и др., 24 мая – 11 июня 1949 г.). В военные годы Баканов познакомился со многими работниками Мосгорсуда, когда тот временно функционировал как военный трибунал города Москвы. Халин был во время войны членом Московского военного трибунала.
- ¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 151. Л. 133 (письмо Сафонова Маленкову, 31 августа 1948 г.).
- ¹³ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 50. Л. 32–35 (письмо Горшенина секретарю ЦК А. А. Кузнецову, 8 мая 1948 г.). К декабрю 1948 г. были арестованы за взяточничество 11 судей районных судов Москвы: Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4045. Л. 380–382 (письмо Сафонова в ЦК Попову, 29 декабря 1948 г.). Всех в конце концов осудили и приговорили к 10 годам лишения свободы: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 151. Л. 133.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 29. Л. 44 (письмо Лопухова Кузнецову, 28 августа 1948 г.). См. также: ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 527. Л. 142; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 151. Л. 135.
- ¹⁵ В. В. Гуторкину осудили за получение взяток 11 июня 1949 г., приговорив к 10 годам заключения. Гуторкина признала вину на суде, сказав, что взяла 10 тыс. руб. через адвоката Сендерова. Как многие подсудимые на процессе и в письменных показаниях, она заявила, что совершала ошибки, поддавшись тлетворному влиянию коллеги – Чурсиной. Ее муж в 1952 г. написал в Комиссию партийного контроля, прося о ее досрочном освобождении по состоянию здоровья. Просьба была отклонена. Дальнейшая судьба Гуторкиной неизвестна. См.: РГНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1609. Л. 118–119 (письмо ответственного контролера КПК Калистратова Шкирятову, март 1952 г.).
- ¹⁶ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 855. Л. 2.
- ¹⁷ Некоторые подсудимые отзывались о Чурсиной как о «больной» или «сумасшедшей». Сама она назвала себя «взбалмошной»: Там же. Л. 45. Протокол процесса работников Мосгорсуда см.: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 855.
- ¹⁸ Там же. Д. 803. Л. 3, 8 (протокол допроса Ф. П. Уманской).
- ¹⁹ На допросах и на своем закрытом процессе Чурсина показала на руководителей нескольких высших судов, включая заместителя председателя Верховного суда СССР Солодилова, еще одного судью Верховного суда СССР Цветкова, заместителя председателя Верховного суда РСФСР Давыдову, секретаря Военной коллегии Кудрявцева, председателя Московского городского суда Васнева и др. Она также дала показания, как выяснилось впоследствии, ложные, по делам как минимум двух высших судей – председателя Верховного суда СССР Голякова (которому обвинение так и не предъявили) и члена Военной коллегии Буканова (которого в конечном итоге оправдали). См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 151. Л. 134.

- ²⁰ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 855. Л. 2; Kravchenko V. I Chose Freedom: The Personal and Political Life of a Soviet Official. New York, 1946. P. 355–356.
- ²¹ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 855 (особенно л. 45–54). Конечно, задним числом ни в чем нельзя быть уверенным, но есть немало свидетельств невиновности судьи Васнева в том, за что его судили. Васнев утверждал, что его ложно оговорили двое судей, сознавшихся во взяточничестве, Чурсина и Гуторкина, желая добиться смягчения собственных приговоров. Он протестовал против своего осуждения в письме Сталину, заявляя, что Чурсина лгала о нем следствию, потому что хотела улучшить условия своего содержания в заключении: РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1608. Л. 7–21 (письмо Васнева Сталину, получено 6 декабря 1949 г.). См. также заявление Васнева в Верховный суд СССР 1960 г.: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 857. Л. 94–108. На суде Васнев сказал, что Чурсина его оклеветала за отказ жениться на ней. В конце концов обвинения во взяточничестве с него сняли за недоказанностью, но осудили его за злоупотребление служебным положением. Васнев написал несколько возмущенных писем, протестуя против манеры ведения следствия по его делу и настаивая на своей невиновности. Он указывал, что десятки первоначальных обвинений против него основывались на неподтвержденных слухах, передаваемых его коллегами Чурсиной и Гуторкиной.
- ²² См. заявление Васнева: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 800. Л. 100. Материалы его процесса: Там же. Д. 855 (особенно л. 312). Жалобы Васнева, по видимому, нашли отклик в административном отделе ЦК после снятия Кузнецова в 1949 г. Было предпринято тщательное расследование его заявлений, начавшееся в ноябре 1949 г. и продолжавшееся до мая 1950 г.
- ²³ Социалистическая законность. 1945. № 4. С. 4.
- ²⁴ Васнева обвиняли во вмешательстве в дело некоего Чертова, осужденного в 1943 г. за крупное хищение мануфактурных товаров. За взятку Васнев якобы переквалифицировал обвинение на гораздо менее тяжкое – в «злоупотреблении служебным положением» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 151. Л. 132–134). Чертова судили за нарушение указа от 7 августа 1932 г.
- ²⁵ Там же. Оп. 136. Д. 29. Л. 44 (письмо Лопухова А. А. Кузнецову с цитированием слов Л. Р. Шейнина и Горшенина, 28 августа 1948 г.). По словам В. Н. Сафроновой, Чурсина рассказывала ей, будто однажды во время ссоры Васнев ударил ее по лицу: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 801. Л. 54 (протокол допроса Сафроновой, 16 июня 1948 г., Бутырская тюрьма).
- ²⁶ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4666. Л. 175–185 (письмо Сафонова в административный отдел ЦК Бабакину, 16 февраля 1949 г.).
- ²⁷ Там же. Л. 176.
- ²⁸ Там же. Л. 179. Васнев позже писал Сталину: «Сначала меня оклеветали, и в первую очередь сам Дворкин [следователь прокуратуры], – как организатора, возглавляющего в Мосгорсуде группу взяточников, затем просто как взяточника, а потом, когда эти обвинения были опровергнуты, тот же Дворкин, поставив в затруднительное положение себя и прокуратуру СССР, вынужден был создать искусственно второе против меня дело по ст.ст. 109 и 114 УК РСФСР [о неправосудных решениях]...

В результате всего этого... я оказался по существу уничтоженным человеком» (РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1608. Л. 15). Не сумев доказать, что он брал взятки, жаловался Васнев, Прокуратура СССР, дабы избежать конфуза и не выпускать человека, разрешения на арест которого так добивалась, все-таки нашла, в чем еще обвинить его, включая пьянство и моральное разложение (ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 855. Л. 317). Он уверял Сталина, что Гуторкину и Чурсину надо судить за ложные показания по статье 58 как антисоветских вредителей, к тому же муж Чурсиной – немец и вполне может быть «врагом». «Мой арест и мое осуждение, – доказывал Васнев, – может служить ярчайшим примером уничтожения честного и невинного человека, преданного своей Родине, партии и правительству» (РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1608. Л. 18). На суде Васнев сказал, что в первый же раз, когда он встретился со следователем прокуратуры Дворкиным, еще до партийного собрания по своему делу, на него «смотрели как на человека, которого немедленно надо было уничтожить» (ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 855. Л. 316). Он прерывал ход судебного заседания выкриками, что Чурсина лжет (см., напр.: Там же. Л. 37).

29 ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4666. Л. 180–181.

30 Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 855. Л. 47; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 151. Л. 133–135.

31 ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4666. Л. 179–180.

32 Еще один судья, по-видимому несправедливо обвинявшийся (в 1950 г.), – председатель суда Гулага по Московской области А. А. Куприянов. Как и Буканова, его сняли с должности после первоначальной волны арестов в 1948 г. Прокуратура СССР обвинила Куприянова в том, что он в декабре 1946 г. принял в подарок одежный шкаф от некоей Е. М. Гусевой. Затем его летом 1947 г. якобы угощали Чурсина и Мигунова. См.: Там же. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 67. Л. 179; Д. 68. Л. 110–113 (справка от Скороходова, датирована от руки 24 июля 1950 г.). Справку о показаниях Чурсиной относительно Куприянова, которые Министерство юстиции отклонило как ложные, см.: Там же. Д. 67. Л. 180–183. После пересмотра материала, имеющегося у Прокуратуры СССР, Горшенин в письме в административный отдел ЦК Грому от 5 апреля 1950 г. назвал просьбу прокуратуры о предъявлении Куприянову обвинения в совершении преступления «необоснованной и преждевременной» (Там же. Л. 181). Куприянов любую свою вину категорически отрицал. Намекая, что свидетели лгут, Горшенин призывал «тщательно проверить» показания Чурсиной, Гусевой, Мигуновой и свидетеля Пименова.

33 Там же. Д. 50. Л. 32–35 (письмо Горшенина Кузнецову).

34 Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4669. Л. 2–10 (письмо Сафонова в Комиссию партийного контроля с приложенной справкой, июнь 1949 г.).

35 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 151. Л. 132.

36 Определение Верховного суда СССР по поводу положения в Верховном суде РСФСР от 16 февраля 1949 г. см.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4669. Л. 12–13 (подписано Битюковым). Помимо расследований, идущих в ряде других судов, прокуратура вплотную занялась Верховным судом РСФСР (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 29. Л. 55). Судья Верховного суда

- РСФСР Пашутина показала, что говорила работнику аппарата ЦК Бакину о подозрительной деятельности Шевченко и Мурзаханова: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 1025. Л. 83.
- 37 Протокол процесса Пашутиной в 1951 г. см.: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 1025. Касательно обсуждения ее дела в Политбюро см. материалы протоколов Политбюро от 22 августа 1950 г., пт. 113: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1558.
- 38 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 29. Л. 111 (письмо Лопухова в техсекретариат, 19 октября 1948 г.). Неясно, предъявляла ли прокуратура позже Васильеву обвинение во взяточничестве.
- 39 Там же. Л. 99. Александр Михайлович Нестеров родился в 1905 г. в Тюменской области, изучал право два года (1937–1939) в Ленинграде. В 1940 г. возглавил Алтайский краевой суд. Председателем Верховного суда РСФСР был назначен 4 мая 1945 г.
- 40 Заседание Политбюро 13 июня 1949 г., пт. 214.
- 41 РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 132. Л. 37–48. КПК рассматривала апелляцию Нестерова на исключение из партии в марте 1951 г. Апелляция была отклонена: Там же. Д. 199. Л. 18–23.
- 42 ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4669. Л. 2–11 (справка Сафонова Швернику в КПК, 9 июня 1949 г.).
- 43 Там же. Л. 2.
- 44 Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 881. Л. 5 (обвинительное заключение, 25 марта 1949 г., написано Сафоновым); Д. 882. Л. 131. К. Т. Попов, старший консультант Верховного суда РСФСР, обвинявшийся (и сознавшийся) в неоднократном получении взяток (арестован 26 июля 1948 г.), описал следователям чрезвычайно уютную «семейственную» атмосферу, поощрявшую преступную деятельность в кабинетах суда. Никто из начальства, сказал он, не одергивал (и тем более не выдавал) сотрудников, которые неправомерно вмешивались в дела.
- 45 Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4669. Л. 15. Все имена, упомянутые в этом абзаце, изменены.
- 46 Перед самым началом своего процесса Иванова написала председателю Верховного суда СССР Волину, заверяя его в своей невиновности: Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 882. Л. 392 (письмо Ивановой в Верховный суд СССР, передано Волину 13 мая 1949 г.). Протокол суда см.: Там же. Л. 109–221.
- 47 На суде Иванова сказала: «Я признаю, что с 1935 года я сожительствовала, была в близких, интимных отношениях с Ростовой». На том же процессе вызванную в качестве свидетеля Васильеву заставили дать показания об их отношениях: Там же. Л. 211.
- 48 Иванова заявила суду: «Таким образом, можно сказать, что если я постоянно жила с одной Ростовой, то Киселева меняла женщин очень часто»: Там же.
- 49 Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4042. Л. 182–187 (протокол допроса Сейфулиной, датирован 26 июля 1948 г., прислан Сафоновым секретарям ЦК Попову и Кузнецову 31 июля 1948 г.).

- 50 Там же. Д. 4669. Л. 3–5 (справка Сафонова в КПК Шкирятову, 9 июня 1949 г.).
- 51 Люк Дюамель писал о попытках КГБ в 1980-е гг. расправиться с грузинскими криминальными сетями, которые проникли в московскую систему розничной торговли: Duhamel L. *The KGB Campaign against Corruption in Moscow, 1982–1987*. Pittsburgh, 2010.
- 52 См. протокол процесса Шевченко: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 912. Шевченко использовал те же выражения, давая показания на суде над Букановым, где выступал свидетелем: «С Гогоришвили я знаком по его работе в закусочной в Раменском районе, где мы встречались с Букановым. Попав в компанию его родственников и знакомых, я впоследствии был ими подкуплен, и сейчас через них я отбываю наказание» (Там же. Д. 960. Л. 331). См. также справку Сафонова Швернику о деле Верховного суда РСФСР: Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4669. Л. 6–7.
- 53 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 151. Л. 138–139.
- 54 ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 960. Л. 347. Однажды Шевченко с женой пригласили в качестве почетных гостей на дачу к грузину – директору продовольственного магазина. В застолье участвовали сорок человек, в том числе четыре генерала и несколько полковников. Стол, по выражению Шевченко, ломился от яств и напитков, и было ясно, что грузины стараются втереться к нему в доверие, чтобы «купить» его помощь на постоянной основе. Согласно показаниям Шевченко, жена, оглядывая собравшихся, предостерегла его, что он «попал в компанию жуликов» и, общаясь с ними, может «сам превратиться в жулика» (Там же. Д. 912. Л. 188). В переписке прокуратуры по поводу скандала постоянно прорываются неотвязные подозрения в отношении национальных групп с Кавказа. Это особенно видно по расследованию злоупотреблений в Верховном суде РСФСР, который рассматривал заявления по делам из районов Северного Кавказа: Дагестана, Чечни, Северной Осетии. Например, человек, связанный со многими обвинениями во взяточничестве, начальник хозяйственного отдела Верховного суда РСФСР Бекоев, был осетин. В одном письме, посвященном скандалу в Верховном суде РСФСР, цитируются слова старшего юрисконсульта суда Попова, русского по национальности: «Бекоев занимался какими-то темными делами, у него были очень часто посетители, особенно из Северной Осетии, откуда он родом, и он всегда устраивал какие-то дела. Бекоев пользовался большим доверием председателя Верховсуда Нестерова, был в хороших отношениях со всеми и мог в любом деле помочь. Он и меня втягивал в свои дела» (Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4669. Л. 8 [письмо Сафонова в КПК, 9 июня 1949 г.]).
- 55 Судья Шевченко был приговорен к 10 годам исправительных работ. В 1950 г. он занимался тяжелым трудом на стройке МВД в Москве.
- 56 Nove A. *Some Aspects of Soviet Constitutional Theory* // *Modern Law Review*. 1949. Vol. 12. No. 1. P. 32. После 1932 г. Верховный суд СССР иногда издавал «руководящие разъяснения», имеющие практически силу закона: Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. P. 404. Подробнее о структуре Верховного суда СССР см.: Idem. *The USSR*

- Supreme Court: History, Role, and Future Prospects // *American Journal of Contemporary Law*. 1990. Vol. 38. No. 1. P. 129–130. Конституция РСФСР установила, что Верховный суд РСФСР служит высшим судебным органом Российской республики и осуществляет надзор за всеми ее судами, так же как верховные суды всех союзных и автономных республик.
- 57 Краткую биографию Солодилова см. на официальном сайте Верховного суда Российской Федерации: www.supcourt.ru/vscourt_detale.php?id=18 (дата доступа: 25 января 2015 г.). В официальной истории суда упоминаются аресты и расстрелы судей РСФСР в 1930-х гг., но, как ни странно, на сайте ничего не говорится о сокрушительных скандалах в связи со взяточничеством, которые прокатились по верховным судам СССР и РСФСР в 1947–1952 гг. и стоили руководству судов работы, а во многих случаях свободы и репутации.
- 58 Стивен Ловелл исследует тонкости советского дачного владения: Lovell S. A History of the Dacha, 1710–2000. Ithaca, NY, 2003. Ответственных работников часто обвиняли в незаконном использовании государственных транспортных средств и стройматериалов.
- 59 По словам его коллеги, юрисконсульта В. Н. Сафроновой, эта беседа встревожила Солодилова и с тех пор он был настороже: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 824. Л. 17 (показания В. Н. Сафроновой, 19 июля 1949 г.). На встрече с новым министром в Министерстве юстиции СССР в феврале 1948 г. один из присутствующих сказал, что слухи о незаконно построенной даче Солодилова облетели все кабинеты Верховного суда: Там же. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 542. Л. 136. Примерно в то же время, в январе, Комиссия партийного контроля и Министерство государственного контроля призвали министра юстиции Рычкова к ответу за то, что он якобы построил себе большую дачу на государственные деньги. Рычков также обвинялся в незаконном приобретении трофейных вещей из Германии, включая «несколько ковров, посуду, пианино... и даже холодильники», общей стоимостью 47 тыс. руб. Руководство министерства получило выволочку за то, что совершенно не преследует расхитителей государственной собственности. В феврале 1948 г. Рычкова сняли: Там же. Л. 157.
- 60 В ряде таких дел видна преемственность с описанным Синтией Хупер чрезвычайно подозрительным отношением к семейным связям в 1930-х гг. См.: Hooper C. V. Terror of Intimacy: Family Politics in the 1930s Soviet Union // *Everyday Life in Early Soviet Russia: Taking the Revolution Inside* / ed. C. Kiaer, E. Naiman. Bloomington, IN, 2005.
- 61 В 1944 г. министр юстиции Рычков получил письмо, где приводилось замечание одного офицера НКВД, который знал адвоката, работавшего с Солодиловым в Чкалове по нескольким делам с подозрительными результатами. Этот адвокат будто бы выступал посредником и передавал Солодилову взятки, хотя по тем делам Солодилову обвинений не предъявляли. Офицер сказал, что Солодилову «давно бы нужно покинуть органы юстиции» (ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 357. Л. 6–9 об.). Сразу после войны Солодилову приказали ехать в Германию на новую должность. Голяков воспрепятствовал переводу, настаивая, что работа Солодило-

- ва слишком ценна для Верховного суда: Там же. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 283. Л. 17–17 об.
- 62 Там же. Д. 294. Л. 45–50 (письмо Никитина из Управления кадров ЦК Голякову, 5 сентября 1946 г.).
- 63 Там же. Оп. 7. Д. 824. Л. 31.
- 64 Там же. Д. 798. Л. 158 (протокол допроса Радчик, апрель 1948 г.).
- 65 Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4041. Л. 55–61 (копии – Кузнецову и Молотову).
- 66 Справка Сафонова основана главным образом на показаниях судьи Чурсиной, работника Верховного суда СССР Владарчука и адвоката Берты Радчик, содержавшихся в Бутырской тюрьме. Точкой отсчета в справке об обвинениях против Солодилова избрано следствие 1947 г. по делу о взяточничестве в судах Чкаловской области, вблизи границы с Казахской ССР, куда Верховный суд СССР эвакуировался во время нацистского вторжения. В 1938 г. город Оренбург, расположенный в 1 500 км к юго-востоку от Москвы, был переименован в Чкалов. Прежнее название городу вернули в 1957 г.
- 67 ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4041. Л. 66 (показания Владарчука).
- 68 Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 824. Л. 38–41. В своих показаниях она не уточнила причину выселения.
- 69 См. показания Р.: Там же. Д. 804. Л. 84–88. Она назвала Солодилова «отвратительным» и чрезвычайно безнравственным человеком.
- 70 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 151. Л. 141.
- 71 Hoffman D. L. *Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity*. Ithaca, 2003. P. 72–78.
- 72 Ibid. P. 75.
- 73 ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4041. Л. 61.
- 74 Слово «Политбюро» для того периода следует использовать с оговорками, поскольку тогда оно собиралось редко и в самых разных конфигурациях в зависимости от прихоти Сталина. Это никоим образом не был совещательный орган. См., напр.: Gorlizki Y., Khlevniuk O. *Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953*. Oxford, 2004.
- 75 Протокол заседания Политбюро 19 мая 1948 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1511. Л. 155). В действительности Солодилов был снят только 27 мая, согласно показаниям Сафроновой на суде: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 824. Л. 107.
- 76 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 96. Л. 133; ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 824. Л. 196 (показания Сафроновой, 29 июля 1949 г.).
- 77 Работая судьей Военной коллегии во время «большого террора», Солодилов видел, что самые важные лица, со связями, приговаривались к смерти за мелкие преступления или вообще ни за что. Возможно, когда он представил себе такую же участь, какая постигла тех людей, арестованных, униженных на его глазах и расстрелянных, самоубийство показалось ему наилучшим выходом. В некоторых отношениях судьба Солодилова напоминает судьбу брежневского министра культуры Е. А. Фурцевой, первой женщины – члена Политбюро в СССР. В 1973 г. ее обвинили во

- взяточничестве и незаконном использовании государственных средств для строительства дачи. В следующем году она покончила с собой.
- 78 В ряде случаев, например с Серго Орджоникидзе, В. В. Ломинадзе и М. П. Томским, Сталин приходил в бешенство, когда партийные деятели совершали самоубийство. См.: Khlevniuk O. In *Stalin's Shadow*. Armonk, NY, 1995. P. 69–77, 150–162.
- 79 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 96. Л. 132–141.
- 80 Там же. Л. 132.
- 81 Протоколы Политбюро, 24 августа 1948 г., пт. 91 «О положении дел в Верховном суде СССР» (Секретариат 20 августа 1948 г., № 369, п. 15-с). Положение дел в Верховном суде СССР было единственным пунктом повестки в тот день: Там же. Оп. 163. Д. 1510.
- 82 Там же. Оп. 118. Д. 131. Л. 162–163.
- 83 Там же. Оп. 136. Д. 171. Л. 31. Рассуждения Волина о реорганизации Верховного суда в конце 1949 г. и о предложенных им после скандала изменениях см.: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 338. Л. 304. Волин был снят с поста председателя Верховного суда 21 февраля 1957 г. В личном интервью Йораму Горлицкому Волин рассказал, что в июле 1948 г. Сталин вызвал его на заседание Политбюро. Там генсек лично сказал Волину, что ЦК хочет, чтобы он «очистил от мусора» Верховный суд. Для меня это звучит как приказ всецело сотрудничать с работой следствия прокуратуры (начатого по поручению административного отдела ЦК) в Верховном суде СССР, включая аресты, допросы и судебные процессы многих работников суда. Об этой первой и единственной встрече Волина со Сталиным упомянуто также в книге Звягинцева и Орлова: Звягинцев А., Орлов Ю. *Неизвестная Фемида: Документы. События. Люди*. М., 2003. С. 339. Даже после смерти Сталина Волин то и дело твердил коллегам, что ЦК (то есть Сталин) послал его в Верховный суд СССР «вычистить грязь и гниль»: Gornitzki Y. *De-Stalinization and the Politics of Russian Criminal Justice, 1953–64*: Unpublished PhD thesis. University of Oxford, 1992. P. 167–168; Moyal D. *Did Law Matter? – Law, State and Individual in the USSR, 1953–1982*: Unpublished PhD diss. Stanford University, 2011. P. 125.
- 84 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 151. Л. 132–143.
- 85 Там же. Л. 132–133. Когда следствию было еще далеко до завершения, Сафонов писал, что в одной Москве к концу августа 1948 г. арестованы 111 чел.: 28 судебных работников (включая судей), 8 адвокатов, 5 юрист-консульты и еще 70 чел. (в основном взяточдателей и посредников).
- 86 О чистке «вредителей» и «врагов» среди судей Верховного суда СССР в 1937–1938 гг. см.: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 103, 128, 136, 138, 144. См. также: Solomon P. H., Jr. *The USSR Supreme Court*. P. 130.
- 87 Питер Солонмон писал о кампании прокуратуры за сокращение числа оправдательных приговоров в судах: Solomon P. H., Jr. *The Case of the Vanishing Acquittal: Informal Norms and the Practice of Soviet Criminal Justice // Soviet Studies*. 1987. Vol. 39. No. 4. P. 531–555.
- 88 ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4043. Л. 226–228. Точная дата письма, вводящего постановление в силу, не указана. В такой обстановке для прокуратуры, по-видимому, было почти невозможно снять обвинения с кого-

либо из судебных работников, арестованных весной и летом 1948 г., даже при слабых доказательствах против них.

⁸⁹ Gorlizki Y., Khlevniuk O. Cold Peace. P. 61.

⁹⁰ Далее в письме идут упреки в адрес Голинкова за арест судьи Шевченко и машинистки Голевой на работе, на глазах у сотрудников: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 22. Л. 92–93.

⁹¹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3. Л. 51–58 (справка следователя по важнейшим делам, государственного советника юстиции К. Булаева, 19 января 1951 г.). Булаев был одним из главных следователей по этим делам. Работник Верховного суда СССР Владарчук, признавшийся, что помогал Солодильову незаконно доставать стройматериалы для дачи, сказал следователям, что Голяков ничего об этом не знал и его собственная дача построена законно: Там же. Оп. 37. Д. 4041. Л. 64. Голяков, очевидно, больше всего тяготел к занятиям наукой, во всяком случае в тот момент своей жизни. После 1953 г. он написал по меньшей мере две книги. По воспоминаниям ученого-правоведа Б. С. Утевского, Голяков последние 12 лет жизни, с 1949 г. и до своей смерти в 1961 г., страдал бессонницей (нетрудно представить почему): Утевский Б. С. Воспоминания юриста. М., 1989. С. 278. Работа Голякова «Суд и законность в художественной литературе» была издана в 1959 г. Похоронен он в Москве на Новодевичьем кладбище.

⁹² ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 396. Л. 42–44 об. Выдержки из показаний Величко 4–6 августа 1951 г. см.: Там же. Л. 46–57 об.

⁹³ Величко показала, что познакомилась с Голяковым летом 1946 г. в санатории «Барвиха». Голяков якобы взял взятки в размере 25 тыс., 20 тыс. и 15 тыс. руб., каждый раз отдавая ей в качестве «платы» по 5 тыс. руб. Доказательств, что слова Величко хоть сколько-нибудь правдивы, нет.

⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 151. Л. 142–143.

⁹⁵ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4043. Л. 230а–230д (письмо и доклад Баранова Сафонову, 21 января 1949 г.). Прокуратура также предъявила обвинение 12 работникам розничной торговой сети, включая директоров магазинов и заведующих складами.

⁹⁶ Там же. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 58. Л. 238 (письмо заместителя министра юстиции И. Скороходова Р. А. Лопухову, 24 августа 1949 г.). Суд над ними состоялся 10 ноября – 17 декабря 1949 г. В число обвиняемых судей Верховного суда Грузинской ССР входили Н. Р. Маргиев, Н. О. Шенгелия, И. Г. Мchedлидзе, Р. Г. Мачавариани, В. З. Георгобиани и П. П. Купарадзе. Все были признаны виновными в получении взяток, пятеро приговорены к 10 годам лишения свободы, один получил 8 лет. Их приговоры и перечисление преступлений см.: Там же. Д. 81. Л. 264–277.

⁹⁷ Протокол процесса см.: Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 935. Переписку прокуратуры по этим делам см.: Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4043. Л. 230з.

⁹⁸ 22 апреля 1948 г. некто Мамедов в письме обвинил в систематическом взяточничестве члена Верховного суда Азербайджанской ССР Г. Х. Алекперова. Письмо было передано Сафонову и Горшенину, но сведений о результатах расследования в деле нет. См.: ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 527. Л. 136–138.

- ⁹⁹ На 30 апреля 1949 г. было арестовано 247 чел.: за получение взяток – 27 «ответственных судебных работников» (то есть в основном судей), 27 адвокатов, 22 других работника судов (юрисконсульты, секретари и пр.); остальные – как взяткодатели и «пособники». См.: Там же. Оп. 2. Д. 58. Л. 140–141 (письмо Сафонова, Горшенина и Волина в ЦК Маленкову).
- ¹⁰⁰ О Н. В. Васильеве см. повестку дня Политбюро от 12 января 1948 г., пт. 65. По показаниям Шевченко, следователи говорили ему, что интересуются «Бочковым»: здесь, вероятно, опечатка, и на самом деле речь шла о заместителе председателя Верховного суда РСФСР Бочарове (хотя мог итаться в виду и бывший генеральный прокурор СССР В. М. Бочков): Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 960. Л. 352. Пашутину арестовали за взяточничество, как сообщил Сафонов в административный отдел ЦК в июле 1950 г. Прокуратура на основании неубедительных доказательств утверждала, будто она, работая судьей, четырежды брала взятки наличными и обувной кожей. Процесс Пашутиной начался 28 мая 1951 г., однако ее признали виновной только по статье 109 (в злоупотреблении служебным положением, а не во взяточничестве) и приговорили всего к году заключения (Там же. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 6. Л. 111–117). Судебный протокол см.: Там же. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 1025. Л. 77–230.
- ¹⁰¹ На суде в июле 1949 г. Шевченко, поистине идя на невероятный риск, выпалил: «Буканову роют яму!» Тем самым он давал понять судьям, что следователи прокуратуры фабрикуют доказательства и заставляют его лгать. В сентябре 1951 г. Буканова судили за взяточничество во второй раз на закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР. Суд признал его невиновным и постановил освободить: Там же. Д. 960. Л. 314–357.
- ¹⁰² Там же. Д. 961. Л. 228.
- ¹⁰³ Там же. Д. 824. Л. 29.
- ¹⁰⁴ Там же. Оп. 16. Д. 368. Л. 57. «Многие прокуроры республики, краев и областей не ставят остро вопросов о персональной ответственности тех работников следственных органов, которые действуют по давно осужденному Партией и Правительством способу “сначала арестовать, а потом разобраться”...» – едко охарактеризовал методы некоторых следователей прокуратуры министр юстиции Горшенин в марте 1950 г. (Там же. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 68. Л. 229). Соломон указывает, что беспокойство по поводу необоснованности преследования началось еще до войны (Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. P. 368). Доля «необоснованных арестов» в 1948 г. составила около 10 %, в 1947 г. – сравнительно небольшие 6,3 %.
- ¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 368. Л. 58 (письмо председателя Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР Морозова в административный отдел ЦК Лопухову, 17 декабря 1951 г.). Распространенный в 1948 г. 15-страничный перечень типов документов, которым надлежит присваивать гриф «секретно» или «совершенно секретно», включает дела о незаконных методах следствия: Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4041. Л. 268–283.

- ¹⁰⁶ Там же. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 58. Л. 140–141. В письме отмечается, что первые слушания по отдельным эпизодам с участием небольших групп взяточников уже проведены. В настоящий момент, говорится дальше, Прокуратура СССР завершила расследования в отношении трех крупных групп обвиняемых. Собранные доказательства «раскрывают уже в полном объеме характер и масштабы преступной деятельности арестованных судебных работников и свидетельствуют о моральном и бытовом их разложении, сращивании с преступными элементами, извращении ими советского правосудия».
- ¹⁰⁷ Решение помещено в «Особую папку» Политбюро, протокол № 68 от 9 мая 1949 г., пт. 362 «О порядке рассмотрения дел нескольких разоблаченных организованных групп взяточников, орудовавших в Верховном суде СССР, Верховном суде РСФСР, Московском городском суде и ряде народных судов города Москвы». Оно гласит, что дела работников Верховного суда СССР должны рассматриваться тремя судьями Верховного суда СССР – Черковым, Яковлевым и Волиным в качестве председателя; работников Верховного суда РСФСР – новым председателем Верховного суда РСФСР Битюковым, судьями Зейдиным и Борисенко; работников Московского городского суда – заместителем председателя Верховного суда СССР Чепцовым, судьями Успенским и Бояркиным (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 40. Л. 147–148).
- ¹⁰⁸ Это был один из тех редких случаев, когда Верховный суд СССР слушал некоторые особо важные дела «по первой инстанции». Он так поступал, если речь шла: а) об обвинениях против особо ответственных работников Совнаркома; б) делах чрезвычайной важности; в) юридических спорах между союзными республиками. Сафонов предложил проводить суды над работниками Верховного суда УССР так же, как над работниками верховных судов РСФСР и СССР, – за закрытыми дверями и без адвокатов.
- ¹⁰⁹ Процесс судей Верховного суда РСФСР Мурзаханова и Кумехова, к примеру, прошел в ноябре–декабре 1949 г. (ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 958).
- ¹¹⁰ Это напоминает «Мингрельское дело», когда Сталин в апреле 1952 г. заставил Берию председательствовать на пленуме ЦК КП Грузинской ССР, осудившем союзников Берии. См.: Gorlizki Y., Khlevniuk O. Cold Peace. P. 111–112. Верность некоторых ближайших подручных (например, Молотова, Поскребышева, Кагановича и пр.) Сталин испытывал, арестовывая членов их семей.
- ¹¹¹ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 337. Л. 18 (письмо Горшенина и Зейдина Маленкову, 20 июня 1949 г.).
- ¹¹² См., напр.: Там же. Л. 33–34; Д. 368. Л. 25, 36.
- ¹¹³ Подробнее о нарративах о коррупции в послевоенный сталинский период см.: Heinzen J. Intoxicated with the Easy and Happy Life: Scenarios of Bribery in the Stalinist High Courts: Unpublished paper presented at the Southern Conference of Slavic Studies, March 29, 2012, Savannah, GA.
- ¹¹⁴ Во время репрессий 1930-х гг. многие из руководящих работников, расстрелянных за измену или контрреволюцию, также обвинялись в аморальном поведении и сексуальных грешках.

- 115 Другой тип кассационной жалобы представляли собой протесты на неоправданно мягкие приговоры или другие ошибки, допущенные в ходе судебного разбирательства. Их мог подавать прокурор либо председатель всесоюзного или республиканского верховного суда, и поступали они в гораздо меньшем количестве, чем жалобы от граждан. Были споры о том, не следует ли в некоторых случаях включать в разбирательство кассационных жалоб пересмотр дела «по существу». См.: Kuchеров S. *The Organs of Soviet Administration of Justice, Their History and Operation*. Leiden, 1970. P. 621–640. О протестах см.: Ibid. P. 642–651.
- 116 Закон гласил: «Право жалобы в Советском государстве имеет ту принципиальную особенность, что... является средством защиты прав и законных интересов граждан...» Цит. по: Nove A. *Some Aspects of Soviet Constitutional Theory* // *Modern Law Review*. 1949. Vol. 12. No. 1. P. 34.
- 117 Смоленцев Е. А. На страже социалистической законности // Верховный суд СССР / под ред. Л. Н. Смирнова и др. М., 1974. С. 95–97.
- 118 Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. P. 258.
- 119 Solomon P. H., Jr. *The USSR Supreme Court*. P. 130.
- 120 Верховный суд СССР лишился этих экстраординарных полномочий в 1957 г., после чего мог пересматривать только решения республиканских верховных судов: Ibid. P. 132.
- 121 По словам Питера Соломона, «Иван Голяков был самым подходящим человеком для задачи восстановления престижа и публичного имиджа вершины судебной системы и, по умолчанию, всей системы в целом»: Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. P. 262.
- 122 Этот закон не распространялся на осужденных политической полицией, которая выносила подавляющее большинство приговоров за «контрреволюционные» преступления.
- 123 С жалобами работали судебные коллегии Верховного суда (особенно Судебная коллегия по уголовным делам). Интересные работы о жалобах и ходатайствах в советский период см.: Alexopolous G. *Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936*. Ithaca; London, 2003 (о 1930-х гг.); Varga-Harris C. *Forging Citizenship on the Home Front: Revising the Socialist Contract and Constructing Socialist Identity during the Thaw* // *The Dilemmas of De-Stalinization*. London, 2006. P. 101–116.
- 124 Голяков указал на это в письме в Совнарком Молотову в 1945 г.: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 284. Л. 18. В 1957 г., как отмечает Питер Соломон, хрущевские реформы децентрализовали суды. Верховный суд СССР отныне мог только принимать протесты от республиканских верховных судов и лишь в том случае, если речь шла о возможном противоречии законодательству СССР. Размер Верховного суда СССР быстро сократился до 12 судей. Большинство работы по жалобам осталось на долю республиканских верховных судов. См.: Solomon P. H., Jr. *The USSR Supreme Court*. P. 131. Одно из первых официальных действий Волина (в ноябре 1948 г.) – письмо Сталину с просьбой снизить нагрузку на Верховный суд СССР: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 322. Л. 87–98.
- 125 Osborn R. J. *Citizen vs. Administration in the USSR* // *Soviet Studies*. 1965. Vol. 17. No. 2. P. 228.

- ¹²⁶ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 984. Л. 187 (показания Анисимовой).
- ¹²⁷ Смоленцев Е. А. На страже социалистической законности. С. 97. Кроме того, жалобы в Верховный суд могли передавать другие ведомства, их получавшие, например ЦК, Верховный Совет, Совет министров и центральные газеты.
- ¹²⁸ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 310. Л. 10 (письмо Голякова в ЦК Корневу, 6 марта 1947 г.).
- ¹²⁹ Эта коллегия обработала чуть больше половины (54 %) жалоб, поступивших в Верховный суд СССР в 1950 г.: Там же. Оп. 17. Д. 368. Л. 72. 39 % дел, рассмотренных коллегией в том году, касались указа от 4 июня о хищении государственного имущества. Данные за 1949 г. показывают, что 32 % дел, рассмотренных всеми коллегиями (за исключением военной), имели отношение к указу от 4 июня, и по этим делам были вынесены 38 % рассмотренных приговоров: Там же. Оп. 16. Д. 338. Л. 320.
- ¹³⁰ Письмо Волина Маленкову, 1 апреля 1954 г.: Там же. Д. 434. Л. 173–178. Опубл.: Звягинцев А., Орлов Ю. Неизвестная Фемида. С. 341–343. В письме говорится, что в 1948 г. в Верховный суд СССР поступало в среднем 11 234 жалобы в месяц, всего за год – 134 808. Еще 96 910 жалоб пришли за первые шесть месяцев 1949 г.: Там же. Д. 337. Л. 79 («Отчет о работе Верховного суда СССР по рассмотрению жалоб», подписан Волиным, июль 1949 г.). Верховный суд РСФСР столкнулся с таким же потоком дел. В 1946 г. туда были поданы 66 990 дел и 97 081 жалоба. В 1948 г. в Верховный суд РСФСР пришли 46 116 жалоб, в Верховный суд УССР – 15 645: Там же. Ф. 9492. Оп. 3. Д. 76. Л. 1 (отчет о работе верховных судов за 1948 г.). За первые три квартала 1950 г. судом было получено 82 170 дел и 133 954 жалобы. Горшенин просил увеличить состав Верховного суда РСФСР до 12 судей, чтобы он мог справиться с возросшим объемом работы: Там же. Оп. 2. Д. 64. Л. 39 (письмо Горшенина в Совет министров, 31 октября 1950 г.).
- ¹³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 22. Л. 148–149. Дела не на русском языке дольше всего лежали нерассмотренными, по словам Волина: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 322. Л. 72.
- ¹³² ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 294. Л. 32–35 (письмо от 15 ноября 1946 г.).
- ¹³³ Там же. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 51. Л. 206–208; Ф. 9474. Оп. 16. Д. 284. Л. 18.
- ¹³⁴ Там же. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 338. Л. 316. Отчасти из-за скандала по поводу взяточничества в Верховном суде была осуществлена важная реформа. Все дела, истребованные на пересмотр на основании успешной жалобы, должны были визироваться председателем Верховного суда или одним из его заместителей; все отклоненные жалобы – представляться председателю соответствующей судебной коллегии: Там же. Д. 379. Л. 7.
- ¹³⁵ Там же. Д. 405. Л. 7. Судя по данным за 1949–1951 гг., лишь около 5–8 % жалоб, поданных в Верховный суд, вели к истребованию дела на пересмотр. 10 % были направлены в другие учреждения (и вряд ли стоит с оптимизмом думать о судьбе этих перенаправленных жалоб, попавших в бюрократический круговорот). 81–85 % отклонялись сразу.
- ¹³⁶ В справке Комиссии партийного контроля 1950 г. о жалобах Прокуратуры СССР осуждалась «возмутительная волокита» в Верховном суде:

- РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 166. Л. 123 (постановление бюро КПК, 13 июня 1950 г.). 20 сентября 1949 г. заместитель заведующего административным отделом ЦК поднял вопрос о медленном рассмотрении жалоб: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 71. Л. 93–95 (письмо Бакакина Маленкову, 20 сентября 1949 г.). Он отметил, что с большими проволочками рассматриваются протесты на приговоры по делам о мелких хищениях государственной собственности.
- ¹³⁷ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 882. Л. 213.
- ¹³⁸ Там же. Д. 824. Л. 21, 30–31.
- ¹³⁹ Каждый соответствующий сотрудник Верховного суда СССР в среднем рассматривал по 650–700 жалоб в месяц: Там же. Оп. 16. Д. 399. Л. 1–2. Волин просил 25 новых сотрудников для помощи в работе с жалобами. Неясно, удовлетворило ли просьбу Министерство юстиции. В 1951 г. только около 5,7 % жалоб повлекли за собой истребование дела на пересмотр: Там же. Л. 1–5 (письмо Волина в Совет министров СССР, 9 июня 1952 г.).
- ¹⁴⁰ Об этом процессе см.: Там же. Д. 310. Л. 10–12.
- ¹⁴¹ Как отмечено в докладе КПК 1949 г., просители начинали занимать очередь перед дверями Верховного суда СССР в 3–4 часа утра. Часто они тщетно надеялись проконсультироваться с судьей, который, возможно, будет принимать решение по их жалобе: Там же. Д. 337. Л. 77.
- ¹⁴² «Такая ситуация не могла не внушать представителям общественности ощущение произвола в отправлении уголовного правосудия и недоверие к закону», – констатировал Питер Соломон (Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. P. 444).
- ¹⁴³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 418. Л. 275 (письмо Голякова Молотову, получено 7 августа 1944 г.).
- ¹⁴⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 121. Д. 612. Л. 59–61 (письмо Гусева Сталину, 27 июня 1947 г.).
- ¹⁴⁵ Он сообщал, что судьи Верховного суда, приехавшие из союзных республик, мечтают вернуться домой, где они могли бы зарабатывать больше: ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 542. Л. 135.
- ¹⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 612. Л. 59–61.
- ¹⁴⁷ Чтобы показать суду, что у него не было причин брать взятки, ложно обвиненный судья Буканов на своем процессе подчеркивал, сколько продовольствия имелось в его распоряжении во время и после войны: ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 960. Л. 320.
- ¹⁴⁸ Нестеров, по-видимому, во время и после войны сажал картошку, чтобы кормить сотрудников Верховного суда РСФСР: Там же. Л. 322. Прокуратура предъявила ему очевидно необоснованное обвинение в спекуляции овощами в стенах суда.
- ¹⁴⁹ Там же. Д. 912. Л. 178, 216, 288 (протокол процесса, 12–29 июля 1949 г.).
- ¹⁵⁰ Там же. Д. 958. Л. 153–154.
- ¹⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 612. Л. 60.
- ¹⁵² Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. P. 397.
- ¹⁵³ См. доклад Л. З. Мехлиса в Министерство юстиции Чебышеву; он не датирован, но, судя по датам предыдущих и следующих документов, напи-

сан в феврале–марте 1948 г.: ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 544. Л. 338–339. Голяков и министр юстиции Рычков 8 октября 1946 г. просили Берию предоставить Верховному суду СССР помещение побольше, указывая, что там в одной десятиметровой комнате сидят тринадцать человек: Там же. Оп. 2. Д. 37. Л. 70–71.

¹⁵⁴ Там же. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 284. Л. 18–19 (письмо Голякова Молотову, 3 июля 1945 г.).

¹⁵⁵ Там же. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 542. Л. 189.

¹⁵⁶ Там же. Л. 135; Ф. 9474. Оп. 16. Д. 284. Л. 18–19.

¹⁵⁷ Там же. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 322. Л. 37; Д. 284. Л. 19. Еще одна проблема, писал Голяков Молотову, заключается в том, что с политической точки зрения недопустимо смешивать в общих приемных просителей разных категорий. Тех, кто пришел жаловаться на приговоры за «контрреволюционные преступления» (в Военную коллегия и Коллегию по делам лагерных судов), уверял он, нужно держать отдельно от ходатаев по «обычным» уголовным делам: «Совершенно нежелательно общение посетителей этих коллегий с другими посетителями» (Там же. Д. 284. Л. 18–19). Документы государственных и партийных архивов свидетельствуют, что Голяков неустанно продолжал писать верховным руководителям партии и правительства об этих проблемах и в 1946, и в 1947, и в 1948 гг. Собственно, он сам подтверждал, что направлял письменные жалобы по поводу помещений суда в партийные и государственные органы каждый год за десять лет своего пребывания на посту председателя Верховного суда СССР: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 22. Л. 150 (письмо от Голякова, 14 сентября 1948 г.). См. также: ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 542. Л. 135.

¹⁵⁸ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 322. Л. 87–96. Описание неэффективных способов рассмотрения жалоб в Верховном суде см.: Там же. Л. 69–75. В ноябре 1948 г. Волин ходатайствовал о строительстве для Верховного суда СССР нового здания. Он просил Министерство внутренних дел поставить этот проект в свой строительный план, то есть здание должно было возводиться руками заключенных. Позже Волину удалось добиться перевода суда в дом 13 на улице Воровского, где располагался Московский областной суд. В конце концов Верховный суд получил новое помещение.

¹⁵⁹ Там же. Д. 162. Л. 116 (письмо Голякова в ЦК Маленкову, 26 июля 1940 г.).

¹⁶⁰ Ту же мысль высказал Питер Соломон относительно 1930-х гг.: «Середина 1930-х гг. представляла собой переломный момент в истории советской уголовной юстиции. Уголовное законодательство оставалось инструментом Сталина, но задачи его изменились. Когда коллективизация практически завершилась, Сталин постарался упрочить новый социальный строй и создать сильно централизованное государство. Такое государство требовало уважения к законам, которые оно издавало, и неудивительно, что Сталин решил восстановить авторитет закона и сформировать надежные, централизованные органы для его исполнения»

(Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. P. 194). См. также: Gorlizki Y., Khlevniuk O. *Cold Peace*.

- ¹⁶¹ Питер Соломон заметил: «В основе советского законодательства, так же как прежде царского, лежало кардинальное предположение, что закон не самоцель, а инструмент правления. Ключевое различие заключалось в том, что советское социалистическое законодательство служило новому хозяину – “правлящему” пролетариату в лице лидеров коммунистической партии» (Solomon P. H., Jr. *The USSR Supreme Court*. P. 127–142).
- ¹⁶² О политических играх в верхах в тот период см.: Gorlizki Y., Khlevniuk O. *Cold Peace*; Пихоя Р. Г. *Советский Союз: История власти, 1945–1991*. М., 1998; Жуков Ю. Н. *Борьба за власть в руководстве СССР в 1945–1952 годах* // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 23–39; Зубкова Е. *Кадровая политика и чистки в КПСС (1945–1956)* // Свободная мысль. 1999. № 3, 4, 6; Пыжиков А. *Ленинградская группа: Путь во власть (1946–1949)* // Свободная мысль. 2001. № 3. С. 89–104; Boterbloem K. *The Life and Times of Andrei Zhdanov, 1896–1948*. Montreal, 2004.
- ¹⁶³ Каменский Ф. Следователи по важнейшим делам // Социалистическая законность. 1949. № 11. С. 34–39.
- ¹⁶⁴ Хотя доказательств сильно не хватает, можно предположить, что Кузнецов надеялся использовать расследование коррупции в верховных судах для упрочения своих позиций перед лицом соперников по борьбе за власть над военной и государственной сферами – Берии и Маленкова. Может быть, он также старался вернуть центральный партийный контроль над Военной коллегией, верховными судами и органами безопасности, которые курировал как секретарь ЦК. Письменные материалы, оставшиеся от «Дела верховных судов», показывают, что Кузнецов имел отношение ко всем ключевым докладам, либо получая их от прокуратуры, либо составляя по ним справки и посылая Сталину. Он явно (с помощью заместителей) исполнял роль партийного вожакого в походе против верховных судов. С другой стороны, он мог скормить Сталину эту информацию, пытаясь посредством «Дела верховных судов» улучшить свое положение в Секретариате ЦК. Возможно, Кузнецов требовал от Сафонова доказательств коррупции среди судебных кадров, которые потом предъявлял Сталину. Если так, Сталин терпел действия Кузнецова и вызванные ими дестабилизацию и панику, расстраивавшие работу судов, в течение второй половины 1948 г. А потом ближе к началу 1949 г., вероятно, выбил у него почву из-под ног. В любом случае, мы знаем, что в те годы, как и в прежние десятилетия, на стол Сталину ложились тысячи доносов. Сталин поощрял людей доносить друг на друга, пользуясь этим как методом контроля над партийными руководителями, и делал так с 1920-х гг. Берия и Маленков, возможно, снабжали его компроматом на Кузнецова, и наоборот. По большей части мы просто не знаем точно, как и почему Сталин реагировал на интриги в своем ближнем кругу. В конце концов Кузнецов проиграл в борьбе с Берией и Маленковым. В январе 1949 г. его вывели из состава ЦК, а 1 октября 1950 г. расстреляли как одного из главных фигурантов «Ленинградского дела».

- ¹⁶⁵ Duskin E. *Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite, 1945–1953*. Basingstoke, UK, 2001. P. 131; Gorlizki Y., Khlevniuk O. *Cold Peace*.
- ¹⁶⁶ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 7. Д. 826. Л. 137 (слова П. Тахтаджиева в его жалобе в прокуратуру, 1957 г.).
- ¹⁶⁷ Там же. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 5339. Л. 1–60.
- ¹⁶⁸ В сталинские времена уже был (после террора) прецедент шельмования судей с целью сделать их послушными большим инициативам сверху. Как показывает Питер Соломон, в 1940 г. судьи стали жертвами «охоты на ведьм» (правда, не из-за взяточничества) в связи с якобы чрезмерной мягкостью в применении новых суровых законов о трудовой дисциплине. Многих увольняли и, как правило, обвиняли в халатности: Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. P. 309–318.
- ¹⁶⁹ На это указал Дэвид Ширер: Shearer D. *Policing Stalin's Socialism: Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953*. New Haven, CT, 2009.

Заключение

- ¹ В конституции США названы только два преступления, за которые демократически избранный президент может быть отстранен Конгрессом: государственная измена и взяточничество.
- ² Hendley K. *Rule of Law, Russian-Style* // *Current History*. 2009. October. P. 339–340.
- ³ Lovell S., Ledeneva A., Rogachevskii A. *Introduction* // *Bribery and Blat in Russia* / ed. S. Lovell et al. New York, 2000. P. 7.
- ⁴ Cohn E. *Disciplining the Party: The Expulsion and Censure of Communists in the Post-War Soviet Union, 1945–1961*: Unpublished PhD diss. University of Chicago, 2007. P. 150.
- ⁵ См., напр.: Kotkin S. *Armageddon Averted*. Oxford, 2001; Holmes L. *Rotten States? Corruption, Post-Communism, and Neo-Liberalism*. Durham, NC, 2006; Solnick S. *Stealing the State: Control and Collapse in Soviet Institutions*. Cambridge, MA, 1998.

БИБЛИОГРАФИЯ

Первичные источники

Российские архивы

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ):

- Ф. 5446: Совет министров СССР
- Ф. 7523: Верховный Совет СССР
- Ф. 8131: Прокуратура СССР
- Ф. 9401: Особая папка Сталина
- Ф. 9414: Главное управление лагерей МВД (Гулаг)
- Ф. 9415: Отдел борьбы с хищением социалистической собственности и спекуляций МВД (ОБХСС)
- Ф. 9474: Верховный суд СССР
- Ф. 9492: Министерство юстиции СССР
- Ф. 9550: Коллекция листовок советского периода

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ):

- Ф. 6: Комитет партийного контроля ЦК ВКП(б)

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ):

- Ф. 17: Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
 - Оп. 3: Протоколы и материалы заседаний Политбюро
 - Оп. 116–118: Секретариат и Организационное бюро ЦК КПСС (материалы и корреспонденция)
 - Оп. 121: Технический секретариат Оргбюро ЦК КПСС
 - Оп. 122: Общий отдел
 - Оп. 135: Планово-финансовый отдел
 - Оп. 136: Отдел административных органов
 - Оп. 162–163: Особая папка Политбюро
- Ф. 82: Молотов
- Ф. 671: Ежов

Газеты и журналы

Ведомости Верховного Совета
Еженедельник советской юстиции
Заря Востока

Известия
Коммунист
Комсомольская правда
Крокодил
Ленинское знамя
Партийное строительство
Правда
Правда Украины
Советская юстиция
Социалистическая законность
Судебная практика Верховного суда СССР
Труд
Экономическая газета
Christian Science Monitor
Current Digest of the Soviet Press
Moscow News
New York Times
Plain Talk

Другие первичные источники

- Александров Г. Ответственность доносителей по указам Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. // Социалистическая законность. 1950. № 7. С. 26–33.
- Амнистия и помилование в СССР. М., 1959.
- Валерин В. Волчья стая: Записки члена коллегии защитников. М., 1931.
- Волин А. Строго соблюдать законность в работе судов // Социалистическая законность. 1950. № 1.
- Вышинский А. Я. Судебные речи. М., 1948.
- Горшенин К. П. Социалистическая законность на современном этапе: Стенограмма публичной лекции, прочитанной 17 августа 1948 года в Центральной лектории общества «Знание» в Москве. М., 1948.
- Епихин А. Ю., Мозохин О. Б. ВЧК–ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики. М., 2007.
- Звягинцев А., Орлов Ю. Неизвестная Фемида: Документы. События. Люди. М., 2003.
- Из приговоров районных нарсудов о привлечении к уголовной ответственности колхозников по Указу 1947 г. // Советские архивы. 1990. № 3. С. 55–60.
- Куринов Б. А. Уголовная ответственность за хищение государственного и общественного имущества. М., 1954.
- Кучерявый Н. Л. Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву. М., 1957.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1964 (ПСС).
- Ленч Л. Точное доказательство // Крокодил. 1946. 30 мая.
- Макашвили В. Строго выполнять требования закона об ответственности за взяточничество (Судебная практика Верховного суда СССР) // Социалистическая законность. 1953. № 2. С. 40–49.

- Миронов Н. Насущные вопросы дальнейшего укрепления социалистической законности // Коммунист. 1963. № 1.
- Муранов А. И., Звягинцев В. Е. Суд над судьями: Особая папка Ульриха. Казань, 1993.
- Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР, 1945–1953 / сост. О. В. Хлевнюк и др. М., 2002.
- Реабилитация – политические процессы 1930–1950 годов / под ред. А. Н. Яковлева. М., 1991.
- Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР за 1938 – ноябрь 1958. М., 1959. С. 418–420.
- Сборник разъяснений Верховного суда СССР за 1929 год. М., 1930.
- Сергеева Т. Л. Уголовноправовая охрана социалистической собственности в СССР. М., 1954.
- Смолицкий Г. Р. Должностные преступления. М., 1947.
- Советская жизнь, 1945–1953 / сост. Е. Ю. Зубкова и др. М., 2003.
- Солодилов А. П., Амфитеатров Г. Н. Право наследования в СССР. М., 1946.
- Alexeiev K. Russia's Underground Capitalism // Plain Talk. 1949. December. P. 19–24.
- Andreev-Khomiakov G. Bitter Waters: Life and Work in Stalin's Russia. Boulder, 1997.
- Cobbett W. Twelve Sermons. London, 1823.
- Dallin D. The Black Market in Russia // American Mercury. 1949. Vol. 69. P. 678–682.
- Konstantinovskiy B. A. Soviet Law in Action: The Recollected Cases of a Soviet Lawyer / ed. H. J. Berman. Cambridge, MA, 1953.
- Kravchenko V. I Chose Freedom: The Personal and Political Life of a Soviet Official. New York, 1946.
- Lyons E. Assignment in Utopia. New York, 1937.
- The Harvard Project on the Soviet Social System (Harvard Interview Project, HIP).
- Vyshinskii A. Ia. Crime Recedes in the USSR. Moscow, 1939.

Вторичные источники

- Борисова Л. В. НЭП в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям // Отечественная история. 2006. № 1. С. 84–97.
- Борисова Л. В. Третий враг революции: Борьба со взяточничеством и хозяйственными преступлениями в начале НЭПа // The Soviet and Post-Soviet Review. 2003. Vol. 30. No. 3. P. 245–277.
- Говоров И. В. Коррупция в условиях послевоенного сталинизма (на материалах Ленинграда и Ленинградской области) // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 66–82.
- Говоров И. В. Преступность и борьба с ней в послевоенном Ленинграде (1945–1953): Опыт исторического анализа. СПб., 2004.
- Голосенко И. А. Начальство: Очерки по истории российской социологии чиновничества конца XIX – начала XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 1. С. 54–85.

- Епифанов А. Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в период Великой Отечественной войны: 1941–1956. Вологда, 2005.
- Жуков Ю. Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945–1952 годах // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 23–39.
- Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: Происхождение и последствия. М., 1996.
- Зубкова Е. Кадровая политика и чистки в КПСС (1945–1956) // Свободная мысль. 1999. № 3, 4, 6.
- Зубкова Е. Послевоенное советское общество. М., 2000.
- Каменский Ф. Следователи по важнейшим делам // Социалистическая законность. 1949. № 11. С. 34–39.
- Карпушин М. П., Дмитриев П. С. Взяточничество – позорный пережиток прошлого. М., 1964.
- Кондратьева Т. Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. М., 2006.
- Лейбович О. В городе «М». М., 2008.
- Маслов В. П., Чистяков Н. Ф. Вопреки закону и справедливости. М., 1990.
- Особая папка И. В. Сталина / под ред. В. А. Козлова, С. В. Мироненко. М., 1994.
- Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 1998.
- Осокина Е. Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928–1935 гг. М., 1993.
- Писарькова Л. Ф. К истории взяток в России (по материалам секретной канцелярии кн. Голицыных первой половины XIX в.) // Отечественная история. 2002. № 5. С. 33–49.
- Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти, 1945–1991. М., 1998.
- Пыжиков А. Ленинградская группа: Путь во власть (1946–1949) // Свободная мысль. 2001. № 3. С. 89–104.
- Смоленцев Е. А. На страже социалистической законности // Верховный суд СССР / под ред. Л. Н. Смирнова и др. М., 1974.
- Сувениров О. Ф. Военная коллегия Верховного суда СССР (1937–1939) // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 137–146.
- Хайнцен Дж. Коррупция в Гулаге: Дилеммы чиновников и узников // Гулаг: Экономика принудительного труда / под ред. Л. И. Бородинки, П. Грегори, О. В. Хлевнюка. М., 2005.
- Шаттенберг С. Культура коррупции, или К истории российских чиновников // Неприкосновенный запас. 2005. Т. 42. № 4.
- Эвельсон Е. Судебные процессы по экономическим делам в СССР: Шестидесятые годы. Лондон, 1986.
- Adler N. The Gulag Survivor: Beyond the Soviet System. New Brunswick, NJ, 2002.
- Alexopoulos G. Amnesty 1945: The Revolving Door of Stalin's Gulag // Slavic Review. 2005. Vol. 64. No. 2. P. 274–306.
- Alexopoulos G. Portrait of a Con Artist as a Soviet Man // Slavic Review. 1998. Vol. 57. No. 4. P. 774–790.
- Alexopoulos G. Victim Talk: Defense Testimony and Denunciation under Stalin // Law and Social Inquiry. 1999. Vol. 24. No. 3. P. 637–654.

- A Small Handbook for the Bribe Giver: Tokens of Gratitude // Survey. 1986. Vol. 29. P. 195–198.
- Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front, 1941–45: A Social and Economic History of The USSR in World War II. London, 1991.
- Barnes S. Death and Redemption. Cambridge, MA, 2011.
- Bauer R. A., Inkeles A., Kluckhohn C. How the Soviet System Works: Cultural, Psychological and Social Themes. Cambridge, MA, 1956.
- Belova E. Economic Crime and Punishment // Behind the Façade of Stalin's Command Economy: Evidence from the Soviet State and Party Archives / ed. P. Gregory. Palo Alto, 2001.
- Berlin I. Herzen and His Memoirs // The Proper Study of Mankind: An Anthology of Essays / ed. H. Hardy, R. Hausheer. London, 1997.
- Berliner J. Blat Is Higher than Stalin! // Problems of Communism. 1954. Vol. 3. No. 1. P. 22–31.
- Berliner J. Factory and Manager in the USSR. Cambridge, MA, 1957.
- Berman H. Justice in the USSR: An Interpretation of Soviet Law. Cambridge, MA, 1963.
- Berman H., Kerner M. Soviet Military Law and Administration. Cambridge, MA, 1955.
- Bidlack R. Ideological or Political Origins of the Leningrad Affair? A Response to David Brandenberger // Russian Review. 2005. Vol. 64. P. 90–95.
- Bidlack R., Lomagin N. The Leningrad Blockade, 1941–1944. New Haven, CT, 2012.
- Boterbloem K. Life and Death under Stalin: Kalinin Province, 1945–1953. Montreal, 1999.
- Boterbloem K. The Life and Times of Andrei Zhdanov, 1896–1948. Montreal, 2004.
- Bourtman I. «Blood for Blood, Death for Death»: The Soviet Military Tribunal in Krasnodar, 1943 // Holocaust and Genocide Studies. 2008. Vol. 22. P. 246–265.
- Brandenberger D. National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian Identity, 1931–1956. Cambridge, MA, 2002.
- Brandenberger D. Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination, and Terror under Stalin, 1927–1941. New Haven, CT, 2012.
- Brandenberger D. Stalin, the Leningrad Affair, and the Limits of Postwar Soviet Russocentrism // Russian Review. 2004. Vol. 63. No. 3. P. 241–255.
- Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from The Middle Ages to the 1990s / ed. S. Lovell et al. New York, 2000.
- Brooks J. «Thank You, Comrade Stalin»: Soviet Public Culture from Revolution to Civil War. Princeton, NJ, 2000.
- Burbank J. Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. Bloomington, IN, 2004.
- Burton C. Medical Welfare during Late Stalinism: Unpublished PhD diss. University of Chicago, 2000.
- Bushnell J. The «New Soviet Man» Turns Pessimist // The Soviet Union since Stalin / ed. S. Cohen, A. Rabinowitch, R. Sharlet. Bloomington, 1980.

- Cadiot J. Equal before the Law? Soviet Justice, Criminal Proceedings against Communist Party Members, and the Legal Landscape in the USSR from 1945 to 1953 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2013. Jg. 61. H. 2. S. 249–269.
- Cadiot J., Penter T. Introduction // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2013. Jg. 61, Sonderheft: Law and Justice in Wartime and Postwar Stalinism.
- Clark K. *The Soviet Novel: History as Ritual*. Bloomington, IN, 2000.
- Clark W. *Crime and Punishment in Soviet Officialdom: Combating Corruption in the Political Elite, 1965–1990*. Armonk, NY, 1993.
- Cohn E. *Disciplining the Party: The Expulsion and Censure of Communists in the Post-War Soviet Union, 1945–1961*: Unpublished PhD diss. University of Chicago, 2007.
- Colton T. *Moscow: Governing the Socialist Metropolis*. Cambridge, MA, 1995.
- Conquest R. *Power and Policy in the USSR: The Study of Soviet Dynasties*. New York, 1951.
- Coulloudon V. *Russia's Distorted Anticorruption Campaigns // Political Corruption in Transition: A Sceptic's Handbook* / ed. S. Kotkin, A. Sajó. Budapest, 2002.
- David-Fox M. *Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941*. Oxford, 2014.
- Davies R. W. *Soviet History in the Yeltsin Era*. London, 1997.
- Davis N. *The Gift in Sixteenth Century France*. Madison, WI, 2000.
- Davydova I. *Bureaucracy on Trial: A Malaise in Official Life as Represented in Nineteenth-Century Russian Thought // Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from The Middle Ages to the 1990s* / ed. S. Lovell et al. New York, 2000.
- Djilas M. *The New Class: An Analysis of the Communist System*. New York, 1957.
- Dobson M. *Khrushchev's Cold Summer: Gulag Returnees, Crime, and the Fate of Reform after Stalin*. Ithaca, NY, 2009.
- Duhamel L. *The KGB Campaign against Corruption in Moscow, 1982–1987*. Pittsburgh, 2010.
- Dunham V. *In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction*. Cambridge, 1976.
- Duskin E. *Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite, 1945–1953*. Basingstoke, UK, 2001.
- Edele M. *Soviet Veterans of World War II: A Popular Movement in an Authoritarian State*. Oxford, 2008.
- Ellman M. The 1947 Soviet Famine and the Entitlement Approach to Famines // *Cambridge Journal of Economics*. 2000. Vol. 24. P. 603–630.
- Epstein C. The Stasi: New Research on the East German Ministry of State Security // *Kritika*. 2004. Vol. 5. No. 2. P. 321–348.
- Favarel-Garrigues G. *Policing Economic Crime in Russia: From Soviet Planned Economy to Privatization*. London, 2011.
- Feifer G. *Justice in Moscow*. New York, 1964.
- Feldbrugge F. J. M. Government and Shadow Economy in the Soviet Union // *Soviet Studies*. 1984. Vol. 36. No. 4. P. 528–543.

- Feofanov Iu. The Trial of Ian Rokotov // Politics and Justice in Russia: Major Trials of the Post-Stalin Era / ed. Iu. Feofanov, D. Barry. Armonk, NY, 1996.
- Filtzer D. A. Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and the Restoration of the Stalinist System after WWII. Cambridge, 2002.
- Filtzer D. A. Standard of Living versus Quality of Life: Struggling with the Urban Environment in Russia during the Early Years of Post-War Construction // Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention / ed. J. Fürst. London; New York, 2006.
- Filtzer D. A. The Hazards of Urban Life in the Late Stalinist USSR, 1943–1953. Cambridge, 2010.
- Filtzer D. A. The Standard of Living of Soviet Industrial Workers in the Immediate Postwar Period, 1945–48 // Europe-Asia Studies. 1999. Vol. 51. No. 6. P. 1020–1026.
- Finkel S. An Intensification of Vigilance: Recent Perspectives on the Institutional History of the Soviet Security Apparatus in the 1920s // Kritika. 2004. Vol. 5. No. 2. P. 299–320.
- Fitzpatrick S. Blat in Stalin's Time // Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from The Middle Ages to the 1990s / ed. S. Lovell et al. New York, 2000.
- Fitzpatrick S. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. New York, 2000.
- Fitzpatrick S. Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930s // Journal of Modern History. 1996. Vol. 68. No. 4. P. 831–866.
- Fitzpatrick S. Supplicants and Citizens: Public Letter-Writing in Soviet Russia in the 1930s // Slavic Review. 1996. Vol. 55. No. 1. P. 78–105.
- Fitzpatrick S. Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia. Princeton, NJ, 2005.
- Fitzpatrick S. The World of Ostap Bender: Soviet Confidence Men in the Stalin Period // Slavic Review. 2002. Vol. 61. No. 3. P. 535–557.
- Fürst J. Introduction // Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention / ed. J. Fürst. London; New York, 2006. P. 1–19.
- Fürst J. Stalin's Last Generation: Soviet Postwar Youth and the Emergence of Mature Socialism. Oxford, 2010.
- Ganson N. The Soviet Famine of 1946–47 in Global and Historical Perspective. New York, 2009.
- Gellately R. Denunciations in Twentieth-Century Germany: Aspects of Self-Policing in the Third Reich and the German Democratic Republic // Journal of Modern History. 1996. Vol. 68. P. 931–967.
- Getty J. A. Yezhov: The Rise of Stalin's «Iron Fist». New Haven, CT, 2008.
- Getty J. A., Rittersporn G. T., Zemskov V. N. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-War Years // American Historical Review. 1993. Vol. 98. No. 4. P. 1017–1049.
- Ginsburgs G. The Soviet Procuracy and Forty Years of Socialist Legality // American Slavic and East European Review. 1959. Vol. 18. P. 34–62.
- Gorlizki Y. Anti-Ministerialism and the USSR Ministry of Justice, 1953–56: A Study in Organisational Decline // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. No. 8. P. 1279–1318.

- Gorlizki Y. *De-Stalinization and the Politics of Russian Criminal Justice, 1953–64*: Unpublished PhD thesis. University of Oxford, 1992.
- Gorlizki Y. *Rules, Incentives and Soviet Campaign Justice after World War II* // *Europe-Asia Studies*. 1999. Vol. 51. No. 7. P. 1245–1265.
- Gorlizki Y., Khlevniuk O. *Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953*. Oxford, 2004.
- Gorsuch A. E. «There's No Place like Home»: Soviet Tourism in Late Stalinism // *Slavic Review*. 2003. Vol. 62. No. 4. P. 760–785.
- Granick D. *The Red Executive*. New York, 1961.
- Gregory P. *The Political Economy of Stalinism*. Cambridge, MA, 2004.
- Gregory P., Harrison M. *Allocation under Dictatorship: Research in Stalin's Archives* // *Journal of Economic Literature*. 2005. Vol. 43. No. 3. P. 721–761.
- Gross J. T. *A Note on the Nature of Soviet Totalitarianism* // *Soviet Studies*. 1982. Vol. 34. No. 3. P. 367–376.
- Gross J. T. *Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia*. Princeton, NJ, 1988.
- Grossman G. *Notes on the Illegal Private Economy and Corruption* // *The Soviet Economy in a Time of Change* / Joint Economic Committee. Washington, 1979.
- Grossman G. *The «Second Economy» of the USSR* // *Problems of Communism*. 1977. Vol. 26. No. 5. P. 25–40.
- Hachten C. *Property Relations and the Economic Organization of Soviet Russia, 1941–1948*: Unpublished PhD diss. University of Chicago, 2005.
- Hagenloh P. *Stalin's Police: Public Order and Mass Repression in the USSR, 1924–1941*. Baltimore, MD, 2009.
- Harris James. *The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System*. Ithaca, NY, 1999.
- Harris Jonathan. *The Split in Stalin's Secretariat*. Lanham, MD, 2010.
- Harrison M. *Forging Success: Soviet Managers and Accounting Fraud, 1943–1962* // *Journal of Comparative Economics*. 2011. Vol. 39. No. 1. P. 43–64.
- Harrison M. *Secrecy, Fear and Transaction Costs: The Business of Soviet Forced Labour in the Early Cold War* // *Europe-Asia Studies*. 2013. Vol. 65. No. 6. P. 1112–1135.
- Hartley J. *Bribery and Justice in the Provinces in the Reign of Catherine II* // *Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from The Middle Ages to the 1990s* / ed. S. Lovell et al. New York, 2000.
- Hartzok J. *Children of Chapaev: The Russian Civil War Cult and the Creation of Soviet Identity*: Unpublished PhD diss. University of Iowa, 2009.
- Hazard J. *Socialism, Abuse of Power, and Soviet Law* // *Columbia Law Review*. 1950. Vol. 50. No. 4. P. 448–474.
- Heinzen J. *Corruption among Officials and Anticorruption Drives in the USSR, 1945–1964* // *Russian Bureaucracy and the State: Officialdom from Alexander III to Putin* / ed. D. K. Rowney, E. Huskey. Basingstoke, UK, 2009.
- Heinzen J. *Corruption in the Gulag: Dilemmas of Officials and Prisoners* // *Comparative Economic Studies*. 2005. Vol. 47. No. 2. P. 456–475.

- Heinzen J. Informers and the State under Late Stalinism: Informant Networks and Crimes against «Socialist Property», 1940–1953 // *Kritika: Explorations in Russian History*. 2007. Vol. 8. No. 4. P. 789–815.
- Heinzen J. The Art of the Bribe: Corruption and Everyday Practice in the Late Stalinist USSR // *Slavic Review*. 2007. Vol. 66. No. 3. P. 389–412.
- Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // *Perspectives on Politics*. 2004. Vol. 2. No. 4. P. 725–740.
- Hendley K. Rule of Law, Russian-Style // *Current History*. 2009. October. P. 339–340.
- Herzen A. *A Herzen Reader* / transl. and ed. K. Parthé. Evanston, IL, 2012.
- Hessler J. A Postwar Perestroika? Toward a History of Private Enterprise in the USSR // *Slavic Review*. 1998. Vol. 57. No. 3. P. 516–542.
- Hessler J. *A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953*. Princeton, NJ, 2004.
- Heyman J., Smart A. States and Illegal Practices: An Overview // *States and Illegal Practices* / ed. J. Heyman. Oxford, 1999.
- Hirsch F. The Soviets at Nuremberg: International Law, Propaganda, and the Making of the Postwar Order // *American Historical Review*. 2008. Vol. 113. P. 701–730.
- Hoch S. *Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov*. Chicago, 1989.
- Hoffman D. L. *Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity*. Ithaca, 2003.
- Holmes L. *Rotten States? Corruption, Post-Communism, and Neo-Liberalism*. Durham, NC, 2006.
- Holmes L. *The End of Communist Power: Anti-Corruption Campaigns and Legitimation Crisis*. New York, 1993.
- Holquist P. «Information Is the Alpha and Omega of Our Work»: Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Perspective // *Journal of Modern History*. 1997. Vol. 69. No. 3. P. 415–450.
- Hooper C. V. *A Darker «Big Deal»: Concealing Party Crimes in the Post-Second World War Era* // *Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention* / ed. J. Fürst. London; New York, 2006.
- Hooper C. V. *Terror from Within: Participation and Coercion in Soviet Power, 1924–1964*: Unpublished PhD diss. Princeton University, 2003.
- Humphrey C. *The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies after Socialism*. Ithaca, NY, 2002.
- Huskey E. *Russian Lawyers and the Soviet State*. Princeton, NJ, 1986.
- Jancsics D. «A Friend Gave Me a Phone Number» – Brokerage in Low-level Corruption // *International Journal of Law, Crime, and Justice*. 2015. Vol. 43. P. 68–87.
- Jansen M., Petrov N. Mass Terror and the Court: The Military Collegium of the USSR // *Europe-Asia Studies*. 2006. Vol. 58. No. 4. P. 589–602.
- Jansen M., Petrov N. *Stalin's Loyal Executioner: People's Commissar Nikolai Ezhov*. Palo Alto, CA, 2002.

- Jones J. *Everyday Life and the «Reconstruction» of Soviet Russia during and after the Great Patriotic War, 1943–1948*. Bloomington, IN, 2008.
- Jones J. *Every Family Has Its Freak: Perceptions of Collaboration in Occupied Soviet Russia, 1943–1948* // *Slavic Review*. 2005. Vol. 64. No. 4. P. 747–770.
- Jordan W. C. *Anti-corruption Campaigns in Thirteenth-Century Europe* // *Journal of Medieval History*. 2009. Vol. 35. P. 204–219.
- Kaminskaia D. *Final Judgment: My Life as a Soviet Defense Lawyer*. New York, 1983.
- Kaplan C. S. *The Party and Agricultural Crisis Management in the USSR*. Ithaca, NY, 1987.
- Katsenelinboigen A. *Coloured Markets in the Soviet Union* // *Soviet Studies*. 1977. Vol. 29.
- Kazantsev S. *The Judicial Reform of 1864 and the Procuracy in Russia* // *Reforming Justice in Russia, 1864–1996: Power, Culture, and the Limits of Legal Order* / ed. P. Solomon. New York, 1997.
- Kelly C. *Self-Interested Giving: Bribery and Etiquette in Late Imperial Russia* // *Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from The Middle Ages to the 1990s* / ed. S. Lovell et al. New York, 2000.
- Khlevniuk O. *In Stalin's Shadow*. Armonk, NY, 1995.
- Khlevniuk O. *Master of the House: Stalin and His Inner Circle*. New Haven, CT, 2008.
- Kirschenbaum L. *The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995*. New York, 2004.
- Kivelson V. *Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century*. Palo Alto, CA, 1996.
- Klitgaard R. *Gifts and Bribes* // *Strategy and Choice* / ed. R. Zeckhauser. Cambridge, MA, 1991.
- Kollmann N. S. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge, UK, 2012.
- Kornai J. *Economics of Shortage and the Socialist System*. Amsterdam, 1980.
- Kotkin S. *Armageddon Averted*. Oxford, 2001.
- Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, CA, 1995.
- Kotkin S. *The State – Is It Us?: Memoirs, Archives, and Kremlinologists* // *Russian Review*. 2002. Vol. 61. P. 35–51.
- Kozlov V. A. *Denunciation and Its Functions in Soviet Governance: A Study of Denunciations and Their Bureaucratic Handling from Soviet Police Archives, 1944–1953* // *Journal of Modern History*. 1996. Vol. 68. No. 4. P. 867–898.
- Kramer J. M. *Political Corruption in the USSR* // *The Western Political Quarterly*. 1977. Vol. 30. No. 2. P. 213–224.
- Krastev I. *Shifting Obsessions: Three Essays on the Politics of Anticorruption*. Budapest, 2004.
- Krementsov N. L. *The Cure: A Story of Cancer and Politics from the Annals of the Cold War*. Chicago, 2004.
- Kucherov S. *The Organs of Soviet Administration of Justice, Their History and Operation*. Leiden, 1970.
- Kudryashov S., Voisin V. *The Early Stages of «Legal Purges» in Soviet Russia (1941–1945)* // *Cahiers du monde russe*. 2008. Vol. 43. No. 2/3. P. 263–296.

- Lampert N. Law and Order in the USSR: The Case of Economic and Official Crime // *Soviet Studies*. 1984. Vol. 36. No. 3. P. 366–385.
- LaPierre B. *Hooligans in Khrushchev's Russia*. Madison, WI, 2012.
- Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention / ed. J. Fürst. London; New York, 2006.
- Lawal G. Corruption and Development in Africa: Challenges for Political and Economic Change // *Humanity and Social Sciences Journal*. 2007. Vol. 2. No. 1. P. 1–7.
- Ledeneva A. V. *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange*. Cambridge, UK, 1998.
- Lenoe M. *Closer to the Masses: Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers*. Cambridge, MA, 2004.
- Levesque J. Into the Grey Zone: Sham Peasants and the Limits of the Kolkhoz Order in the Post-war Russian Village, 1945–1953 // *Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention* / ed. J. Fürst. London; New York, 2006.
- Lewin M. *Rebuilding the Soviet Nomenklatura, 1945–1948* // *Cahiers du monde russe*. 2003. Vol. 44. No. 2/3. P. 219–251.
- Lewin M. *Russia/USSR/Russia: The Drive and Drift of a Superstate*. New York, 1995.
- Lovell S. *The Shadow of War: Russia and the USSR, 1941 to the Present*. Chichester, 2010.
- Luryi Yu. The Right to Counsel in Ordinary Criminal Cases in the USSR // *Soviet Law after Stalin*. Part I: The Citizen and the State in Contemporary Soviet Law / ed. D. Barry, G. Ginsburgs, P. Maggs. Alphen aan den Rijn, 1977. P. 105–117.
- Lustiger A. *Stalin and the Jews*. New York, 2002.
- Magnusdottir R. *Keeping up Appearances: How the Soviet State Failed to Control Popular Attitudes toward the United States of America, 1945–1959*. PhD diss. University of North Carolina, 2006.
- Manley R. *To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at War*. Ithaca, NY, 2009.
- Manley R. «Where Should We Resettle the Comrades Next?» The Adjudication of Housing Claims and the Construction of the Postwar Order // *Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention* / ed. J. Fürst. London; New York, 2006.
- Markevich A. How Much Control Is Enough? Monitoring and Enforcement under Stalin // *Europe-Asia Studies*. 2011. Vol. 63. No. 8. P. 1449–1468.
- Mars G., Altman Y. *How a Soviet Economy Really Works: Cases and Implications* // *Corruption: Causes, Consequences and Control* / ed. M. Clarke. New York, 1983.
- Mauss M. *The Gift: The Form and Reason for Exchange in Archaic Societies* / transl. W. D. Halls. New York, 1990.
- McDonald T. *Face to the Village: The Riazan Countryside under Soviet Rule, 1921–1930*. Toronto, 2009.
- Merridale C. *Ivan's War: Life and Death in the Red Army, 1939–1945*. New York, 2006.

- Millar J. The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism // *Slavic Review*. 1985. Vol. 44. P. 694–706.
- Montias J. M., Rose-Ackerman S. Corruption in a Soviet-Type Economy: Theoretical Considerations // *Economic Welfare and the Economics of Soviet Socialism* / ed. S. Rosefielde. Cambridge, 1981.
- Moyal D. Did Law Matter? – Law, State and Individual in the USSR, 1953–1982: Unpublished PhD diss. Stanford University, 2011.
- Nasmyth P. *Walking in the Caucasus*. New York, 2006.
- Nekrich A. *Forsake Fear: Memoirs of a Historian*. Boston, 1991.
- Neznansky F. The Prosecution of Economic Crime in the USSR / transl. R. Sharlet. Falls Church, VA, 1985.
- Noonan J. *Bribery*. Berkeley, CA, 1988.
- Nove A. Some Aspects of Soviet Constitutional Theory // *Modern Law Review*. 1949. Vol. 12. No. 1. P. 12–36.
- Osborn R. J. Citizen vs. Administration in the USSR // *Soviet Studies*. 1965. Vol. 17. No. 2. P. 226–237.
- Pardo I. *Between Morality and the Law: Corruption, Anthropology and Comparative Society*. Aldershot, 2004.
- Parrish M. *The Lesser Terror: Soviet State Security, 1939–1953*. Westport, CT, 1996.
- Payne M. *Stalin's Railroad: Turksib and the Building of Socialism*. Pittsburgh, PA, 2001.
- Penter T. Collaboration on Trial: New Source Material on Soviet Post-war Trials against Collaborators // *Slavic Review*. 2005. Vol. 64. No. 4. P. 782–790.
- Pinkus B. *The Soviet Government and the Jews, 1948–1967*. Cambridge, 1984.
- Political Corruption: A Handbook* / ed. A. Heidenheimer, M. Johnston, V. T. Levine. Edison, NJ, 2001.
- Pollock E. *Stalin and the Soviet Science Wars*. Princeton, NJ, 2008.
- Pomeranz W., Grutbrod M. The Push for Precedent in Russia's Judicial System // *Review of Central and East European Law*. 2012. Vol. 37. No. 1. P. 1–30.
- Pomorski S. *Perversions of Soviet Administrative Law* // *Soviet Administrative Law: Theory and Policy* / ed. G. Ginsburgs et al. Dordrecht, 1989.
- Pomorski S., Ginsburgs G. *Enforcement of Law and the Second Economy* // *Occasional Paper no. 118* / Kennan Institute for Advanced Russian Studies. 1980.
- Potter C. J. Payment, Gift or Bribe? Exploring the Boundaries in Pre-Petrine Russia // *Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from The Middle Ages to the 1990s* / ed. S. Lovell et al. New York, 2000.
- Qualls K. *From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II*. Ithaca, 2009.
- Randall A. *The Soviet Dream World of Retail Trade and Consumption in the 1930s*. Basingstoke, 2008.
- Retish A. *Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State, 1914–1922*. Cambridge, 2008.
- Rieber A. J. Stalin, Man of the Borderlands // *American Historical Review*. 2001. Vol. 106. P. 1651–1691.

- Rigi J. *Corruption in Post-Soviet Kazakhstan // Between Morality and the Law: Corruption, Anthropology and Comparative Society* / ed. I. Pardo. Aldershot, 2004.
- Rittersporn G. *Simplifications stalinienne et complications soviétiques: Tensions sociales et conflits politiques en U.R.S.S.* Paris, 1988.
- Roberts G. *Stalin's General: The Life of Georgy Zhukov.* New York, 2012.
- Rose-Ackerman S. *Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform.* Cambridge, 1999.
- Russian and Post-Soviet Organized Crime / ed. M. Galeotti. London, 2002.
- Ruthers M. *The Moscow Gorkii Street in Late Stalinism: Space, History, and Lebenswelten // Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention* / ed. J. Fürst. London; New York, 2006.
- Schwartz C. *Corruption and Political Development in the U.S.S.R. // Comparative Politics.* 1979. Vol. 11. No. 4. P. 425–443.
- Schwartz C. *Economic Crime in the USSR: A Comparison of the Khrushchev and Brezhnev Eras // International and Comparative Law Quarterly.* 1981. Vol. 30. No. 2. P. 281–296.
- Scott E. R. *Familiar Strangers: The Georgian Diaspora in the Soviet Union: PhD diss.* University of California, 2011.
- Scott J. C. *Comparative Political Corruption.* Englewood Cliffs, NJ, 1972.
- Shapoval Iu. *The Mechanisms of the Informational Activity of the GPU-NKVD: The Surveillance File of Mykhailo Hrushevsky // Cahiers du monde russe.* 2001. Vol. 42. No. 2/4. P. 207–230.
- Sharlet R. *The Communist Party and the Administration of Justice in the USSR // Soviet Law after Stalin* / ed. D. Barry et al. Alphen aan den Rijn, 1979. P. 321–392.
- Shearer D. *Elements Near and Alien: Passportization, Policing, and Identity in the Stalinist State, 1932–1952 // Journal of Modern History.* 2004. Vol. 76. No. 4. P. 835–881.
- Shearer D. *Policing Stalin's Socialism: Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953.* New Haven, CT, 2009.
- Shearer D. *Social Disorder, Mass Repression, and the NKVD during the 1930s // Cahiers du monde russe.* 2001. Vol. 42. No. 3. P. 505–534.
- Shearer D. *Wheeling and Dealing in Soviet Industry: Syndicates, Trade, and Political Economy at the End of the 1920s // Cahiers du monde russe.* 1995. Vol. 36. No. 1–2. P. 139–160.
- Simis K. *USSR: The Corrupt Society.* New York, 1982.
- Smith G. B. *Procuratorial Campaigns against Crime in the USSR // Soviet Law since Stalin* / ed. D. Barry et al. Leiden, 1979.
- Solnick S. *Stealing the State: Control and Collapse in Soviet Institutions.* Cambridge, MA, 1998.
- Solomon P. H., Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin.* Cambridge, 1996.
- Solomon P. H., Jr. *The Case of the Vanishing Acquittal: Informal Norms and the Practice of Soviet Criminal Justice // Soviet Studies.* 1987. Vol. 39. No. 4. P. 531–555.

- Solomon P. H., Jr. The USSR Supreme Court: History, Role, and Future Prospects // *American Journal of Contemporary Law*. 1990. Vol. 38. No. 1. P. 127–142.
- Soloviev V. *Empire of Corruption: The Territory of the Russian National Pastime*. London, 2014.
- Staats S. J. Corruption in the Soviet System // *Problems of Communism*. 1972. Vol. 21. P. 40–47.
- Stalin's Secret Pogrom: The Postwar Inquisition of the Jewish Anti-Fascist Committee / ed. J. Rubenstein, V. Naumov. New Haven, CT, 2001.
- Swain G. *Between Stalin and Hitler: Class War and Race War on the Dvina*. London, 2004.
- The Impact of World War II on the Soviet Union / ed. S. Linz. Totowa, NJ, 1985.
- Timasheff N. S. The Impact of the Penal Law of Imperial Russia on Soviet Penal Law // *American Slavic and East European Review*. 1953. Vol. 12. No. 4. P. 441–462.
- Tremblay V. G., Alexeev M. The Growth of the Second Economy in the Soviet Union and Its Impact on the System // *The Postcommunist Economic Transformation: Essays in Honour of Gregory Grossman* / ed. R. W. Campbell. Boulder, CO, 1994.
- Tromly B. The Leningrad Affair and Soviet Patronage Politics // *Europe-Asia Studies*. 2004. Vol. 56. No. 5. P. 707–729.
- Tumarkin N. *Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia*. Cambridge, 1983.
- Varga-Harris C. Forging Citizenship on the Home Front: Revising the Socialist Contract and Constructing Socialist Identity during the Thaw // *The Dilemmas of De-Stalinization*. London, 2006.
- Verdery K. *What Was Socialism, and What Comes Next?* Princeton, NJ, 1996.
- Ward C. What Is History? The Case of Late Stalinism // *Rethinking History*. 2004. No. 8. P. 439–458.
- Weiner A. Making of a Dominant Myth: The Second World War and the Construction of Political Identities within the Communist Party // *Russian Review*. 1996. Vol. 55. No. 4. P. 638–660.
- Weiner A. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, NJ, 2002.
- Weiner A., Rahi-Tamm A. Getting to Know You: The Soviet Surveillance System, 1939–57 // *Kritika*. 2012. Vol. 13. No. 1. P. 5–45.
- Weissman N. Regular Police in Tsarist Russia, 1900–1914 // *Russian Review*. 1985. Vol. 44. P. 52–59.
- Werth A. *Russia at War, 1941–1945*. New York, 1964.
- Werth N. *La terreur et le désarroi: Staline et son système*. Paris, 2007.
- Wortman R. *The Development of a Russian Legal Consciousness*. Chicago, 1976.
- Zubkova E. *Russia after the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957*. Armonk, NY, 1998.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абакумов В. С. 205, 229
Акулов Н. К. 45–46
Александров Г. Н. 161–162
Алексопулос Г. 112–113
Альтман Й. 127
Амирханов Б. Б. 231
Андреев Е. Е. 147
Анисимова Н. Я. 110
Арапова, взяткодательница 190
Афанасьев Н. П. 193
- Бабенко В. С.** 83–84
Баканов А. Г. 188–190, 192–197,
200–201, 203, 211–212, 215–216,
249
Барамия М. И. 208
Барбер Дж. 142
Бархатов Г. А. 73
Белоусов А. З. 51
Берия Л. П. 36, 45–46, 72, 158, 208
Берлинер Дж. 19, 181
Берман Г. 19
Битюков С. П. 236
Бородавкин, инспектор Военной
коллегии 194
Бочаров В. Д. 232
Брежнев Л. И. 8
Буканов В. В. 203–204, 206–207, 233
Букия И. В. 117, 129
Булаев К. В. 233, 248
Буллат И. Л. 224
- Васильев Н. В.** 221, 232–233
Васнев А. В. 191, 215, 217–220, 232,
250
Величко Е. М. 230
- Вердери К. 61, 142
Волин А. А. 228, 230, 236, 242, 245
Волченков, инспектор ГАИ 67
Вольский А. В. 94, 110–111
Вуазен В. 198
Вышинский А. Я. 185
- Гаркави М. Н. 47
Геллатли Р. 165
Геловани М. Г. 124–125
Геринг Г. 47
Герцен А. И. 28
Гитлер А. 199
Гоголь Н. В. 28
Голева И. Я. 230
Голиков, глава потребсоюза 77
Голишков Д. Л. 128, 204, 229–230,
248
Голяков И. Т. 45, 71–72, 122, 154–
155, 163, 195, 199, 204, 211, 217,
225, 228, 230–234, 241, 243–246,
249–250
Горлицкий Й. 19, 85, 208
Горшенин К. П. 34, 151, 157, 169, 220
Гроссман Г. 20, 127
Гусев А. Г. 122, 243
Гуторкина В. В. 215
- Даль В. И. 126
Данилюк В. П. 50
Данхем В. 12
Двинский Б. А. 36
Дворянчиков, директор хлебозавода
57
Добровольский А. А. 201, 206
Дугин, инспектор ГАИ 67

Дэвис Н. З. 86, 115

Дэвис Р. У. 182

Ежов Н. И. 185

Еремадзе А. С. 117–118, 120, 129

Жданов А. А. 71, 136, 148–149, 152,
154

Железников С. 48

Жоржолиани А. М. 124

Зубкова Е. Ю. 92

Иванов, генерал-майор 47

Иванова М. Г. 222

Ивановская Н. Г. 242

Иконников, сотрудник ОБХСС 66

Ишутин А. К. 232

Капнист В. В. 28

Каравайков Ф. Ф. 194–197, 201

Кассель А. Д. 204

Кевеш, секретарь Военной коллегии
194, 196–197

Келли К. 13, 27, 92

Кикнадзе М. Г. 125

Киров С. М. 204

Киселева Н. П. 222

Князева, юрист 77

Козлов В. А. 166, 182

Козолупова М. С. 46

Коллман Н. Ш. 26

Коммодов, адвокат 79

Копелев Л. З. 201

Коралли В. Ф. 46

Коткин С. 55

Кравченко В. А. 217

Крикун Б. Л. 66

Круглов С. Н. 45

Крупская Н. К. 216

Кудрявцев Л. Н. 200, 202

Кудрявцев П. А. 69–70

Кудряшов С. В. 198

Кузнецов А. А. 188–189, 193, 196,
203–204, 214–215, 220, 227, 229,
248

Кумехов Б. Д. 98, 221, 244

Куоллз К. 44

Куринов Б. А. 169

Лайонс Ю. 185

Лебедев И. М. 97, 203–204

Лебин Д. Е. 164

Леденева А. В. 13–14, 91

Ленин В. И. 81, 137, 140, 216

Литкенс Г. А. 205

Лобанов М. С. 83

Лопухов Р. А. 221

Луговской, адвокат 77

Ляцкий Б. Л. 78

Макаров, судебный работник 119

Макарычев, обвиняемый 196

Максимов, начальник Московской
ГАИ 67–68

Маленков Г. М. 34, 46, 78, 204, 227,
230, 234

Марс Дж. 127

Маслов В. С. 206

Мачарадзе К. Э. 124

Машков В. С. 201

Мелик-Нубаров, адвокат 119

Мерзляков, взяточдатель 45

Месарков, адвокат 119

Мехлис Л. З. 80–81

Минин П. И. 133–136, 142, 144,
148–149, 153–155, 162–163

Мишин, работник жилуправления
48

Молотов В. М. 145, 159, 206, 243–
244

Монтиас Дж. М. 181

Морозов Т. Р. 103, 105

Мосс М. 120

Мурзаханов Д. Х. 98, 221

Мушаилов, адвокат 119

Мэнли Р. 48

Наумов, фронтовик 94–95

Некрич А. М. 141

Нестеров А. М. 221, 232–233

Никитин В. Д. 160

Никитченко И. Т. 201–202, 204,
230–232, 249–250

Николай, митрополит 47

Обухов В. В. 215

Орлов А. М. 206

Патоличев Н. С. 149

Пашутина С. А. 221, 232

Понжина, обвиняемая 82

Попов К. Т. 221, 241

Праушкина А. А. 62, 215

Рагимов А. 82

Радчик Б. С. 79–80

Разно И. С. 82

Рогозин, следователь 104

Розенгольц А. П. 205

Романовы, династия 99

Ростова С. А. 222

Роуз-Аккерман С. 38, 181

Руруа А. А. 223

Рычков Н. М. 36, 94, 145, 149–152,
154, 217, 246

Рюмин М. Д. 206

Салтыков-Щедрин М. Е. 28

Сараев Т. З. 72–74

Сафонов Г. Н. 46–47, 55, 71, 79, 143,
145, 147, 157–158, 202, 212, 214–
215, 218, 224–231, 234, 247–248

Сафронова В. Н. 226, 234, 244

Семашко, взяткодатель 128

Сендеров, адвокат 79

Симонов К. М. 46–47

Скотт Дж. 10

Скотт Э. Р. 118

Славкин, адвокат 234

Слепнев М. Т. 47

Смарт А. 132

Смирнова, сотрудница Верховного
суда РСФСР 222

Собчак М. 65

Соловьев, фронтовик 71

Соловьев М. С. 105

Солодилов А. П. 211–212, 224–227,
232, 242, 248–249

Соломон П. 19, 85, 239

Спримон О. В. 69

Сталин И. В. 7–9, 19, 22, 31, 34, 36,
39, 45–47, 52, 54, 64, 72–74, 87,

91, 120, 122, 124–125, 133, 136,
145–146, 148, 155, 157–158, 163–
165, 168–169, 185–187, 192–194,
196, 199, 202, 204, 207–209, 212–
216, 225–231, 235–236, 245–250,
252, 257–258

Старикова А. Н. 69

Сунни Р. Г. 127

Сусло Д. С. 232

Суязов, работник жилуправления
48

Сюльдин В. В. 201

Толчеев, прокурор 143

Троцкий Л. Д. 205

Тухачевский М. Н. 185

Ульрих В. В. 185–186, 195–196, 199,
204–207, 228, 230–232, 249–250

Уманская Ф. П. 233, 242

Уортман Р. 27

Фильтцер Д. 50

Фицпатрик Ш. 112–113, 166

Флиер Я. В. 47

Фундуклей И. И. 26

Хазард Дж. 19

Хайденхаймер А. 15

Хамфри К. 93

Харрисон М. 142

Хейман Дж. 132

Хендли К. 256

Хертц Р. 120

Хлевнюк О. В. 208

Хок С. 25

Хоффман Д. 226

Хрущев Н. С. 46

Цагарейшвили, взяткодатель 102,
124

Цаткин, следователь 234

Цыпенюк, обвиняемая 79

Чапаев В. И. 47

Чапаева В. В. 47–48

Чачиашвили, обвиняемый 75

Чепцов А. А. 228	Шепелев А. В. 205
Чехов А. П. 28	Шестопалов А. М. 105
Чичуа Л. К. 21, 114, 116–118, 120–130, 244	Шульгина, маклер 47–48
Чкуасели Н. С. 124	Шульженко К. И. 46
Чукавин, осужденный 69	Юргенев Г. И. 206
Чурсина В. А. 62, 206, 216–219, 224	Юркова С. М. 47
Чухрай Г. Н. 49	Ягода Г. Г. 185
Шверник Н. М. 145	Якушечкин А. В. 233
Шевченко П. М. 71, 75, 97, 128, 203–204, 221, 223, 230, 233, 243, 249	

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	5
Введение	7
Часть I	23
1. Картина взяточничества и коррупции под сенью сталинизма	24
2. «Рви цветы, пока они цветут»: Очерк взяточничества в органах охраны правопорядка и уголовной юстиции.	62
Часть II	89
3. «Слово “взятка” между нами никогда не произносилось»: Повседневная практика и искусство взятки.	90
4. «Привет вам от солнечной Грузии!»: Культурные брокеры и путь взятки	114
Часть III	131
5. «Серьезное зло и опасность»: Послевоенные «кампании» против взяточничества.	132
6. Осведомители и государство	164
7. Военная юстиция в перекрестье контрреволюции и коррупции	185
8. Смерть судьи: Скандал и «Дело верховных судов»	211
Заключение: Взятка и ее значение	253
Примечания	259
Библиография	350
Указатель имен	364

Научное издание

История сталинизма

Хайнцен Джеймс

Искусство взятки Коррупция при Сталине, 1943–1953

Перевод с английского языка

Лады Юрьевны Пантиной

Ведущий редактор *Е. Д. Щепалова*

Редактор *Л. Ю. Пантина*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Верстка *М. М. Ветрова*

Корректор *Л. Ю. Пантина*

Подписано в печать 12.01.2021

Формат 60 × 90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23

Тираж 1000 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»

127254, Москва, Огородный проезд, д. 14

Почтовый адрес: 127018, Москва, а/я 79.

Тел.: 8 (499) 685-15-75, 8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)

ИСКУССТВО ВЗЯТКИ

Джеймс Хайнцен – американский историк, специалист по советской истории сталинской эпохи и теневой экономике периода. Свою книгу он посвятил теме коррупции, в частности взяточничества, в СССР в период позднего сталинизма. Автор на довольно обширном архивном материале исследует расцвет коррупции и попытки государства бороться с ней в условиях послевоенного восстановления страны, реконструирует обычаи и ритуалы, связанные с предложением и получением взяток, уделяет особое внимание взяточничеству в органах суда и прокуратуры, подробно описывает некоторые крупные дела, например дело о коррупции в высших судебных инстанциях ряда республик и областей СССР в 1947–1952 гг.

